РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

РОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС
САУЖБА

Владимир Рокот

КНЯЗЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ
Л.П. МАКСУТОВ

КНЯЗЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ
Л.П. МАКСУТОВ

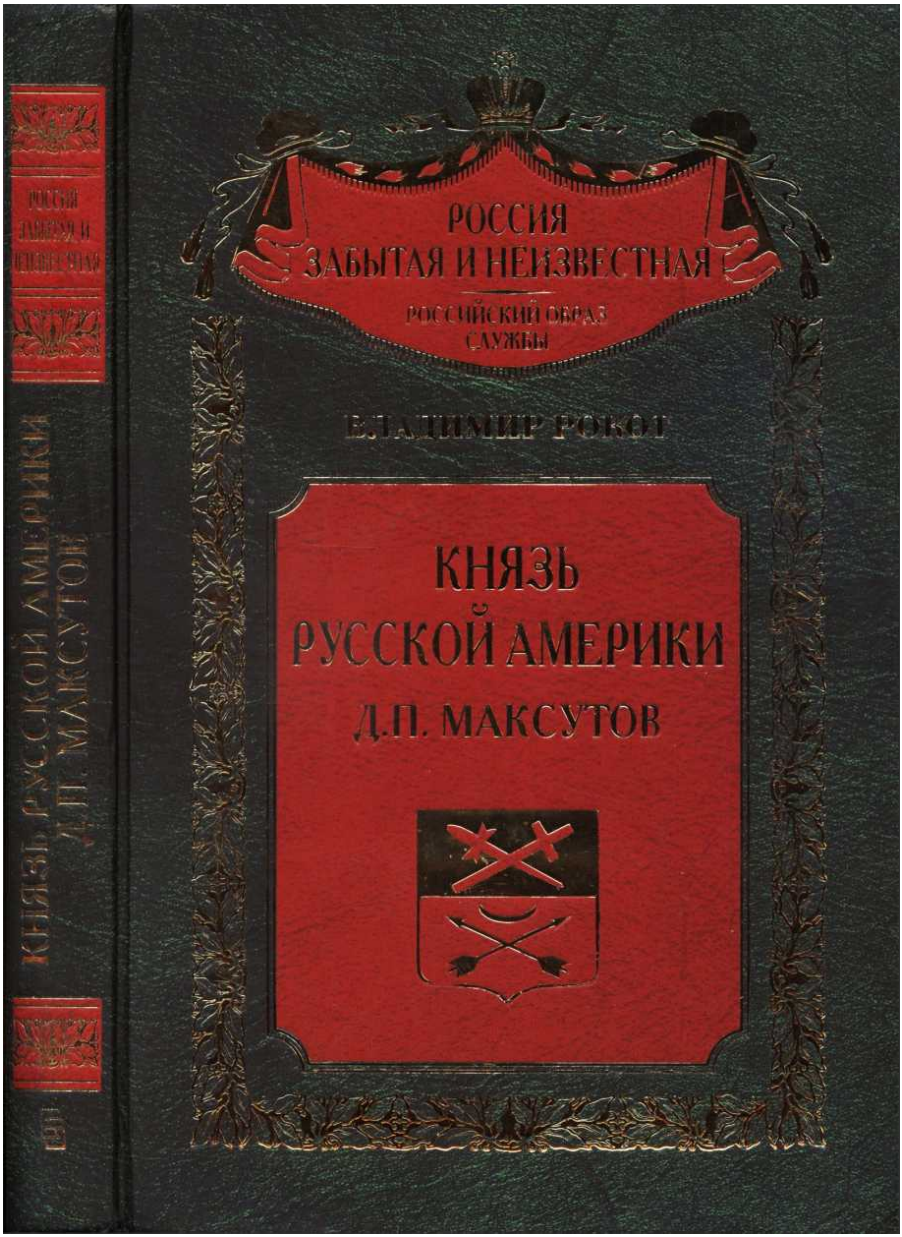
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга открывает перед читателями американскую страницу российской истории — военно-политическое сотрудничество России и США в XIX веке и освоение Русской Америки. Автор исследует становление и развитие Российско-Американской компании, а также заключение договора об уступке российских колоний Соединенным Штатам. Особое место в книге занимает судьба и личность последнего Главного правителя Русской Америки — контр-адмирала князя Д. П. Максутова. Книга является 74-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

•

КНЯЗЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ
АМЕРИКИ
2...
3...
_gfc
notes
1



ВЛАДИМИР РОКОТ
КНЯЗЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Д.П. МАКСУТОВ

Москва
ЦбНТРПОЛИГРАФ
ББК 63.3(2)-8 Р 66

Scan By Vitaulus & Kali

Серия «Россия забытая и неизвестная» основана в 2000 году, первая книга вышла в начале 2001 года

Под общей редакцией авторов проекта Валентины Алексеевны БЛАГОВО и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА, членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Рокот В.

Р66 Князь Русской Америки. Д.П. Максутов. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 351 с. — (Россия забытая и неизвестная).

ISBN 978-5-9524-3181-2

Книга открывает перед читателями американскую страницу российской истории — военно-политическое сотрудничество России и США в XIX веке и освоение Русской Америки. Автор исследует становление и развитие Российско-Американской компании, а также заключение договора об уступке российских колоний Соединенным Штатам. Особое место в книге занимает судьба и личность последнего Главного правителя Русской Америки — контрадмирала князя Д.П. Максутова

Книга является 74-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© Владимир Рокот (В.В. Ружейников),

© Художественное оформление серии,

ISBN 978-5-9524-3181-2

2007

ЗАО «Центрполиграф», 2007 © ЗАО «Центрполиграф», 2007

князь русской
АМЕРИКИ

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ МАКСУТОВ

Княжне Татьяне Дмитриевне Максутовой

ОТ АВТОРА

Русская Америка — где это? Русская Америка — это когда? Два слова с большой буквы — это всего лишь пятая часть нынешних Соединенных Штатов Америки. Но в прошлом. Именно так воспринимает житель Соединенных Штатов название территории, ставшей частью его страны, наряду с бывшими английскими, испанскими, французскими колониями и независимыми индейскими территориями.

Если написать «русская Америка», то будет понятно, что речь идет, скорее всего, о русскоговорящих иммигрантах в Соединенных Штатах. Русская диаспора в Америке сосредоточена главным образом в США. Но есть этнические русские и в Латинской Америке, и в Канаде. Большинство из них гармонично включено в экономическую и общественно-политическую жизнь своих стран. В послереформенной России наших дней этих русских стараются называть «наши соотечественники за рубежом». Так по смыслу получается мягче. Автору самому не очень нравятся слова «эмигранты» и «иммигранты». За ними видятся толпы бедных людей с одним-двумя чемоданами, стоящих в очереди в какую-либо контору. Совокупный багаж русских иммигрантов был гораздо больше количества чемоданов, помноженного на количество человек. Русские принесли в Америку свои таланты, трудолюбие и духовность. То, без чего американское общество просто не состоялось бы.

Еще они вложили в корпорацию «Соединенные Штаты» изрядную территорию, политую потом и кровью. И если русские оставили «свою» Америку, то в общей Америке они остались. Надолго. Сегодня в США и Канаде проживает более 3 миллионов человек, еще не забывших русский язык, на котором они говорили в семьях. Исторический капитал растет с годами и дает русской диаспо-

ре хорошие дивиденды. Поэтому для американского населения Русская Америка загадкой не является.

Загадкой и темой для различных спекуляций Русская Америка продолжает оставаться для наших соотечественников не за рубежом, а в самом Отечестве.

Русская Америка — сложный устоявшийся топоним для обозначения в историческом контексте территории современного штата Аляска и небольшого анклава в Калифорнии — Форт Росс.

Все это были русские колонии в Северо-Западной Америке. В 1867 г. Россия добровольно уступила свою Америку Соединенным Штатам. Продала? Передала? Предала? Не будем упрощать историю. В данном случае историю освоения русскими берегов Тихого океана. Из дня сегодняшнего это видится героической эпопеей. Следует заметить, что многонациональная Российская империя отправляла в Америку своих родных и приемных сыновей, говоривших с детства на немецком, финском, польском и многих других языках. Столь же уместно добавить, что Родина, дабы поддержать первопроходцев, осторожно и в предельно малых количествах отпускала на свои окраины дочерей.

Участники движения «встречь солнцу» редко считали себя героями. Иногда у них просто не было другого пути, порой им приходилось выбирать меньшее из двух зол. И люди попадались разные. Иные мыслили и действовали масштабно, заботясь о благе Отечества. Иные не видели ничего далее своего кармана или очередной ступеньки в карьере.

Само слово *Аляска* досталось американцам от русских. Русские же услышали это название от алеутов — Алякса или Аляска, что значило Большая земля. Первоначально так назывался только один полуостров. Потом название распространилось на всю северо-западную часть Америки и закрепилось в названии последнего североамериканского штата.

Корабли экспедиции В. Беринга «Святой Петр» и «Святой Павел» достигли Америки в середине июля 1741 г. Это была уже Вторая Камчатская экспедиция. Во время Первой Камчатской экспедиции по указу Петра Великого В. Беринг пытался достичь Северо-Западной Америки. Царь требовал: «Дойти до каких-либо европейских владений в Америке или хотя бы до корабля европского, и узнать от него, как оный куст (берег) называют». Беринг выбрал бот «Святой Гавриил», памятуя, что на корабле имени того же архангела Васко да Гама открыл морской путь в Индию. Курс кораблика был проложен так, что американской земли увидеть не удалось. Но сам экспедиционный корабль почти было достиг Большой земли в 1732 г. под руководством Ивана Федорова и Михаила Гвоздева. Но и эта экспедиция не смогла высадиться на берег из-за погодных .условий. Мореходам оставалось только наблюдать неведомые берега.

Имеет право на существование версия о доберинговом проникновении русских на Аляску. Это могло быть и на столетие или два раньше. В исторических преданиях и на старинных картах-чертежах Аляски существует мифическая река Хеуверен и поселение на ней, якобы основанное русскими.

Интерес к новым землям у русских был вполне

прагматичным. Российский ум затеял пушной промысел. Если С. Цвейг начинает свою книгу о Магеллане словами «в начале были пряности», то в отношении российских первопроходцев уместно сказать «в начале были меха». Для организации промысла и продажи мехов была создана акционерная Российско-Американская компания (РАК). Этой же компании вменялось в обязанность открывать новые земли и налаживать отношения с местным населением. Раскинув свои фактории от Якутска до нынешней Канады, РАК со всеми этими задачами справлялась как могла. Доходы от пушной торговли позволяли проводить экспедиции по отысканию новых земель и умиротворять «диких». Над многими островами Тихого океана и над изрядной частью североамериканского материка взвился флаг компании, похожий на российский в той же степени, в какой сама компания отражала устройство страны. РАК явилась истинным воплощением частно-государственного партнерства в российской модели капитализма. И если далекие земли торговой компании Россия уступила американцам, то ее уникальный опыт бережно сохранила и использует до сегодняшнего дня. Почти каждая современная российская частно-государственная компания генетически близка к РАК. Компании-праправнучки, смешивающие сегодня частный и государственный интерес в разных пропорциях, просто обязаны иметь комнату славы Русской Америки. Славы и предрассудков.

В середине XIX в. реформирующаяся Россия осознала, какие территории в Америке могут оказаться в составе империи. Только могут. Ведь РАК выборочно осваивала всего лишь узкую полоску тихоокеанского побережья. Экономическая деятельность компании оставалась однобокой, и народ вовсе не стремился за океан. Великие российские реформы — крестьянская, военная, судебная и прочие — едва не пополнились еще одной — географической. К 1866 г. российский Генеральный штаб подготовил карту, на которой Российская империя была представлена тремя частями: Россия европейская, Россия азиатская и Россия американская. С этой картой, подлинник которой хранится в Российской государственной библиотеке, автора познакомил профессор МГУ В. Кусов.

Американская Россия — именно так могла называться материковая и островная часть северо-запада американского континента, известная сейчас как штат Аляска. Но развитие империи было оптимизировано так, что Американской России места в ней не нашлось. Российская государственная администрация в Америке не была сформирована, и протосубъект нынешней Российской Федерации не состоялся. Американская страница русской истории была перевернута и забыта вместе со

своими героями.

Одним из таких героев был Дмитрий Петрович Максутов (1832— 1889), последний Главный правитель Русской Америки, князь и контр-адмирал. Этот морской офицер участвовал в экспедиции Е.В. Путятина в Японию, отражал нападение англо-французской эскадры у берегов Камчатки во время Восточной войны, служил в Русской Америке, передавал уступленные русские колонии новым хозяевам и строил планы сохранения российского присутствия на азиатском и американском берегах.

Неблагодарное это занятие — вводить новых героев в плотные ряды канонических деятелей и бескорыстно редактировать прошлое. В исторической памяти первопроходцы еще как-то сохраняются. Идущим за ними по следу везет меньше. Наш герой не раз оставался последним. Последним по списку, но не по значению. Как писал известный специалист в области изучения роли личности в истории Г.В. Плеханов: «Он герой, не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным выражением этого необходимого и бессознательного хода».

К сожалению, не только Д. Максутову, но и многим героям-пер-вопроходцам Русской Америки в нашем Отечестве памятников нет. Памятник первому Главному правителю и создателю русских колоний в Америке А. Баранову поставили сначала в Ситке и только потом уже на его родине в Каргополе. Но прежде американцы поставили в Ситке бронзовую фигуру Золотоискателя, или Разведчика. «The Prospector» не предстает публике согбенным, промывающим золото в лотке. Он гордо идет по аляскинским горам, имея с собой все необходимое. Винчестер этот первопроходец и брат «Конкистадора» несет наготове в руке, потому как ремень у оружия даже не предусмотрен. Ленивые золотоискатели, носившие винтовки на ремне за спиной, не оставили после себя никаких следов.

Зачастую бывает, что есть памятник — есть событие. Без каменных и бронзовых символов историческая память народа слабеет. Российская Федерация и в XXI в. вовсе не экономит на памятниках. При внимательном отношении по меньшей мере два монумента нашего времени отмечают эпоху Русской Америки 1741—1867 гг.

Время открытия русскими пути в Америку совпало с пребыванием на российском троне трех правительниц. В 1741 г. Императрица Анна Иоанновна отправляла экспедицию. Елизавета Петровна первой из самодержиц познакомилась с результатами замечательного открытия. Недолгое время правившая между

упомянутыми Императрицами Анна Леопольдовна так и не успела разобраться, какими народами и землями она правит.

Елизавете Петровне в веке нынешнем воздвигнут памятник в условно самой западной точке России. При входе в канал возле города Балтийска Калининградской области над постаментом-бастионом на вздыбленном коне сидит медная всадница. При этой «веселой царице» Российская империя раскинулась от Восточной Пруссии до Аляски. Памятник стоит в очень удачном месте, только народная тропа к нему еще не протоптана.

Более посещаем памятник Императору Александру II у храма Христа Спасителя в Москве. Самодержец предстает в регалиях и... в заботах. И нет среди них забот об американских подданных, потому что и не было их вовсе. Как и не было собранных американских земель.

Будучи членом московского историко-просветительского общества «Русская Америка», автор всегда стремился соблюдать основной принцип его деятельности — перебрасывать мостки от фактографии к историческому сознанию. Именно интерпретация событий, закрепленная в историческом сознании, оказывается весьма востребованной в политических спорах. Субъективный контекст событий формирует решительность нации отстаивать или требовать спорные территории. «Любовь к родному пепелищу», т. е. субъективный контекст истории, позволяет нации поддерживать свою идентичность из поколения в поколение. Надеюсь, что субъективность изложения автором событий будет прощена во имя упомянутой любви!

АМЕРИКАНСКАЯ РОССИЯ

ПОДСТРОЧНИК для поэмы

Настоящее биографическое повествование уместно назвать подстрочником для поэмы. Автор очень надеется, что его труд будет востребован хорошими беллетристами для написания исторического романа о русской жизни в Америке. Придет талантливый литератор с хорошим историческим образованием, наделенный даром воображения, обладающий стилем. Он и оживит Дмитрия Максутова и его современников. Хорошо бы это был какой-нибудь Иванов или Петров, Коршунов или Уткин, живущий где-нибудь в Перми или Петропавловске. Он подкрасит портрет князя, наделит характерами его друзей и врагов, жен и детей, закружит их в новом хороводе событий. Придаст сюжет и интригу этой «хронике», не более скучной и бессюжетной, чем

сама жизнь.

Сегодня есть множество «книг для чтения» по истории: фундаментальных и скандальных, добросовестно скучных и авантюрно увлекательных. Современная техника позволяет быстро находить нужные материалы, легко читать и даже слушать их. Но это всего лишь разрозненные знания. Исторические представления народа в большей мере формирует другая литература — художественная: проза, поэзия, пьесы. На сотню найдется один, который читал труды по истории Франции XVII в. Но также найдется на сотню только один, не читавший Дюма-отца. франция для многих остается страной «Трех мушкетеров». Найдется один на тысячу, который слушает в автомобиле исторические лекции В. Ключевского. Фильм «Иван Грозный» смотрели многие, а комедию «Иван Васильевич меняет профессию» знает почти все население нынешней России.

Добросовестное описание случайностей частной жизни одного человека предусматривает и описание самой эпохи. Поэтому автор в своем исследовании опирался на труды классиков, отдавших Русской Америке свои талант и страсть.

Первые русские публикации о Новом Свете носили приключенческий и одновременно научно-публицистический характер. Например, «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствие с 1783 по 1787 г. из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Наверное, даже это столь длинное название книги нельзя считать полным. В начале XIX в. отечественная публика охотно принимала произведения эпистолярного жанра. Появлялись различные письма русских путешественников. Русские писали о путешествиях по Европе и по Сибири, о пересечении хребтов и океанов. Не рекомендовалось только писать о путешествиях из Петербурга в Москву. Остальные маршруты цензура, как правило, пропускала. Свои заметки о путешествиях, порой многократных, моряки и негоцианты стремились издавать. Казалось, еще немного — и появится русский роман, герои которого будут жить и в Новом Свете. Роман, имея готовых героев, ждал гения. Он и сегодня, порядком подрастеряв героев, ждет Автора.

Александр Сергеевич Пушкин стал собирать описания земель камчатской и американской непростительно поздно. Он ни разу не посылал своих героев дальше острова Буяна. Но принес в жертву морской стихии своего лицейского друга Ф. Матюшкина, ставшего соплавателем Ф. Врангеля. Близкий А. Пушкину литератор и библиофил, мастер эпиграммы С. Соболевский одно из своих произведений в 1857 г. начал так: «Честные господа — не в Россе ль?» К тому времени крепость Росс в Калифорнии была

не только самым далеким от столицы российским поселением, но и далекой историей. Выбранное емкое сравнение, разумеется, находилось в плену рифмы, но довольно точно указывало на тщетность попыток найти честных людей в России.

Традиции «американского» русского романа мог бы создать Н. Некрасов. Но не создал. Действие его книги «Три страны света» захватывает и Русскую Америку. Совсем чуть-чуть. Одна из глав так и называется «Похождения Никиты Хребтова с пятью товарищами в Камчатке и в Русской Америке». Публика не разобралась, с кем писал роман Николай Алексеевич, с музой-соавтором или соавтором-му-зой. Трудно сказать, какие главы принадлежат перу маститого литератора, а что Авдотье Панаевой (псевдоним Н. Станицкий). Роман, появившийся в 1848 г., не оставил заметного следа в русской литературе. Никто не стремился присвоить себе его авторство, как делал герой Н. Гоголя Хлестаков с историческими сочинениями господина Загоскина: «Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой». Автор позволил себе процитировать реплику из известной комедии только потому, что сам князь Дмитрий Петрович Максутов, герой настоящего повествования, относился к ней очень уважительно.

«Русская американская» беллетристика так и не сформировалась, когда Россия еще присутствовала в Америке. Не стала она достоянием массовой читательской аудитории и сегодня. Хотя российским читателям знакомы имена романистов, таких как И. Кратт, С. Марков, А. Кудря, писавших об освоении Аляски. К сожалению, в русской литературе нет масштабных «американских» произведений, которыми бы зачитывались поколения романтиков. Нет авторов — кумиров молодежи. В англоязычной литературе такие авторы есть: Майн Рид, Фенимор Купер, Джек Лондон. Великолепные персонажи индейцев создал немецкий романист XIX в. Карл Май. Эти «вожди апачей», вдохновлявшие колонизаторов Второго и Третьего рейхов, дожили до кинематографического воплощения в восточногерманских вестернах.

В нашей стране «Русская Америка» все чаще появляется на страницах книг и на театральных подмостках. Государственной премии СССР за 1978 г. был удостоен поэтический сборник А. Вознесенского «Витражных дел мастер», где одна глава (скол) посвящена Русской Америке. С 80-х гг. прошлого века не сходит со сцены рок-опера А. Рыбникова «Юнона и Авось». Силой таланта художественных интерпретаторов прошлого исторические герои становятся близки современникам, хотя поступаются своей историчностью.

Академический интерес к активности России в Тихом океане не ослабевал никогда, но существовал в плоскости, не пересекавшейся с художественной литературой. Потому и бытовало мнение, что Русская Америка подзабыта. Могли бы как-то оживить народную память юбилеи, как, например, своевременно припомненное 800-летие Москвы. Но 200-летие открытия русскими Северо-Западной Америки пришлось на лето 1941 г. Объяснять не надо, что тогда было не до юбилеев. А ведь готовились, судя по работам советского историка

Семеня Бенциановича Окуня конца 30-х гг. прошлого века Да и одно из последних довоенных заседаний Российского географического общества, состоявшееся 17 июня 1941 г., было посвящено Русской Америке. Печальная дата — столетие передачи Аляски в октябре 1967 г.— была вытеснена радостным пятидесятилетием Великой Октябрьской революции. 200-летний юбилей Российско-Американской компании пришелся на 1999 г., когда великая страна еще не оправилась после распада. На этом фоне территориальные потери России в Америке могли показаться смешными.

Так и не соединилась академическая «русско-американская» литература с художественной. Зато между ними нашла свою нишу легковесная однодневная публицистика, паразитирующая на глубоких исторических исследованиях, завлекающая лихостью стиля и легкостью мысли.

Российских специалистов по Русской Америке можно очень условно разделить на три поколения: «ушедшие», такие как С. Окунь, А. Окладников, А. Алексеев; нынешние «непререкаемые авторитеты» (без тени иронии), такие как Н. Болховитинов, Б. Полевой, С. Федорова; и относительно «молодые», такие как А. Гринев, А. Истомин, А. Петров. Фундаментальные работы этих ученых имеют высокий индекс цитирования и издаются устоявшимися научными сообществами в нашей стране и за рубежом. Автор искренне благодарен этим людям за то, что они не уклонялись от общения с ним.

Наиболее глубокие системные исследования феномена Русской Америки проводятся в Институте всеобщей истории РАН и Центре североамериканских исследований. Библиография по Русской Америке за последнюю четверть прошлого века и пять лет нынешнего насчитывает десятки томов. Но мало кому удается избежать ссылок на труды ученых, объединенных страстью и настойчивостью академика РАН Н. Болховитинова.

Многие писали и пишут о русском периоде Аляски, не связывая себя с планами научных учреждений, на свой страх и риск как свободные художники (free-lancers). Такие

профессионалы, как С. Марков, В. Песков, Л. Свердлов, известны как весьма уважаемые публицисты. Иных, менее уважаемых, автор не упомянул и смог удержаться от рекомендаций вроде «этого вообще не читайте». К сожалению, именно в публицистике очень часто появляются кальки переводов с английского. Так, Главный правитель становится губернатором, а его жена-княгиня превращается в принцессу. Часто историческая публицистика грешит советами, предостережениями и угрозами деятелям прошедших эпох.

Серьезные американисты вряд ли найдут в настоящей книге что-то принципиально новое для себя и вряд ли будут преследовать автора за некорректное цитирование. С большинством из них автор находится в отношениях приязни.

Разумеется, весомый вклад в разработку русско-американской темы внесли североамериканские историки и интерпретаторы. Это ведь история их страны. Из большого числа известных специалистов по Русской Америке автор ограничится упоминанием только двоих, которых знал лично и которым обязан отдать дань памяти. Самым большим авторитетом по биографиям русских, осваивавших Аляску, мировое научное сообщество признает Ричарда Пирса. Стараниями этого профессора Аляскинского университета (город Фэрбенкс) был составлен Биографический словарь Русской Америки, переведены и изданы многие работы российских специалистов. Впервые автор узнал о Дмитрии Максутове в конце 80-х гг. прошлого века на страницах книги Р. Пирса «Строители Аляски: Русские правители. 1818—1867». Самому Р. Пирсу автор был представлен С. Федоровой.

С американцем русского происхождения Виктором Порфирьеви-чем Петровым, работавшим в свое время на Госдепартамент, автор познакомился во время экспедиции в города Тотьму и Великий Устюг Вологодской области — «метрополию» Русской Америки. Этот русский американец всем своим творчеством стремился доказать, что наши соотечественники — такие же полноправные созидатели Соединенных Штатов, как и белые англосаксонские протестанты. Правда, самого В. Петрова, въехавшего в США из китайско-русского города Харбин, американский иммиграционный чиновник записал: *белый китаец.*

Русско-американский профессор В. Петров дал сдержанно высокую оценку автору. Правда, не за первые публикации о Д. Максутове, а за игру на фортепиано в салоне экспедиционного судна. Мол, что это за Ван Клиберн объявился во втором часу ночи.

Когда Плутарх принимался за свои сравнительные биографии, он хотел показать, что почти добровольно вошедшая в состав Римской империи Греция внесла вклад в общее дело своими героями и богами, не уступающими римским. Уникальная история Аляски дает возможность Плутархам нашего времени показать общих для России и Соединенных Штатов героев, их общий вклад в историю двух стран.

^^

Князь Д. Максутов и его предместники не могут быть исключены из американской истории. Хотя следует признать, что сегодня интерес к русской странице своей истории в Соединенных Штатах, мягко говоря, не поощряется. Американцы в последнее время стали воспринимать русское историческое наследие преимущественно в контексте влияния на аборигенов. Ну, хоть так не забывают.

В составлении исторической биографии есть два относительно проторенных пути: писать по рубрикам или по годам. Первый путь подразумевает выделение в отдельное рассмотрение родословной, службы, личной жизни, взаимоотношений и прочих связей. Разделы можно дополнить рассказами очевидцев, признаниями и самооговорами. Это очень эффективный путь составления досье на современников. Автор когда-то освоил, как изучать живущих, наблюдая за ними, устанавливая существенные контакты, изучая документы. Но анализ, не подкрепленный синтезом, на выходе зачастую порождает исторических Франкенштейнов. Уставший от «расчлененки» в повседневной жизни, автор пошел вторым путем и выбрал традиционную хронику.

К сожалению, пришлось пренебречь заветом отечественной исторической школы — рассказывать об истории Куликовской битвы или Русской Америки так, как если сам не знаешь, чем это все кончится. Вроде и так все знают, чем кончилось. Но автора оправдывает только вера в то, что «генетическая» русская прививка пошла американцам на пользу, а Русская Америка вовсе не кончилась. Не удалось в полной мере показать события тех лет глазами самого героя. Пришлось давать минимальные закадровые комментарии масштабным событиям, прессовать время через будущее в прошедшем.

Многолетнее знакомство с Татьяной Дмитриевной Максутовой, праправнучкой последнего Главного правителя Русской Америки, исключает всякие подозрения в беспристрастности автора, взявшегося изложить эту семейную хронику. Княжна Татьяна Дмитриевна систематизировала и «рассекретила» семейный архив. Без ее участия эта книга вообще

не могла быть написана.

Дело в том, что ее отец Дмитрий Дмитриевич Максутов, член-корреспондент АН СССР, гордость отечественной оптики, постоянно опасался за свою семью. Бывший белый офицер мог оказаться репрессированным в любой день и час. В свою очередь, его отец, страшно сказать, был офицером-белоэмигрантом, а дед — тот самый Главный правитель Русской Америки — царским адмиралом.

Все это заставляло советского астронома прятать и редактировать семейные архивы. Он тщательно ретушировал погоны на семейных фотографиях морских офицеров, хранил многие исторические документы подальше от чужих глаз.

Момент, когда советский астроном с мировым именем перестал опасаться репрессий, можно установить достаточно точно по рассказу Александра Борщаговского. Рассказ в данном случае — не литературный жанр, а беседа маститого писателя с автором этих строк. Александр Михайлович заканчивал роман «Русский флаг», посвященный обороне Петропавловска от англо-французской эскадры, к столетию славных событий. Он был вынужден несколько торопиться, поэтому пренебрег отдельными деталями.

Уместно привести весьма искусственную конструкцию А. Борщаговского, где характеры и мировоззрение братьев Максутовых разнятся по произволу романиста: «На фрегате Дмитрия и Александра считают родными братьями: оба они Максутовы и оба Петровичи. В действительности же Дмитрий, троюродный брат Александра, осиротел в раннем детстве, был взят в дом князя Петра Ивановича Максутова и усыновлен. ...Александр и Дмитрий не только росли вместе, они вместе обучались в Морском корпусе, — честолюбивый Александр отстал от Дмитрия в производстве в мичманы всего на несколько месяцев. Но люди они совсем разные. Один — живой и общительный, другой желчный, ироничный, порою несносный педант и ментор. Старший — душа нараспашку, гусарская вольница; младший — безупречный офицер, подтянутый, строгий. Дмитрий склонен забывать о дистанции, отделяющей его от матросов; у Александра эта дистанция в холодном взгляде, в резкости тона, в сухости, с которой он разговаривает с нижними чинами. Дмитрий — поэтическая натура, песенник; Александр — искусный, но холодный музыкант». Примечательно, что персонажи получают маски на самых первых страницах романа, как замечания для господ актеров в пьесе. Приведенные характеристики и биографии братьев Максутовых, мягко говоря, далеки от действительности, но не оскорбляют героев и

позволяют решить какую-то художественную задачу. Силой мастерства А. Борщаговского было достигнуто главное: князья Максутовы вошли в пантеон героев Отечества.

Не сразу об этом узнал внук прославленного адмирала. Будучи в Крыму в 1955 г., Дмитрий Дмитриевич Максутов добирался из Симферополя в Ялту на такси. Водитель притормозил, чтобы подсадить

попутчицу. Астроном не возражал. В салоне «Победы» скромная девушка попыталась читать роман. Это избавляло ее от необходимости поддерживать беседу. Астроном попытался вежливо нарушить барьер, спросив, что девушка читает так увлеченно. Тысячи раз задавались и будут задаваться подобные ритуальные вопросы. На то и вежливость, на то и девушки. Но только в одном из тысячи случаев действительно важно, что на самом деле читает симпатичная попутчица Этот был как раз тот самый случай. Астроном даже попросил водителя остановиться, чтобы пролистать 650 страниц романа и найти страницы о своем деде. Впервые он видел фамилию Максутовых среди героев России. Пролистал, перечитал и шутливо заметил попутчице: «Теперь, когда меня придут забирать, вместо мешка с сухарями и бельем возьму только эту книгу. Пусть знают, с чьим внуком имеют дело».

Но в 1955 г. уже никто не собирался приходить за бывшим офицером Белой армии и дважды лауреатом Сталинской премии. И не только из-за юбилея Петропавловской обороны. Просто пятьдесят пятый год наступил после пятьдесят четвертого, которому предшествовал пятьдесят третий. Для понимающих достаточно. Сталин умер.

Работа над этой книгой была начата с семейных архивов Максутовых. Первая рукопись была представлена в самом начале 90-х гг. прошлого века А.И. Алексееву, талантливейшему интерпретатору истории освоения русскими людьми Сибири и Дальнего Востока. Этот морской офицер комментировал отдаленные события так, словно сам принимал в них участие, а дальневосточники XIX в. были просто его сослуживцами.

Не все источники по истории Русской Америки и биографиям морских офицеров оказались одинаково доступны. Автор терпеливо дожидался опубликования фундаментальных трудов по теме и ввода в научный оборот многих документов. По мере того как профессиональные историки делали свою работу, автор накапливал выписки и впечатления, мысленно реконструировал события, пытался увидеть их глазами героев. Для этого пришлось совершить не одно путешествие. Следует признаться, что максутовская тема этих странствий часто не была главной. Работа

по составлению биографии князя Д Максутова начиналась в петербургском треугольнике, вершинами которого были Военно-морской музей, Военно-морской архив и Петропавловская крепость. Постепенно география

изучения Русской Америки расширялась, вояжи становились все продолжительнее и отдаленнее. Маятник судьбы раскачивался все сильнее, забрасывая автора то на Камчатку, то в Америку. Иногда автор шел след в след героям, иногда промахивался да сотни верст.

Самыми верными спутниками автора в биографических путешествиях всегда оставались письмоводители Морского ведомства. Они шаг за шагом фиксировали жизнь морских офицеров, дабы начальство имело объективную картину их отличий и подвигов.

Большинство биографических источников касательно русских морских офицеров XIX в. носят общее название *списки.* Наиболее доступный из подобных документов так и называется «Общий морской список». Составлен он по царствованиям. Многотомный «Общий морской список» издавался немаленьким тиражом, был представлен публике не только в архивах, но и в библиотеках. По сути, это — большой флотский мартиролог, так как содержал информацию главным образом об офицерах, ушедших в последнее плавание. Из современных изданий с «Общим морским списком» по полноте охвата персоналий можно сравнить только монографию С. Волкова «Офицеры флота и Морского ведомства: опыт мартиролога».

Сведения о братьях Максутовых с момента зачисления на службу содержатся в части X списка, «Царствование Николая I». Обычно описание всей службы офицера умещалось на одной-двух страничках.

Существовали еще и персональные учетные документы, которые отнюдь не предназначались для печати, а велись писарями канцелярий Морского ведомства. В них детально отражалась служба офицера. Именно эти списки и были наиболее подробными, по ним велся учет каждого дня службы офицера, рассчитывалась его пенсия. На каждого морского офицера заводился «Формулярный список о службе и достоинстве». Позднее он стал называться «Полный послужной список». Составлялся этот важный документ в среднем раз в пять лет. Велись еще и краткие послужные списки. В распоряжении автора имеются копии послужных списков многих офицеров за разные годы из Российского государственного архива Военно-морского флота. Слово *список* имеет значение еще и *копия.* Поэтому уместно говорить о предпочтении списков оригиналам или о

списках списков.

Ричард Пирс, в частности, пользовался «Полным послужным списком 8-го флотского Экипажа Капитана 1 ранга Князя Дмитрия

Максутова, 1879 г.», вывезенным в Соединенные Штаты его младшим сыном Дмитрием. Систематическое изучение послужных списков последнего Главного правителя Русской Америки в Военноморском архиве начала Наталья Александровна Седых. В 1990 г. ее благословил как будущего биографа Максутовых сам Борис Петрович Полевой, доктор исторических наук.

Уместно привести разделы послужного списка Д. Максутова, поучительного сочетанием краткости и полноты. Содержание разделов может несколько утомить читателя, поэтому в этой главе оно опущено за редким исключением. Все настоящее повествование является, по сути своей, развернутым послужным списком с авторскими комментариями, дополнениями и сомнениями.

Разделы послужного списка шли под римскими цифрами.

I. Чин, имя, отчество и фамилия.

II. Должность по службе.

(В этой графе записано: *«По своему званию»)*

III. Ордена и знаки отличия.

IV. Когда родился.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.

VI. Какого вероисповедания.

VII. Где воспитывался.

(Записано: *«В Морском Кадетском корпусе»)*

VIII. Получаемое на службе содержание.

(Записано: *«Жалованья 1080 руб.*

Раздаточных 300 руб.»)

Указаны годовые суммы содержания. Жалованье в российском флоте выплачивалось по разрядам в зависимости от места службы. Наименьшее, по первому разряду, получали офицеры Балтийского и Черноморского флотов. По второму разряду жалованье получали офицеры отдаленной Каспийской флотилии. И самый высокий разряд был у совсем далеких тихоокеанцев. Если бы князь в это время находился в заграничном плавании или служил на Тихом океане, то получал бы более 3 тысяч рублей. Разница существенная, объясняющая стремление многих офицеров удержаться на службе в Азиатской или Американской России.

IX. Прохождение службы.

Этот основной раздел списка отражал службу офицера по

годам и месяцам, от даты к дате: *«Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы и должности в другую; с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения».*

X. Бытность вне службы.

«а) Во временных отпусках, когда уволен; на какое время и являлся ли на срок, если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительною; б) в бессрочном отпуску, с какого и по какое время; в) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; г) без исполнения службы; д) в плену: когда и где взят, и когда возвратился на службу; и е) в отставке; когда уволен и когда вновь прибыл на службу».

Как видим, перечислены все возможные состояния офицера. Следует пояснить, что регулярных ежегодных отпусков в то время не было. Офицер мог быть отпущен на 28 календарных дней, что было обычной практикой. Мог быть предоставлен и более продолжительный отпуск, например для приведения в порядок своего имения. У князя за всю службу было три отпуска в 1850,1858 и 1871 гг. В графе отмечено: *«На срок являлся».* За неявку из отпуска «на срок» можно было запросто оказаться в матросах или получить отсрочку к какой-либо награде.

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей, год, месяц и число рождения детей; какого они вероисповедания.

XII. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное.

Короткая запись *«Нет». В* это время на всех сыновей Петра Ивановича Максутова было одно благоприобретенное, т. е. купленное, имение под Пензой. Жены Дмитрия Петровича имений в качестве приданого не принесли.

XIII. В штрафах по суду, или без суда также под следствием, был ли когда, за что именно и чем дело кончено.

Лаконично отмечено *«Не был».*

XIV. Бытность в походах и делах, противу неприятеля, с объяснением: где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны и контузии.

XV. Сколько кампаний на море, где, на каком военном судне, под чьею командою, или сам командиром судна, или эскадры; особые поручения сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям или от начальства; подсудность, не подлежащая внесению в штрафную (XIII) графу.

Этот раздел включал дни и месяцы в плавании под парусами в отечественных водах или за границей, а также стоянки на якоре. Последние считались за половину. За 18 морских кампаний офицер мог получить орден Святого Георгия IV степени. По этому разделу учитывали плавательный ценз офицера, без которого было невозможно получить вышестоящую должность.

Документ завершают три подписи: самого офицера, командира его экипажа и конечно же письмоводителя.

Послужной список 1879 г. завершался следующим образом:

«Читал капитан 1 ранга князь Максутов (подпись);

Командир 8 флотского экипажа контр Адмирал Асланбегов (подпись).

Письмоводитель (подпись неразборчива)».

В раннем документе 1863 г., имеющем название «Формулярный список о службе и достоинстве помощника Главного Правителя Российско-Американских Колоний, состоящего по флоту Капитана 2-го ранга Князя Дмитрия Максутова 1-го», есть некоторые сведения, опущенные в поздних списках. Так, в частности, в графе «Где воспитывался» указаны предметы, изучаемые в корпусе, и подчеркнуто, что *«иностранных языков не знает».*

Во всех послужных списках отмечено: *«В службе сего офицера не было обстоятельству лишающих право на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к этому знаку».* Таким обстоятельством могло быть, например, опоздание из отпуска без уважительной причины. Потому и писалось про отпуска, что «на срок являлся». С 1858 г. этот Знак стал очень редким; им награждали только за 40 лет службы. Князь так и не получил его.

Восстановить жизненный путь офицера было бы довольно просто по его личным записям. Мемуарный и эпистолярный жанры были весьма популярны в среде морских офицеров XIX в. После опубликования «Писем русского путешественника» Н. Карамзина приличные люди, писавшие дневники для себя, стали облекать их в форму, предназначавшуюся для печати. Свои заметки моряки скромно озаглавливали как впечатления, записки, включавшие то, что они видели и что, по их мнению, знали. Книги и отдельные статьи представляли на суд публики П. Чичагов, В. Головнин, В. Завойко, Ф. Врангель, Ф. Литке, В. Римский-Корсаков. Писали даже нижние чины. Так, матрос Е. Киселев оставил «Памятник» — дневник плавания на шлюпе «Восток» под командованием Ф. Белинсгаузена. Во время пребывания князя Д. Максутова в колониях там же проходил службу подпоручик корпуса флотских штурманов Дмитрий

Неделькович. Он оставил свои «Воспоминания», охватывающие 1861—1865 гг. Офицер описал, как добирался в колонии через Сибирь и океан, как столкнулся с реалиями русско-американской жизни. С фрагментами так и неизданной рукописи, хранящейся в отделе письменных источников Государственного исторического музея, автор познакомился благодаря С. Федоровой. Хотя у штурмана был брат — издатель газеты «Кронштадтский вестник», он не счел записки достойными публикации.

Часто названия путевых заметок включали и географические объекты, дабы публика не перепутала, куда заносила судьба их авторов. Например: «Воспоминания о путешествии сухим путем из Кронштадта в Ново-Архангельске на острове Ситка...», или так: «Путешествие... по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану...», или так: «Балтика — Амур. Повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны...». Имена авторов намеренно опущены, чтобы подчеркнуть красоту конструкции.

Историки добрались и до дневников сугубо интимных, опубликование которых было на грани диффамации. Например, Ф. Матюшкин во время своего плавания на шлюпе «Камчатка» записал многое из того, что слышал о вздорности О. Коцебу, тоже известного «писателя -мариниста». Бывший лицеист и будущий адмирал отметил для себя, вовсе не желая поддразнить кого-то: «Все его поступки показывают его ребяческий характер и сколько он сам собой надут». Художник-маринист А. Боголюбов не щадил своего командира и кругосветного плавателя контр-адмирала И. Шанца, отмечая его скупость и казнокрадство. Правда, издать свои откровенные записки офицер завещал много позже дня его смерти.

Под общим нейтральным названием *источники* были введены в научный оборот и многие письма, авторы и адресаты которых вообще хотели бы их уничтожить. Широкая публика получила доступ к сокровенным помыслам многих известных людей вопреки их желаниям. Превращение тайного в явное — процесс необратимый. Даже если ему мешают стихийные бедствия. Так, сгорели многие дневни-

ки Ф. Врангеля, в том числе составленные на борту «Камчатки» и в Русской Америке. Но специалистам не так уж сложно восстановить картину до полной, в частности о кругосветном вояже «Камчатки», по сохранившимся дневникам еще одного молодого офицера ее команды Ф. Литке.

Вполне объясним интерес ученых и публики к дневникам и письмам изучаемых персонажей. Современные психолингвистические методы анализа, дополненные

компьютерной мощью, позволяют достаточно корректно заниматься диагностикой персон, в том числе и давно ушедших. Психологический портрет человека, составленный на основе изучения созданных им текстов и движений писавшей руки, может оказаться весьма достоверным и полным. Поэтому за каждым автографом исторического лица идет настоящая охота.

Графология — наука определения характера по почерку — состоялась, историки фиксируют, где-то в 1871—1875 гг., т. е. при жизни князя. Так что Дмитрий Петрович оказался ровесником графологии, а заодно уж и гомеопатии, о чем свидетельствует инструкция, которые он получал. Князь также был ровесником многих других научно-технических достижений, изменивших жизнь человечества: паровоз, телеграф, винтовой движитель.

Одной из первых научных книг по изучению почерка в интересах диагностики была работа И. Моргенштерна «Психографология», изданная в 1903 г. в Петербурге. Назвавший себя психографологом дал характеристики многим историческим деятелям по их рукописям и подписям. В частности, Император Николай I по почерку был наделен такими характеристиками: «Сила воли, деятельность, упрямство, хладнокровие, сдержанность, воинственность, преданность делу, строгая честность, резкая откровенность».

И. Моргенштерн выделял, может быть, не совсем научно почерки каторжников и аферистов, клептоманов и алкоголиков, а также государственных изменников. О преступных целях свидетельствовали особенности написания отдельных букв, которых в современном русском языке не осталось.

Наверное, попытка диагностировать людей по почерку родилась одновременно с искусством рукописного письма, будь то буквами или иероглифами. Стихийные графологи появлялись в мире на протяжении всех эпох и во всех народах. Одним из таких был князь Мышкин — герой романа Ф. Достоевского «Идиот».

Автографы князя Дмитрия Петровича Максутова в коллекции автора есть. Что позволило провести некоторые психодиагностические построения, сделать предположения о свойствах характера героя. К сожалению, рукописных статей или дневников Д. Максутова нет. Есть только копия одного документа эпистолярного жанра касательно Петропавловского дела, впервые опубликованного Б. Полевым в сборнике «Защитники Отечества». Можно предположить, что князь готовил публикацию под условным названием «Русская Америка в записках ее последнего Главного правителя». Версия подготовки мемуаров подкреплена

только частным письмом его старшего сына и некоторым своеобразием сохранившихся личных заметок. Обработанные с помощью хитроумных психолингвистических программ, все доступные тексты морского офицера также легли в основу формирования представлений автора о князе Д. Максутове. Для диагностики больше подходят тексты свободного содержания, в частности личные письма и дневники. Служебные бумаги, к сожалению, имеют меньший диагностический потенциал, так как жестко связаны жанром. Поэтому Отчеты Главного правителя, сохраненные в Фонде РАК Архива внешней политики, практически не поддаются психодиагностической обработке.

В своих работах Ричард Пирс неоднократно цитирует дневник (notebook) Дмитрия Петровича Максутова, который остался у его младшего сына Дмитрия Дмитриевича. Когда автор получил в свое распоряжение ксерокопию этого документа, он был весьма удивлен структурой этих заметок. Оказалось, дневника князя в привычном понимании не существует. Для записей важных событий в канун увольнения со службы Дмитрий Петрович стал использовать «Всеобщий Календарь на 1880 год». На обложке календаря указано, что год тот был високосным, а сам календарь был приложением к «Всеобщему календарю «Освобождение Болгар» с изящным рисунком художника Карла Брожа, издание Германа Гоппе, по Большой Садовой, дом Коровина № 16. Привязывая даты к этому календарю, автор будет придерживаться старого стиля во всем повествовании, кроме тех случаев, когда в описании одного события православное летосчисление не будет совпадать с «передовым» западным. Календарь был назван всеобщим потому, что на каждый месяц имелась специальная таблица совмещения календарей «старого и нового стилей, грузинского, православного, римско-католического, лютеранского, евреев-раввинистов, магометанского и евреев-караимов».

Последовательность источника сохранена. В этом календаре на каждый месяц есть Памятный листок — таблица, включающая дни месяца и колонки *рубли* и *коп.* Самое общее предназначение этого листка — учет ежедневных расходов или доходов, у кого они были. Князь стал использовать листочки календаря по-другому. В памятных листках он привязал важные дни своей жизни разных лет к точным датам. Получалось, например, что на январский листок были внесены значимые события всех январей его жизни:

1 *1862 Произведен в Капитаны 2 ранга 1866 Произведен в Капитаны 1 ранга*

2…

3...

I 1868 Жена, Аня, Нелли, Саша, Сагиа и Володя на Resaca отправились в С. *Франциско*

II *1860 в 9 час. утра родилась Аня*

22 1864 в Церкв. Павловского полка венчался с Мар. Влад. Александрович

В майском памятном листке приведены значимые даты этого месяца, в частности:

10 *1832 День моего рождения.*

1851 Выехал из Севастополя в Камчатку.

И *1864 Пришли в Ситку на кор. Богатырь.*

Дмитрий Петрович первоначально внес даты, какие помнил. Потом дополнял, возможно, по текущим событиям, состоявшимся после 1880 г. В пользу этого говорит разный стиль написания дат. Где-то год помечен четырьмя цифрами, где-то — только двумя последними. Чтобы добиться хронологической последовательности, автору пришлось разворачивать памятные листки по годам. Приводимая в повествовании череда дат является авторской реконструкцией. Например, значимые события одного 1863 г. собраны из разнесенных по разным листкам календаря дат. В частности, из мая и декабря соответственно:

1863 май 12 Вышли из Ситки на кор. Николай с Аней и Нелли.

дек. 2 Назначен И.Д. *гл. правителя Рос. Ам. колоний.*

Наибольшая плотность значимых событий приходится на время обороны Петропавловска. Свежие впечатления хорошо ложились и на сердце, и на бумагу. Судя по тому, как плотно стоят некоторые не очень важные даты, можно предположить, что у князя были егце какие-то заметки, с которых он и перенес события в календарь. Сравним две даты 1854 г.:

окт. 6 Пошли по р. Мая.

окт. 8 Нечаянно провалился под лед. Едва спасся на р. Мая.

Вторая дата могла запомниться чудесным избавлением' от гибели, но первая дата не имеет четкой привязки. А значит, она могла храниться тридцать с лишним лет не в памяти, а на бумаге.

Есть года, имевшие только один достойный упоминания день:

1861 авг. 6 Родилась Нелли.

Наверное, князя в тот год заедала рутина колониальной службы.

Последние записи в памятных листках приходятся на 1887 г.

Некоторые даты совпадают с датами в официальных документах, некоторые разнятся. Есть несущественные несовпадения дней назначений на должности и пребывания в пути. В целом это все делает картину жизни князя стереоскопической.

Нет полного объяснения предназначения записей в памятных листках. Князь предельно уважительно записал своих жен: *«Познакомился с Аделаидой Ивановной Бугиман… Сделал предложение Марии Владимировне Александрович».* На первый взгляд избыточно записывал князь и своих детей, например: *дочь Саша, сын Митя, у дочери Анны Несслер* и т. п. Может быть, дневник им и предназначался. Но дети сами прекрасно знали, что дочь Саша была выпущена из Смольного института, а сын Александр из Морского корпуса. Не исключено, что князь пытался систематизировать пережитые события и подготовить какую-то публикацию. Есть еще одна версия, которая вписывается в историю болезни Дмитрия Петровича Нельзя исключить ослабление памяти у князя вследствие перенесенных инсультов. Медицинской книжки, куда бы записывались наблюдения за здоро-

вьем офицера, у князя не было. Просто до них в позапрошлом веке еще не додумались. Но есть официальная запись причины смерти — кровоизлияние в мозг. Есть разрозненные заметки его сослуживцев и членов семьи. Изучение поведения князя позволяет предположить, что кровоизлияние, оборвавшее его жизнь, было не первым. Контрадмирала добивали вражеские ядра, обрушившиеся когда-то на его батарею, и удары судьбы в мирное время. До 60 лет не дожил. Возможно, памятные листки являются свидетельством мужественной борьбы офицера с недугом. Наряду с автографами князя в послужных списках памятные листки Всеобщего календаря дали хороший материал для графологического исследования.

Документы, имеющие непосредственное отношение к биографии героя, были дополнены другими источниками: письмами, инструкциями, приказами и договорами. Предпочтение отдавалось несиноптическим источникам. Смысл слова *синоптический* — соосный или одновзглядовый. Синоптическими источниками принято называть совпадающие описания событий, различающиеся лишь деталями. Так, синоптическими являются три Евангелия от Марка, от Луки и от Матфея, тогда как самостоятельное изложение известных событий Иоанном не является синоптическим. Что же касается князя Д. Максутова, то во всех синоптических источниках упоминается вскользь его присутствие при спуске российского флага над Аляской. Действительно, где же еще быть первому

должностному лицу русских колоний во время их передачи. Но есть версия, что Главный правитель отсутствовал на торжественной церемонии спуска флага. Тому были причины. Далеким от синоптики является описание Петропавловского дела капитаном 1-го ранга А. Арбузовым. Этот отстраненный от должности «нонконформист» держался особняком от офицеров гарнизона Но именно он сумел посмотреть на события совсем не официальным взглядом, полным скепсиса и обид. Этот взгляд позволили заметить некоторые детали обороны, выпавшие из рапортов и синоптических мемуаров.

Велик был соблазн автора ограничиться опубликованием документов. Но это бы отдалило написание романа, необходимость которого объяснена выше. Пришлось имеющиеся документы как-то увязывать, восполнять пробелы, опираясь на какую-то методологию. Музе истории Клио возиться с автором было недосуг, и она пригласила своих дальних родственниц Конъектуру, Конъюнктуру и Компиляцию. Историческое исследование часто использует метод конъ-

ектуры. *Конъектура* переводится с латинского как *предположение*, *догадка.* Буквально это означает исправление или восстановление испорченного текста, а также расшифровку текста, не поддающегося чтению. Не следует путать ее с *конъюнктурой*, происходящей от латинского *соединение.* Конъюнктура означает совокупность условий в их взаимосвязи, сложившееся положение вещей. То самое, что заставляет мастера оглядываться. Если конъектура позволяет предполагать, например, с кем мог встречаться герой, то конъюнктура просто требует свести героя со значимыми для автора и публики лицами. В частности, известно, что Д. Максутов проезжал сибирский городок Ялуторовск, где отбывали последние годы ссылки декабристы. Конъюнктура советских времен подтолкнула А. Борщаговского вставить в роман «Русский флаг» встречу князя с опальными офицерами. Для автора, стремящегося только восстановить путь героя, такая встреча вовсе не очевидна. По мере возможности автор сопоставлял во времени и пространстве нахождение князя и других персон, сдерживаясь в догадках об их взаимоотношениях.

Мощное средство создания исторических текстов *компиляция*, напомним, происходит от латинского *ограбление.* Компиляция представляет собрание документов, накопление выписок или работу, составленную путем заимствований и не содержащую собственных обобщений или интерпретаций. Хотя нынешний век не считает грех компиляции смертным, автор стремился не красть. Так или иначе, имена историков, позволивших автору

получить представление об эпохе Русской Америки, уважительно упомянуты на страницах этой книги.

Адмирал С.О. Макаров учил своих офицеров, в том числе и старшего сына последнего Главного правителя Русской Америки: «Пропуски в наблюдениях не составляют важного недостатка, но непростительно заполнять пустые места воображаемыми величинами». Если штурман может руководствоваться принципом «пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, не пишем», то исследователь, а тем более литератор, обязан соединять разрозненные наблюдения, восполняя пустые места. Многие оставшиеся пустые места предстоит восполнить романисту диалогами героев, их впечатлениями и рассуждениями. Сами сцены, надеемся, прописаны достаточно. Автор как можно точнее пытался сопоставлять биографии современников князя Д. Максутова, выявляя их пересечение в пространстве и во времени, собирая подтверждения их близости и сотрудничества. Такими «уликами» становились книга с дарственной надписью, карандашный рисунок, приказ о приеме-сдаче должности, надпись на надгробном камне.

Корректность научного изложения требует множества сносок и комментариев. Иногда комментарии могут быть масштабнее самого исследования, иногда они достойны отдельной книги, как, например, комментарии С. Федоровой к «Запискам Кирилла Хлебникова». Современная историческая литература — это гипертекст, привнесенный в мировую культуру компьютерной цивилизацией и распространением информационных сетей. Бесконечный мир сносок и оговорок, несомненно, увлекателен. Однако автор, следуя за жизнью, стремился к линейности повествования, избегая примечаний. Все равно сноски воспринимаются слитно с текстом или, наоборот, дробят его.

По этой же причине к этому подстрочнику не прилагается толкование терминов и географических названий. Пришлось растворить немалый словарик в самом тексте повествования. Собираясь писать очерки о путешествии на фрегате «Паллада», И. Гончаров, не знавший, какую выбрать композицию, получил совет: «А вы возьмите шканечный журнал, где шаг за шагом описывается плавание». Литератор решил опираться на взятые им книги и различные бумаги морского содержания. В шканечном журнале содержалась следующая полезная информация: «Положили марсель на стенгу, взяли грот на гитовы, ворочали оверштаг, привели фрегат к ветру» и т. д. «Среди этих терминов из живого слова только и остаются несколько глаголов, и между ними еще вспомогательный: много помощи от него!» Первые свои документы секретарь экспедиции писал береговым языком, потом

освоился. Автор этих строк, умеющий командовать современным парусником на трех языках со словарем, не испытывал затруднений в морской терминологии. Но многие термины вышли из употребления, некоторые утратили первоначальный смысл.

Стремился автор избегать исторических проекций, сравнений и аналогий, а также всякого уподобления настоящего повествования историко-политическому памфлету. Автор намеренно не углублялся в историю Русской Америки и события вокруг нее в рассматриваемую эпоху. Следовало по возможности оставить только то, что было доступно взору Д. Максутова. Практически ни один эпизод за спиной князя не был включен в настоящий текст. Автор сознательно избегал касаться трех больших и больных тем, требующих детального описания: экономики компании, православия на Аляске и положения туземцев. Прежде всего потому, что сам последний Главный правитель особенно глубоко не вникал в них. Все три группы проблем занимают пропорционально равное место в жизни Д. Максутова и на страницах настоящей литературной заготовки. Да и сама Русская Америка занимает в этой книге места ровно столько, сколько занимала она в жизни князя. В судьбе князя была не только Русская Америка. Были жизнь, служение Царю и Отечеству, семейные радости и трагедии, война и мир.

Если существует какая-то методология составления исторической биографии, то должна подразумеваться и методология ее чтения. Читатель и автор всегда заключают конвенцию. Договоримся, что роман или поэма о Русской Америке и ее последнем Главном правителе уже грядет. Мы только по мере сил ускорим его появление.

РОДОСЛОВНАЯ

1620-1832

Появление рода Максутовых в отечественной истории с полным основанием *можно* связать с преодолением последствий Смутного времени на Руси. Первый письменный источник, на который ссылались князья Максутовы в подтверждение своего княжеского достоинства, относится к 1620 г. Это ввозная грамота Айдара Максютова, касимовского мурзы. В те времена Касимовское ханство, находившееся долгое время в вассальной зависимости от Московского князя, окончательно утратило свою политическую самостоятельность. Правивший Арслан-хан из союзников царя стал одним из его подданных.

Основателем рода, давшим ему свое имя, следует считать некого мурзу Максюта (Максута). Наверное, можно проследить

родословную (по-арабски *шеджер* — дерево) предков Максута в глубь веков. Но это будет движение мысли в обратную сторону. Автор же стремится понять идентификацию потомков татарских мурз с Россией.

Имя Максуд — арабское, как и многие имена мусульманского мира. Не вдаваясь глубоко в лингвистические изыскания, заметим, что корень имени обозначает «цель, стремление, намерение, желание». Поэтому Максуд можно перевести как *Желанный, Тот — К —*

Которому — Стремились. Так объяснили автору коллеги-арабисты, ссылаясь на словарь под редакцией Баранова. Перекрестная проверка со ссылкой на персидско-русский словарь под редакцией Рубин-чика подтвердила значение корня и толкования имени. Только добавилась еще одна нестрогая интерпретация Максуд — Целеустремленный. Оглушенное русское окончание превратило родовое имя в Максут. Ну а с гласными и сами арабы не особенно считаются. Так что сама по себе фамилия Максутов получилась весьма динамичной.

У Максюта был сын Айдар. В указанном документе сын Айдара Арслан-мурза Айдарович Максютов и его внук Адельша названы князьями. Их потомки также именовались князьями.

Князь — титул широко распространенный в Древней Руси. Так русские именовали своих вождей и симметрично же вождей соседних племен. В ордынское время и после него татарских военачальников и правителей улусов русские традиционно считали князьями. Золотая Орда была самостоятельным государством, образованным в середине XIII в. Чингисхан выделил своему сыну Джучи владение — улус, включавший в себя и коренные русские земли на правах сравнительно мягкой вассальной зависимости. Фактически первым правителем Орды был сын Джучи хан Батый, вошедший в отечественную историю как кровавый покоритель русских княжеств. Центр Золотой Орды находился в Нижнем Поволжье. Максимального военного могущества Орда достигла при хане Джанибеке (1342— 1357). После этого начался распад государства и обретение самостоятельности ее отдельными частями. Это и княжества Московское и Литовское, ханства Астраханское и Сибирское. Сравнительно поздно в 1438 г. образовалось Казанское ханство. Преемницей Золотой Орды оставалась Большая Орда.

Вассальные отношения и относительно высокая социальная мобильность общества Золотой Орды позволяли служилым людям переходить от одного князя к другому, вне национальной или конфессиональной принадлежности. До самого царствования Ивана IV, сильно ограничившего социальную мобильность на

постордынском пространстве, московские служилые люди могли отъезжать в Литву. Туда же за землями и подвигами тянулись служилые татары, чтобы осесть навсегда. В свою очередь, литовская знать не считала зазорным переходить под московские знамена. Постепенно с усилением Московского княжества все более татар переходило на русскую

службу. Русская кавалерия времен Московского князя Дмитрия, не ставшего еще Донским, в значительной части своей состояла из татар. На Куликовом поле маневренная группа смешанного национального состава — «Засадный полк» под командованием Серпуховского князя Владимира Андреевича — сыграла решающую роль в разгроме противника. А его воевода Боброк как раз и был въехавшим из очень близкой Литвы, что и подтверждается его прозвищем — Волынский. В той знаменательной битве татарская речь звучала с двух сторон. Впрочем, не опоздай князь Рязанский Олег на помощь Мамаю, и русская речь могла бы звучать тоже с двух сторон.

В 1446 г. на службу к Московскому князю Василию Темному перешел Касим-хан, сын первого казанского хана Улу-Мухаммеда. Князь Василий II был ослеплен противником, но не утратил политической прозорливости. Он укрепил Московское княжество, способствовал провозглашению независимости русской православной церкви от Константинопольского патриарха. Прагматичное же приглашение татарской знати на русскую службу было действенным инструментом в борьбе с Казанским ханством. Некоторые татарские кланы оказались разделенными между Казанью и Касимовом. Так началась история вассального от Москвы удельного княжества — Касимовского царства. Существует весьма спорная версия, что Казанский хан навязал Василию Темному своего сына Касима для удержания Москвы в татарской зоне влияния. В пользу этой версии говорит, что долгое время Москва общалась с Касимовом через Посольский приказ, т. е. как с иностранным суверенным государством. Вопросы почти средневекового суверенитета и встречных потоков дани еще долгое время будут интересовать историков и вдохновлять ангажирующих их политиков. Несомненно, что за влияние на Касимовское ханство в середине XV в. боролись и Казань, и Москва — равные по силе игроки на пространстве распавшейся Золотой Орды. Исход их противостояния во многом зависел от того, чьими сторонниками на деле окажутся касимовцы. Касимовцы выбрали Москву. Начался качественно новый этап масштабного взаимопроникновения русской и татарской культур. Своеобразие нового союзника Московского княжества сохранилось, когда великие князья стали царями, а те, в свою

очередь, императорами. Среди титулов Российских царей и императоров титула «царь Касимовский» не было. Тогда как были царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский.

Центр царства — город Касимов на берегу Оки в нынешней Рязанской области Российской Федерации. Считается, что город был основан Юрием Долгоруким приблизительно в 1152 г. До 1471 г. он назывался Городок-Мещерский или Мегцерский городок. Не стоит преувеличивать личную заслугу Юрия Долгорукого в строительстве Мещерского городка или городка Москов, где князь как-то отобедал. Просто принято правителями маркировать эпохи.

Касимовские татары стали союзниками Московского княжества в борьбе и против Великого Новгорода, и против Большой Орды. В 1480 г. хан Ахмат не смог привести в подчинение своего вассала Ивана III. После стояния на Угре, известном притоке Оки, Московское княжество стало окончательно независимым. Не зря-таки союзные Москве татары занимали окские берега.

Царством на Оке правили в разное время потомки казанских, крымских, астраханских, а также казахских и сибирских ханов. Сами же касимовские татары обосновывались в Москве, строя в Первопрестольной мечети и торговые ряды. В частности, соборная мечеть построена на средства крупного предпринимателя Салиха Ерзина, выходца из касимовских татар. Когда была основана Северная столица, касимовские татары освоили берега Невы. Их попечением была построена Санкт-Петербургская кафедральная мечеть. И доныне касимовские татары составляют большую часть татарского населения обеих столиц.

Переход татарской знати на русскую службу стал массовым в результате успешных походов Ивана Грозного на Казань и Астрахань. Борьба за Сибирь, которая также велась с потомками наследников Золотой Орды, вызвала новый приток бывших противников под московские знамена. В 1598 г. Сибирский хан Кучум был окончательно разбит русскими войсками. Его большая семья была доставлена в Москву как своего рода запас региональной элиты. Сопротивление потомков Кучума, не признававших московскую власть, продолжалось до середины XVII в. Однако они были обречены. Обречены потому, что крепла ветвь лояльных России Чинги-сидов. Потомки Кучума в России имели титул царевичей Сибирских. Внук Кучума Альп-Арслан получил в 1614 г. от царя Михаила Федоровича в удел Касимов и стал родоначальником царевичей Касимовских.

Одной из первых мер по преодолению последствий Смутного времени для Руси, наряду с восстановлением государственности,

было восстановление вассальных отношений и формирование новой знати. Многие дворяне, служившие Московскому царю: и русские, и русско-литовские, и татарские, и татарско-литовские — в Смутное время присягнули польскому королевичу Владиславу, претенденту на русский престол. Они оставались на польской службе и после Деулинского перемирия 1618 г. Потому как Речь Поспо-литая, оставив Москву Романовым, за собой оставила Смоленскую, Черниговскую и Новгород-Северскую земли. Новой династии царей Московских нужно было создавать практически новое дворянство, целиком обязанное и поэтому беспредельно верное Михаилу Федоровичу. Так появились, в частности, Касимовские и Сибирские царевичи со своим дворянством. Само Касимовское ханство (или царство) прекратило существование в 1681 г. после смерти ханши Фатимы-Султан. Сибирские царевичи, перешедшие в православие, занимали почетное место при Дворе русского царя. Род царевичей Касимовских угас в 1728 г. Царевичи Сибирские стали с 1718 г. именоваться князьями. Предписано это было Петром I после расследования участия одного из царевичей в темном деле наследника Алексея Петровича.

Для татарской знати, переходящей на русскую службу, важно было сохранить статус и закреплявшие его титулы. Поскольку Орда с ее сложной феодальной иерархией отмирала, приглашаемая на русскую службу татарская знать принимала русские звания. Самым распространенным титулом на Руси был князь, который употреблялся в весьма широком толковании. Собственно князьями — удельными правителями — были ордынские беки, правители улусов. Титул мурзы носили младшие представители татарских знатных родов, а также отличившиеся воины, пожалованные ханами в это достоинство.

Для русских, не желавших особенно вникать в ордынскую иерархию, проще было именовать мурзу князем. Это некоторое преувеличение служило символом уважения к новым союзникам и своеобразным залогом их верности. Может быть, поэтому в русском дворянстве и было князей, ведущих родословную от татарских мурз, не меньше, чем собственно русских. Один из последних гардемаринов российского флота Б. Лобач-Жученко заметил при поступлении в Морской корпус в 1913 г.: «Титулованных особ было мало: несколько барончиков, котировавшихся не выше грузинских князей, один князь из захудалых — Мансырев». Немного завидует титулованным особям полувыпускник Морского училища, ставший советским капитаном 2-го ранга. Да и Мансыревых называть захудалыми неуважительно; жалованный на княжение грамотой Великого

князя Василия III, этот род достойно служил России с 1526 г. Во время Второй мировой войны депутат Государственной думы князь Серафим Мансырев был одним из самых активных защитников русской самобытности. Так же как и князья Максутовы, князья Мансыревы были внесены в родословную книгу Пензенской губернии.

Переход на русскую службу позволял татарской знати сохранять свои владения, получать новые земли и даже придворные звания. Брат Адельши Арслановича князь Мустай Арсланович, помимо старого касимовского поместья, владел с 1672 г. и новым, пожалованным за службу Государем Алексеем Михайловичем. Имение это называлось Шуриновка и находилось близ Керенска. В марте 1690 г. Мустай приобрел в тех же местах еще некоторое количество земли.

Нет точных данных, за что татарский мурза получил поместье. Заметим только, что это было сразу же после разгрома восстания Степана Разина. «Бунташный» был век. Московское государство было весьма ослаблено очередной войной с Польшей (1654—1667 гг.) и борьбой с церковной оппозицией во главе с патриархом Никоном. К тому же умер наследник престола. Династия заканчивалась, едва начавшись. Крестьянская война, как тогда ее называли «бунт воровских казаков», пришлась некстати. Эта война охватила все Поволжье, нарушала торговые пути России с Сибирью и с Востоком, ставила под угрозу условия Андрусовского перемирия, закреплявшего Смоленск, Чернигов и Левобережную Украину за Россией. Добрые соседи Польша и Швеция уже готовились к очередному разделу московских земель. В борьбе с бунтовщиками гибли лучшие царские воеводы и офицеры полков нового строя, как, например, полковник Мюнхгаузен. Для восполнения кадровых потерь царь успешно мобилизовал мелкопоместное дворянство, особенно в районах, охваченных бунтом. Эти дворяне за свое дрались. Докатилась война и до максутовских имений. Бунтовщики Степана Разина и Емельяна Пугачева столетием позже много вреда принесли набирающему силу княжескому роду. И это теснее сплачивало Максутовых, как и других служилых дворян, вокруг трона поколение за поколением. Возможно, князья Максутовы были в полку воеводы Петра Урусова в битве за Казань. Могли они оказаться в Симбирском полку князя Юрия Барятинского.

В 1671 г. летом казнили Степана Разина, осенью подавили последний очаг сопротивления восставших — Астрахань. К тому же Алексей Михайлович взял в жены Наталью Кирилловну Нарышкину. А через год она родила мальчика, которого нарекли Петром. Поэтому год 7180-й от сотворения мира или 1672-й от

Рождества Христова стал годом глубокой благодарности властей своим спасителям — служилым дворянам. Верным отказа не было. В семье Максутовых еще до середины XIX в. хранилось подлинное свидетельство 7180 г. за печатью воеводы Луки Ивановича Дубенского о пожаловании *«по Указу Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича насланному из приказа Казанского дворца»* земель с покосами и угодьями князю Мустаю. А через десяток-другой лет князьям добавили новые земли.

Еще через десять лет служилые не особенно знатные дворяне получили шанс реализовать карьерные амбиции, не оглядываясь на титул. Трудно сказать, выиграли от этого бывшие татарские мурзы или нет. Их знатность на то время была сомнительной. Система местничества на Руси давала преимущества по службе выходцам из знатных родов, число которых не превышало трех десятков. В 1682 г. царь Федор Алексеевич созвал Земский собор, который уравнял служилых в продвижении по службе бояр, князей и простых дворян. Были сожжены разрядные книги, в которых отражалось распределение на службу в зависимости от древности рода и славы предков. Но шанс «равенства в службе» остался нереализованным. Сразу же после собора скончался молодой царь. Высшая знать осталась при своем.

У Мустая были два сына Бек и Сулейман. Они и дали названия двум ветвям рода Максутовых. В семье потомков Сулеймана, к которой и принадлежит князь Дмитрий Петрович, старшую ветвь рода принято называть бековской. Старший сын Бек в 1684 г. получил часть отцовского имения. Но для того чтобы закрепиться среди российской знати, новым князьям следовало перейти в православие. Известный принцип европейской средневековой политики «чье королевство, того и вера» на Руси первоначально действовал не строго. Относительная стабилизация империи позволила Петру I в 1713 г. издать указ о запрете служилым татарам-мусульманам владеть крепостными крестьянами-христианами. Так в одночасье татарские мурзы превращались в однодворцев, обремененных повинностями. Правительство начало конфискацию поместий у дворян, отказывающихся принять крещение. Однодворцы Касимовского уезда были

приписаны к Адмиралтейству и занимались заготовкой корабельного леса. Было даже введено такое специальное иностранное слово *лагиман* — государственный крестьянин, занимающийся заготовкой леса. Работа была настолько каторжная, что эти крестьяне были освобождены от других повинностей и солдатства. Морская судьба рода Максутовых

могла бы сложиться совсем иначе. Раствориться на лесоповале грозило многим знатным касимовским семьям. Но, став православными Костровыми, Ширинскими, Тургеневыми, Мичуриными, Куприными, они сохранили себя и свое положение в русском дворянстве.

Максутовы, хранившие верность исламу, тоже не выпали из культурной жизни своего народа. История сохранила имена членов Касимовского мусульманского благотворительного общества, созданного на рубеже XIX и XX вв. Есть среди них и Максутовы.

Имения магометан Максутовых были отписаны в казну в 1714 г. Да будь они православные, все равно земли с крестьянами на всех князей и княжон рода не хватило бы. С этого же года Петр I запретил дворянам делить наследуемые родовые имения; по западноевропейскому образцу имение оставалось за одним наследником. А сыновей дворянские семьи имели в среднем по три—пять. Нельзя же дробить земли до бесконечности. Но то в относительно небольшой Европе, где, действительно, был риск превратить страну в лоскутки. Русское дворянство, живя на бескрайних по европейским меркам просторах, считало, что земель и крестьян хватит всем. Наследники Петра Великого правила наследования имений значительно расшатали. Возможно, Император, продолжая масштабные преобразования, преследовал узкопрагматическую цель: освободив дворян от земли, заставить их служить. Потому указом 1701 г. было определено, что «все служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет». Запретив делить имения, Петр I мог рассчитывать на значительный приток дворян без наследственных имений на службу. Здесь и сейчас. Так формировалась социальная группа дворян, которые не имели и не могли иметь родовых дворов. Жили они только жалованьем и царскими милостями.

Прошло совсем немного времени, и дети Бека и Сулеймана, соответственно Александр Бекович и Михаил Сулейманович (Семенович), «усмотря правую истинную и непорочную христианскую веру, восприняли святое крещение». После 1730 г., в царствование Анны Иоанновны, братья отыскали и вернули свои имения. Имеет основание версия, что братьям по решению Вотчинной коллегии были даны другие имения с крестьянами вместо отписанных в казну.

На современной карте России довольно трудно определить все земли и деревни, которыми владели многочисленные Максутовы. Так, в Касимовском районе Рязанской области сохранилось село Истомино. Это имение было получено одним из

князей Максутовых в качестве приданого жены. В Пензенской губернии были имения, принадлежавшие представителям бековской ветви рода Максутовых. Некоторые Максутовы, в частности князья Николай и Александр, были близко знакомы с Лермонтовыми. Максутовы были добрыми соседями с бабушкой поэта Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, владелицей имения Тарханы. От Максутовых будущий поэт мог узнать о том, как пугачевцы изрядно проредили дворян Нижнеломовского уезда. Эти сведения вошли в роман М.Ю. Лермонтова «Вадим». Неслучайность близких отношений Лермонтовых и Максутовых подтверждает и то, что художник Василий Николаевич Максутов хранил в своей коллекции «Портрет дяди» работы Лермонтова. Позднее этот рисунок углем князь подарил А. Боголюбову, товарищу по Академии художеств. Последний включил портрет в первоначальную экспозицию им же созданного Саратовского (Радищевского) художественного музея. На листе бумаги размером 12,5 х 8,7 написано: «Поэт Лермонтов». На паспарту добавлено: «Собственной руки рисунок поэта Лермонтова, получен мною от товарища князя В.Н. Максутова. А. *Боголюбов».*

В год рождения князя Дмитрия Михаил Лермонтов уже оставил Московский университет и поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. К тому времени родители Дмитрия Петровича уже жили не под Пензой, а в Перми. Чтобы закончить относительно бесперспективное для составления биографии последнего Главного правителя Русской Америки перечисление русских литераторов, знавших князей Максутовых, добавим поэта барона А. Дельвига и его племянника инженер-генерала А.И. Дельвига, весьма толкового мемуариста.

Родители Дмитрия Петровича имений не имели. Только одно имение Трофимовка в 30 верстах восточнее Пензы, принадлежавшее «небековским» Максутовым, можно назвать благоприобретенным. Оно было куплено младшим братом Дмитрия Петром Петровичем. В то время как «исконные» максутовские земли были западнее Пензы.

Большинство служилых дворян к началу XIX в. уже не имели тех самых дворов, которые дали название социальному классу. Министр народного просвещения К. Ливен писал, что «линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти теряется в крестьянстве».

Как показало время, прагматичная смена конфессии позволила потомкам касимовских мурз удержаться среди княжеских родов империи. Хотя почти полвека спустя, в «золотой (для дворянства) век» Екатерины, пришло послабление и для

дворян-мусульман. В 1784 г. Указом Екатерины Великой татарские мурзы-мусульмане получили право восстановления дворянского достоинства в случае представления доказательств их благородного происхождения. К тому времени еще сохранились мусульманские ветви российского дворянства, которому так и не вернули права владения православными крестьянами. В царствование Александра I число обращений татарских мурз признать их дворянское происхождение исчислялось десятками. Выжили, физически и социально, даже некоторые татарские и калмыцкие роды, условно именовавшиеся княжескими. Конечно же у родов, принявших православие, шансов закрепиться в титулованном дворянстве было больше. В частности, пытались восстановить свое дворянство соседи Максутовых по Пензенской губернии мурзы Кутыевы. Дворянское губернское собрание в 1789 г. признало их титул, но Сенат своим определением в 1851 г. отменил это постановление. В отличие от мусульманской ветви православные Кутыевы были оставлены в списках татарских княжеских родов. Таковы были реалии политической и конфессиональной идентификации дворянства XIX в.

Сын Александра Бековича прапорщик Елисей Александрович с братьями и их потомством определением Пензенского дворянского депутатского собрания 24 января 1793 г. были записаны в V часть родословной книги Пензенской губернии. Так образовалась беков-ская ветвь рода Максутовых. В ту же часть книги в 1824 г. как представители одной фамилии были записаны правнуки Сулеймана Мустаевича. Это уже генеалогическая ветвь нашего героя князя Дмитрия Петровича.

Все потомственные российские дворяне записывались в родословные книги, которые велись по губерниям. Книги эти имели шесть частей, соответственно категориям дворян: I часть — возведен-

ные по личному пожалованию царя; II часть — получившие дворянство на военной службе; III часть — получившие дворянство на службе гражданской; IV часть — иностранные дворяне, перешедшие в российское подданство; V часть — титулованные дворяне; VI часть — старинные дворянские роды.

Для потомков мурз и беков было важно попасть в V часть дворянской родословной книги. А те роды, коим удавалось попасть в VI часть книги, полностью сливались с русской древней знатью. Однако достоинство князей Российских получили лишь несколько татарских родов, в частности Мещерские, Урусовы, Юсуповы. Всех остальных потомков мурз вывели в категорию «князей татарских». Такую корректировку ввел Павел I. В 1797 г.

он издал указ, в котором при составлении «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» было предписано «князей татарских в число княжеских родов не включать». Это правило касалось и многих въезжих дворянских родов, т. е. носителей иностранных титулов. Но мечущийся Павел I вынужден был скорректировать и этот свой указ. Уже к концу 1797 г. он распорядился «все роды князей, в самые древнейшие еще времена вошедшие в число княжеских фамилий», внесенные в «Бархатную книгу», именовать российскими князьями. Это касалось старинных татарских княжеских родов. Но никоим образом не затрагивало знатные касимовские семьи, «коим титул князя токмо по переводу титула мурзы присвоен». Так писал строгий радетель чистоты русского дворянства О. Козодавлев в 1799 г., бывший в ту пору герольдмейстером, а позднее ставший министром внутренних дел.

Титул князя считался весьма уважаемым в российском обществе. Княжеских родов было немногим более двухсот. Хотя во времена Николая I число пожалований княжеским титулом возросло, все роды оставались на виду. За исключением, пожалуй, грузинских, составлявших больше половины всех княжеских фамилий России и бывших постоянной головной болью Сената. В утверждении грузинских дворянских родов, начатом еще при Александре I, относительная стабилизация наступила только в 1850 г., когда дворянству в Тифлисе и Кутаиси было разрешено избирать свои полномочные собрания.

Князья Максутовы имели шанс сменить татарское прозвище и взять фамилию, звучащую более по-русски. Такую возможность предоставляла Жалованная грамота дворянству 1785 г., согласно которой дворянам разрешалось именоваться по названиям своих земель.

^^

Однако дорожившие своими родовыми корнями и именами дворяне не спешили воспользоваться этим правом.

Определениями Правительствующего сената 23 января 1834 г., 27 сентября 1855 г., 27 марта 1856 г., 14 ноября 1861 г. Максутовы были утверждены в достоинстве князей Татарских. Максютовых утвердили в том же достоинстве 17 мая 1828 г. и 14 октября 1854 г. Тождество двух фамилий независимо от написания через «у» или через «ю» всегда подразумевалось. В середине XIX в. в личной переписке встречается написание фамилии князей как Максютовы. В частности, так именует своих сослуживцев по Петропавловскому порту капитан 1-го ранга А.П. Арбузов.

Разница между русскими и татарскими князьями была

существенной только для чиновников Герольдии. Для всего российского общества это были признанные русские князья, совершенно равные в правовом отношении.

Дворянскому, а тем более княжескому роду полагается иметь герб. Законную силу приобретал герб, имевший официальную легенду происхождения заслуг рода, составленный по строгим правилам геральдики и формально зарегистрированный. Легенда происхождения герба, связанная с военными подвигами князей Максутовых, перешедших из магометанства в православие, несомненно, была. Правила геральдики были соблюдены. И только с утверждением возникли некоторые осложнения.

Многие специалисты по геральдике отказывают Максутовым в официально признанном гербе. Однако автор сам видел сохранившийся в семье Максутовых вышитый княжеский герб, который князь Дмитрий Дмитриевич-старший заказал во время пребывания в Японии у местных мастеров. Фамильный герб украшает также некоторые сохранившиеся бытовые предметы. Есть, значит, герб. Его история такова. Князь Николай Иванович, младший брат отца нашего героя, попросил Герольдию поместить употребляемый родовой герб в «Общий Гербовник» и выдать ему официальную родословную с описанием герба. Герольдия, изучив документы о роде князей Максутовых, нашла их согласными с правилами, установленными Жалованной грамотой дворянству. И в 1834 г. предложила внести герб Максутовых в первое отделение «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» для представления на высочайшее утверждение, снабдив его надлежащим описанием. Всего отделений в Гербовнике было три: в первое входили гербы титулованных особ и стародворянских фамилий; во второе — гербы родов, которым дворянство было пожаловано; в третье — гербы родов, выслуживших дворянство. По каким-то причинам это решение не было выполнено. Поэтому рисунок герба и выпал из поля зрения некоторых исследователей. В 20 подготовленных до 1917 г. томах «Общего Гербовника» есть рисунки почти 5 тысяч гербов. К этому стоит добавить до 4 тысяч не утвержденных официально гербов. Князьям Максутовым приходилось пользоваться родовым гербом без официального утверждения. Ну и что с того?

Наверняка специалисты по геральдике сделают существенные замечания автору по соблюдению специальных терминов. Автора извиняет только то, что современному читателю просто не представить такие сложные конструкции, как «косвенно накрест положенные золотые стрелы». Общая геральдическая культура в нашем обществе утеряна. Это подтверждает и описание современного государственного флага Российской Федерации.

Несколько упрощенное описание герба князей Максутовых компенсируется его опубликованием в настоящем повествовании.

Традиционно герб состоит из щита, шлема, короны и мантии, а также намета — украшений, образующих фон герба. Четырехугольный с заострением внизу щит (французский) горизонтально разделен (пересечен) на две части, красную и голубую. В верхней части помещены скрещенные меч и крест. В нижней — скрещенные стрелы остриями вверх под горизонтально расположенным полумесяцем рогами вверх. Над щитом три шлема с забралами: центральный анфас, боковые — в три четверти. На центральном шлеме орлиные крылья, а на боковых — страусиные перья. Над мантией, атрибутом княжеского герба, и над центральным шлемом — православный крест и под ним полумесяц. Корона в верхней части герба княжеская — красная с золотом. Мантия подвязана по бокам красными шнурами. Строго говоря, мантия и корона могли оставаться в гербах дворянских фамилий, происходящих от родов княжеских, но утративших титул.

Как видим, ко времени рождения нашего героя в 1832 г. княжеский титул и герб Максутовых находились, мягко говоря, в процессе становления. Император Николай I уделял самое пристальное внимание поддержанию статуса служилого дворянства и требовал строгости от Герольдии и дворянских депутатских собраний. Сразу же после коронации он приказал создать специальную комиссию Сена-

_fefc.

та для выработки методов проверки процедур определения дворянства, существующих в дворянских собраниях. В 1840-х гг. при ревизии дел о дворянстве Максутовых, сославшись на постановление Герольдии, заявили, что не считают необходимым вновь представлять какие-либо документы к делу о дворянстве, так как дело уже решено Сенатом. Документов, подтверждающих благородство предков до Арслана, представить не удалось. Поэтому первые колена уходившей в касимовскую глубину родословной отсекались. Род Мустая стал считаться самостоятельным, но с сохранением родового прозвища Максутовы.

Указы Правительствующего сената, положившие конец всем спорам о княжеском роде Максутовых, последовали только в декабре 1855 г. и в мае 1856 г., когда три брата Максутовых Павел, Александр и Дмитрий были уже известны всей России как герои войны. За редким исключением Департамента герольдии Сенат утвердил все определения Пензенского дворянского депутатского собрания.

Сами дворяне не имели права обращаться в Герольдию (с 1848 г. Департамент герольдии Сената). Прежде их аргументы в пользу благородного происхождения и родословной рассматривало дворянское депутатское собрание. Согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 г. собрания формировались по губерниям, возглавлялись предводителями и имели право выдавать свидетельства о внесении в родословную книгу.

С каждым поколением князья Максутовы достигали все больших и больших чинов. Так, первые крещеные Максутовы были прапорщиками и поручиками (12—14-й классы), их потомки уже надворными советниками (7-й класс). Поколение нашего героя Дмитрия Петровича дослужилось до контр-адмиралов и действительных статских советников (4-й класс). В России заимствованные чины различных советников и помощников были бы многим непонятны, если бы не соответствовали чинам военным, которые и порождали соответствующие обращения. Каждый офицер начинал со службы *вашим благородием.* Становясь старшим или штаб-офицером, он именовался *вашим высокоблагородием.* Генерал же становился *вашим превосходительством.* Обретая очередной генеральский чин, *превосходительство* становилось *высоким.*

Для дворянина весьма почетным было иметь несколько поколений славных предков. Но сила дворянских родов была не только в славных предках по прямой линии. Значительное влияние на карьеру и положение дворянина оказывали родственные связи, обретаемые в результате браков. Так, на судьбу нашего героя повлияли семейные узы, установленные Максутовыми с известными дворянскими фамилиями России, в первую очередь Горчаковыми, Врангелями, Завойко.

В генеалогических изысканиях принято прослеживать роды по мужской линии, поэтому не всегда просто уделить заслуженное внимание достойным супругам, матерям и сестрам героев, носившим титулы княгинь или княжон. Первыми становятся, вторыми рождаются.

Положение дворянских семей определялось не только родственными связями. Не меньшее, если не большее, значение имели свойственники — лица, не являющиеся родственниками, но имеющие общих родственников. Свойственниками в общем случае считались родственники жены и родственники мужа. Для веков прошедших родственные и свойственные отношения придавали семье устойчивость, не позволяли пропасть роду в целом. Часто они определяли и само физическое выживание дворян, впавших в немилость властей. Большинство осужденных декабристов в полной мере воспользовались такими

отношениями. Недекларируемые отношения свойственников в российском истеблишменте порой остаются не замеченными даже опытными биографами. Попробуйте проследить, например, связь воспитателя наследника престола и патронируемого им чиновника, который вырастает до министра финансов.

Прежде чем родословная героя перейдет в его биографию, приведем всех известных прямых предков Дмитрия Петровича по мужской линии.

I

Максют

Айдар

Арслан

Мустай Арсланович — до 1657 — после 1714 Сулейман

Михаил Сулейманович (Семенович) — до 1720 — 1780-е Иван Михайлович — ум. до 1822 Петр Иванович — ок. 1790 — 1867

Максутовы относились к дворянам Пензенской губернии. Наверное, Петр Иванович Максутов покинул отчий дом и не сразу нашел свое место в жизни. Есть сведения, что отец и дед князя Дмитрия Петровича служили некоторое время в гвардии.

По правилам того времени отец князя именовался Петр Иванов сын Максутов. Так называемое полуотчество. К 1832 г. он служил в Перми по гражданской части в чине коллежского асессора (8-ю класса), имел собственный дом, был счастливо женат на профессорской дочери Яковкиной Анне, воспитывал дочь Екатерину (1822 г. р.) и сыновей Павла (1825 г. р.), Николая (1829 г. р.), Александра (1831 г. р.). Таким образом, Дмитрий Петров сын Максутов был пятым ребенком в семье. Вслед за Дмитрием родились Петр (1834 г.) и Георгий (1836 г.).

Согласно данным Пермской духовной консистории, *«у управляющего Пермской удельной конторой коллежского асессора князя Петра Ивановича Максутова и законной жены его Анны Ильиной родился сын Дмитрий 1832 года мая 12 дня, коему при крещении восприемниками были пермский вице-губернатор статский советник Александр Николаев Евсеев и пермского губернского прокурора Баранова жена Евгения».*

Несколько слов следует добавить о выборе имени, данного при крещении. Вслед за Павлом Флоренским автор готов повторить: «Я не взялся бы утверждать, что имена не оказывают никакого влияния на судьбу. Имя — тончайшая плоть, посредством которой определяется духовная сущность». В традициях того времени было выбирать имя по Святцам. Выпал день поминания Благоверного царевича Дмитрия Московского. Поэтому младенец и был наречен Дмитрием. С греческого это имя можно перевести как принадлежащий Деметре, богине земли и плодородия. Такой несколько языческий смысл православного имени растворился в истории. Но зато на Руси почитали святых, носивших это имя. И не только царевича, но и бесстрашного праведного воина Дмитрия из Солуни, осеннего святою.

В далеком мае 1832 г. были написаны первые официальные строки, соединившие родословную Максутовых и биографию князя Дмитрия Петровича. Если считать от официально признанного благородного мурзы Мустая, то это было шестое поколение Максутовых. Во всех документах дата рождения князя указана 10 мая. Не верить духовной консистории оснований нет. Возможно, в старом ^^

архиве записана дата крещения младенца Дмитрия. Но уже в этой первой записи о жизни мальчика можно угадать место предначертанного ему подвига, потому как составлялась эта запись со ссылкой на «метрические книги Пермского Петро-Павловского собора в части о родившихся». Все, что произойдет с князем до 22 лет, будет его подготовкой к Петропавловску. Все, что произойдет позже, будет осенено славой Петропавловска и не позволит князю сойти с пути чести.

КАМА ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ:
ПЕРВЫЕ УРОКИ ГЕОГРАФИИ
1832-1851

На европейских картах XVII в. все, что располагалось восточнее Московии до самого Тихого океана, называлось Великой Тартарией (Татарией). И даже пролив, отделяющий от материка самый большой тихоокеанский остров российского владения — Сахалин, назван в силу этой традиции Татарским. Предки русского князя — татарские мурзы, сами того не желая, дали название огромной стране. Правда, существовала эта страна лишь на сомнительных картах и в воображении просвещенных европейцев. Существование этой виртуальной страны пугало Европу с XIII в. Столетие с такой нумерацией само по себе никак не могло быть счастливым, а тут еще откуда ни возьмись монгольское нашествие, ставшее в исторических хрониках татаро-монгольским. Последний раз «татарские полчища» прошлись по Европе эдак в 1812—1814 годах, ставя на место Императора французов духовного потомка Чингисхана. Правда, были эти славные всадники уже под двуглавым российским орлом. Когда менее чем через полвека после Наполеоновских войн в Германии нашли первый череп древнего человека, названного неандертальцем, антропологи первоначально посчитали, что он принадлежал татарскому воину-освободителю той эпохи. Можно подумать, что среди европейцев не хватает людей с оригинальной внешностью.

Часть Азии за Уральскими горами — Камнем, именуемая русскими Сибирью, а не Татарией, могла казаться бесконечной. За этой землей начинался Восточный океан, за ним Америка. Вопрос, сошлась ли Великая Татария с Америкой, волновал не

одно поколение географов. Чем восточнее, тем все менее подробными становились европейские карты, тем больше неизведанные воды и земли давали простора фантазии путешественникам и порой независимым от них картографам. Одна такая фантазийная карта заставила В. Беринга бессмысленно тратить время на поиски несуществующей земли. Дорого заплатила Вторая Камчатская экспедиция за полет воображения европейских картографов. Настоящие карты чертились кровью; русской, татарской и легиона племен, которые «стремились» войти в европейское географическое пространство. К середине XIX в. карта той части Азии, которой предстояло стать российской, была обозначена только в самых общих контурах. Империя продолжала прирастать Сибирью.

Таких экспликаций к карте Родины юный князь Дмитрий Максутов конечно же не получал. Его никто не готовил княжить или управлять землями, исконными или обретенными. Как и всякого русского дворянина, его готовили служить. Служить Отечеству и Трону.

Принято считать, что дворяне получали начальное домашнее образование и воспитание. Причем упор делался на последнем слове. Влиянием улицы можно пренебречь. Но влиянием города детства и реки, на которой он стоит, пренебрегать нельзя. Как Нева продолжает воспитывать Петербург — Северную столицу, так Кама воспитывает Пермь, тоже не последний город России. Первоначально Пермью русские называли предуральские просторы. Русь стала прирастать Пермью, точнее сказать, прорастать в Пермь или сращиваться с ней кровью во времена Василия Темного, почти в то же время, когда создавалось Касимовское царство.

В 1723 г. в узкой долине реки Егошихи, притока Камы, возникло поселение при медеплавильном заводе, преобразованное в 1780 г. в город Пермь. Идея сподвижника Петра Великого Василия Татищева была предельно ясная — заложить на уральских землях до 40 казенных заводов. В то время в Прикамье сначала была найдена медь. Медеплавильные заводы определили судьбу будущего поселения. В Перми планировалось окончательно очищать всю уральскую медь, поэтому город-завод на Каме стал первым среди прочих.

В. Татищев творил будущее России, а под конец жизни составил первую в Отечестве «Историю Российскую». Не дано было ему знать, что Пермская земля породит людей, которые откроют и закроют Русскую Америку.

Город на холмистом высоком берегу полноводной Камы стал центром необъятного Пермского наместничества, а следующий

век встречал уже как центр Пермской губернии. Основанный как большая военная кузница Западного Урала, город остается таким и до дней нынешних. Уже в годы пребывания князя Д. Максутова в Америке медеплавильное производство переросло в сталелитейное. Были основаны «Пермские пушечные заводы». Пушка, изготовленная в 1868 г. на заводе, прозванном «Мотовилиха», до сих пор остается в Книге рекордов Гиннесса как самая тяжелая в мире.

Отдаленность каждого города от столиц в России определяется по тому, может ли этот город стать местом ссылки или выселения. Пермь может. Так, первым политическим ссыльным в городе был М. Сперанский. «Изменник» был отправлен сюда в самый разгар наполеоновского нашествия на Россию. Третировали впавшего в немилость законодателя почти два года, пока Александр I не повелел «разуметь сосланного государственного секретаря как тайного советника». Частично реабилитированный М. Сперанский покинул Пермь, чтобы стать гражданским губернатором Пензенской губернии, столь близкой Максутовым.

Наука география может иногда быть объективной, но не может быть аполитичной. С детских лет мы знаем, что Волга впадает в Каспийское море. А Кама — всего лишь восточный приток ее. Но этот приток по полноводности превосходит Волгу до такой степени, что объективно следует считать, что в Каспийское море впадает именно Кама. Права на топонимику получает победитель. Русские шли от Днепра и Дона на восток до самого Тихого океана. Волга для Руси долгое время оставалась скорее пограничной рекой, а Матушкой и Главной дорогой России стала только в XVI—XVII вв. И уж выйдя на Камень, как исторически именовались Уральские горы, русские могли только добавлять притоки к своей великой реке. Поэтому вопрос названия реки, впадающей в Каспийское море, — вопрос национальной и государственной идентификации. Пожалуй, первый урок географии и истории, который получил будущий офицер флота, состоял в том, что Кама — весьма полноводная и своенравная русская река, сшивающая Урал с Центральной Россией.

Отмечено одним выпускником Лицея, что большинство дворян тех лет «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Если помещику выписывать хороших воспитателей в имение было дороговато, то для чиновника, служащего в большом городе, выбрать сравнительно компетентных наставников было вполне по средствам. Р. Пирс считает, что в княжеской семье могли быть иностранные

учителя — немецкие, французские и, возможно, английские. По мнению автора, американский ученый несколько преувеличивает возможности губернского центра для получения начального образования. Наверное, князь Петр Иванович вполне мог сэкономить на учителях еще и потому, что женат он был на профессорской дочери. Анна Ильинична могла передать сыновьям если не сами знания, то уважительное отношение к образованию в целом.

Отца Анны Ильиничны, своего деда, князь не знал. Тот умер, когда Дмитрию не было и четырех лет. Дед мог бы дать внукам несколько уроков географии, истории и жизни. Родившийся в семье священника Пермской губернии Илья Федорович Яковкин стал «учителем высших разрядов по историческим и географическим предметам». Более десятка лет обретал он педагогический опыт в Петербурге. Учил не только истории и географии, но еще и языкам, родному и иностранным. Успешный преподаватель Пажеского корпуса стал директором 1 -й Казанской гимназии. А с созданием в 1805 г. Казанского университета — его профессором, затем и директором (управляющим). Отличие директора от ректора состоит в том, что первый назначается, второй избирается ученым советом. Казанский университет обрел полноправного ректора только в 1813 г. Но не И. Яковкин был избран ректором. Наоборот, Илья Федорович был отстранен от должности после инспектирования вышестоящим ведомством несколько «скороспелого», по мнению самих студентов, университета. Скандал был то ли из-за авторитарного правления директора, то ли из-за его финансовых злоупотреблений, то ли из-за его трений с очень грамотными немецкими профессорами. Среди этих профессоров был адъюнкт правоведения барон Георг (Егор) Врангель, который еще окажет решающее влияние на судьбу князя Дмитрия Максутова. Пожалуй, этот был единственный немец, с кем у Ильи Яковкина сложились отношения приязни. Дружба была такая, что Илья Федорович отдал за барона одну из своих дочерей. Покинув Казань, Илья Федорович провел остаток долгих дней в Царском Селе, имея приличный пенсион. Ради Петербурга оставил Казань и Георг Врангель. И до наших дней Максутовы, Яковкины, Врангели не выпали из образованной элиты России. Судьба не раз сводила представителей этих семей на протяжении двух веков.

По отцовской линии все предки князя служили в армии и даже в гвардии. Совсем не лишним казалось пензенским дворянам вре-

мя от времени показывать своих отпрысков в столичном обществе. Там рождались связи, дружбы и любови. Выходя из

армии в отставку, Максутовы в помещиков не превращались, а продолжали карьеру по различным гражданским ведомствам. Отец князя Петр Иванович служил по Министерству Императорского Двора и уделов. Занимался он управлением удельными имениями и крестьянами, принадлежавшими Двору, т. е. был фактически распорядителем царского имущества в Пермской губернии.

Наверняка какое-то влияние на малолетнего князя Дмитрия оказывали старшие сестра и братья. Но относительно достоверно можно судить только об отношениях наиболее близких по возрасту Александра и Дмитрия. Братья были различны по складу характера, но взаимодополняемы и очень дружны. Дружны оказались и их потомки.

Первым морским офицером в роду Максутовых стал Павел, старший сын Петра Ивановича. Он был отдан в Морской корпус в 1838 г. и покинул Пермь, когда Дмитрию было всего шесть лет. Судьба сложилась так, что погодки Александр и Дмитрий прошли значительную часть жизни вместе, причем Александр всегда, как и положено старшему, был чуть впереди. Целых 22 года.

Специалисты по возрастной психологи не без оснований считают, что чаще всего интеллектуально более развиты старшие дети в семье. Так получается, потому что первенцы чаще общаются с родителями. Эти дети логически мыслят, хорошо решают математические задачки, копят нужные и не очень знания. Каждому последующему ребенку внимания родителей достается все меньше. Но зато ему приходится приспосабливаться под поведение старших детей. Его интеллект приобретает социальную направленность. Такой ребенок легче находит верную линию поведения в обществе, адекватнее реагирует на настроения окружающих. Князь Дмитрий был в большей степени младшим братом. Поскольку после в семье появилось еще два сына, у него не было шанса стать любимчиком ни маминым, ни папиным.

Сравнительно благополучное детство князя оборвалось осенью 1842 г. Начинались холода, стали сильнее топить. Нашлись и такие хозяева, которые не использовали летний сезон для ухода за печами и дымоходами. Автору самому как-то в сентябре едва удалось потушить пожар, начавшийся от перетопленной печки. В ту пермскую осень какому-то домовладельцу повезло меньше. Его дом загорелся.

^

Как часто случается, огонь перекинулся на соседние дома. Сгорел и дом Максутовых. Поэтому скорейший отъезд двух сыновей в Петербург во многом решал проблемы просто-напросто

выживания семьи князя Петра Ивановича.

Сам Дмитрий Петрович посвятил в Памятном листке детским годам всего три записи:

1832 май 10 Аень моего рождения.

1842 сект. 14 Пожар в Перми. Сгорел наги дом.

1843 март 20 Поступил в Морской корпус.

«Поступил в Морской корпус». Так начался отсчет морской службы Дмитрия Петрова сына Максутова. Конечно же выбор службы был сделан не самим мальчиком, а его большой семьей. Да и поступил в корпус князь вовсе не сам. Выбор службы дворянина определялся не только так называемой семейной стезей, но возможностями родственников. В морскую службу записывали детей весьма небогатых дворян, дабы избежать чрезмерных расходов потом. Чтобы служить в гвардии, приходилось тратиться на вещи, именуемые статусными. Князья Максутовы некоторое время служили в гвардии, убедившись на своем опыте, что это дорого. Морская служба традиционно в России не имела соразмеренного вознаграждения. В «золотой век» Императрицы Екатерины однажды ради забавы подвели итог окладов всех (!) русских моряков, и оказалось, что он не достигает содержания одной гвардейской роты. Да и локтями родственники будущих морских кадетов толкались меньше. Уж больно непредсказуема эта жизнь на зыбкой палубе. Небогатая семья могла отправить отпрысков и в сухопутный кадетский корпус с тем, чтобы служить им по выпуску в армейских частях. Морская служба не имела гвардейских соблазнов, но и не позволяла затеряться среди тысяч армейских офицеров. Князья все-таки. Из многочисленного рода Максутовых кому-нибудь удавалось удерживаться в гвардии до самой Октябрьской революции. '

Сохранился и текст ходатайства о зачислении в Морской кадетский корпус старшего брата Александра. На этот раз ходатаем, как и по всем родовым делам, был родной дядя юных князей Николай Иванович, в то время отставной надворный советник. Именно он владел родовым имением в Пензенской губернии.

«Всепресветлейший Д<ержавнейгиий,

Великий Государь, Император Николай Павлович, Самодержец Всероссийский Государь Всемилостивый.

Просит отставной Надворный Советник князь Николай Иванов сын Максутов о нижеследующем: '

Племянника моего Александра Максутова, имеющего от роду шесть лет, и обученного российской грамоте писать и читать, желая отдать для воспитания в Морской Кадетский Корпус,

всемилостивейше прошу».

Можно предположить, что просьба о зачислении в корпус Дмитрия была аналогичной. Судя по тому, что Александр и Дмитрий попали в Морской корпус в девять и десять лет соответственно, прошение было удовлетворено не сразу. То ли семья ждала, когда братья подрастут, то ли будущие кадеты были загодя поставлены в очередь. К этому прошению прилагались обоснования дворянского достоинства князей Максутовых. В частности, Александру уже в трехлетием возрасте подготовили письменные подтверждения его благородного происхождения.

«1835 года ноября 30 дня по указу Его Императорского Величества из Пензенского Дворянского Депутатского Собрания по прошению надворного советника князя Петра Ивановича Максутова и последовавшей на оное резолюции, дана сия копия сыну его Александру для поступления в казенное учебное заведение и государственную службу за надлежащим подписанием с приложением печати Дворянского собрания. Таковая копия с определения и копия свидетельств о времени рождения и крещения представлены в Герольдию сего ноября 30 числа за № 524.

Губернский предводитель *Никифоров».*

Морской корпус, несомненно, был весьма привилегированным учебным заведением, хотя не таким, как Лицей или Пажеский корпус. Известен случай, когда отставной, еще екатерининский, адмирал Петр Иванович Пущин привез в Лицей поступать двух внуков. Но взяли только одного. Правительство было заинтересовано, чтобы как можно большее число дворянских семейств могло воспользо-ˆ

ваться этим учебным заведением. Морской корпус же поощрял династии и «братство». Туда адмирал мог бы привести и трех внуков. Приемных экзаменов в корпус в то время не предусматривалось.

В 40-х гг. XIX в. в стенах Морского корпуса пребывали сразу четверо братьев Максутовых. Строго говоря, как только Павел успел выйти из корпуса, его место заняли Александр и Дмитрий, затем в корпус поступил Георгий. В такой очередности — Максутов 1-й, Максутов 2-й и Максутов 3-й, Максутов 4-й — они успеют на ближайшую войну и будут долгое время числиться в служебных документах российского императорского флота.

Морской кадетский корпус описан многими авторами. Среди них есть современники и сослуживцы Максутовых: Ф. Веселаго, Л. Загоскин, А. Зеленой, В. Римский-Корсаков. Воспоминания этих замечательных морских офицеров составляют основу многих современных компиляций, посвященных истории российского

флота. От этого никуда не деться. Последняя известная автору попытка системно изложить историю старейшего учебного заведения России предпринята Г. Зуевым. Его «Историческая хроника Морского корпуса. 1701—1925 гг.», вышедшая в 2005 г. в серии «Россия забытая и неизвестная», позволила в рамках настоящего повествования ограничиться фактами, непосредственно относящимися к жизни главного героя.

Здание Морского корпуса на Николаевской набережной Васильевского острова сохранилось и используется по традиционному предназначению; там до сих пор готовят офицеров российского флота. Сохранилось и основное предназначение помещений. Еще сохранились картины русских маринистов XIX в. Выпускник корпуса А. Боголюбов считал, что его директор контр-адмирал Николай Петрович Римский-Корсаков был ловким жонглером своего времени и, любя роскошь, украшал корпус картинами среднего достоинства, ибо платить широко не любил. По случаю готовящегося юбилея корпуса в 1852 г. были заказаны картины и самому А. Боголюбову. Эти полотна все настойчивее просит возрожденный в нынешнем веке Константинов-ский дворец в Стрельне. Разве можно отказать продолжателям дела генерал-адмирала Великого князя Константина. Оригиналы заменят списками, как намоленные иконы новоделами. Воспитательный эффект от этого вряд ли будет положительным. Конечно же боевой дух и традиции воспитанников Морского корпуса поддерживают не только стены и картины. Но и они тоже.

Сегодня практически невозможен доступ в церковь корпуса. Построенная во времена Павла I, она не случайно носила имя Святого Исповедника Архиепископа Павла. Все кадеты и преподаватели были благодарны Императору, что он вернул корпус из Кронштадта в Петербург. В церкви находились черные мраморные доски с именами выпускников корпуса, убитых в сражении.

Так, на седьмой доске значилось:

«24 августа 1854 г. 19-го флотского экипажа Аейтенант Князь Александр Максутов 2-й при нападении англо-французских эскадр на Петропавловск тяжело ранен, умер 10-го сентября».

Пребывание в Морском корпусе, как и значительная часть службы князей Максутовых, приходится на царствование Императора Николая Павловича. Самодержец умел вызывать в кадетах любовь и ужас — сплав, способный породить преданность. О достоинствах и недостатках подготовки морских офицеров в николаевскую эпоху написано и будет написано немало. При всей сословности, практически не утраченной до

Первой мировой войны, корпус успешно справлялся с воспроизводством компетентных командиров кораблей и государственных деятелей разного профиля и масштаба.

В «максутовские» времена директором корпуса был Иван Федорович Крузенштерн. Занял он эту должность в 1827 г. и оставил в 1842 г. Прославленный адмирал покинул службу по состоянию здоровья. Он воспитывал старшего Максутова — Павла, определенного в корпус в 1838 г. Скорее всего, он же рассматривал документы на поступление князей Александра и Дмитрия. В 1842 г. директором корпуса стал контр-адмирал Николай Петрович Римский-Корсаков, который и выпустил в 1847 г. молодых гардемаринов Максутовых. Несколько позже его племянник Воин Андреевич Римский-Корсаков тоже станет директором корпуса. Поскольку братья Максутовы некоторое время оставались служить на Балтике прикомандированными к Морскому корпусу, они сохранили самые хорошие отношения с его последующими директорами вице-адмиралом Николаем Казиным и особенно контр-адмиралом Богданом Глазенапом. Последний был офицером весьма образованным и имел хороший дипломатический опыт.

Незадолго до назначения в корпус флигель-адъютант Б. Глазенап принимал участие в Шлезвиг-Голштинском походе русской эскадры под флагом вице-адмирала И. Епанчина. Демонстрация силы в водах Дании была успешной. Во время прощального обеда у датского короля командующий русской эскадрой начал говорить тост: «Богдаша! Переведи Его Величеству, что пока Епанчин с ним, то может на обоих ушах спать покойно». Это был не первый и не последний случай в военно-дипломатической практике, когда подвыпившего начальника спасает толковый переводчик. Б. Глазенап был из таких. У Богдана Глазенапа был брат Владимир, карьера которого сложилась не так удачно. Ему доверили командовать первым русским винтовым кораблем «Архимед». В 1850 г. корабль был выброшен на скалы у острова Борнхольм. Капитана 1-го ранга В. Глазенапа, впрочем, оправдали. Богдан Александрович всегда переживал за своего брата и очень внимательно присматривался, как воспитанники корпуса, которые были братьями, помогают друг другу. Судьбы Максутовых и Глазенапов пересекались на суше, на морях и реках в разных поколениях вплоть до Первой мировой войны.

Б. Глазенап долгое время оставался авторитетным наставником и старшим товарищем для многих морских офицеров, которые считали за честь состоять с ним в переписке. К нему обращался командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант

И. Изыльметьев в 1854 г.: «Вменяю себе в непременную обязанность благодарить Ваше превосходительство о назначении офицеров и гардемарин на вверенный мне фрегат и долгом поставлен уведомить, что питомцы Морского корпуса прекрасной нравственности и усердием к службе заслуживают самых лестных похвал». Именно Б. Глазенапу отправил свое последнее письмо князь Александр Максутов.

С 1848 г. шефом Морского корпуса стал Великий князь Константин Николаевич, сам едва более 20 лет от роду. А генерал-адмиралом этот достойный юноша стал в возрасте 5 лет, когда князю Д Максутову исполнился всего год.

В «Формулярном списке» князя Дмитрия Максутова пребывание в учебном заведении отражено следующим образом: «Воспитывался в Морском кадетском корпусе и знает: навигацию, астрономию, теоретическую механику, начертательную геометрию, фортификацию, морскую тактику, практику, теорию кораблестроения и корабельную архитектуру. Иностранных языков не знает». Эта сухая формулировка не отражает ни нравственных, ни деловых качеств офицера. Но, памятуя, что в то время образование и воспитание еще не были разделены, можно предположить, что одобряемые обществом качества у князя были сформированы.

Воин Андреевич Римский-Корсаков вспоминал, что кадеты «сами развивали в себе добрые наклонности, без всякого участия в том со стороны начальства». Нельзя сказать, что в корпусе пренебрегали воспитанием. Ведь и записано *воспитывался*, а не *обучался*. Но воспитание было итогом следования флотским обычаям и традициям учебного заведения, писаным и неписаным правилам поведения человека в форме.

Морской корпус располагал учебными кораблями, в основном фрегатами. При князе Дмитрии Петровиче в 1845 г. был спущен на воду 24-пушечный фрегат «Надежда». Этот корабль стал последним классическим парусником в учебном отряде корпуса. Сразу же после «Надежды» ее стапель был занят постройкой первого в России винтового корабля «Архимед».

При спуске относительно небольшого фрегата (36,7 м по палубе) присутствовали Император Николай I и Великий князь Константин. А если присутствовали первые персоны, то вторых и третьих тоже хватало. Из кадет был сформирован караул под корпусным знаменем. Вряд ли братья Максутовы Дмитрий и Александр были в его составе по малолетству. Но вот на кораблях Морского корпуса, ставших в тот день на Неве близ Охтинской верфи, князья вполне могли оказаться. Позже оба проходили на «Надежде» практику. Умели же когда-то морские начальники

выбирать названия для первых в жизни кадетов кораблей: «Надежда», «Верность», «Успех».

Если на кораблях ходили только в навигацию, то различными корабельными учениями могли заниматься круглый год. Благо в обеденном зале корпуса стояла копия брига «Наварин», меньше оригинала всего в два раза.

Наверное, в Морском корпусе было все, чтобы сделать юношу морским офицером. Все, кроме семейного участия и любви. Недостаток коих должен был восполняться за его стенами. Для любого оторванного от семьи подростка крайне важно, в какой домашней среде он сможет залечить раны, нанесенные изощренными преподавателями и неразумными товарищами, передохнуть от учебных баталий, готовящих его к суровой мужской жизни. В Морском корпусе и сегодня можно провести не один год, не выходя на улицу. Но мир кадетов никогда не ограничивался Васильевским островом и Кронштадтом. За стенами учебного заведения лежал весь Петербург!

^

Где же нашли семейное участие юные князья, куда бежали они, будучи отпущенными в увольнение? Автор смеет предположить, что в большой семье барона Фердинанда Петровича Врангеля, в ту пору контр-адмирала и директора Российско-Американской компании. Попали братья Максутовы в эту семью, воспользовавшись случаем. Случаем — в том толковании, которое было принято в позапрошлом веке: удача выпала.

В первой половине XIX в. князья Максутовы не принадлежали к столичной знати и, в большинстве, служили вовсе не в Петербурге. Но была у князей Александра и Дмитрия в Петербурге замечательная тетя Прасковья. Дело в том, что дед князя Дмитрия по материнской линии Илья Яковкин имел двух дочерей Анну и Прасковью. Анна вышла замуж за Петра Максутова и уехала с ним в Пермь. Прасковья вышла замуж за человека университетского круга Георга Густава (Егора Васильевича) Врангеля, некоторое время служившего под началом Ильи Яковкина в Казанском университете. Врангель так и остался бы провинциальным профессором права, если бы вынужденно не покинул Казань. Выпускник многих университетов барон Георг Врангель вспомнил свое начало российской службы в Законодательной комиссии еще при М. Сперанском и вернулся в Петербург. Да и сам граф М. Сперанский оправился после клеветы и вновь стал неистовым реформатором даже при Императоре Николае Павловиче.

В 1820 г. Егор Врангель был уже профессором Петербургского

университета, приглашаемым в Царскосельский лицей. Когда открылось Училище правоведения, Егор Васильевич был назначен его инспектором. Но самое главное, он был приглашен читать право Великим князьям. Причем этот немец стал ведущим специалистом русского права. Такой вот был ученый и близкий ко Двору муж родной тетки князя Дмитрия Максутова. Только его юный князь Дмитрий не застал. Егор Васильевич скончался в 1841 г. Еще этот ученый муж был родственником барона Фердинанда Врангеля. Доктор исторических наук Б. Полевой, подробно изучавший генеалогию рода Врангелей, считает, что Фердинанд и Георг были братьями. Автор скажет мягче — кузенами. Кроме того, были и другие Врангели, состоявшие в различной степени родственной близости, служившие России на суше и на море. Нельзя сказать, что Максутовы вошли в семью Врангелей, но стали им далеко не чужими. Так завязался узелок родственных отношений, имевших решающее влияние на судьбу князя Дмитрия Петровича.

Ко времени прибытия молодых князей Максутовых в Петербург Ф. Врангель был уже признанным географом, участником арктической экспедиции и нескольких кругосветных плаваний, бывшим Главным правителем самых дальних российских владений — колоний в Америке. Он мог позволить себе принимать участие в судьбе своих относительно близких и дальних родственников. Есть основание считать, что он способствовал приглашению на службу в Российско-Американскую компанию Василия Степановича Завойко, женатого на дочери Георга Врангеля Юлии. Лейтенант В. Завойко до 1840 г. успел дважды совершить кругосветное плавание, посетить Камчатку и Америку и даже издать свои «Впечатления моряка». То, что он был женат на двоюродной сестре князей Максутовых, не имело значения во время пребывания этих юношей в Морском корпусе. Сам В. Завойко служил в это время на Тихом океане, обустраивал порты Охотск и Аян. Придет время, и он встретит своих свойственников Максутовых на Камчатке.

Кроме дочерей Юлии и Анны, у Георга Врангеля был сыновья Василий и Егор. Василий, старше Дмитрия Петровича лет на шестнадцать, успешно служил чиновником Департамента корабельных лесов в Морском министерстве, постепенно рос и ждал своего часа стать директором РАК. Он хорошо знал молодых князей Максутовых, чтобы пригласить впоследствии одного из них на службу в компанию. Егор, всего лишь пятью годами старше князя Дмитрия, будет постепенно осваивать юриспруденцию и тоже не пройдет мимо Главного правления РАК.

В доме Георга и Василия Врангелей, скорее всего, и «отогревались» кадеты Павел, Александр и Дмитрий. Сохранилась копия рисунка баронессы Анны Егоровны Врангель, на котором изображен симпатичный мальчик Александр Максутов, кадет младшей роты. Юлия, Анна, Василий и Егор приходились Максутовым вовсе не дальними родственниками. Они считались кузенами и кузинами, а значит, по мере сил поддерживали друг друга. Даже если установленные автором отношения между Врангелями и Максутовыми окажутся не такими близкими, грядущий романист не сможет их игнорировать.

Общаясь с Врангелями, будущие офицеры расширяли свои представления о географии. Князь Дмитрий не мог осознать, что, едва ступив на порог Морского корпуса, он начал путь в Русскую Америку.

С детских лет университетская среда оказалась близкой Дмитрию Максутову. Неистребимо обаяние высшего образования; свои шутки, свои ценности и идеалы, своя ментальность. Наверное, и свою будущую супругу князю Дмитрию будет легче искать именно в этой среде. Кто-то заметит, что среда эта говорила с немецким акцентом. Не вся. Барон А. Дельвиг, в частности, начал учить язык предков уже в Лицее. Только не знающий немецкого юный поэт мог дебютировать описанием подвигов в 1812 г. «Витгенштейна, вождя славного войска русского». Забывший немецкий во время морской службы барон Ф. Врангель восстанавливал его, возвращаясь из Русской Америки. Он как бы извинялся за то, что в его дневниках с каждой верстой, пройденной сушей по Мексике, появляется все больше немецких слов, предложений, абзацев и страниц.

Император Николай Павлович имел право заметить: «Российские дворяне служат России, немецкие — мне». Он несколько полемически заострил проблему немецких дворян в России. Прибалтийские, или, как их тогда называли, остзейские, немцы представляли потомков крестоносцев, осевших на территориях бывшей Восточной Пруссии и нынешних Эстонии и Латвии. Именно они и сформировали дворянское сословие в балтийских землях, вытеснив на социальную периферию местное население. Проще скажем, нещадно подавив его. Немцы чувствовали себя владельцами земель и крестьян, но оставались чужаками для коренных жителей. Они считали себя не покоренными Россией, а только верными вассалами российского Императора. Такой вот пережиток Средневековья. Известны Врангели, верно служившие и королю Прусскому. Об одном из них напоминает сохранившаяся до нынешних дней Башня Врангеля в системе укреплений Кенигсберга, нынешнего

Калининграда. Названная в честь прусского генерал-фельдмаршала графа Врангеля, она может оказаться сегодня памятником всей знаменитой немецкой фамилии, имевшей весьма глубокие датские корни. Можно было бы идентифицировать этот род по географической, а не по политической карте — *остзейцы.* Не особенно озабоченный политкорректностью автор останавливается на сочетании *русские Врангели.*

Факты подтверждают, что русское дворянство немецких кровей в основной массе оставалось верным своему сюзерену и во время войны против кайзеровской Германии. Нашли место в той войне и Врангели.

Как везде и всегда, мелкопоместное дворянство держалось за элементы своего статуса. В отношении миропонимания прибалтийских немцев вполне справедливо звучит «человечество начинается с баронского звания». В этой среде баронскими званиями очень дорожили, но не кичились.

Балтийские немцы составляли некую прослойку не только среди высших чинов империи, но и на флоте. Но Ф. Беллинсгаузен, Ф. Врангель, Ф. Литке, О. Коцебу и иже с ними не образовывали непроницаемую земляческую касту. Все они были так или иначе знакомы, роднились, поддерживали друг друга. При этом они были инкорпорированы в интернациональную флотскую среду. Да и родственные отношения у них были самые широкие.

В жизни Д. Максутова счастливо совпали векторы официального воспитания и воспитания семейного; плавать по морю необходимо. Участник экспедиции Витуса Беринга Георг Вильгельм Стеллер в своем дневнике заметил: «Для офицеров большой честью было идти и идти вперед, чтобы потом они могли вовсю трубить о том, как далеко они были и как много — безо всякой нужды! — выстрадали». Обиженный и ироничный адъюнкт натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук ухватил один из мотивов службы офицеров флота — идти в дальнее плавание.

Современный моряк, услышав слово *плавал*, всегда поправит — ходил. В документах же того времени глагол *плавать* в отношении моряка или корабля был вполне употребимым. На постаменте памятника И. Крузенштерну можно прочитать: «Первому русскому плавателю вокруг света». Но как заметил один литератор, наплававшийся на боевом корабле, «боже вас сохрани сказать «приехали», нужно говорить «пришли». Иногда *плавание* заменялось на *вояж.* В том веке еще без иронии.

Культ дальних плаваний в Морском корпусе поддерживала

объективная необходимость связывать воедино империю, раскинувшуюся на трех континентах. Поэтому дальние плавания превращались в кругосветные. Каждый кадет корпуса непременно знал, что история кругосветных плаваний россиян началась с Ивана Федоровича Крузенштерна. Целью «Надежды» и «Невы» была та самая Русская Америка. Все остальное — походя. Так на целый век каждое кругосветное плавание россиян становилось тождественным посещению русских американских колоний. Морские кадеты учили историю достижения Америки, мечтая когда-нибудь достичь ее.

В мировой истории открытие Америки и первые кругосветные плавания имели первоначальной целью поиск кратчайшего пути в Индию. Россия, с петровских времен находясь в фарватере европей-ˆ

ской политики, тоже прокладывала морской путь в Индию. Вовсе не праздное любопытство проверить, сошлась ли Америка с Россией, двигало русскими мореходами. В каждой заморской экспедиции была экономическая составляющая. Историки могут гадать, почему не состоялась так называемая Мадагаскарская авантюра Петра I в 1716 г. Казалось бы, можно было привести под российскую корону этот далекий остров и получить плацдарм для бросков через океаны. И борьба за острова в океане, пусть самые незначительные, это — борьба за коммуникации. Скорее всего, авантюра так и осталась бы авантюрой, потому что не была подкреплена экономическим интересом. Загнать-то царь мог не только за Мадагаскар. А дальше что?

Напротив, освоение Северо-Западной Америки, начатое русскими в 1741 г., имело в основе интерес частного капитала. Интерес государственный и частный не всегда совпадают. Но уж если совпадают, то могут свернуть горы. Особенно когда они объединяются национальной идеей. А национальная идея покорения необъятных просторов Сибири у России была с XVI в. Выход на Тихий океан и Аляску в следующем веке — продолжение освоения Сибири. Практически теми же хозяйственными и военно-политическими методами. Только отделены были эти новые земли очень большой водой. Большинство экспедиций за пушниной в Америку начинались в Охотске, единственном тогда русском порту на Тихом океане. Сухой же путь из Центральной России до Охотска мог занимать не один год. Необходимость найти морской централизованный способ доставки грузов в Америку и вызвала к жизни дальние экспедиции, вывела российский флот на океанские просторы. Кругосветное плавание сулило громадную экономию в доставке грузов на окраины империи. Купцы XVIII—XIX вв. прекрасно

могли рассчитать расходы каждого участка перевозки. Так, стоимость доставки товаров из Лондона в Кронштадт была соизмерима со стоимостью их доставки из Кронштадта до стрелки Васильевского острова, где был Петербургский порт. А фрахт от Кронштадта до Охотска был дешевле доставки грузов через Сибирь в десятки раз.

Руководство Российской империи в вопросах дальних вояжей было последовательно прагматичным и смотрело на кругосветные плавания без энтузиазма. Поскольку Россия уже с XVIII в. занимала большую северную часть Евразии, то и путь в Америку было естественным искать вдоль северных, родных берегов. В 1763 г. гениальный М. Ломоносов обосновал «возможность прохода Сибирским океаном в Восточную Индию». Ломоносов считал, что есть шанс попасть в южные моря через северные, пройдя путь от Шпицбергена до Камчатки за одну навигацию. Достижение Тихого океана непосредственно вдоль берегов Сибири Михаил Васильевич считал невозможным. Подтверждением тому была неудача нескольких отрядов, искавших этот путь. Академик заключил, что эти экспедиции «не тою отправлены были дорогою».

К концу жизни поморский сын Михайло душой стремился на север. Он верил в то, что «российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном». В 1765 г. Ломоносов успел составить «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном». Секретная экспедиция 1765 г. «О возобновлении китовых и других звериных и рыбных промыслов на Шпицбергене» под руководством капитана бригадирского ранга В. Чичагова имела целью пройти на Камчатку Северным морским путем и встретиться там с другой не менее секретной экспедицией капитан-лейтенанта П. Креницына, исследовавшей Алеутские острова и полуостров Аляску. Та, в свою очередь, именовалась «Комиссией для описи лесов по рекам Каме и Белой».

Экспедиции секретились со всем тщанием, так чтобы об их целях до самого последнего момента не знали ни чужие, ни свои. А значит, и команды. Эта хорошая практика сохранилась до вчерашних дней. Самая секретная экспедиция российского (советского) флота носила название «Анадырь», а была направлена на Кубу создавать Карибский кризис.

Всем офицерам полярной экспедиции секретно были присвоены очередные воинские звания. Указ об этом капитаны имели право вскрыть только на кораблях, идя в море. В Восточный океан из Северного не прошли, с коллегами не

встретились. Плавание по маршруту, намеченному М. Ломоносовым, стало возможным только более двух веков спустя. В 1977 г. для этого понадобился атомный ледокол «Арктика». Поэтому будущий адмирал В. Чичагов в «Оправдательной записке» по итогам попыток пробиться к Северному полюсу имел право обижаться на обнадеживающие представления кабинетного ученого и поморского сына

Князь Максутов, несомненно, изучал эти экспедиции в корпусе. С отношениями же М. Ломоносова и В. Чичагова он мог познакомиться уже после Восточной войны в небольшой брошюре, издан-

ной Соколовым в 1854 г. в Петербурге, которая так и называлась «Ломоносов и экспедиция Чичагова».

Следующую попытку попасть в Америку морским путем русский флот начал готовить в 1786 г. Адмиралтейств-коллегия назначила командиром кругосветной экспедиции капитана 1-го ранга Григория Ивановича Муловского, выделив ему четыре корабля и транспорт. Экспедиции помешали войны с Турцией и со Швецией. Екатерина Великая не то чтобы совсем «поставила крест» на кругосветке, а просто решила сделать ее цель более актуальной. Одной секретной экспедицией больше, одной меньше. Она советовалась с Г. Потемкиным по поводу Г. Муловского, «не лутче ли будет под видом той экспедиции оборотить его деятельно в Красное море, на Мекку и Медину, незаметно делать туркам пакости». Скорее всего, воспитанники Морского корпуса знали хорошо о геройском поведении и мужественной гибели капитана бригадирского ранга и кавалера Г. Муловского во время Эландского сражения со шведами в 1789 г. Он был храбрым и умелым морским офицером, командовавшим кораблем до последнего, несмотря на смертельное ранение. Кадетов учили подражать Григорию Муловскому в жизни и в смерти. Когда братья Максутовы будут защищать Петропавловск и Севастополь, они покажут, что этот урок ими усвоен.

Культ героя Балтики не мог не поддерживать директор корпуса И. Крузенштерн, который служил у него гардемарином. Дескать, вот когда я был молодым... Эдакий воспитательный инвариант лермонтовского «были люди в наше время». И хотя вместе Г. Мулов-ский и И. Крузенштерн служили не долго, этого оказалось достаточно, чтобы молодой офицер разделил страстное желание ветерана выйти в океан. Накопив опыт дальних вояжей под английским флагом, И. Крузенштерн с самого начала XIX в. стал разрабатывать программу российской кругосветки и предлагать ее морскому ведомству. С таким именем он просто не мог не стремиться быть первым. Первой его услышала Российско-

Американская компания в 1802 г. Новый век, новое царствование. Все казалось возможным. Сам Государь Император стал пайщиком компании. Но поскольку в России судов, годных для столь напряженного плавания, сыскать не удалось, их пришлось закупить в Лондоне. Флагман экспедиции был назван «Надеждой», наверное, в честь дубель-шлюпки из отряда М. Шпанберга, описывавшего Курильскую гряду. Ведь идти предстояло в те же воды. Экспедиция покинула Кронштадт в июле 1803 г. Так начиналось блестящее столетие русского океанского флота. В апреле 1805 г. Крузенштерн нанес на русские карты северную оконечность островов Цусима. Ровно через 100 лет в этих водах история океанского флота России если не закончилась, то изрядно прервалась.

Каждый кадет надеялся, что рано или поздно он окажется в морях, описанных «первым русским плавателем вокруг света». Придет час, и твоим именем назовут неизведанные заливы, мысы и целые архипелаги. Таков первый урок И. Крузенштерна, воспринятый Д. Максутовым.

Но был еще один урок И. Крузенштерна. О нем предпочитали умалчивать в стенах корпуса. Но о нем могли вспоминать в нужную минуту другие директора. Не Морского корпуса, а Российско-Американской компании. Первая русская кругосветная экспедиция не была единоначальной. На первенство согласно Морскому уставу претендовал капитан-лейтенант и кавалер И. Крузенштерн. Корреспондент РАК действительный статский советник и кавалер Н. Резанов, имевший гражданский чин равный контр-адмиралу, небезосновательно считал первенствующим лицом экспедиции себя. Ведь именно РАК купила корабли и приняла на службу их экипажи, включая самого Ивана Федоровича. Тем более что полученные высочайшие инструкции каждый мог толковать по-своему. Два руководителя за-конфликтовали, вовлекая в разборку офицеров и прочих чинов экспедиции. Дело доходило до постыдного. Если бы не добрая воля Н. Резанова, то на Камчатке И. Крузенштерна могли бы отдать под суд. И ему не пришлось бы даже возвращаться в Петербург; каторгу нашли бы поближе к Иркутску. Однако в Кронштадт И. Крузенштерн вернулся триумфатором. Н. Резанов вообще не вернулся; его могила затеряна в Красноярске.

Суть этого урока Крузенштерна, вынесенного им из кругосветного плавания, состояла в абсолютной необходимости поддержания единоначалия экспедиции. Будь то на корабле, будь то на земле, под Андреевским флагом или под флагом торговой компании. РАК сделала правильные выводы из конфликта. Независимо от коммерческой составляющей экспедиции

начальником должен быть один человек. И пусть это будет морской офицер. Его для того и готовят, чтобы быть абсолютным начальником. Ни один сухопутный командир не обладает той полнотой власти, которая есть у командира самого маленького корабля.

Князь Дмитрий Петрович Максутов с одной из дочерей.

Снимок сделан в Сан-Франциско. Фото из архива Т.Д. Максутовой

Лейтенант 19-го флотского экипажа князь Александр Максутов. Гравюра обрезана до овала лица советским астрономом Д. Максутовым. В экспозиции Центрального Военно-морского музея (Санкт-Петербург) портрет офицера сохранен в первозданном виде. Фотокопия из архива Т.Д. Максутовой

Могила лейтенанта А. Максутова в Петропавловске-Камчатском сохранялась до начала XX века. Фото из архива Т.Д. Максутовой

Петропавловск-Камчатский. Перешеечная, или Смертельная, батарея № 2, которой командовал лейтенант «Авроры» А.

Максутов.

Современная реконструкция. Фото из архива В. Колычева

Кадет Морского корпуса Александр Максутов. Рисунок его

кузины баронессы А. Врангель. Фотокопия из архива Т.Д. Максутовой

Петропавловский собор — первое каменное здание Перми. В метрических книгах этого собора сделаны записи о рождении и крещении князя Дмитрия Максутова

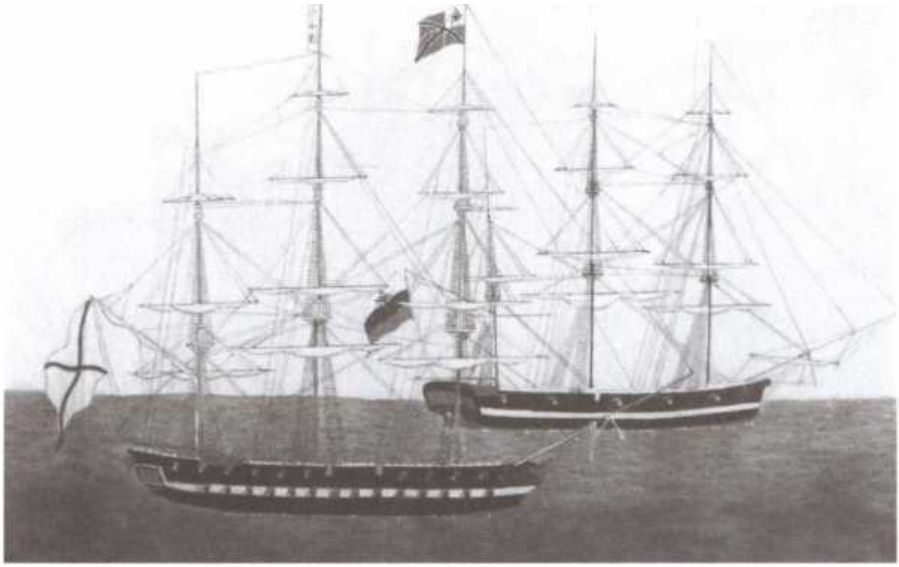
Пермь. Спасо-Преображенский собор. Колокольня собора была завершена в 1832 г. — в год рождения князя Дмитрия Петровича. Снимок сделан через бывшее Архиерейское кладбище, где ныне расположен зоопарк. Фото автора

Барон Фердинанд Врангель. Наставник и покровитель князя Д. Максутова

Первый русский плаватель вокруг света Иван Федорович Крузенштерн. Возможно, он рассматривал прошение о зачислении князя Максутова в Морской кадетский корпус

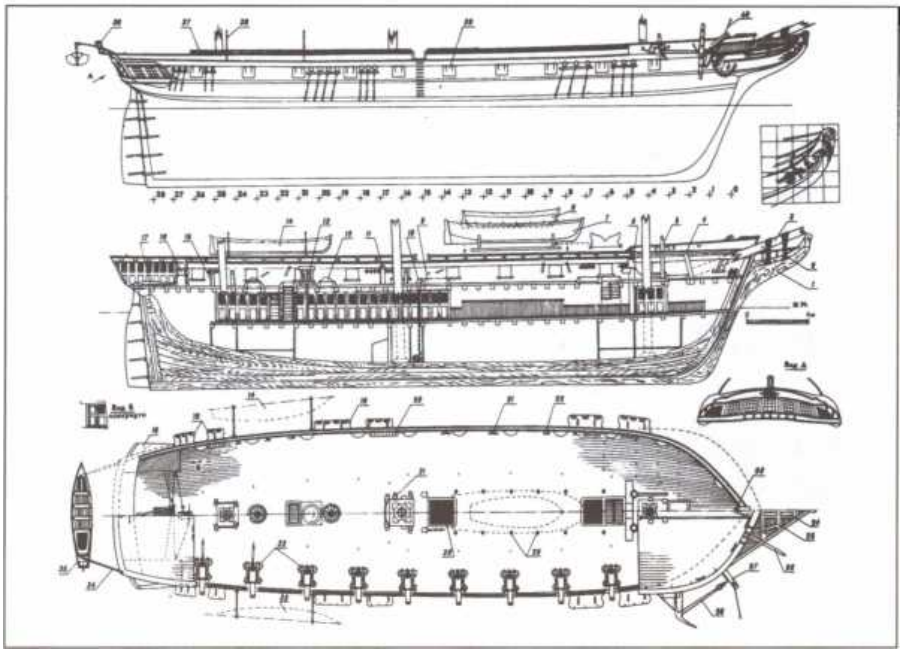
Здание Морского кадетского корпуса в наши дни. Санкт-Петербург. Фото автора

Фрегат «Диана» в бухте Симода. 1854 г. Рисунок лейтенанта А.Ф. Можайского



Корабли посольства вице-адмирала Е.В. Путятина фрегат «Паллада» и барк «Ментиков» в порту Нагасаки.

Автор исторического свитка — Екояма Мацусабуро



Чертежи корвета «Оливуца» хорошо сохранились и имеют высокий «индекс цитирования» среди историков и судомоделистов

Самая большая в мире пушка, созданная в 1869 г. на родине

князя Д. Максутова в Перми (Мотовилихинские заводы) и предназначенная для строившегося броненосного фрегата, которым позже командовал А. Пещуров.

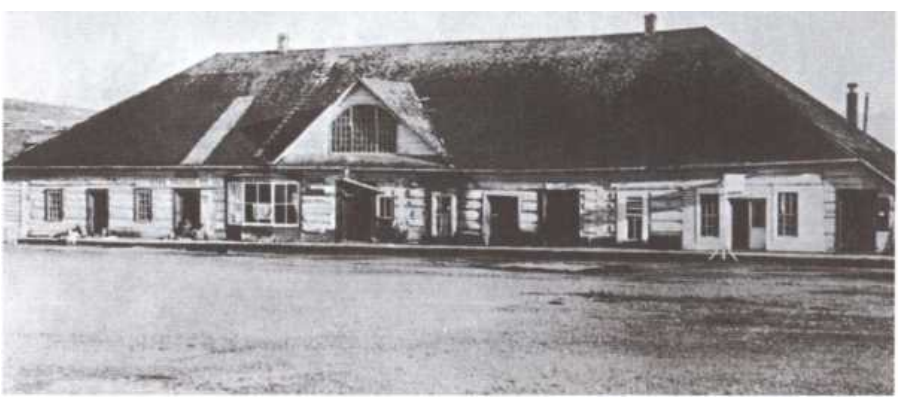
Фото автора

Единственный сохранившийся до наших дней флаг Российско-Американской компании. Эрмитаж, Санкт-Петербург

Мойка, 72. Здание Главного правления Российско-Американской компании. Фото автора

Вид Ситки — столицы российских владений в Северо-Западной Америке

Таким увидел Ново-Архангельск князь Д. Максутов, помощник Главного правителя. Иллюстрация к труду П. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени»



Здание компании на главной улице в Ситке. Снимок сделан

после передачи российских колоний

ГРСитка

Улица, идущая от Михайло-Архангельского собора к пристани, новыми хозяевами была названа именем А. Линкольна.

Почти перпендикулярно к ней в залив уходит улица Максутова

Парадный фотопортрет
Главного правителя Русской Америки
князя Д. Максутова

Русская православная церковь на Кадьяке. Фото из архива В. Колычева

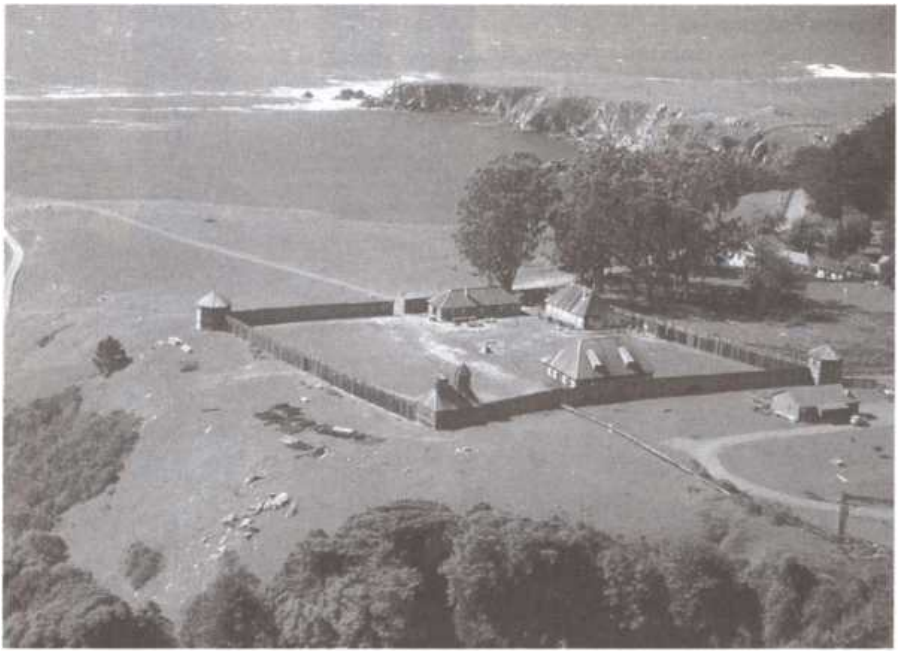
Ситка столетие спустя после передачи американцам

Русская православная церковь на Кадьяке.

Фото из архива В. Колычева

«Гостеприимная» Аляска. Предполагаемое место первой высадки русских в Америке с корабля А. Чирикова «Св. Павел» в 1741 г.

Фото из архива В. Колычева



Так сегодня выглядит Форт Росс. Фото из архива В. Колычева

ЩШШШш

Собирательный образ представителя России во время передачи Русской Америки. Возможно, это капитан 1-го ранга А. Пещуров. Аляскинская национальная библиотека

На том же рисунке американский бригадный генерал Дж. Дэвис, прописан достаточно узнаваемо

Г

jjg

* ***

\

_Ау*

V Ш

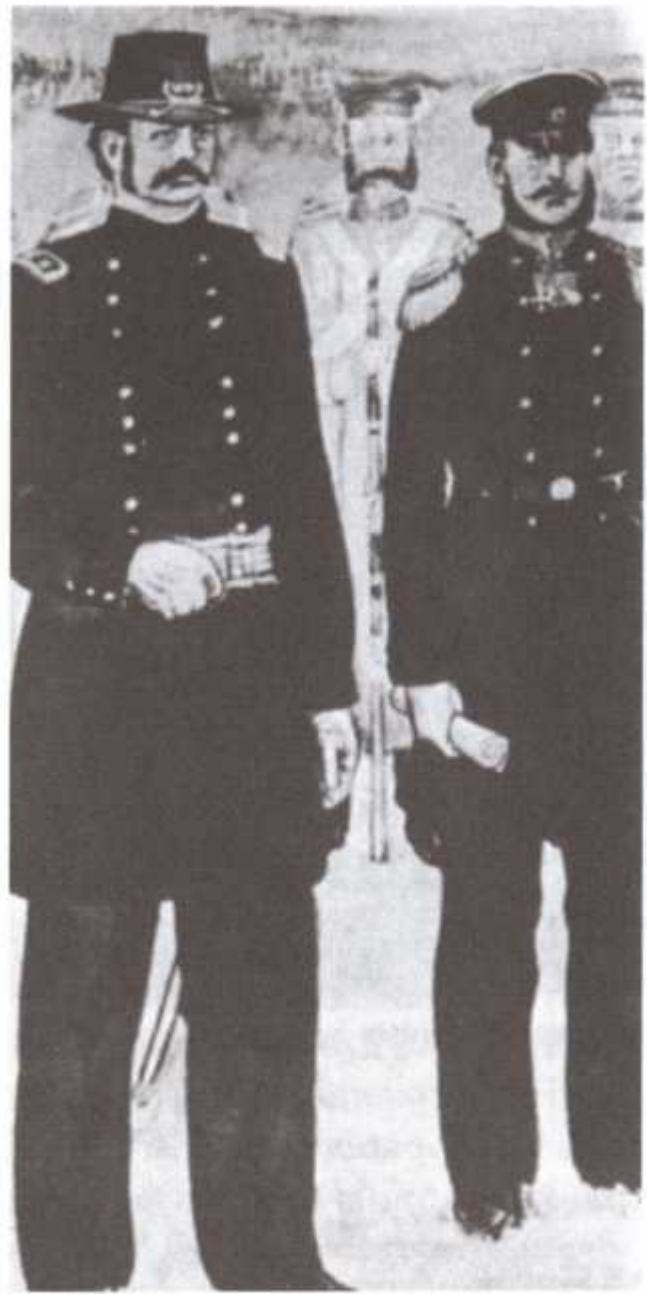
iff,;

шщшЛ

И|г»

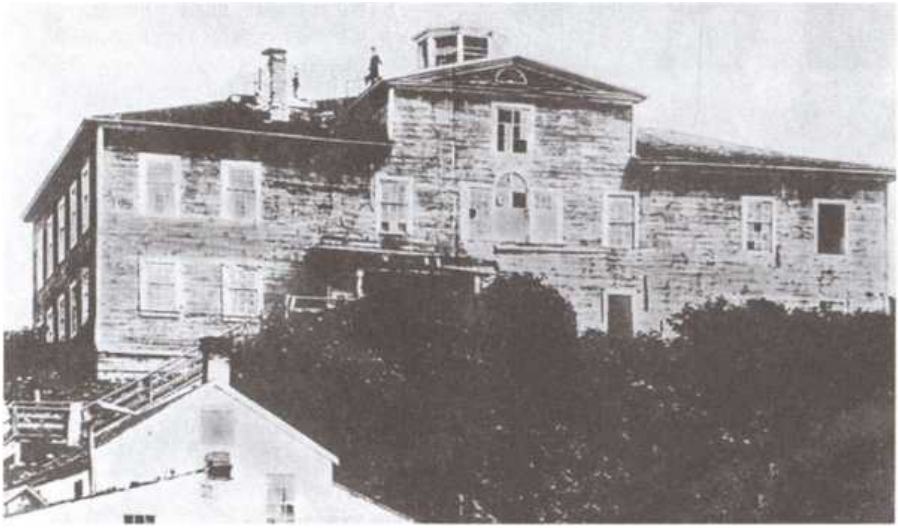
Подписание договора об уступке российских колоний в Вашингтоне 18(30) марта 1867 г. Положив руку на глобус, стоит российский посланник А. Стекль, сидит с картой на коленях американский государственный секретарь У. Сьюард. Фото с картины Э. Лейтеце

Фрагмент картины, запечатлевшей церемонию передачи Русской Америки. Легко узнаются генерал Л. Руссо и капитан 1-го ранга кн. Д. Максутов. Аляскинская национальная библиотека



Чек на 7 200 000 долларов, которым правительство Соединенных Штатов оплатило России уступленные территории в Америке. Копии этого чека можно купить на Аляске как сувенир

Анна и Иоганн Фурухельм всегда оставались близкими друзьями Максутовых



Замок Баранова — резиденция Главного правителя Русской Америки в Ново-Архангельске. Снимок сделан после передачи российских колоний. Аляскинская национальная библиотека

Командир корабля должен уметь вести корабль в автономном плавании. Автономия уже с прошлого века понималась очень узко: только в терминах запасов горючего, пресной воды и продовольствия. На самом же деле автономия, согласно воззрениям мудрого И. Канта, является качеством личности. Это самозаконность *(авто* — сам; *номос* — закон), то есть умение находить закон (императив) для себя и неуклонно следовать ему. Автономность корабля — это, в первую очередь, поддержание на его борту закона. Во имя закона и существует единоначалие. •

x Выпускники Морского корпуса всегда отличались внутренней собранностью и дисциплинированностью, даже становясь министрами, композиторами, художниками или литераторами. Все эти качества казались юным князьям Максутовым само собой разумеющимися. Сравнивать было не с кем.

Из Морского корпуса братья Александр и Дмитрий вышли в 1847 г. гардемаринами. Радость выпуска была омрачена смертью матери; Анна Ильинична умерла в конце зимы 1847 г. Разумеется, братья узнали об этом несколько позже и на похоронах матери не присутствовали.

Самым значительным событием 1848 г. на Балтийском флоте был ежегодный июльский смотр, традиционно приуроченный ко дню бракосочетания Императора Николая Павловича и Александры Федоровны. А. Боголюбов запечатлел это событие на картине «Смотр Балтийского флота Николаем I на пароходе «Невка». Князей Александра и Дмитрия Максутовых невозможно

разглядеть на этой картине. Но они, несомненно, где-то рядом, на своих кораблях, еще не поднявших паруса.

Хороший был 1848 год для русского флота, ждавшего новых офицеров, новых кораблей и портов. Для славного бытописания флота с этого года Морской ученый комитет стал издавать «Морской сборник». Опубликоваться на его страницах было честью для каждого офицера, да и для каждого уважающего себя мыслителя России. Журнал публиковал морскую аналитику и публицистику, практику судовождения и кораблестроения. В 1849 г. журнал поместил на своих страницах, в частности, чертежи шхуны «Опыт» для главного командира Кронштадтской крепости. Чертежи эти очень пригодились на Тихом океане русским и нерусским морякам некоторое время спустя. Для автора и читателей — в следующей главе.

В 1849 г. Александр был произведен в мичманы и оставлен в Офицерском классе. До этого там обучался и старший брат Павел, но к тому времени он перевелся на Черное море. В том же году в Морской корпус был принят младший из братьев Максутовых Георгий. Он, как и его старшие братья, еще успеет стать в строй к началу Восточной войны. За участие в деле при отражении бомбардировки крепости Свеаборг англо-французским флотом он получит монаршее благоволение.

. Князь Дмитрий не сразу расстался с Морским корпусом. Первые плавания гардемарином он начинал на Балтике на кораблях «Андрей» и «Лефорт». И не только по Финскому заливу, а до самого города Киля. Произведенный в мичманы в июне 1849 г., имея от роду 18 лет, он был назначен в 28-й флотский экипаж с прикомандированием к Морскому кадетскому корпусу. Но уже в августе молодой мичман был назначен в 37-й флотский экипаж и отправился на Черное море.

Номер флотского экипажа определял место службы моряка и носился на погонах. Поскольку экипажей было много, в номерах на погонах и местах службы разбирались только флотские. Так, И.С. Тургенев в рассказе «История лейтенанта Ергунова», написанном в 1868 г., воссоздает загадочные события, якобы имевшие место еще до Крымской войны. Герой рассказа лейтенант Василий Кузьмич Ергунов был откомандирован в Николаев для выполнения какого-то поручения. Девушке, втянувшей его в опасное приключение, он представился: «Я служу в девятнадцатом черноморском экипаже, во флоте». И девушка, и читающая российская публика не заметили, что 19-й экипаж был не черноморским, а балтийским. В Николаеве же были, в частности, 37, 38 и 39-й экипажи. На сохранившемся в Центральном военно-морском музее портрете лейтенанта

«Авроры» Александра Максутова хорошо читается цифра 19 на эполетах. В семейном архиве Максутовых такой же портрет обрезан до овала лица. На том же стенде рядом выставлены эполеты с номером 19 его командира Изыльметьева. Этот флотский экипаж размещался в Кронштадте. У князя Дмитрия на Камчатке, куда он был переведен с Черного моря, должна была быть цифра 46 или 47 согласно последующей ранжировке флотских экипажей. После возвращения из американских колоний капитан 1-го ранга Д. Максутов был определен на действительную службу в престижный 8-й экипаж в Санкт-Петербурге.

Слово *экипаж* в то время употреблялось и в отношении корабля. Экипаж корабля включал офицеров и нижних чинов. Последние составляли команду корабля.

Нумеровались в то время не только экипажи, но сами офицеры. По старшинству и порядковому номеру выстраивались родные братья и однофамильцы. Так, в начале своей карьеры Дмитрий Петрович числился как князь Максутов 3-й. До него по Морскому ведомству проходили братья Павел и Александр. В «Формулярном списке о службе и достоинстве», составленном в 1863 г., Дмитрий Петрович был уже первым. Нумерация офицеров могла быть даже двузначной; так, адъютантом петербургского военного генерал-губернатора был Иванов 30-й.

Согласно Памятному листку Дмитрий, получив мичмана, направился к отцу в Пермь, оттуда в Николаев. Там он ступил на борт военного транспорта «Рион» «для доставления к своему экипажу» в Севастополь. В списки экипажа он был включен 1 августа 1849 г. и получил назначение на корабль «Варна», уходивший в практическое плавание. Конец 1849 г. застал мичмана в Керчи.

Самым важным событием в 1849 г. для Черноморского флота был Высочайший смотр на севастопольском рейде. На картине И. Айвазовского «Смотр Черноморского флота в 1849 г.» (Центральный военно-морской музей) изображены громады парусников в кильватерной колонне. Император Николай Павлович свободно облокотился на фальшборт парохода, идущего вдоль строя. Чуть поодаль небольшая свита. Командующий флотом адмирал Михаил Петрович Лазарев смотрит вовсе не на корабли. Там все в образцовом порядке. Современник писал, что суда щеголяли безупречной чистотой вооружения, а их командиры представляли оркестр, составленный исключительно из виртуозов. Офицеры, стоящие на палубе, смотрят на Императора, ловя, какое впечатление производит на него эта неодолимая сила. По числу боевых единиц Черноморский флот

никогда не достигал такого могущества В тот день никто не знал, что через пять лет все это парусное великолепие окажется на дне Севастопольской бухты, но прежде примет участие в Синопском сражении. Картина И. Айвазовского, написанная в 1886 г., является не только данью памяти парусному флоту, но и воспоминанием художника о своем вознесении на вершину славы. Именно в эти годы, по словам его ученика А. Боголюбова, «из Гайвазовского он сделался в Айвазовского», а Император Николай Павлович

спрашивал у своих царедворцев: «У тебя есть картины Айвазовского? Нет? Ну, так приобрети». Особая любовь к маринистике у самодержца появилась после плавания на корабле «Императрица Мария». Во время шторма у берегов турецкой недружественной Варны корабль чуть было не выбросило на берег.

На Черном море молодого мичмана Д. Максутова довольно часто переводили с корабля на корабль. Он успел послужить и на парусниках, и на пароходах. Навигация на Черном море была практически круглогодичной и позволяла молодым офицерам получать интенсивную практику. Не было здесь вынужденного кронштадтского межсезонья, когда корабли разоружались и ставились в док. Хотя некоторые считали, что уж лучше бы был перерыв в навигации на суровую черноморскую зиму. Оказывается, лед на Черном море может быть много опаснее льда северных морей. Так, за год до прибытия мичмана Д. Максутова в Цемесской бухте январский норд-остовый ветер с берега уничтожил эскадру контр-адмирала Ф. Юрьева.

Наверняка в Морском корпусе кадетам рассказывали о различных ветрах. Над океанами несутся пассаты и муссоны. Каждый водоем знаменит своими господствующими ветрами. «Славное море, священный Байкал» имеет злую *сарму* и добрый *баргузин.* С берегов Франции в районе Тулона несется *мистраль.* Бедой Черноморского побережья от Анапы почти до Сухум-кале является *бора*, особенно неистовая в районе Новороссийска. В лоции Черного моря тех лет было отмечено: «Нигде бора не свирепствует с такой ужасной силой, как в Новороссийском заливе... Несясь с гор порывами с невыразимою силою, бора достигает залива, вздымая воду частыми гребнями, срывает верхи их и, несясь водной пылью, срывает железные крыши... Зимою, при морозе, срываемая вода, примерзая к корпусу и рангоуту, образует род ледяной коры, беспрестанно увеличивающейся в объеме».

В 1848 г. без единого выстрела противника на дно легли корвет, бриг, тендер, шхуна, пароход и транспорт. Погибли

десятки членов команд. Катастрофическому обрастанию льдом смог противостоять только одни фрегат. Князь Д. Максутов успел позднее послужить и на спасшемся фрегате, и на поднятом со дна пароходе. Хорошо, что обледеневший «Боец» оказался притопленным у берега, иначе бы волны разбили его. Еще не старый пароход английской постройки был очень нужен для поддержки действий Отдельного Кавказского корпуса. Да и мичману приобрести опыт плавания на паровом судне было весьма полезно. Не со всеми техническими новшествами ему удалось познакомиться в Морском корпусе. Да и кто лучше расскажет о черноморских ветрах, чем члены пережившего шторм экипажа.

Частая смена кораблей молодыми офицерами была в то время скорее правилом, чем исключением. Так, старший из братьев Максутов 1 -й, Павел Петрович, за пять лет, прошедших до Синопского боя, успел послужить на пяти кораблях. Не менялся только номер флотского экипажа, из состава которого комплектовались команды судов. Не только корабли менял молодой офицер, но и команды, с которыми ему доводилось служить. Складывались новые отношения приязни или неприязни. Дружбу офицеры сохраняли с гардемаринских лет до адмиральских. Поддерживали друг друга и, чего греха таить, протежировали друг другу. Дмитрию была известна история дружбы молодых офицеров шлюпа «Камчатка» Фердинанда Врангеля и Фрица (Федора) Литке, поднявшихся на самую вершину военно-морской иерархии. Впрочем, оба были достойными офицерами. Наверное, кто-то искал не только дружбы, но и покровительства. Но Дмитрий Петрович вряд ли был этим озабочен. Имея достаточно высокие связи в Петербурге, мичман не пользовался ими и не получил ничего сверх положенного. Стартовые условия, как и для сотни молодых офицеров. Служи не оглядываясь!

С возрастом морские офицеры становились осмотрительнее, обращали внимание на сослуживцев, сделавших лучшую карьеру, искали их внимания. Впрочем, почему только они? Совместная служба на одном флоте, на одном корабле, участие в одном деле против неприятеля всегда могли быть использованы как аргумент в просьбе о продвижении по службе.

Автора интересовало прежде всего, были ли знакомы князь Дмитрий Максутов и Иван Федорович Лихачев, который будет его командиром на Камчатке. А в 1858 г. этот заслуженный офицер станет адъютантом Великого князя Константина И. Лихачев был выпущен из Морского корпуса в год, когда Д. Максутов туда только поступил. Но на Черном море они служили на одних и тех

же кораблях: «Мидия», «Варна», «Боец», хотя и в разное время. Лейтенант и мичман могли встретиться на «Варне» в 1849 г. Их совместная слркба продолжалась не дольше месяца Один только пришел с Балтики, другой туда возвращался.

Одной из задач Черноморского флота в 40-х гг. XIX в. было крей-сирование у абхазских берегов с целью предотвращения иностранного вмешательства в кавказские дела России. Да и свои десанты высаживали, чтобы продвигаться поближе к недоступным горам и вдоль побережья.

С 1832 по 1854 г. существовала Абхазская экспедиция Черноморского флота, взаимодействующая с Отдельным Кавказским корпусом. Сегодня слово *экспедиция* воспринимается как относительно короткий поход с военными или научными целями, а не как долговременная группировка сил и средств для решения масштабной задачи. В терминах того времени экспедиция — это надолго. Такими экспедициями, в частности, были Камчатская и Амурская.

Князь Дмитрий принял участие в операции Абхазской экспедиции на фрегате «Мидия» в 1850 г. В тех же плаваниях, но на других кораблях был и его старший брат Павел. После осенне-зимней службы на «всепогодном» пароходе «Могучий» августовское плавание к Сухум-кале не казалось трудным. В апреле следующего года мичман завершил службу на Черном море участием в двухнедельном плавании на фрегате «Кагул» от Севастополя до Очакова для перевозки войск. О своем производстве в лейтенанты, состоявшемся в марте 1851 г., и назначении в Амурский экипаж князь узнал уже после десантной операции.

Если производство в следующий чин, такой замечательный, как лейтенант, было делом довольно естественным и ожидаемым, то вот перевод на самые дальние российские рубежи был сконструирован самим князем и его добрыми советчиками. Конечно же молодому лейтенанту, только захоти, нашлась бы вакансия и на Черном море. Оно еще могло преподать хорошие уроки географии. Например, как проложить кратчайший курс от Севастополя к Синопской бухте. Через полвека познание географии турецких берегов продолжит сын Дмитрия Петровича князь Дмитрий Дмитриевич. Он достигнет пика карьеры, принимая участие в черноморских десантных операциях русского флота Первой мировой войны.

Завершив кампанию лета 1850 г., князь взялся за устройство своей судьбы, в ноябре 1850 г. испросил отпуск на целых четыре месяца и убыл в Петербург. Редкие отпуска офицеров фиксировались четко, но письмоводитель не указывал в

послужном списке причину отпуска Зачем нужно было ехать в столицу? Жениться еще было рановато, запущенных дел с имением быть не могло. Наверное, он был приглашен кем-то в столицу посоветоваться. Может быть, мичман и сам напросился. Будем валить все на Фердинанда и других Врангелей. И воздержимся от осуждения; не теплое место на придворной яхте предлагали князю. А предлагали ему участие в деле, имевшем перспективы громадные, но совсем не отчетливые.

Дело в том, что к 1850 г. русские закрепились в устье Амура. Свершилось это радением рискового капитан-лейтенанта Г. Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева. Сам Император Николай Павлович признал, что русский флаг, где раз поднят, опущен быть не должен. В ноябре 1850 г. в Петербург прибыл с рапортами и проектами сам Н. Муравьев, подтянулся, не зная, за наградами или взысканиями, Г. Невельской. По обыкновению для рассмотрения важных дел в царствование Николая I формировались особые комитеты. Был сформирован такой комитет и по амурским вопросам под председательством государственного канцлера К. Нессельроде. В конце концов, к февралю было решено сохранить Николаевский пост, утвердить Амурскую экспедицию, завершить перенесение главного тихоокеанского порта из Охотска в Петропавловск, что на Камчатке. На Российско-Американскую компанию возлагалась задача поддержки этих мероприятий. Компания не только несла расходы, но и блюла свой интерес, создавая зоны монопольной торговли в Сибири и в Америке.

Для масштабных мероприятий требовались кадры. Морское ведомство было просто обязано пригласить кого-то из братьев Максутовых в далекую Сибирь. Россия закреплялась на азиатском и американском берегах Тихого океана, превращая его северную часть в свое внутреннее море. Судьба пользовалась простой арифметикой: из двух Максутовых на Балтике и двух на Черном море одного можно послать на далекое побережье Восточной Сибири. Оставались еще Каспий и Северный океан, но они дожидались других героев. В самой середине XIX в. князья Максутовы оказались на разных морях. Павел остался на Черном море, Александр и Георгий — на Балтийском, Дмитрий двигался на Охотское. «Сухопутные» князья Петр и Николай успешно делали карьеру в гражданских ведомствах.

Получивший назначение в 46-й экипаж Д. Максутов оставил Севастополь в самом начале лета 1851г. Он никак не мог успеть на корабль, уходящий в Восточный океан из Кронштадта. Его будущий командир И. Лихачев успел. У князя было назначение только во флотский экипаж. А там уж какой корабль или

береговая должность достанутся. Поэтому, выезжая из Николаева на Камчатку, Дмитрий мог особенно не торопиться. Он и не торопился. Заехал в Пермь к отцу. Отец выделил лейтенанту хороший тарантас, чтобы тот мог относительно комфортно начать свое «многотрудное путешествие» через «бесконечную Сибирь» к Тихому океану.

Конечно, кому-то многотрудность такого путешествия покажется спорной. Все зависит от масштаба. Взятые в кавычки обороты приведены из книги князя Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника цесаревича. 1890—1891 гг.». Будущему последнему российскому Императору Николаю II предстоял ознакомительный вояж, который придворный летописец посчитал опасным и продолжительным. Но наследник путешествовал на фрегате «Память Азова» со свитой и в постоянном кураже. Самую большую опасность для августейшего путешественника, оказалось, представлял он сам.

Д. Максутов пересек страну почти в свое удовольствие. Морской офицер, обученный находить путь в океане по компасу и секстанту, на суше вполне мог довериться организаторам казенного движения по трактам, как и любой обыватель. Не всегда путешественников несли «птицы-тройки». По мере приближения к Восточному океану приходилось пересаживаться на повозки с упряжью для одной лошадки, порой садиться верхом и даже не на лошадь, а на оленя. Да и станции за Иркутском становились все беднее, а люди на них все озлобленнее нуждой.

Для современного сухопутного путешественника карта имеет четкие детерминанты — железнодорожные пути и шоссейные дороги. Сегодня трудно представить, что есть иной путь на Дальний Восток, кроме Транссибирской магистрали. Для обывателя позапрошлого века важнее были перевалы, реки и тракты, их пересекающие. Реки, особенно зимой, были самыми удобными путями, но не всегда в нужном направлении. Многие исторические пути сегодня утрачены. Как, например, тракт Петербург—Архангельск. В XIX в. команды балтийских экипажей шли принимать построенные на Белом море корабли через Каргополь, родину первого Главного правителя Русской Америки А. Баранова Сколько заросло лесом исторических трактов через Уральский хребет. Не используется сейчас тракт Иркутск—Якутск —Охотск. Над ним где-то на высоте 10 км проходит авиатрасса. А хорошей дороги там никогда не было и нет.

Лейтенант надеялся, что его ждут хорошая карьера, денежный оклад, много выше балтийского или черноморского, дальние страны. Он рассчитывал встретить знакомых по

Морскому корпусу. Ему не было и двадцати. Как же он выглядел? Наверное, рыжеватый, как это часто наследуется татарами. Зеленый флотский мундир был ему к лицу. Глаза светлые, возможно, серые. Среднего роста, несколько плотнее своего худощавого брата Александра. Начинающий понемногу обрастать бакенбардами, которые со временем сольются в бороду. А вот высокий лоб молодого человека уже тогда был с залысинами. Наверно, князь начинал носить усы. Характерный длинный, прямой, чуть опущенный книзу нос, который не потеряется в следующих поколениях. Плюс обаяние молодости. Это внешность. А характер, которым так интересуются романисты? Характер князю еще предстояло взрастить. Можно только сказать, что лейтенант обладал рациональным складом ума, был сдержан в проявлении эмоций, доброжелателен, немного стеснителен. Чем он отличался, так это способностью концентрироваться на выполнении задачи. И тогда мир необычайно сужался для него. Родственники добавляют, что братья Максутовы отличались живой, почти детской верой в Бога.

Семейной иконой Максутовых была Богоматерь Казанская. Этот иконописный канон называется Одигитрия — с греческого Путеводительница. Лики Матери и Младенца писаны фронтально. Их взгляды будто бы обращены к стоящим пред иконой. Современный поэт А. Вознесенский, не чуждый темы Русской Америки, имел полное право написать: «...когда на мне остановился взгляд Казанской Божией Матери». На самом же деле Мать и Младенец смотрят в даль того пути, который предначертан Иисусу. Казанская Богоматерь направляет и благословляет. Может, в этом и есть высокая сила иконы этого канона. Обретение этой чудотворной иконы состоялось еще в 1579 г. в Казани, сильно пострадавшей от пожара. Этот образ Богоматери хранил русское воинство, изгонявшее поляков из Москвы в 1612 г., а еще через 200 лет помогал в Отечественной войне.

Оберегаемый небесной заступницей молодой лейтенант двигался по России с запада на восток. До Перми дорога привычна, а дальше «извозчики довезут». Он уже получил начальные познания в географии. Судьба давала возможность их расширить. Дмитрий Петрович был хорошего происхождения, имел какой-то опыт командования судами и людьми, поддержку родственников и напутствия сослуживцев. Вполне достаточно для большого самостоятельного плавания.

ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН 1852-1854

До середины XIX в. центром русской экспансии на Восточном

океане был населенный пункт Охотск — главный порт Первой Камчатской экспедиции. Казенные суда здесь стали строить еще с 30-х гг. XVIII в., чтобы было на чем исследовать далекие берега и воды империи. Искали у своих границ стран неведомых и владений государств «европских». Русские не называли Восточный океан Тихим; глупость заморская какая-то. Населенный пункт стоял на берегу моря, называемого Охотским. И уже мало кто помнил, то ли море носило имя города, то ли город своим именем обозначал неразрывное единство с морем. А может быть, всех породнила река с оптимистичным названием Охота. От Охотска практически одинаково далеко или одинаково близко, кому как нравится, расположены Камчатка и Чукотка, Курильские острова и Сахалин, Алеутская гряда и матерая земля Америки. Румбы только разные.

От Якутска до побережья шел Охотский тракт — довольно условный пунктир через реки, болота и хребты. Самый трудный участок всех камчатских экспедиций и был от Якутска до Охотска, потому что приходилось тащить все буквально на себе. Тяжелые якоря даже везти по частям. Сбивались со счета, сколько людей на этом тракте было положено ради доставки корабельного имущества и припасов до самого отдаленного порта империи. Дорого платила Россия за окно в Восточный океан. К середине позапрошлого века отчетливых перспектив у этого порта не было. В свое время выбор его был определен наличием леса для постройки кораблей и хоть каким-то убежищем от волн. Более 100 лет порт обслуживал купеческие экспедиции за пушниной. Неудобство самого порта и его сношений с Якутском заставило искать порт-дублер. Им стал Аян, в 300 километрах южнее Охотска. Впрочем, по впечатлению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева, столь же отвратительный. К Аяну прорубили тракт, и при самом деятельном участии РАК он стал на недолгое время основным портом Охотской флотилии. Большим преимуществом нового порта была близость до реки Мая, притока Лены, каких-то 20 верст. Все ж по реке идти легче, хоть до самого Якутска. В Аяне рука об руку трудились морской офицер, находящийся на службе РАК, В. Завойко и епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий. Его стараниями в новом порту был построен и освящен храм во имя Казанской Божией Матери.

Много лучший Аяна и Охотска порт находился на Камчатке в безразмерной Авачинской бухте. Именно оттуда после зимовки в 1741 г. вышли к берегам Америки пакетботы, ведомые В. Берингом и А. Чириковым. Плохо было только, что Камчатка практически не имела сухопутного сообщения с Россией. Не

имеет она его и сейчас. Это частное мнение автора, изучавшего географию Камчатки на самом полуострове не один год.

Н. Муравьев, посетивший в 1849 г. Петропавловский порт, писал: «Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал. Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россиею, чтобы завладеть ею и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст». Не случайно Н. Муравьев помянул здесь Англию, которой еще придется ждать целых пять лет предлога вмешаться в русские дела Генерал-губернатор Восточной Сибири принял решение порты в Охотске и Аяне упразднить и определить главным местом базирования военных кораблей Петропавловский порт. Много военных портов на Восточном океане Россия просто не смогла бы содержать. И самое главное, несколько перекроив карту своего «генерал-губернаторства», Н. Муравьев предложил создать Камчатскую область в ранге губернии. Не вызывала сомнений и кандидатура военного губернатора. Им стал В. Завойко, начальник портов Охотска и Аяна, служивший в РАК с 1840 г. Для занятия новой должности морской офицер получил звание генерал-майора. Позднее генерал-майор вновь вернется в адмиралы. В традициях того времени Василия Степановича, выходца из Малороссии, называли Завойка. Потому и склоняли его начальники и подчиненные, родственники и доброжелатели: Завойке, Завойку, о Завойке.

Камчатка в России всегда оставалась именем нарицательным. Не многие места в представлении наших соотечественников оказывались дальше Сибири. Может быть, еще Сахалин. Но последняя парта в каждом классе российской школы безальтернативно называется именем этого полуострова. Все остальные парты остаются при этом безымянными.

Символ дальних рубежей империи был запечатлен в названиях кораблей. В русском флоте был шлюп с экзотическим для тех лет названием «Камчатка», совершивший в 1817—1819 гг. кругосветное плавание под командованием В. Головнина. На смену прославленному шлюпу в 40-х гг. пришел трехмачтовый пароходофрегат «Камчатка». Этот лучший для своего времени русский колесный корабль был построен в Нью-Йорке. Служивший на фрегате А. Боголюбов запечатлел его на картине, а также оставил описание порядков, установленных на корабле.

Наблюдал за постройкой и принимал корабль капитан 1-го ранга Иван Иванович Шанц (Иоганн Эбергард фон Шанц), который и стал его командиром. В активе этого сына шведскоподданного было командование транспортом «Америка» в 1834—1836 гг. с посещением Ново-Архангельска. Первоначально

транспорт предназначался ветерану РАК Л. Гагемейстеру. Но ветеран занемог и не смог выйти в море. На борту транспорта оказался молодой В. За-войко. Судьба расставила офицеров «Америки» по своим местам. И.И. Шанц превратился в опытного адмирала-царедворца, поддерживающего на фрегате не военные, а придворные порядки. Именно об этой «царской яхте» сложили песенку:

Ус нафабрен,
Бровь дугой,
Новые перчатки.
Это, спросят, кто такой?
Офицер с «Камчатки».

В.С. Завойко получил свою Камчатку. Две Камчатки никогда не встречались; одна исправно перевозила лиц императорской фамилии по Средиземному и Балтийскому морям. Балтийский фрегат с тихоокеанским именем оставался в строю до 1867 г. Другая Камчатка, как ей и было положено, не покидала Охотского и Берингова морей.

Лейтенант Д. Максутов к зиме 1851 /52 г. добрался до Аяна. Первым официальным лицом, которому молодой офицер доложил о своем прибытии, был начальник порта Александр Филиппович Кашеваров, выходец из Русской Америки. Это из Петербурга Русская Америка казалась далекой, а здесь она была под боком. Так князь увидел первого в своей жизни креола. И наверное, не обратил на это внимания. Кого в России, а тем более в Сибири, удивишь офицером с несколько монголоидными чертами лица?

Дмитрию Петровичу пришлось пересмотреть масштабы самой империи и собственного чина, в самом широком понимании этого слова. Если в окрестностях Москвы и Петербурга расстояния счи-

тались верстами, то ближе к Перми уже десятками верст, а за Уралом сотнями верст. В Петербурге были сотни морских офицеров. На Волге, где егце блюли интересы Морского ведомства, офицеров считали десятками. На всем пространстве Сибири — единицами. Князю предстояло занять свое место в плеяде славных покорителей Восточного океана. Это на Черном море или Балтике лейтенантов были многие десятки. А здесь один-два на тысячи километров сибирского побережья. В Морском корпусе Дмитрий Петрович мог обратить внимание, что в первых отрядах тихоокеанских экспедиций было большое число иностранцев. Это Свен Ваксекль, Мыртын Шпанберг, Вилим Вальтон, Алексей Шелтинг. Не хватало кадров, тем более национальных. Даже во времена Елизаветы Петровны на флоте было не более двух дюжин лейтенантов, тем более

подготовленных в России. К середине позапрошлого века кадров стало хватать. Хватило бы кораблей. Только Морской корпус до князя Д. Максутова выпустил более 4 тысяч человек. А было еще и Штурманское училище. Изредка военно-морской флот принимал в свои ряды и шкиперов торгового мореплавания.

По сравнению с черноморскими портами, такими как Севастополь, Николаев или Одесса, Аян — тихоокеанский оплот морского могущества России — казался деревней. Не просто было с моря найти вход в порт, находившийся в ущелье, покрытом березняком и соснами. Это князь заметил, покидая его. Аян, действительно, был много лучше защищен с моря, чем Охотск. В населенном пункте было десятка два домишек, несколько складов и церковь под зеленым куполом и золотым крестом. Жили на этом краю света компанейские служащие с семействами, казаки и якуты, общим числом не более двухсот.

Экспедиции первой половины XVIII в. от сибирского побережья направлялись к Чукотке и Камчатке, к Курильской гряде, к островам Хоккайдо и Хонсю. Много позднее на свой страх и риск командир брига «Байкал» Г. Невельской исследовал устье Амура и определил, что Сахалин — остров, а Татарский пролив — вовсе не залив. Многим показалось странным, что вместо того, чтобы принять под командование фрегат «Паллада», вполне благополучный капитан-лейтенант выбрал небольшое транспортное судно. Даже если бы Геннадий Иванович ничего не сделал больше, то он навсегда бы вписал свое имя в историю мировой географии. Молодой лейтенант Д. Максутов должен был относиться к Г. Невельскому весьма почтительно, хотя бы потому, что, когда первый только родился, второй был уже выпущен из Морского корпуса.

Менее прославленным оказался предшественник Г. Невельского. В 1846 г. в Амурский лиман был отправлен бриг «Константин» под командованием поручика корпуса флотских штурманов Александра Михайловича Гаврилова с целью «положительно удостовериться, в какой степени удобопроходимо для судов устье р. Амур». Кость у этого штурмана по представлениям тех времен была не такая белая, как у офицеров, носивших морские чины. С капитан-лейтенантом не сравнить, да и от поручика до лейтенанта — дистанция огромная. Но мореходом А. Гаврилов был отменным, имевшим опыт не только балтийский, но и аляскинский. Он-то и выбрал в 1845 г. место для порта РАК в заливе Аян. Направляемый на Амур бриг готовился к походу не в Охотске, а в Русской Америке по указанию Главного правителя колоний М. Тебенькова, имевшего неподдельную страсть к географическим открытиям и

картографии. Он-то и добавил оговорку: «Если вы при входе в лиман встретите мели, то не должны подвергать судно опасности, ибо положительно известно, что устье реки недоступно». С одной стороны, «положительно известно», с другой — «положительно недоступно».

Американский Ново-Архангельск, развитый много лучше сибирского Охотска и гораздо доступнее этого сибирского порта, постепенно становился центром изучения и освоения не только Америки и окрестных вод, но и Дальнего Востока. Экспедиция была секретной. Компанейское начальство возложило на бриг еще и снабжение факторий на Курильских островах. Бриг замаскировали: сменили флаг, капитан командовал по-шведски, матросами были выбраны финны, служившие в компании. Благо их в эту пору в Русской Америке было изрядно.

Могли бояться своих. Дескать, в устье Амура появились беглецы из-за Байкала. Тем можно было пообещать амнистию. Мало ли беглых каторжников основывали процветающие колонии. Взять ту же Австралию, изрядно пополненную неоднозначными британцами. Великобритания и была главным противником усиления России на Дальнем Востоке, сама желая закрепиться в Китае и провоцируя опиумные войны. Русские были последовательными противниками ввоза опиума в Китай, и это было особо оговорено в Уставе РАК. Появление Андреевского флага подвигло бы британцев на ускорение отправки своих экспедиций на Амур под Георгиевским воен-

но-морским флагом. По старой русской традиции решили «гусей не дразнить».

Не найдя судоходного пути в Амур, А. Гаврилов привел бриг в Аян и доложил неутешительные результаты В. Завойке. Курьеры сушей доставили поспешно составленную карту Амурского лимана в Главное правление РАК, где Ф. Врангель сделал такой же поспешный вывод о бесперспективности реки. Сам Гаврилов вернулся в Ситку и до последнего своего дня переживал, что не смог до конца решить вопрос о судоходности Амура и положении Сахалина. Не дожил он и до открытий Г. Невельского, который пользовался его картой и считал, что предшественнику просто не хватило времени на ту экспедицию. Да и жизни было отмерено А. Гаврилову мало: всего 29 лет.

Для лейтенанта Д. Максутова околоамурские события были совсем близкими. Поэтому вся дальневосточная география внимательно изучалась князем. Куда предстоит плыть ему самому, что открывать и защищать?

Изучалось князем и своеобразие социальной обстановки в крае. На сибирских границах во всей полноте ощущалось влияние

РАК. Даже Амурская экспедиция не была свободна от опеки акционерной компании. Ради справедливости следует отметить, что без всесторонней помощи компании Амурская экспедиция могла бы иссякнуть, едва начавшись. А уж Сахалинская экспедиция была полностью детищем РАК. Компания не видела особенных различий между Алеутскими, Курильскими островами и Сахалином. Постепенно князь будет различать офицеров тяготевших к РАК и офицеров дистанцирующихся от компании. В частности, на Сахалин правителем был назначен лейтенант И. Фурухельм, который будет связан с Максутовыми и службой, и дружбой.

Конечно же в формируемый 46-й флотский экипаж Д. Максутов прибыл не один. В то же время в Аян с Балтики был переведен мичман Александр Петров. Он был старше князя на четыре года, но, происходя из более простой семьи, смог начать карьеру только в Корпусе флотских штурманов. Перевод на Тихий океан позволил ему из подпоручиков стать мичманом. С Дмитрием Петровичем они могли служить некоторое время на фрегате «Надежда» учебного отряда Морского корпуса. Вместе с ним прибыл в Аян и мичман Григорий Разградский, тоже из корпуса флотских штурманов, тоже получивший мичмана. Этот офицер успел послужить на балтийском фрегате «Паллада». Среди штурманов, счастливо переведенных в офицеры флота, был и мичман Николай Рудановский.

Наверное, молодые офицеры не сидели без дела на берегу, а занимались подготовкой к отправке имущества управления порта и флотилии на Камчатку. В начале навигации в Аян пришла «Оливу-ца», зимовавшая в Петропавловске. Корвет прибыл в восточные воды империи в мае 1851 г. Мичманы Г. Разградский и А. Петров были отправлены на недавно основанные посты на Амуре. Н. Рудановский попал служить на транспорт «Иртыш». Лейтенант Д. Максутов назначен в команду корвета. Расстались они в начинающем строиться посту Николаевском. Даст Бог, свидимся. Они свидятся после Петропавловской обороны в конце войны, которой в тот год еще не ждали. А. Петров будет начальником Николаевского поста, князь Д. Максутов — капитаном над Николаевским портом. После службы на Тихом океане судьба вновь сведет офицеров, познакомившихся в Аяне. Александр Иванович после продолжительной службы на Дальнем Востоке вернется в Петербург, будет, как и князь Д. Максутов, назначен в 8-й флотский экипаж и даже станет временным членом военно-морского суда. В отставку он также выйдет контрадмиралом, только несколько позже. Да и уйдут из жизни они почти год в год.

Мичман Г. Разградский будет начальником Александровского и Мариинского постов, повоюет с англичанами в Де-Кастри и затопит «Палладу» по приказу В. Завойко. Ко времени возвращения Д. Максутова из колоний Григорий Данилович будет назначен во все тот же 8-й экипаж.

Н. Рудановский примет самое деятельное участие в описании Сахалина, будет командовать Константиновским постом, вернется в Аян помощником командира над портом, послужит вахтенным начальником на шхуне «Восток». В отставку он выйдет в 1881 г. по болезни, заслужив чин генерал-майора.

Замечательные люди окружали князя в начале его сибирской карьеры. О бережном отношении к именам первопроходцев предупреждал И. Гончаров: «...Подвиги нынешних деятелей... скромно, без треска и шума, внесутся в реестры официального хранилища, и долго до имен их не дойдет очередь в истории. Кто знает имена многих и многих титулярных и надворных советников, коллежских асессоров, поручиков и майоров, которые каждый год ездят в непроходимые пустыни к берегам ледовитого моря, спят при 40 градусах мороза на снегу — все это по казенной надобности? Портретов их нет, книг о них не пишется, даже в формуляре их сказано будет глухо: «Исполняли разные поручения начальства». Что касается упоминания коллежского асессора, то в нем угадывается сам литератор-путешественник.

Автор надеется, что перечисление молодых товарищей князя по Аяну очень поможет литератору при написании диалогов романа. Следует только не забывать, что князь был их старше по званию. Да и мичманов эти офицеры получили только по переводу в очень далекий флотский экипаж. Почти как далекие предки Д. Максутова получили титулы русских князей по переводу из татарских мурз.

Согласно официальным документам после черноморских кораблей князь Дмитрий Петрович служил на корвете «Оливуца». Но то, что на бумаге разделяет одна строка, в жизни оказывается разделенным тысячами километров и сотнями дней. На палубе «Оливуцы» князю пришлось провести дней больше, чем на всех остальных кораблях за всю свою флотскую службу. Поэтому этот судьбоносный для князя корабль заслуживает отдельного описания. Характер корабля есть производная от характера служащих на нем офицеров. И наоборот, характер корабля накладывает неизгладимый отпечаток на их судьбу.

В ноябре 1841 г. в Севастопольском адмиралтействе был спущен на воду корвет весьма добрых пропорций. Корабль имел длину по килю более 35 м, ширину более 10 м и был вооружен 20 пушками-каронадами. Корабль был крещен как «Менелай».

Многие корабли русского флота первой половины XIX в. носили имена мифологических героев Древней Греции: Паллада, Диана, Аврора, Персей, Тезей. Вот уж воистину «список кораблей прочел до середины». Традицию эту заложил адмирал А. Сенявин, когда Черноморский флот еще только зарождался. Назвав построенные им корабли Азовской флотилии именами героев Троянской войны, он имел твердое намерение повидаться с театром той далекой войны. В Османской империи правильно поняли русскую тягу к античной истории. Мода на все греческое имела изрядную военно-политическую составляющую; корабли Черноморского флота частенько посещали Архипелаг.

К началу 40-х гг. на Черном море стала проявляться и противоположная тенденция. От греческих имен отказывались. Так, построенные в Англии пароходы предполагалось назвать первоначально «Аргонавт», «Орест» и «Пилад». Однако позже их переименовали

соответственно в «Могучий», «Боец» и «Молодец». Под этими названиями помнил их мичман Д. Максутов. Немалые были пароходы — почти 47 м длиной и 7 м шириной.

Трудно сказать, подходило ли для русского корабля имя спартанского царя, потерявшего Елену и затеявшего Троянскую войну. Но уже в 1844 г. корвет совершил вояж в Средиземное море, стоивший ему имени. Первоначально «Менелай» использовался как стационер в греческом Пирее. Надо же случиться корвету сделать совсем близкий по русским меркам рейс от Пирея до острова Сицилия. Там близ Палермо, на вилле Оливуца (Оливуццо), принадлежавшей княгине Бутера ди Радали, а по первому мужу графине В. Шуваловой, отдыхала царская семья. Как можно отдыхать у моря без яхты. Царской яхтой стал боевой корвет. Так на его корме появилось новое имя «Оливуца», более уместное для порта приписки. Через имение под Палермо прошел не один корабль императорского флота, выполнявший задачу перевозчика лиц царской фамилии.

А. Боголюбов, выпущенный из Морского корпуса за два года до поступления Д. Максутова, в 1848 г. принимал участие в выполнении важной задачи — обеспечении отдыха царской семьи и Двора на пароходофрегате «Камчатка» в гавани Палермо. Офицеров корабля изредка, а командира очень часто приглашали на вечера и обеды. «Камчатка» уберегла свое название. Пребывание русских кораблей в Средиземном море в середине XIX в. не сводилось к развлечению именитых пассажиров. В 1846 г. Николай I участвовал в работе съезда глав Священного союза, проходившего в Палермо. Прибыл он на Сицилию конечно же не по железной дороге.

В Средиземном море корвет «Оливуца» был включен в состав эскадры вице-адмирала Ф.П. Литке, который знакомил Великого князя Константина с морским делом. Так генерал-адмирал впервые увидел этот замечательный корабль. Он всегда будет отличать его офицеров и лично встретит корвет после многолетнего вояжа в Восточный океан. С отрядом Ф. Литке корвет перешел в Кронштадт и три кампании плавал по Финскому заливу. Так что Дмитрий Петрович мог встречать его на Балтике, а не на Черном море.

В экспедицию с целью охраны берегов Камчатки и Русской Америки «Оливуца» была назначена еще летом 1850 г. и покинула Кронштадт в сентябре.

Во всех документах указывается, что лейтенант ступил на борт «Оливуцы» в порту Аян в июле 1852 г. и принял участие в секретной

экспедиции по маршруту Аян—Петропавловск. Первой, но не последней в своей жизни. Общая цель экспедиции корвета — охрана восточных вод империи от браконьеров — была понятна и своим и чужим. Частная же цель — передислокация главного военного порта, несомненно, подлежала засекречиванию. Эта мера оправдала себя. В течение всей Восточной войны, которая только по ее одному театру называется Крымской, англичане и французы так и не смогли установить конфигурацию русских сил на Тихом океане. По правде говоря, не до конца ее понимали и сами русские. Секретная экспедиция в треугольнике Аян—Петропавловск—Охотск продолжалась до сентября. Командовал корветом лейтенант Иван Федорович Лихачев. До этого он был старшим офицером на корабле и принял командование после гибели командира капитан-лейтенанта И. Сущева. Тот перевернулся на шлюпке в Авачинской бухте. Нелепость происшествия усугубляла круглая дата — год со дня выхода корвета из Кронштадта. Возможно, лейтенант Д Максутов и попал в штат корвета на замещение открывшихся вакансий. А так бы дожидался места на транспортах «Иртыш» или «Байкал».

В порту Аяна не было собственных военно-морских судов, да и флотского экипажа. Экипажу было предписано размещаться в Петропавловском порту на Камчатке, позднее на Амуре, в Николаевском посту.

События 1853 г. отмечены в Памятном листке князя довольно скупо:

март 31. На кор. Оливуца на Сандвичевы острова

апр. 16. Из Камчатки пришли на Сандвичевы острова.

Вот оно сбылось. Начиналось океанское плавание, о котором мечтает каждый офицер: южные моря с экзотическими красавицами, острова, которые можно назвать своим именем. Командира корвета И. Лихачева, убывшего сухим путем на Черное море, сменил капитан-лейтенант Николай Назимов. И. Лихачев успеет повоевать на Черном море.

Плавание «Оливуцы» было весьма примечательным. И писарь Морского ведомства оставил гораздо больше информации об этом вояже, чем сам офицер. В личном деле отражен маршрут плавания, дни стоянок и события на борту одного корабля. Корвет прошел цепочку Гавайских (Сандвичевых) островов,

первый из которых, Кауаи, чуть не был приведен в 1816 г. под руку российского Императора. Инициативный доктор медицины, хирургии и повивального искусства Георг Антон Шеффер, служивший в Ново-Архангельске, был направлен А. Барановым на Гавайские острова для решения проблемы потерпевшего аварию компанейского судна «Беринг». Решив одну проблему, Г. Шеффер создал новые, подтолкнув вождя острова к гавайскому сепаратизму и поднятию русского флага. На острове были основаны русские форты, сохранившиеся в топонимике острова и в развалинах до дня сегодняшнего. Совсем не против освоения острова Кауаи был Главный правитель колоний Л. Гагемейстер и директора РАК в Петербурге. Против был дальновидный руководитель Ведомства иностранных дел. Он понимал, что Гавайские острова надо было брать все и сразу или ни один. Велика была опасность конфронтации с Северо-Американскими Соединенными Штатами. В 1818 г. министр дел внешних отписал министру внутренних дел О. Кзодавлеву, курировавшему РАК: «Государь Император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принести России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами». Одной пядью русской земли не стало больше.

Корвет бросил якорь на рейде в Гонолулу. Затем пошел на рандеву с кораблями адмирала Е. Путятина, направлявшегося для установления дипломатических отношений с Японией. Это была уже третья российская миссия в Японию, отправленная спустя полвека после неудачи второй, резановской. Впервые русские посетили японцев на их островах во время экспедиции М. Шпанберга на судне «Архангел Михаил» в 1738—1739 гг. Дорогу в Америку русские еще не знали, а до о. Хонсю пожалуйста.

Первая попытка установить хоть какие-то отношения с Японией была предпринята российским правительством еще в 1791 г. Екатерина II издала указ «Об установлении торговых отношений с Японией» и отправила из Охотска на остров Хоккайдо транспорт, названный ее именем. Первую русскую миссию в Японию возглавлял поручик Адам Лаксман. Относительно малый чин главы миссии искупался его отчеством — Кириллович. Отец поручика Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович, почетный член Петербургской академии наук, много лет посвятил изучению Сибири. Он-то и предложил Императрице использовать появившийся шанс для миссии в далекую страну.

Необходимо было вернуть команду потерпевшего крушение японского судна на родину. Профессор Кирилл Лаксман стал

душой проекта и взял на себя заботу о вынужденных гостях. Один из сыновей этого финна как раз и служил в далекой Гижиге, что на Охотском море. Ему и выпало выполнить приказ генерал-губернатора Сибири, от имени которого направлялось посольство. Для первого шага дела шли успешно. Миссия благополучно вернулась, получив лицензию японских властей на заход русских судов в Нагасаки. Самурайский меч был помещен в изображение фамильного герба Лаксманов. Императрица сохранила интерес к продолжению русско-японских контактов, однако они были прерваны. В 1796 г. в Петербурге умерла Екатерина Великая, а в Сибири — вдохновитель экспедиции К. Лаксман.

В то время в традиционно замкнутой Японии появилась идея распространения своего влияния на Курилы, архипелаг Бонин, Камчатку, Алеутские острова и Северную Америку. Ученый-энциклопедист, математик и астроном Хонда Тосиаки в конце XVIII в. подготовил «Секретный план для правительства», в котором предлагал перенести столицу Японии на Камчатку, т. к. там мог находиться центр ее будущих владений. Хонда увидел после смерти Екатерины II подходящий момент для решительных действий. «Еще немного, и будет поздно», — предупреждал этот идеолог самурайства.

Прорубить окно в Японию с первого раза не удалось. Не удалось это сделать и со второго раза. Даже достигнутое первой экспедицией было *похерено у* т. е. перечеркнуто. Последнее слово происходит от русской буквы «Х» — «херо» и широко использовалось в разговорной речи. В том числе и на борту корвета «Оливуца» самим командиром, что будет процитировано далее. В подготовке посольства в Японию самое деятельное участие приняла РАК, увидевшая возможность улучшить снабжение Охотска, Петропавловска и американских колоний продовольствием из Японии. Компания была готова «испытать торговлю» во многих неосвоенных местах. Еще компания нуждалась в промежуточных базах на пути в Америку. Это РАК вошла в соприкосновение с Японией своими дальними факториями, но еще не Российская империя.

В 1804 г. глава второго посольства Николай Резанов смог только представиться японским чиновникам, да и то не самого высокого ранга. О деятельности Н. Резанова написано много. Автор позволит обратить внимание только на одно его предложение, имевшее непосредственное отношение к судьбе князя Д. Максутова. Корреспондент РАК считал возможным импортировать из Японии высококачественную медь, отказавшись от дорогостоящей меди из Перми. Случись такое, промышленное

развитие Урала замедлилось бы весьма надолго.

Н. Резанов поощрял незаконные действия своих офицеров на спорных территориях или не препятствовал им. Японцы отыгрались при первом же удобном случае. Как только первый русский корабль пришел в японские воды, а в 1811 г. им оказался шлюп «Диана», они захватили в плен капитана с несколькими членами команды. Только через два года В.М. Головнин и его товарищи были освобождены. В течение следующих почти 40 лет Россия не пыталась проникнуть в Японию. Но после закрепления на Амуре и Камчатке отношения с тихоокеанским соседом надо было как-то налаживать.

На сей раз роли были четко распределены. В 1852 г. в Петербурге был учрежден Особый комитет по японским делам. Он рекомендовал отправить в Японию целую эскадру, вернее, собрать ее по мере приближения к Нагасаки. Возглавлял миссию адмирал Евфимий Васильевич Путятин, генерал-адъютант и вице-адмирал. Он ходил в кругосветное плавание, имел опыт дипломатической работы, в том числе в Азии. Конкретно — в Персии. Он же предлагал себя начальником экспедиции в Японию еще в начале 40-х гг. Восстановить путь в Японию предлагал в 1844 г. адмирал И. Крузенштерн, в 1850 г. адмирал П. Рикорд, соплаватель В. Головнина, предлагал Николаю I себя в качестве посла. Однако экспедиция в японские воды все откладывалась.

Е. Путятин шел по картам И. Крузенштерна, он не повторял его ошибок. Для всех членов экспедиции он оставался абсолютным верховным лицом. Для моряков — как старший морской начальник. Для чиновников, таких как Иван Гончаров, он был главой дипломатической миссии. Следует заметить, что отношения адмирала-дипломата с командиром фрегата «Паллада» И. Унковским тоже были не идеальными. И. Унковский знал и лучших начальников; он в течение долгого времени был адъютантом у адмирала М. Лазарева.

Для миссии в Японию был выделен один из лучших русских фрегатов «Паллада». Строился он по образцу английского фрегата «Президент», являвшегося в первой четверти XIX в., несомненно, передовым достижением кораблестроительной мысли. Первым командиром «Паллады» был капитан-лейтенант П.С. Нахимов. Он добился значительного технического усовершенствования корабля

во время постройки. В 1847—1848 гг. фрегатом командовал, разумеется, номинально Великий князь Константин. Мог быть назначен командиром фрегата и капитан-лейтенант Г. Невельской. Но тот обратился к генерал-адмиралу с просьбой получить под начало всего лишь двухмачтовый транспорт длиной

28 м по ватерлинии. Бриг «Байкал» покинул Кронштадт в конце лета 1848 г. «Паллада» в тот год еще не готовилась его догонять. Фрегат был ровесником князя Д. Максутова и для корабля довольно изношен. Такая славная и продолжительная была у него история. Сам Е. Путятин признал его «неблагонадежным».

Для посольства большое значение имеет свита. Поэтому к фрегату была добавлена паровая шхуна «Восток», купленная по дороге в Великобритании. Но и двух кораблей было маловато. Тем более что шли в неспокойный район, за который боролись многие европейские державы и одна североамериканская, набиравшая вес. Если российское посольство рассчитывало на доводы разума и выгоды, то американцы были готовы вскрыть Японию, как консервную банку.

Российское Морское министерство осознавало необходимость усилить группировку в восточных водах и сочло возможным отправить вдогонку экспедиции однотипный, только что построенный фрегат «Диана». «Диана» понеслась вдогонку своей изрядно постаревшей сестре. Богини не вернутся в Кронштадт. Старшая найдет вечное упокоение в глубинах Константиновской бухты Императорской гавани. Младшая погибнет в борьбе со стихией в японской бухте Хеда. Ну, не везет «Дианам» в японских водах. Но фрегаты выполнят свое предназначение и не дадут пропасть своим командам. Для усиления русских сил в Восточном океане отправят еще и фрегат «Аврора», построенный немногим позже «Паллады». «Авроре» придется повоевать, но ей выпадет счастье вернуться домой и навсегда остаться в списках российского флота. Породненные Дальним Востоком сестры «Паллада», «Диана» и «Аврора» оживут в начале XX в. в крейсерах, построенных в Петербурге.

Но до того как поспеет «Диана», было решено собрать все, что было мореходного на Тихом океане. Рандеву было назначено на конец июля в порту Ллойд на острове Пиль (группа островов Бонин-Сима), что в 850 милях от Нагасаки. Эти острова и прежде неоднократно посещались русскими. Некоторые из них Ф. Литке предлагал закрепить за Россией еще в 1829 г., впрочем, без особой настойчивости. Да мало ли на каких бесхозных островах, разбросанных по океанам, капитаны императорского флота предлагали поднять российский флаг. Наверное, они еще в Морском корпусе познакомились с рекомендацией Петра Великого: «Берите больше, будет что отдавать». В большинстве таких случаев чиновникам российского МИДа приходилось доказывать самодержцам пагубность такого развешивания флагов. Много позже описываемых событий в 1861 г. командир Д. Максутова И. Лихачев обожжется на острове Цусима, где его

подчиненные попробуют закрепиться.

Посольская эскадра собралась в следующем составе: флагман «Паллада», паровая шхуна «Восток», корвет «Оливуца» и барк Российско-Американской компании «Меншиков». Барк был куплен компанией в 1848 г. у американцев. Первым его капитаном был А. Гаврилов, годом ранее так и не завершивший исследование Амурского лимана. На исторических свитках-акварелях японского автора Екоямы Мацусабуро, посвященных приходу русских в Нагасаки, довольно точно изображены три корабля под Андреевскими флагами и один под флагом РАК. Жалко, что не сохранилось фотографий этого события. Японцы, участвовавшие тогда в переговорах, утверждают, что у русских были фотографические аппараты. Наверное, это были дагерротипы, дававшие одно позитивное изображение на металлической пластинке.

Все корабли иностранцев японцы называли «черными». Визит компанейского барка предшествовал прибытию русской эскадры. Поскольку телеграфа тогда не было, согласованность действий военных и компанейского кораблей летом 1852 г. можно исключить. Барк «Меншиков» первый раз бросил якорь в порту Симода в середине лета, когда фрегат «Паллада» еще не покинул Кронштадт. О своем существовании Россия напомнила Японии компанейским флагом с черным двуглавым орлом, который японцы имели все основания принять за государственный. Инициатива похода в Японию принадлежала Главному правителю русских колоний в Америке Н. Розенбергу, а судном командовал финский шкипер И.В. Линденберг. Компания искала возможности установления торговых контактов. Часто поводом зайти в Японию была доставка японцев, потерпевших крушение у русских берегов. Преследуя коммерческие выгоды, РАК не забывала и о делах государственных, как того требовали руководящие документы компании. Служащие компании пыталась учить русскому языку японцев и японскому русских. К визиту Е. Путятина компанейскими усилиями был подготовлен русско-японский словарь на полторы тысячи слов, транскрибирована русскими буквами японская азбука, пояснены особенности обозначения чисел и денежной системы. Русская миссия готовилась вести переговоры с японцами на голландском языке, но тщательно собрала все материалы, которые бы помогли уловить оттенки смысла заключаемых соглашений. «Ментиков» не пробыл в закрытой для иностранцев Симоде и пяти дней. Но опытный кормщик И. Линденберг с помощником И. Фурухель-мом успели провести съемку берегов, уточнить кроки М. Шпанберга, полученные почти 100 лет назад. Знали, что скоро пригодится.

Судьба свела в порту Ллойд некоторых морских офицеров, которым предстояло сыграть важную роль в завершении российских дел в Америке. Возможно, они до этого были мало знакомы или незнакомы вовсе. На компанейском барке пришел капитаном Иоганн Фуру-хельм, с которым у князя Д. Максутова будут самые теплые отношения в Америке. На «Палладе» пришли Петр Тихменев и Алексей Пещуров. Первый был уже лейтенантом, второй еще гардемарином. Никто не мог знать своей судьбы. В1863 г. П. Тихменев закончит труд «Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени» и вскоре оставит службу. А. Пещуров будет служить ревностно и даже займет пост управляющего Морским министерством. Но в то лето ни Д Максутов, ни его сослуживцы еще не набрали веса. У каждого был только хороший разгон для карьеры.

На всех кораблях эскадры было около полусотни офицеров. Они общались, вспоминали Морской корпус, искали сослуживцев, рассказывали о службе и делах домашних. Каждый имел возможность сделать визиты на другие корабли эскадры и отдохнуть от товарищей по экипажу.

Сто против одного, что Д. Максутов и А. Пещуров общались в порту Ллойд. Они не могли не знать друг друга по Морскому корпусу. А. Пещуров был младше князя на два года, а значит, и учился в младшей роте. Он позже вышел из корпуса и мог встречать уже оперившихся братьев Максутовых Александра и Дмитрия на кораблях практической флотилии. А вот с пожилым секретарем миссии И. Гончаровым Д. Максутов вряд ли общался. Князь был далек от литературы. И сравнительно пожилой коллежский асессор, автор какой-то «Обыкновенной истории» ему не был интересен. И скорее всего, молодому офицеру ничего не говорило имя русского консула, назначенного в Гонолулу. Этим чиновником Министерства иностранных дел был Эдуард Стекль. Пройдет 15 лет, Э. Стекль подпишет от имении России договор об уступке Аляски, А. Пещуров станет правительственным комиссаром при передаче колоний новым хозяевам, а сам Д. Максутов станет последним высшим должностным лицом Русской Америки.

Полезным, наверное, могло бы оказаться знакомство князя со старшим штурманским офицером «Паллады» капитаном А. Халезо-вым, служившим в свое время в Русской Америке, участвовавшим в знаменитом плавании Г. Невельского на транспорте «Байкал». Но о круге общения лейтенанта можно только догадываться.

«Оливуца» не стояла на месте в праздности; офицеры корвета

выполняли опись южной группы базальтовых островов Бонин.

Эскадра пошла в Нагасаки. Это был единственный порт, куда японцы могли допустить иностранные суда. Из европейских народов только голландцам удалось здесь закрепиться. Притом уже давно. Плавание русской эскадры, по отзывам участников, было одним из самых счастливых во всех отношениях. При умеренном ветре корабли держались соединенно. Небо и море спорили друг с другом, кто лучше, кто тише, кто синее. Посольство, как оно виделось с борта флагманского фрегата, хорошо описал его секретарь в книге очерков «Фрегат «Паллада».

9 августа 1853 г. около 6 часов вечера после продолжительного маневрирования русская эскадра бросила якоря на среднем рейде Нагасаки. Конечно, японцев удивило, что с письмом одного Императора другому прибыло так много судов и людей. Глава посольства честно объяснил, что такое число судов определяется особой важностью послания. А образованные офицеры и чиновники, сопровождавшие генерал-адъютанта, наверняка вспоминали Великое посольство петровских времен, караван которого помещался не во всяком европейском городе. Хозяева, проверяя бумаги русских кораблей, очень удивились, почему они находились в плавании разное время. Дескать, на «Палладе» сказали, что «Оливуца» вышла из Камчатки в мае, а на корвете сказали, что в июле. На что командир Д Максутова капитан-лейтенант Н. Назимов ответил: «Оттого я похерил два месяца, чтобы не было придирок и расспросов, где были в это время и что делали». Вполне конкретно объяснил. К. Посьету пришлось облекать ответ Н. Назимова в более дипломатичную форму.

Д. Максутов исправно нес службу на борту корвета и к дипломатической работе не привлекался. Кроме самого Е. Путятина, в

миссии дипломатом был капитан-лейтенант К. Посьет. Тяготел к представительской деятельности и лейтенант В.А. Римский-Корсаков, командир шхуны «Восток». Эти люди были образованы не то чтобы глубже, но разностороннее Д. Максутова и имели больший опыт посещения иностранных портов. Может быть, даже и не ступал князь на нагасакский берег, оставив это сыновьям. Японцам этот потомок татарских мурз мог бы показаться самым типичным европейцем по некоторой рыжеватости его волос. Таким же рыжеватым был и сам Е. Путятин. Японцы изначально называли европейцев красноволосыми — *комо*, переняв это от китайцев. Может быть, светлые европейцы ассоциировались у просвещенных китайцев с красноволосыми демонами буддийского пантеона.

Корвет «Оливуца» принимал участие только в первом парадном визите. Логика военных событий заставила Е. Путятина рассредоточить свои силы и подсократить свиту, т. е. эскадру. Русский корвет, называемый японцами «Оривуца», попрощался со Страной восходящего солнца не навсегда.

Начало посольской деятельности русских было неудачным: в августе 1853 г. русская эскадра пришла в Нагасаки, и только в сентябре после получения разрешения из Эдо губернатор Нагасаки официально встретился с главой русской миссии. Сами переговоры состоялись уже в начале следующего года; в январе 1854 г. русская эскадра покинула Нагасаки, чтобы вернуться только в апреле; недели не прошло, как русские, недовольные ходом переговоров, опять оставили Японию.

Русские не зря боялись, что американцы опередят их в установлении торговых отношений с Японией. Американцам это удастся. После завершения очередного этапа переговоров японцами в январе 1854 г. Е. Путятин увел свои корабли на Окинаву и там узнал, что американская эскадра под командованием коммодора Мэтью Колбрай-та Перри вошла в Эдосский залив, т. е. почти в столицу сёгунов Току-гава. Американские корабельные орудия убедили японцев заключить Канагавский договор. Это был уже второй визит американцев, возвращавшихся за ответом. Они и в первом визите опередили русских почти на месяц. Японцы даже попытались подготовиться к обороне от американской агрессии, закупая пушки и ружья у голландцев. Не хватило ни оружия, ни фортификационных навыков, ни единства нации. Тем более что в то же время умер двенадцатый сёгун Иэёси. Переговоры затянулись на месяцы, но могли бы затянуться на годы.

_Wz*

Мягкая русская аргументация не заставляла Эдо торопиться. Но Е. Путятин кое-чему научился у американцев. Следующий визит на фрегате «Диана» он нанес, по замечанию его секретаря, в «центр Японии... в город Осака, близ Миако (Киото), где жил микадо... Там, думал не без основания адмирал, японцы струсят неожиданного появления иноземцев в этом закрытом и священном месте и скорее согласятся на предложенные условия».

В рапорте Великому князю Константину Е. Путятин писал, что не последует примеру американцев буквально и будет продолжать действовать в отношении к японцам по принятой им «системе кротости и умеренности».

Мудрая, но несколько осерчавшая и подуставшая «Паллада» в Японию больше не вернулась. Поскольку летом 1854 г. разрыв отношений с Англией и Францией стал фактом, фрегат решили

спрятать в Императорской гавани. Свой штаб Е. Путятин перенес на подоспевший в Де-Кастри фрегат «Диана» под командованием капитан-лейтенанта С. Лесовского.

Когда соединенная англо-французская эскадра покинула после неудачной атаки Петропавловский порт, «Диана» отправилась к берегам Японии. Русских, разумеется, не пустили в центр Японии — Нихонбаси, место в центре Эдо, от которого ведется отсчет расстояний до различных пунктов страны и за ее пределами. Фрегат не пустили в Эдо и направили русскую миссию в близкий город Симода, где переговоры продолжились. На следующий день в результате цунами фрегат был поврежден так, что едва остался на плаву. При этом русские моряки спасли многих японских рыбаков, бывших в море. Городок же практически смыло. При буксировке сотен японских лодок в бухту Хеда в 60 верстах от Симоды поврежденный фрегат не смог противостоять налетевшему с горы Фудзи шквалу и затонул. Второй акт трагедии наступил месяц спустя. И. Гончаров заметил, что «никогда гибель корабля не имела такой грандиозной обстановки, как гибель «Дианы», где великолепный спектакль был устроен самой природой». Население Японии в результате этой катастрофы увеличилось почти на 500 человек, как бы сказали сегодня, нерезидентов. Секретарь миссии заметил, что русским морякам нельзя было долго задерживаться «в положении Робинзонов Крузе».

Хозяева благожелательно отнеслись к попавшим в беду русским морякам и помогли построить им шхуну, чтобы те не злоупотребляли традиционным японским негостеприимством. Тогда-то и при-

годится «Морской сборник» за 1849 г. с чертежами шхуны «Опыт», найденный среди спасенного имущества фрегата. Лейтенанты А. Колокольцев и А. Можайский начали строить кораблик для возвращения домой. Последний оказался не только замечательным художником, но и изобретателем, получившим много позже привилегию (патент) на совсем не морское судно. Хозяева, уже кое-что понимавшие в мировой политике, настояли, чтобы судно было невооруженным. Ведь Россия находилась в состоянии войны с Англией и Францией, которые тоже стремились в Японию. Снятые с фрегата пушки пришлось складировать. А. Можайский сделал с натуры множество рисунков, посвященных пребыванию русских в Японии. На помощь с Большой земли рассчитывать не приходилось. Русские суда были заняты уклонением от противника и перегруппировкой сил с целью обороны сибирского побережья. Иностранные суда нейтральных стран появлялись в этих водах не регулярно, а

японские джонки к русским берегам вообще не ходили.

Команда «Дианы» во главе с командиром фрегата С. Лесовским была направлена Е. Путятиным в Петропавловск на американском судне «Каролина Фет». Контракт на три рейса до Петропавловска, стоимостью превышавший само судно, заключил К. Посьет. Американцу удалось уклониться от встречи с крейсировавшими английскими судами и не допустить пленения полутора сотен человек из команды «Дианы». Но больше за русскими он не вернулся. Дело было опасное. В Де-Кастри команду С. Лесовского, по свидетельству очевидцев, доставило американское судно «Ульям Пенн». А капитан клипера «Янг Америка» не согласился доставить русских ни за какие деньги.

Некоторая часть русских моряков была вывезена из Японии бременским судном «Грета». Фактически это тоже было американское судно, но с немецким портом приписки. Эти моряки и члены миссии как раз попали к англичанам. Но «англичане приняли наших не за военнопленных, а за потерпевших кораблекрушение и, разделив по своим судам, доставили их кругом мыса Доброй Надежды в Европу». Так свидетельствует со слов участников событий доверчивый И. Гончаров. Его мидовский коллега коллежский асессор И. Гошкевич посчитал, что десятимесячное пребывание на английском корабле было мягким, но все-таки пленом. Зато переводчик настолько продвинулся в изучении японского языка, что ему не нашлось конкурентов при назначении первого русского консула в Японию. Учившие и не учившие японский язык русские пленные попали на родину после войны.

Результаты цунами могли бы быть истолкованы двояко и русскими, и японцами. С одной стороны, боги против продолжения переговоров и поэтому наслали цунами на Симоду. С другой стороны, боги поддерживают переговоры, иначе бы они уничтожили «Диану» еще на подходе к Японии. Обеим сторонам следовало учесть, что подписание масштабного соглашения с иностранной державой, а именно с Соединенными Штатами, уже состоялось в феврале 1854 г. Одним договором с иностранцами больше, одним меньше — так, наверное, посчитало мудрое японское руководство.

В октябре 1854 г. командующий английской эскадрой Дж. Стирлинг навязал Японии «договор о мире и дружбе», противоречивший интересам России. По итогам войны он отметил: «Порты и ресурсы Японии были в распоряжении наших крейсеров для ремонта… и были недосягаемы для русских судов». Базой англо-французской эскадры стал порт Хакодате.

Соперники России начали «осваивать» Японию первыми и со^

всем не робко. Поэтому при подготовке русско-японского соглашения перед миссией Е. Путятина стояла задача исключить саму возможность дискриминации русских в сравнении с другими нациями, которые вступят в дипломатические отношения с Японией или продолжат их.

Российско-японские переговоры оказались успешными, и 26 января 1855 г. в Симоде состоялось подписание «Трактата о торговле и границах, заключенного между Его Величеством Императором Всероссийскими и Его Величеством Великим Повелителем всей Японии». Генерал-адъютанту Е. Путятину удалось отвоевать два градуса широты в определении границы между Россией и Японией. Японцы настаивали на 50-й параллели, русские — на 48-й.

В статье 2 определялась граница между островами Итуруп и Уруп. «Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а остров Уруп и все прочие острова к северу составляют владения России. Что касается острова Сахалин, то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени». Русским разрешили заходить в три японских порта Симода, Хакодате и Нагасаки. О торговле была только небольшая статья 5: «В двух первых из открытых портов Русским дозволяется выменивать желаемые товары и имущества на привезенные товары, имущества и деньги».

Так что трактат был назван «о торговле» довольно условно. Путятину пришлось возвращаться в Японию дважды и уже после войны заключать «Дополнительный трактат» из 28 статей, определяющих правила торговли более полно. Но в целом подписание первого договора с Японией было большой заслугой российской миссии, действовавшей в условиях войны, очень близкой по своим масштабам к мировой.

К апрелю 1856 г. была спущена на воду шхуна «Хеда», на которой посольство Е. Путятина убыло на родину. Сам Е. Путятин поспешил в Петербург ратифицировать договор. Трактат, заключенный от имени Николая I, «ратификовал» его наследник Александр II. Наверное, это был его первый успешный международный договор.

Обо всех событиях, случившихся после расставания «Оливуцы» с кораблями Е. Путятина, Д. Максутов узнает намного позже, когда вновь ступит на борт корвета. В частности, с ним будет возвращаться домой из Восточного океана командир «Хеды» лейтенант Александр Колокольцев. В общей сложности плавание Максутова на «Оливуце» длилось 15 месяцев, из них только полтора месяца простояли на якоре. Князь побывал «в Северо-Восточном океане, в Восточном, Китайском, Японском и

Сахалинском морях, в гавани Императора Николая I, в заливе Анива и Сангарском проливе». Правильнее написать, корвет побывал в этих морях. Но коль скоро автор изучал не шканечный журнал «Оливуцы», а послужные списки офицера, то приходится следовать стилю письмоводителя Морского ведомства.

После первого посещения Нагасаки посольские дела продвигались медленно. Адмирал Е. Путятин был озабочен не только успехом своей миссии, но и координацией действий всех военно-морских сил России в регионе. Дело шло к большой войне. Корвет «Оливуца» был отправлен в Петропавловск предупредить военного губернатора Камчатки о готовящемся разрыве с Великобританией и Францией. Так Д Максутов второй или уже третий раз оказался в Петропавловском порту. Городок, по отзывам некоторых посетивших его, был дрянной.

21 июня 1854 г. лейтенант стал помощником капитана над Петропавловским портом. Военный губернатор Камчатки и капитан порта генерал-майор В. Завойко, остро нуждавшийся в людях в преддверии войны, просто оставил лейтенанта на берегу, отпустив «Оливуцу». Он бы задержал для обороны порта и сам корвет, но не имел полномочий. Военно-морскими силами на Тихом океане командовал вице-адмирал Е. Путятин. Губернатору нужен был верный помощник, который взял бы на себя военные приготовления. Он имел право ввиду военной угрозы списать на берег одного-двух морских чинов. Офицеров на начало лета 1854 г. у него вообще не было. Некому было строить батареи, некому было ими командовать. Командир корвета уступил Д. Максутова относительно легко, наверное, потому, что последний не был старым, еще кронштадтским, членом команды.

Очевидно, В. Завойко и Д. Максутов виделись не первый раз. Ведь князь посещал Петропавловский порт на «Оливуце». Вряд ли у них была возможность встретиться где-либо до Камчатки. Была, правда, одна возможность повстречаться юному кадету с «морским волком» в доме Врангелей. Прибывший помощник был кузеном жены В. Завойко Юлии, в девичестве Врангель. Но Завойки покинули Петербург еще в самом начале 40-х гг. В 1854 г. Василий Степанович был старше князя почти в два раза. Еще до рождения Дмитрия Петровича мичманом он принял участие в Наваринском сражении, за что был награжден орденом Св. Анны III степени с бантом. Когда князю не исполнилось и года, Василий Степанович участвовал в первых выходах на воду фрегата «Паллада». К моменту поступления князя в Морской корпус лейтенант В. Завойко имел за плечами уже два вояжа в Русскую Америку. Пока князь учился морскому делу, В. Завойко служил в Российско-Американской компании в Охотской фактории и в

Аянском порту. Д. Максутов был еще мичманом, а его свойственник уже капитаном 1-го ранга И в Петропавловске генерал-майор оказался для лейтенанта непререкаемым авторитетом. Все сошлось; военный губернатор получил надежного помощника, а князь наконец-то завершил плавания по Восточному океану. За какие-то три года он добрался до места размещения 46-го Камчатского экипажа в Петропавловском порту.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА 1854-1857

Тихоокеанский театр Восточной войны весьма протяжен и живописен. Весьма живописной является и одна сцена этого театра — Петропавловская бухта, находящаяся в Авачинской губе. Ее когда-

то нашел и описал штурман Елагин. После зимовки здесь в 1740— 1741 гг. пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел» порт стал называться Петропавловским. Профессиональный фортификатор поручик К. Мравинский, прибывший готовить порт к отражению супостата, дал весьма точное описание позиции: «На восточном берегу Камчатского полуострова в Авачинской губе природа устроила превосходную якорную стоянку для морских судов в небольшом, но довольно глубоком заливе, в который только с южной стороны имеется проход шириною до 9 сажен. Гавань эта ограждена с южной стороны низменною узкою косою, состоящей из щебня и гравия». Эта низкая коса — кошка, как говорят на Камчатке, стала местом подвига, обессмертившего имя князя Дмитрия Петровича Максутова. На кошке, защищавшей вход в гавань, в июне 1854 г. помощник командира над портом лейтенант Д. Максутов начал строить свою батарею: 10 орудий 36-фунтового калибра и 1 орудие калибра 24 фунта. Пушки могли стрелять прямой наводкой или по навесной траектории. Был еще один хитрый прием — стрелять по воде рикошетом так, чтобы ядро летело, отскакивая от воды. Стреляли ядрами и бомбами. На батарее были печи для каления ядер. Такое весьма горячее ядро могло нанести гораздо больший ущерб, чем простой кусок чугуна. В конце XVIII в. цивилизованные страны даже пытались запретить применение такого варварского оружия. Стрельба рикошетом по воде сводила на нет преимущества каленого ядра. По существовавшим в то время представлениям о сравнительной эффективности стрельбы с суши и с зыбкой палубы одно береговое орудие стоило трех-четырех корабельных. Сам Нельсон, говорят, безуспешно целый день на линейном корабле обменивался выстрелами с двумя орудиями, оборонявшими на берегу Корсики какую-то старую башню. Так что князь был вполне уверен в своем превосходстве по крайней

мере над одним вражеским фрегатом. Кто же знал, что превосходство в орудиях у противника окажется восьмикратным, а «жалкие 37 картузов» на одно русское орудие заставят экономить порох. Бог знает, сколько еще продлится оборона. Князь Дмитрий Петрович наверняка знал молитву святого Дмитрия Солунского — воина, изображаемого в оперенных доспехах с копьем и мечом: «Господи, не погуби град и людей. Если град спасешь и людей с ними, и я спасен буду, если погубишь — с ними и я погибну».

Дед известного советского дирижера Е. Мравинского и дед знаменитого советского астронома Д. Максутова сошлись во мнении,

что позиция на кошке была ключевой в обороне Петропавловска. Если неприятель уничтожит эту батарею, в порту защищать будет нечего. Поэтому лейтенант Д. Максутов приступил к выполнению своих обязанностей буднично, но с достаточным прилежанием. Он вовсе не походил на рыбу, выброшенную на берег. Он занимался привычным делом — командовал. Кто смеет утверждать, что лейтенант флота не смог управлять сотней-другой людей, строивших батарею. Могло не хватить времени и пороха научить этих людей воевать. Успех зависел от того, насколько удастся сделать единую команду из прислуги, не барской, а орудийной. Ведь они еще не были под огнем. Помощником у лейтенанта состоял опытный гардемарин Владимир Давыдов. Да и сам командир батареи видел только салюты и практические стрельбы, т. е. учебные.

Порт постепенно превращался в военно-морскую крепость, как оказалось, неприступную. В рапорте генерал-майора В. Завойко указано, что гавань окружало семь батарей. Но все они уступали по численности и огневой мощи Кошечной. Так, Александр Максутов получил под командование батарею № 3 Перешеечную только с пятью орудиями 24-фунтового калибра. Стоявшая в обнаженной седловине перешейка, закрывающего бухту, батарея должна была не позволить безнаказанно забросать ядрами порт и город. Но и сама она имела мало шансов устоять пред противником, поэтому ее и прозвали Смертельной. Шанс продержаться некоторое время давало расположение батареи. Неприятель не мог сбить ее прямой наводкой, так как стояла он несколько высоковато, на уровне корабельных мачт. Противнику пришлось бы сильно задирать орудия. Батарея же могла стрелять настильно и даже чуть вниз, если позволяла дистанция. А дальнобойность вражеских орудий была ожидаемо большей.

К береговым батареям были добавлены орудия фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», ставших на якорь в

Петропавловской бухте за Кошкой. Орудия кораблей с бортов, обращенных в тыл, были размещены на батареях. Порт защищали до полусотни офицеров и до тысячи нижних чинов. Тесно не было.

Но ожидание войны и сама война не одно и то же. Даже в самом серьезном ожидании войны всегда есть надежда, а вдруг все обойдется. Офицеры, чиновники и обыватели находили время общаться. А народу становилось все больше. В июле пришли транспорт «Двина» с тремя сотнями солдат и фрегат «Аврора», в экипаже которого был лейтенант Александр Максутов. «Аврора» прошла более 9 тысяч миль за 66 дней, счастливо избежала до этого столкновения с эскадрой все более и более вероятного противника в перуанском порту Кальяо. Бежать в ближайший российский порт пришлось быстро. Во время перехода росло число заболевших, соответственно уменьшалось число выходящих на вахту. Уменьшались запасы провизии и воды. Погода, как писал один из участников перехода, «не выясни-валась».

Братья Максутовы встретились после трехлетней разлуки. Александр, как и многие офицеры фрегата, смог прийти в себя в сухом и теплом месте. Молодые офицеры близко познакомились с семьей В. Завойко. А семья была большая, восемь или девять детей. Старший уже готовился поступать в Морской корпус, а младший готовился... появиться на свет. Жене губернатора Юлии было 35 лет. Она была достаточно образованной, разумной и привыкшей к лишениям женой офицера. И офицер этот большую часть службы провел на окраинах империи. Юлия не ощущала себя генеральшей, умела находить верный тон с окружением мужа, состояла в переписке с епископом Иннокентием, как могла, восполняла детям недостаток системного образования. Конечно, она оживилась с приходом кораблей в порт. И дело даже не в новых лицах. Просто появилась возможность прикупить что-то из доставленных припасов.

Так Дмитрий Максутов впервые увидел быт семьи офицера более чем отдаленного гарнизона. Спустя два года князь сможет сравнить свою кузину-адмиралыиу с адмиральшей Невельской и даже с генерал-губернаторшей Муравьевой. Строя свои семейные отношения, Д. Максутов не сможет отбросить эти впечатления. Впечатления — от слова *впечатываться.* Процесс — почти независимый от сознания.

Вряд ли Юлия Егоровна (Георгиевна) близко знала своих двоюродных братьев Александра и Дмитрия. Иначе она не написала бы в частном письме епископу Иннокентию Вениаминову: «Добрый АП (Александр Максутов), только что пришедший на «Авроре», несмотря на кратковременное

знакомство, душевно с нами подружился». Достоверно известно: братья Максутовы хорошо знали родную сестру Юлии, свою кузину Анну, жившую в Петербурге.

Действительно, Александр, отличавшийся душевной теплотой, много времени проводил с детьми Завойко. Судя по отзыву его командира капитан-лейтенанта И. Изыльметьева, он мог бы стать неплохим педагогом. Младший брат, обремененный должностными обязанностями по порту, в семье Завойко появлялся реже. Зато появление Дмитрия вызывало восторг детей; его всегда сопровождал пес Барсик. Автору при прочих равных условиях симпатичнее люди, которые дружат с собаками, чем те, которые собак избегают. Не только братья Максутовы были гостями генеральской семьи. Захаживал к ним и мичман с «Авроры» Николай Фесун посмотреть на старшую дочь Завоек Прасковью.

Жизнь не останавливалась. Гарнизон и население крепости играли в игру «К нам едет ревизор». Петропавловцы готовились к ревизии своих приготовлений противником и одновременно репетировали разрешенную цензурой и одобренную лично Николаем I пьесу недавно скончавшегося литератора Н.В. Гоголя «Ревизор». Сама же злободневная комедия была известна князю и большинству его товарищей, наверное, еще с детских лет и уже давно не считалась клеветой на Россию. Разумеется, репетировали не все, хотя на некоторые роли был двойной комплект актеров. Ведь не ровен час убьют.

Автор с давним пристрастием к герменевтике, сиречь, толкованию текстов, попытался прочитать Гоголя глазами петропавловцев. Комедия выходила совсем не веселая уже с десятой реплики.

Явление I

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь и нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек. В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

У каждого поколения бессмертная комедия вызывает близкие ассоциации. Для господ актеров, бывших по совместительству

мор-

скими офицерами, тексты прямо указывали на Петропавловск. Автор повествования обращает внимание грядущего романиста на вы-игрышность сцены сцен.

Явление II

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? Война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! Я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали.

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Знакомые большинству петропавловцев строки приобретали совсем другой смысл, более глубокий. Война с Турцией уже шла, не первая и не последняя. Премьера тихоокеанской постановки была назначена на 15 августа 1854 г. Но что-то не сложилось. От репетиционного процесса отвлекала служба. В конце войны собравшиеся на Амуре офицеры и семьи будут преспокойно ставить и «Ревизора», и «Женитьбу» по нескольку раз. На этот раз противник опередил; англо-французский «ревизор» прибыл 18 августа.

В Памятном листке князя события конца лета 1854 г. записаны относительно подробно:

авг. 18. Пришла в Петропавловский порт в Камчатке англофранцузская эскадра 6 судов.

авг. 20. Первое сражение. Неприятель отбит от моей батареи №2.

авг. 24. Второе сражение. Отбит десант. Ранен брат Алекс.

авг. 26 Ушла соединенная эскадра из Камчатки.

Эскадра ушла в день, когда православные празднуют Сретение Владимирской иконы Божией Матери. Есть хорошая русская традиция отваживать неприятеля с помощью Владимирской Богоматери. Знай бы англо-французы, что атакуют русский порт в канун праздника образа Богородицы, напугавшей самого Тамерлана, возможно, они бы вовсе не решились напасть.

Сохранилось самое подробное описание Петропавловского дела самим Дмитрием Петровичем. Поскольку это практически единственный собственноручный документ Д. Максутова, есть смысл

привести его полностью с минимальным редактированием. Конечно же сохранились приказы, рапорты и немногие деловые бумаги. Но документов свободного стиля только два — Календарь 1880 г. и некое письмо. Оно сохранилось в копии, сделанной дочерью князя Александрой. Как и многие цитируемые автором документы, относящиеся к Петропавловской обороне, это письмо из семейного архива Максутовых впервые опубликовал Б.П.

Полевой в сборнике «Защитники Отечества». Известный историк считал, что защитник Петропавловска Дмитрий писал брату Павлу — защитнику Севастополя. С равным основанием можно утверждать, что Дмитрий писал другим братьям, в том числе и не нюхавшим пороха. Основанием для такого отнесения был конверт с надписью «Письмо брата» и отдельные обращения в тексте. Но, судя по тому, что Дмитрий пишет *«На «Авроре» пришел мой брат Саша»,* письмо предназначалось не братьям, а кому-то стороннему, но все-таки близкому. Уместнее было бы употребить *наш брат* или просто *Саша.* Оговорка *«в то время не было телеграфов»* заставляет предположить, что письмо адресовалось следующему поколению, для которого *«телеграфы»* стали привычны. Телеграф получил распространение в России в 60-х гг. позапрошлого века Это князь Д. Максутов знал хорошо, так как сам, будучи Главным правителем колоний, принимал посильное участие в строительстве телеграфной линии Аляска—Сибирь. Первый же электрический телеграф нашел применение в России, когда князь защищал Петропавловск. Возможно, заметки князя предназначались для публикации, а личное обращение в письме оставалось литературным приемом. Много лет спустя старший сын князя Александр Дмитриевич напоминал младшему Дмитрию Дмитриевичу, что относил в «Морской сборник» заметки отца о Русской Америке. Но журнал не опубликовал статей Дмитрия Петровича Максутова ни о Петропавловске, ни об Аляске.

Впервые в печати слово предоставляется лейтенанту Д. Максутову:

«...Затем направились мы в Петропавловск и пришли туда в середине мая. В то время не было телеграфов, и хотя война уже была объявлена, но мы об этом еще ничего не знали. Заботливый генерал Завойко, однако, не сидел, сложа руки, и у него уже было намечено, где строить батареи, и приготовлен лес для платформ. Меня он сейчас же списал с корвета, назначил своим помощником и поручил строить батарею N° 2, которой я и назначен был командовать. Припом-ня уроки фортификации, я составил план батареи и, по утверждению его генералом, приступил к постройке. Батарея вышла у меня некрасивая и неуклюжая, над которой немало издевался приехавший впоследствии военный инженер Мравинский, строитель всех следующих батарей, однако на деле она показала свои достоинства. В июле мес. пришел транспорт «Двина» и привез чел. 300 солдат, назначенных в пополнение 46 экипажа, а затем, кажется 19 июля, фрегат «Аврора». Видя военное судно, входящее под всеми парусами, мы ожидали, что оно подлетит к якорному месту, бросит якорь и сразу уберет все

паруса, но не тут-то было. Оно начало убавлять их поочередно и долго возилось с уборкою. Это обстоятельство нас крайне поразило, но скоро выяснилась причина. Фрегат «Аврора», ввиду ожидающегося разрыва, редко заходил в порты, оставался в них самое короткое время и не имел возможности освежать команды, вследствие этого на судне развился сильный скорбут и по приходе в Камчатку около 200 чел. лежало. Фрегат сейчас же втянули в гавань, а больных свезли на берег и поместили в палатках, где они сейчас же начали поправляться, хотя многие умерли. Затем пришло одно американское судно и привезло формальное известие о войне с Англией и Францией. В это время были мы уже совершенно готовы и ждали прихода неприятеля. Только никто из нас никогда не думал, чтобы для овладения Камчаткой пришла бы такая сильная эскадра. В это время люди уже были расписаны по орудиям, назначены стрелковые партии и каждая единица уже знала и свое место и свои обязанности. На «Авроре» пришел мой брат Саша, с которым я не виделся 3 года. 17 августа 1854 г. в 10 ч. утра с дальнего маяка был дан сигнал: «Вижу военную эскадру из 6 судов».

На Камчатке, как и в других отдаленных местах, офицеры и высшие чиновники обедают у начальника, так было и у нас. Ранний обед, около 12 ч., был не из веселых, разговор был обрывистый и вообще не клеился, все были озабочены и заняты своими думами, но самое тяжелое положение было, конечно, генерала, т. к. он, кроме ответственности и забот обо всем, имел еще заботу о семье, которая после обеда, захватив что попало, отправлялась в деревню Авачу, верст за 12 от порта, а семья состояла из жены и 8 детей. В 1 час ударили тревогу.

Прислуга моей батареи выстроилась близ губернаторского дома, тут я ее проверил, сняли шапки, перекрестились и сказали: «Да будет воля Твоя», вызвал песенников вперед, и мы весело пошли, не думая о том, что многие у нас идут этой дорогой в последний раз. В этот день вошел, однако, только пароход, а эскадра держалась при входе в бухту. На следующий день, 18 августа, около 4 ч., вошла эскадра в следующем порядке: английский пароход «Вираго», французский бриг «Облигадо» —18 пуш., английский адмиральский фрегат «Президент» — 52 пуш., английский фрегат «Пик» — 44 пуш., французский адмиральский фрегат «Форт» — 60 пуш., французский фрегат «Евридис» — 32 пуш. Едва суда вошли в пределы пушечных выстрелов, как батарея № 3, а затем и № 1 открыли огонь, неприятель отвечал тем же, и дело кончилось несколькими выстрелами с дальнего расстояния, ни убитых, ни раненых не было. 19 августа замечено было особое движение на неприятельской эскадре. Шлюпки сновали от одного

судна к другому, и особенная деятельность замечалась на пароходе, который затем ушел в Тарьинскую бухту, откуда возвратился часа через три. Впоследствии мы узнали, что при входе эскадры в квачинскую бухту застрелился английский контр-адмирал Прайс и 19 августа пароход ходил в Тарьинскую бухту для похорон адмирала. Причина, побудившая адмирала покуситься на самоубийство, осталась неразгаданной. Наконец, настал роковой день 20 августа. С раннего утра на эскадре началось движение, частые сигналы и усиленная деятельность показывала, что неприятель намерен сделать решительное нападение. В $7^1/_2$ часа утра на батарею № 1 приглашен был священник отслужить молебен. В это время неприятель уже занимал боевую позицию и во время чтения Евангелия над головами молящихся разорвалась первая бомба. Неприятель наступал, как значится на плане, имея пароход в середине, с левого борта — «Президент», с правого — «Форт» и за кормой — «Пик». Сначала поставлен был на позицию «Пик», потом «Форт» и «Президент». Суда расположены были в таком же порядке, что ни моя батарея, ни «Аврора» и «Авина» не могли по ним действовать, так как они защищены были Сигнальным мысом. Батарея № 4 была сбита очень скоро, а в 10-м часу засыпало и батарею № 1, так что обе они заклепали орудия и прекратили огонь. Тогда неприятель подвинулся вперед настолько, чтобы не подвергаться выстрелам с фрегата, и весь свой огонь направил на мою батарею. Мы начали пальбу орудиями, и я лично наблюдал за каждым выстрелом, так как зарядов у нас было мало и порох нужно было беречь. Но скоро начался такой ад, что от дыму и пыли в двух шагах ничего не было

*видно$_y$ и потому, спрятав людей за бруствером, я прекратил пальбу и ходил по батарее, наблюдая за неприятелем, и, чуть только он показывался, снова начиналась пальба орудиями. Так продолжалось до 7 часов вечера, /*когдя *неприятель, не сбив моей батареи, должен был отступить. Однако к концу боя батарея моя была значительно повреждена и из 11 орудий осталось только 5. Я никогда не забуду вечера этого дня. Когда отступил неприятель, приехал на батарею Завойко благодарить меня и команду за то, что каждый исполнил свой долг, а затем мои боевые товарищи поздравляли, целовали и от души жали мою руку. По правде тебе сказать, я только тогда и очнулся, так как все это время я был в напряженном состояниц, не замечал или старался не замечать, что делается кругом, и наблюдал только за неприятельскими судами и своею прислугою. 1'оды ли были такие или что другое, но я ни разу не подумал об опасности. Ожидая нападения наутро, ночь провели мы беспокойно. После короткого отдыха принялись за исправление бруствера и исправление подбитых станков, и к утру*

батарея была в порядке и могла действовать 10 орудиями. Однако ожидаемое нападение не повторилось. Ночью был слышен на эскадре стук от производившихся там плотничных работ, а утром увидали, что «Президент» и пароход накренены на правую сторону и чинят повреждения в подводной части, на других судах заметны повреждения в рангоуте и такелаже. 22—23 числа на неприятельской эскадре — те же занятия. Утром (в 4 часа) на пароходе приготовляли десантные боты, барказы и шлюпки, а вслед за тем пробита тревога. В $5^1/_2$ часов пароход взял на буксир с левого борта «Президента», а с правого «Форт» и повел их по другую сторону Сигнальной горы. Фрегат «Форт» оставил против батареи № 3, а «Президента» против батареи N° 7. Бриг «Облигадо» крейсировал вдоль берега, а у левого борта парохода были шлюпки и десантные боты. Ъатареи держались недолго, в особенности N° 3, где пал брат Александр, а вслед за их падением неприятель высадил десанту батареи N° 7. На гребне Никольской горы находился небольшой отряд, долженствовавший защищать гору, но он занял не самую вершину, а пространство от гребня до порохового погреба, полагая, что неприятель пойдет на батарею N° 6. Неприятель же пошел в обход и занял самую вершину горы и оттуда стрелял на выбор. Тут были ранены: инженер Мровинский, казак Карандагиев, управлявший горным орудием, убит купец Колмаков и др. Ошибка эта скоро

была исправлена. Стрелковые партии с фрегата «Аврора» начали подниматься на гору со стороны перегиейка, а остальные партии рассыпались в длину всей Никольской горы и, скрываемые кустами, начали подниматься в гору, а затем дружно ударили в штыки и атаковали неприятеля с фронта и с двух флангов. Неприятель сразу дрогнул, и ему ничего не оставалось, как отступить, а так как за спиною у него был крутой спуск к морю, то он и был сброшен моментально. Вслед за бегством неприятельского десанта суда начали обстреливать гребень Никольской горы. Наши партии спустились с горы и остановились у порохового погреба, а камчадалы и лучшие стрелки засели в кустах на вершине горы и добивали неприятеля меткими выстрелами. Отступление было самое беспорядочное, и немногие добрались, уплыли. По сведениям, опубликованным уже после войны, союзники потеряли убитыми и ранеными 27 офицеров и 300 с чем-то нижних чинов. Неприятель посылал уже последние выстрелы, как у порохового погреба уже рылась яма для погребения и наших, и врагов в количестве 80 чел. Затем благодарственный молебен на месте погребения убитых, а потом в городе торжество и ликование. Ши счастливые минуты были отравлены потерею моего брата. Ему оторвало руку ядром, причем сильно контузило

левую сторону. Хотя он хорошо выдержал операцию и перевязку и в первое время чувствовал себя хорошо, но со всяким днем слабел и у мер 10 сентября. 25 августа пароход отправился в Тарьинскую бухту, имея на буксире 3 барказа, хоронить своих убитых. На эскадре день и ночь слышен был стук от плотничных и конопатных работ и замечено исправление рангоута и такелажа. Пароход возвратился в ночь на 27 число. Утром в 7^{x} /$_{2}$ часов эскадра снялась с якоря и вышла в море. Ровный попутный ветерок подгонял ее, и она скоро скрылась из вида. Сборы в путь были очень вялые. Медленный подъем больших гребных судов, беспорядочная постановка парусов и пр. доказывали, что на эскадре громадные потери в людях. По уходе эскадры люди отозваны были с батарей и собрались в соборе, где был отслужен благодарственный молебен. Нечего тебе говорить, с каким чувством молился каждый из нас, это понятно всякому. Затем команды собрались в казармы. Завойко поздравлял их, выпил чарки за здоровье царя и их, и потом пошло то, что обыкновенно бывает, когда люди предоставляются самим себе. Семейные торопились встретиться со своими семьями, покинувшими город. Пьяницы валялись по канавам и кустам

1ˆ»

и т. п. Офицеры собрались на обед к губернатору. Обед был самый одушевленный и живой, наша дружная семья собралась в первый раз после боя, и всякий имел что-нибудь рассказать. После обеда губернатор пил за наше здоровье, мы пили за его, орали, кричали «ура!» и пр. Наконец, когда все приутихли, Завойко сказал, что так как дело кончено, то нужно об этом послать донесение в Петербург, и он желал бы знать, на кого упадет общий выбор иметь эту честь. «Разумеется, Максутов», — пробасил Изыльметьев, командир «Авроры». «Максутов, Максутов», — подтвердили все, кроме одного, который побледнел и не поддерживал этого предложения. Завойко благословил меня, поздравил и поцеловал, а затем поздравили меня и целовали остальные мои товарищи. Таким образом, отъезд мой был решен, и нужно было только подумать, на чем меня отправить. В это время находился в порте американский бриг «Нобль», с капитаном которого и было условлено о доставке меня в Аян, и так как мачты и такелаж его были повреждены, то тотчас же принялись за его исправление. Повреждения, однако, оказались настолько значительными, что я только 14 сентября мог отправиться в путь. Последние дни моего пребывания в Камчатке были самые грустные. Врат мой страдал жестоко и видимо слабел. После хороших дней, стоявших во время пребывания неприятеля, начались осенние ненастья и дожди, крыша, пробитая осколками бомб, текла, как решето, сырость и перемена температуры скверно

действовали на больных. Мравинский, имевший легкую рану в ногу, перенес, а брат получил горячку и 10 сентября умер, 12 числа его похоронили».

Осталась эта скорбная дата и в Памятном листке:

1854. сент.10. Скончался брат Александр.

Уместно привести свидетельства и других участников Петропавловской обороны, очевидцев подвига князей Максутовых. Для всех это был первый бой. Большинство этих заметок не предназначалось для печати. Но их читали и перечитывали в семьях. Как и любые вести с далекой войны, их обсуждали дома, в свете, в кают-компаниях и в классах Морского корпуса. Эти письма формировали общественное мнение и создавали репутацию.

Мичман Николай Фесун написал письмо начальнику Морского корпуса Б.А. Глазенапу. Позднее он все-таки добился руки дочери

В. Завойко и стал свойственником Максутовых. Но это не уменьшает его беспристрастности в отношении Александра и Дмитрия. Письмо это среди прочих в столицу доставил сам Дмитрий Петрович. Уже в начале 1855 г. отрывки из письма мичмана были опубликованы в книжке «Камчатка и ее обитатели с видом города Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 августа». Читаем: *«Командир этой батареи лейтенант князь Дмитрий Петрович Максутов был изумительно хладнокровен. Так как неприятель, имея на каждой из сторон своих фрегатов по две 2-пудовые бомбические пушки, стрелял большею частию из них, то его ядра все долетали до батареи и, ударяясь о фашинник, не причиняли слишком большого вреда; у нас же на батарее пушки были 36-фунтовые, следовательно, стрелять из них можно было только тогда, когда неприятель, увлекаясь, подтягивался, чтобы действовать всеми орудиями батальным огнем. Князь пользовался этим как нельзя лучше, не горячился, не тратил даром пороха, а стрелял только тогда, когда по расстоянию мог судить, что его ядра не потеряны. <…>*

Кошечная батарея в продолжении 9 часов выдерживала огонь с лишком 80 орудий! Редкий пример в истории войн прошедших, тем более что, несмотря на весь этот ураган ядер, батарея устояла и, исправившись за ночь, в следующее утро снова готова была вступить в бой. Командир батареи князь Дмитрий Максутов до того приучил своих людей к хладнокровию, что, когда неприятель действовал только бомбами и нашим из 36-фунтовых нельзя было отвечать, кантонисты-мальчики, от 12 до 14 лет, служившие картузниками, чтобы убить время, пускали кораблики».

Став лейтенантом, Н. Фесун еще раз описал события

Петропавловской обороны в 1859 г. в ответ на появившиеся публикации иностранцев, стремившихся умалить победу русского оружия.

Лейтенант «Авроры» Константин Пилкин просил лейтенанта Д. Максутова захватить его письмо матери. Лихой, по мнению сослуживцев, офицер не желал пугать матушку и поэтому, живописуя подвиги товарищей, как бы вскользь рассказал о своей штыковой атаке Неприятельского десанта: *«...через час три фрегата и пароход поместились снова против 11-пуш. батареи, но опять на таком расстоянии, что та, бедная, не могла действовать, и их большие орудия осыпали ее, и надо отдать справедливость, выстрелы их были великолепны, все ядра ложились в батарею, но та, как бы хранимая невидимою силой, не уступала их усилиям, а защищенная земляным валом, устроенная на твердом грунте и осыпаемая осколками камня, оставалась, если не невредимою, потому что 7 орудий были уже подбиты, но хранимая богом, она еще выдерживала канонаду, и когда огонь неприятеля редел, она, как бы дразня его, посылала ему выстрелы и тем заставляла его снова делать залп за залпом, а между тем прислуга батареи, эти герои, достойные имени русского, спокойно сидели за валом и даже некоторые курили трубки, а мальчики из кантонистов от 10 до 12 лет, назначенные на батареи для подавания картузов, спускали от нечего делать (под ядрами) кораблики. Командир батареи хладнокровно один ходил взад и вперед и только изредка говорил: «Такой-то нумер, пали». Командир батареи был князь Максутов 2-й. Только единой помощи бога можно отнести, что эта батарея, осыпаемая тремя фрегатами и пароходом с 8 час. утра до 7 час. вечера, могла устоять и потерять во весь день всего 4 убитых и 6 раненых...»*

К. Пилкин немного перепутал нумерацию Максутовых, почему-то считая своего сослуживца по фрегату Александра первым. Или он расставил номера уже после смерти Александра. Свое послание он заключил глубоким сожалением: *«Курьером будет лейтенант князь Максутов 2-й. <....> Надо ли говорить, как мне хотелось быть на месте Максутова. Но эта честь ехать с донесением о победе принадлежит ему по справедливости: он более всех вынес огонь неприятеля и показал хладнокровие, которым мог бы гордиться всякий, и потому никто не оспаривает у него этого права, но я дорого бы дал, чтобы мог заслужить это право и приобрести счастье за свои заслуги, обнять мою дорогую мать, моих братьев, всех родных моих, но жребий войны не дал мне первой роли этой кровавой трагедии, и я покоряюсь судьбе; верно, она знает, что делать, и, может быть, я не был в силах и не имел бы способности и осладнокровия выполнить этой роли».*

Нет оснований считать, что один будущий адмирал затаил обиду на другого будущего адмирала. Им еще предстоят встречи. И самая важная будет в Америке.

Дополняет характеристику Максутовых и авроровский гардемарин Г. Токарев. Он был учеником и другом Александра Максутова. Впервые записки Г. Токарева были опубликованы в «Морском сборнике» уже в 1855 г. как «Подробности о кончине князя Максутова».

У выпускника Морского корпуса не вызывает сомнения, что поведение Д. Максутова достойно подражания: *«Князь со стоическим хладнокровием разгуливал по батарее и попаливал редко да метко. < …> Когда сказали князю* Д.П. *Максутову, что брат его ранен, что у него оторвана левая рука, но что операция удалась и ему лучше, он прехладнокровно улыбнулся и, покручивая ус, сказал: «О! Это мелочь».* Вон он — урок капитана бригадирского ранга Г. Муловского, продолжавшего командовать кораблем, будучи смертельно раненным шведским ядром.

В частных письмах каждый из молодых офицеров сравнивает вольно или невольно себя с братьями Максутовыми. Ведь для всех это был первый бой.

После отражения нападения англо-французской эскадры В. За-войко приступил к составлению официального рапорта о победе. Документ был готов 7 сентября 1854 г. Предназначался он генерал-адмиралу Великому князю Константину Николаевичу.

Были сделаны по меньшей мере две копии этого рапорта в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева и в адрес старшего морского начальника русских сил на Дальнем Востоке вице-адмирала и генерал-адъютанта Е.В. Путятина, который продолжал руководить посольством в Японии.

Своего правителя канцелярии Лохвицкого губернатор отправил в Большерецк с тем, чтобы передать документы на шхуну «Восток», которая должна была доставить их в Приамурье.

Выбрать курьера в Петербург было гораздо сложнее. Недостатка в желающих донести победные вести не бывает. Наверное, у военного губернатора Камчатки было уже подготовлено свое решение. Но чтобы избежать обвинений, он инициировал голосование — традиция во флоте распространенная, позволяющая поддерживать сплоченность офицеров. Но были случаи, когда коллегиальность даже связывала руки командирам.

Кандидатура была выбрана достойная. Объективно Дмитрий Петрович участвовал в укреплении порта, успешно выдержал натиск противника на своей батарее и был младшим братом тяжело раненного командира Смертельной батареи.

Единственного тяжело раненного офицера Погибших не было. Субъективно он был родственником командира порта и военного губернатора Выбор курьера был вопросом не только справедливости, но и политики. Как и всякий набирающийся опыта администратор, хозяин Камчатки начал по-

немногу осваивать искусство интриги. Он значительно преуспеет в этом искусстве, вытеснив с Дальнего Востока Г. Невельского. Дважды будет князь Д. Максутов наблюдать за «пасьянсами» и «шахматными партиями» своего родственника и начальника, но не воспримет его уроков.

Не со всеми участниками тех событий у В. Завойко сложились доброжелательные отношения. По разным причинам. Так, самостоятельный командир «Авроры» И. Изыльметьев попал в победную реляцию как функция, а не как человек. Самая болезненная ссора была у В. Завойко с капитаном 1 -го ранга и кавалером А. Арбузовым, назначенным командиром над портом и командиром Камчатского экипажа. По здравому смыслу он должен был быть вторым человеком в Петропавловске. Но был отстранен от командования. Все это надо было объяснять наверху. Так что В. Завойко весьма устраивал «выбор» офицеров в пользу князя Дмитрия. Лейтенант не стал бы комментировать действия своего начальника в невыгодном свете. Не стал бы осуждать губернатора и второй курьер Лохвицкий, который и составлял все документы. Как видим, доставить донесения о победе и что-то передать на словах В. Завойко мог доверить только самым близким людям.

После смерти брата ничего не задерживало Дмитрия в Петропавловске. Можно ли было спасти Александра? Историк и географ А. Алексеев убеждал автора: если бы В. Завойко поместил лейтенанта в своем теплом губернаторском доме, исход мог быть и другим. В холодных помещениях в это время года на Камчатке тяжело выздоравливать. По-разному можно отнестись к поступку губернатора. Но ведь и своих многочисленных детей, вернувшихся из укрытий в глубине полуострова, надо было размещать и согревать. Кстати, раненого инженер-поручика Мровинского все-таки перевели под целую крышу в теплый дом. Он выздоровел.

Александр Максутов в своем последнем письме начальнику Морского корпуса Б.А. Глазенапу еще до боя написал: *«...трудное плавание в северном полушарии Тихого океана и около мыса Торн утомили команду, и потому для поправления ее капитан зашел в Петропавловску где мы, вероятно, пробудем довольно долго».* Остался он навсегда. Сентября 13-го дня его похоронили под залпы «Авроры» и батареи, которой он командовал. Могила князя

Александра сохранялась в Петропавловске еще до начала XX в. Подтверждением тому — старая фотография.

14 сентября князь Дмитрий попрощался с семьей губернатора и боевыми товарищами. Слово «товарищ» для русского офицера всегда было очень органичным. Даже генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев мог начать этим обращением свой приказ: «Товарищи! Поздравляю Вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России!»

Курьерская служба князя отмечена в Памятном листке:

сект. 14. На амер. бриге Нобль отправился в Аян с донесением Государю.

окт. 2. Пришел в Аян и выехал дальше верхом.

окт. 6. Пошли по р. Мая.

окт. 8. Нечаянно провалился под лед. Едва спасся нар. Мая.

окт. 22. С трудом переправился через р. Лену и приехал в Якутск.

нояб. 6. Приезд в Иркутск из Аяна.

нояб. 8. Уехал в Петербург с донесением Государю.

Поскольку отпускать русский корабль из зоны боевых действий В. Завойко не мог, он зафрахтовал до Аяна американское торговое судно бриг «Нобль». Этот бриг пережил англо-французскую бомбардировку в глубине бухты и уже успел исправить незначительные повреждения. Так впервые князь Д. Максутов оказался на борту американского судна. Путешествие в знакомый Аян было сравнительно благополучным для осеннего Охотского моря. С князем пассажиром, хорошо, что не арестантом, уезжал и А. Арбузов. Они могли обсуждать петропавловские события, но могли тактично ограничиться воспоминаниями о службе на Черном море, где за 18 компаний А. Арбузов заработал орден Святого Георгия IV степени. Князь не знал, что и его ждет свой «Георгий».

Максутов попал в порт Аян в самом начале октября, обнялся с теми, кого оставил почти два года назад. Может, князь и вовсе не ночевал в Аяне. Курьерские обязанности не позволяли медлить. Сухой путь казался опаснее морского. Наверняка князю дали сопровождающих, хотя бы для того, чтобы заботиться об оленях и лошадях. От Аяна до Якутска каких-то 1200 верст, из них 200 по горам, остальное по рекам или их берегам. До Д. Максутова через Аян в Сибирь прошли уже три группы участников посольства Путятина. Столоначальник Департамента внешней торговли, коллеж-

ский асессор И. Гончаров на радостях, что покинет фрегат «Палла-да», писал: «Мне лежит путь через Сибирь, путь широкий, безопасный, удобный, но долгий! И притом Сибирь

гостеприимна...» Прошедший по этому пути с запада на восток лейтенант Д. Максутов так бы не сказал. Был бы путь безопасным, не провалился бы князь под лед. Хорошо, попалась в местечке Нелькан фактория РАК. После Нелькана до Якутска оставалось всего каких-то 1000 верст. Но зато можно было идти не по горам, а рекой. Якутск был городом с населением более 2 тысяч человек, с одним каменным домом. Проехавшие до Д Максутова посольские и губернаторские чиновники хорошо отдохнули в Якутске, оценили шампанское по 6—7 рублей серебром бутылка. Истосковались эти государевы люди по винам, потому как от Аяна до Якутска была зона «сухого закона», поддерживаемая Русско-Американской компанией заодно с монополией на меховую торговлю. Курьер же не имел возможности наслаждаться отдыхом и обогнал участников миссии в Японию, занятых поправкой здоровья. От Якутска был санный путь к Иркутску. Шли где по Лене, где берегом. Морозы к тому времени крепчали. И. Гончаров точно сообщает температуру, которая была в Якутске 26 ноября, — 36 градусов по Цельсию. Но и двадцатиградусных морозов хватало, чтобы исключить всякую мысль о комфортном путешествии. Все припасы обращались в камень, а борода князя не успевала оттаивать от инея во время коротких остановок.

В резиденцию генерал-губернатора в Иркутске гонец прибыл 6 ноября, в аккурат к празднику Морского корпуса. Дмитрий Максутов был принят с максимально возможным почетом. Городское торжество по поводу одержанной победы состоялось 7 ноября 1854 г. Не избалованный победными вестями народ пришел посмотреть на героя далекого сражения и привезенный им трофей — знамя Гибралтарского полка морской пехоты. Принадлежность следовала из надписи на полотнище. В центре знамени площадью немногим более квадратного метра, повторяющего британский флаг, расположен глобус в лавровом венке подо львом с короной и девизом «Per mare, per terram» («На море, на суше»). Возможно, А. Арбузов рассказывал Д. Максутову во время их возвращения на материк, что это знамя вовсе не отбивали в бою. Петропавловский полицмейстер нашел его уже брошенным. Все равно бросать знамена негоже. Ведь не с визитом же вежливости пришли гибралтарцы. Трофей достался русским по праву. Знамя долгое время хранилось в Измайловском (Троицком) соборе в Петербурге, и Дмитрий Петрович имел возможность показывать его своим детям.

Губернаторский чиновник Алексей Николаевич Таскин сложил в честь камчатской победы оду. Для начальника горного отделения, учитывая ограниченность во времени, получилось совсем неплохо:

И вот губернатор к приему гостей Усилил поспешно, чем мог, батареи.

И гордых пришельцев к Камчатке затем Разрушить поклялся в душе он своей.

И подплыли гости… с шестью кораблями.

К Авачинской губке явились они,

И в порт Петропавловский сряду три дня И ядра, и бомбы неслись над волнами.

< >

Начальник десанта, погибнувший в схватке,

Оставил трофеем нам шпагу свою,

И, кроме той шпаги, досталось в бою Британское знамя героям Камчатки.

Князь Дмитрий Максутов за русскую честь Сам жизнь не щадивший, утративший брата,

В Иркутск о разгроме врага-супостата Привез генерал-губернатору весть…

И вот у подножья портрета царя В палатах наместника люд православный На знамя Британии смотрит тщеславной День целый седьмого числа ноября.

Напрасно начертан на знамени том Девиз горделивый «Per mare, per terram».

Не сбыться британским надменным химерам…

Пока сочинялась и читалась ода, губернатор Восточной Сибири тоже занимался почти литературным трудом, только прозаическим. Н. Муравьев составлял письмо Великому князю Константину. Победа была настолько убедительна, что приукрашивать ее не было нужды. Поэтому он ограничился комментариями к рапорту В. Завойко и дописал следующее:

«Ваше Императорское Высочество! Неприятель рассеял, наконец, все наши сомнения о значении Петро-Павловского порта и оправдал тех, которые заботились об этой стране, и, смею думать, что и Завойко оправдал свой выбор. Я не смею удержать и письма его ко мне,

которые служат дополнением к донесению и свидетельствуют о прекрасных его личных чувствах, и приемлю смелость приложить оные при сем в подлиннике.

Присланный с донесением лейтенант князь Максутов 3-й, которого подвиг едва ли не выше Щеголева, ибо он даже не сходил со своей батареи, также отличается особенною скромностью; я боюсь, чтоб это прекрасное качество не лишило его успехов в Петербурге, где, вероятно, вскоре получатся через газеты донесения французского адмирала, который будет, конечно, стараться скрыть свое поражение. Английский же

адмирал Прайс убит перед Петропавловским портом на своем фрегате и похоронен в Тарьинской губе.

Завойко доносит, что неприятель имел потери в 350 человек — неприятель действительно потерял столько убитыми и утонувшими, но раненые сверх того их должно быть по меньшей мере столько же, и по общепринятому правилу ему должно бы сказать в дополнение, что потери неприятеля состоят из 700 человек убитыми и ранеными, в числе коих один адмирал, два штаб-офицера и четыре лейтенанта — это доказывается оставленными письмами, офицерскими саблями и могилами в Тарьинской губе, а также количеством неприятелей, погибших на шлюпках и тела коих в море. Завойко напрасно поверил рассказу пленного, что адмирал Прайс будто бы сам застрелился. Неслыханное дело, чтоб начальник застрелился в самом начале сражения, которое надеялся выиграть; не мог адмирал Прайс застрелиться и невзначай своим пистолетом, для какой надобности он брал его в руки, находясь на фрегате за милю от нашей батареи. Впрочем, я убежден, что излишняя скромность Завойки не уменьшит его заслуги во мнении Вашего Высочества, а дело говорит само за себя. Я вижу только, что нигде англо-французские эскадры и десанты не действовали так смело и упорно, как в Петропавловском порте, — нигде суда не подходили так близко к нашим берегам (на 2 кабельтовых), и думаю поэтому, что они получили сильные повреждения: с начала боя они чинились в Авачинской губе двое суток, потом после сражения 24-го числа чинились там же трое суток и, наконец, когда только вышли из губы, тотчас скрылись из виду на О, т. е. ушли без оглядки, а, между тем, вскоре после их ухода возвратился благополучно корвет «Оливуца» от SW из Татарского залива и от W транспорт.

В заключение считаю обязанностью доложить В.И.В., что старший брат князя Максутова умер от своей раны — царства небесного герою падшему, и тем более заслуживает внимания пред Вашим Высочеством предстающий.

С глубоким благоговением всепокорнейший слуга

Николай Муравьев.

7 ноября 1854 г.

Иркутск».

Как видно, Н. Муравьев тоже принял участие в игре «К нам едет ревизор». Неприятель ревизовал созданный им далекий порт. Для главного должностною лица Сибири ревизия прошла успешно. Пока! Курьер с Камчатки привез не только победные реляции, но и огромный список просьб В. Завойко о доставке самого необходимого для дальнейшей обороны Петропавловского

порта.

На следующий день лейтенант Д. Максутов, отличающийся особенной скромностью, но уже почувствовавший вкус славы, мчался в Петербург. Он достиг столицы менее чем за три недели. Мчался, пользуясь абсолютным преимуществом при смене лошадей на станциях. Можно предположить, что в Иркутске ему заменили эскорт. В Перми юнец не задерживался. Сам Дмитрий если не смирился с гибелью брата, то заглушил боль служебным рвением. С отцом все подробности Петропавловского дела предстояло пережить вновь.

Последние версты от Москвы до Петербурга царский курьер преодолел по железной дороге. Пароходы появились на российской суше в конце 30-х гг. В юности князь мог видеть отправление поездов в Царское Село. К его возвращению с берегов Восточного океана железная дорога постепенно переставала служить только аттракционом для публики, посещавшей концерты в Павловске. Вокзал понемногу превращался из зала для пения в то, что мы все хорошо сейчас знаем. Годы спустя князь рассказывал, что Николаевская дорога предоставила ему отдельное помещение, так как он вез английское знамя и важные донесения. Лейтенант лег спать и от великого утомления не просыпался всю дорогу. Так быстро он никогда не передвигался даже бодрым. Шутка ли, двух дней не потребовалось, чтобы преодолеть более 600 верст. Но и верхом, и в санях офицер передвигался очень быстро.

Лейтенант прибыл в Петербург 26 ноября 1854 г. В Памятном листке описание конца года содержит две даты:

ноябрь 26 Приехал в Петербург, представлен ген. Адмиралу и Государю.

Произведен в капитан-лейтенанты и получил орден В[лади-мира].

дек. 31 Через думу получил орден Св. Георгия.

Портфель князя содержал донесения Н. Муравьева, Е. Путятина и В. Завойко — практически всю исчерпывающую информацию о российской политике на Дальнем Востоке. На общем фоне развития военных действий, сомнительных успехов в Крыму известия с Тихого океана были для России как глоток свежего воздуха. До этого правительство и Двор были в неведении, что творится на дальних рубежах империи. Не исключался сценарий близкий к черноморскому. Осада Севастополя началась после Петропавловского сражения. Но новости из Крыма доходили быстрее, чем с Камчатки. Побед в тот год было мало, особенно после появления на Черном море английских и французских судов. К тому же мощный десант

союзников в Крыму был усилен целой тысячью солдат и офицеров Сардинского королевства. А здесь — победа! Соединенная эскадра ушла. Стойкость защитников Камчатки и успешные действия на Карско-Эрзерумском операционном направлении дали надежду переломить ход войны. Да и Севастополь еще держится. Константин Николаевич порадовался за вверенные ему силы флота и счел, что курьер будет хорошим лекарством для впадающею в меланхолию Императора. Немедленно в Гатчину! Наверняка по пути генерал-адмирал переспрашивал лейтенанта о подробностях Петропавловского дела, о виденном на Камчатке и в Японии.

Лейтенант впервые в жизни был представлен Государю Николаю Павловичу. До этого Императора приходилось видеть только из строя. Повторяя процедуру, отрепетированную у генерал-губернатора Н. Муравьева и у генерал-адмирала Константина, Д Максутов поверг неприятельское знамя к царским стопам. Потом, наверное, уже не сбивчиво рассказал о том, что знал, выслушал лестные комментарии в свой адрес Великого князя. Волновался он много больше, чем при отражении неприятельской атаки. Но царь был благосклонен и по заслугам наградил героя. Победные дальневосточные реляции были последними добрыми вестями, полученными Николаем Павловичем. В начале 1855 г. он заболел и 18 февраля скончался.

В Календаре князь несколько сжал такие события, как награждение следующим чином и получение двух орденов. Конечно же производство в капитан-лейтенанты состоялось так быстро, как только высохли чернила у расторопного писаря. Этим вопросом занимался сам генерал-адмирал — полномочный глава Морского ведомства, а не управляющий его делами. Самую большую загадку представляет, когда лейтенант успел пошить новый мундир. Нельзя же допустить, что он явился к генерал-адмиралу и самому царю в том мундире, в котором покинул Петропавловск. Дата приказа не так уж важна. Старшинство в звании в таких случаях определялось днем, когда было совершено отличие. Поэтому князю начинали считать выслугу в новом звании с 24 августа 1854 г. Что касается орденов, то они не могли миновать рассмотрение соответствующими орденскими думами — собраниями кавалеров ордена. Даже сам Николай I требовал, чтобы вопрос о его собственном награждении орденом Святого Георгия был рассмотрен думой кавалеров. Строго говоря, традиционный день награждения орденом Святого Владимира к декабрю уже прошел. Но не ждать же следующего года. Поэтому князь получил Владимира IV степени с бантом 1 декабря. А вот дума георгиевских кавалеров успела вовремя. В последние дни

уходящего год& Император утвердил представление думы о награждении князя Д. Максутова орденом Святого Георгия IV степени. Георгиевская дума не была перегружена рассмотрением дел о награждениях. Всего их было в тот не богатый победами год 46. Сравним с 1853 г. и его 333 кавалерами. Дмитрий Максутов стал последним, 47-м.

Но последний по списку — не последний по значению. Слово *последний* в современном русском языке все чаще заменяется на слово *крайний.* Это привнесли суеверные моряки, летчики, ветераны последних кавказских войн. Но означает оно лишь человека пришедшего по следу, то есть за кем-то. Будучи в Георгиевском зале Кремля, автор нашел среди списков георгиевских кавалеров имя героя Петропавловской обороны и Главного правителя Русской Америки. На равном удалении от пола и потолка с правой стороны от светлого центрального оконного проема золотом на белом мраморе горят буквы, замыкающие список кавалеров 1854 г.:

КН: ДМ: ПЕТ: МАКСУТОВЪ

Выбивать имена георгиевских кавалеров на мраморных досках Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца начали в 1849 г., когда князь только получил первое офицерское звание. Многое было

подготовлено для князя в 1849 г.: и Петропавловский порт, и Георгиевский зал, и... кладбище Новодевичьего монастыря.

Награждение орденом Святого Георгия всегда считалось особо почетным в армии и на флоте. Это подчеркивалось и статутом ордена, где специально оговаривалось, что кавалеры ордена даже низшей степени «как при Дворе... так и во всех публичных местах и торжествах имеют вход вместе с полковниками, хотя бы состояли в чинах и ниже полковника».

Первые сообщения об обороне Петропавловска были опубликованы уже к концу 1854 г. в «Русском инвалиде» и «Морском сборнике». Позднее их включили в отдельный «Сборник известий, относящихся до настоящей войны». Имя Максутовых узнала Россия. Сам князь мог оглядеться, узнать, кто такой прапорщик Щеголев, с которым его сравнили. Этот мужественный офицер, командуя батареей, в апреле 1854 г. отражал многочасовую атаку вражеских кораблей на молу Одессы. Наверняка какие-то сведения получил Дмитрий Петрович от своего брата Павла, оборонявшего Севастополь. Князь был обласкан. Так бы сказали недоброжелатели. Но ведь за дело же. К чести военно-морского руководства достойные награды получили все участники Петропавловского дела. Однако война

продолжалась. Герою предстояло вернуться на свой театр войны. Возвратился на Дальний Восток капитан-лейтенант Д. Максутов в июне 1855 г., но уже не в Петропавловский порт на Камчатке, а в Николаевский на Амуре.

Во время его отсутствия Камчатка продолжала готовиться к отражению новой атаки противника. Вернулась в порт «Оливуца»ˆ Генерал В. Завойко восстановил разрушенные укрепления. На Кошечной батарее во время ремонтных работ было найдено более 180 неприятельских ядер, гранат и бомб. Каждая из них могла оборвать жизнь Д. Максутова. В марте 1855 г. военный губернатор поздравил гарнизон с подоспевшими наградами: военным — ордена с бантом и досрочное производство, чиновникам — ордена без бантов или годовой оклад. Адъютант Н. Муравьева вместе с наградами привез и приказ об эвакуации кораблей и гарнизона. Известие о кончине Императора Николая Павловича, наступившей в середине февраля 1855 г., на Камчатку опоздало. Не дожил Государь ни до победы, ни до поражения. А в завещании своем нашел силы извиниться, что не смог лучше подготовить армию и флот к войне. С большим опозданием узнал Д. Максутов и о смерти другого Николая — родного брата.

Второго нападения русские военно-морские силы на Дальнем Востоке могли и не выдержать. На Камчатке следовало оставить только земское управление, а все силы перевести в устье Амура, в Николаевский пост. Уходя с Камчатки, В. Завойко не забыл свою компанию — Российско-Американскую. Оставляя командиром порта есаула Н. Мартынова, он отдал распоряжение о секретном надзоре над меховой торговлей — основным бизнесом РАК, возведенным в культ.

Следовало не мешкать. Кто первый воспользуется весенней погодой и освобождением губы ото льда для продолжения военных действий? У противника было преимущество. Вход в Авачинскую губу освобождался раньше, чем таял лед в порту. Пришлось рубить канал во льду. Уже 5 апреля суда вышли на открытую воду и покинули Камчатку.

Русская эскадра, выйдя в Тихий океан, начала движение вдоль Курильской гряды, обогнула сахалинский мыс Аниву и вошла в Татарский пролив с юга С противником встречи избегали. В Констан-тиновской бухте Императорской гавани пытались было освободить находящийся во льду фрегат «Паллада», уже приготовленный к взрыву, чтобы не достаться врагу. Освободить фрегат не получилось, его пришлось позднее затопить.

Эскадра пришла в залив Де-Кастри, открытый Лаперузом еще в 1787 г. Началась выгрузка гражданского имущества,

казначейства, а также гражданского населения, коего было более 300 душ, главным образом женщин и детей. Имущество и гражданское население предстояло эвакуировать на озеро Кизи в Мариинский пост. Осталось только сделать дорогу до Амура Свою же семью В. Завойко оставил в Петропавловске; Юлия ожидала рождения ребенка. Был шанс, что китоловное судно РАК, зимовавшее в Петропавловске, эвакуирует оставшихся жителей в Аян. Но неприятель застал их на Камчатке, потому пришлось прятаться. Противник в течение месяца грабил порт, разрушал укрепления русских и поправлял могилы своих. Только в августе Юлия с детьми на американском судне будут доставлены в Де-Кастри. Как бы извиняясь за неизбежные случайности и лишения войны, В. Завойко даст для офицеров обед в честь имени жены.

Утром 8 мая в Татарском проливе показалась неприятельская эскадра. В скоротечную дуэль с противником вступила «Оливуца», ставшая флагманом эскадры. Супостата в день Николы летнего отогнали. Противник, казалось, мог не торопиться. Русская эскадра, по мнению англичан, была надежно заперта Оказалось, что англичане не заперли русских, а упустили. Передовые географы того времени считали Татарский пролив заливом, а Сахалин полагали полуостровом. Русские наверняка знали, что между Сахалином и материком есть пролив, по которому можно уйти в устье Амура По сообщениям прибывшего из Николаевского поста контр-адмирала Г. Невельского, Амур вскрывался в конце мая — самом начале июня. Успеть бы! Русские опять успели.

Неприятель всей силой навалился на оставленный Петропавловск. Мая 19 дня в Авачинскую губу вошла англо-французская эскадра из 12 вымпелов. Для дальневосточных вод — сила неодолимая. Очередной, на этот раз весенний, приход неприятеля опять пришелся на канун празднования Владимирской Богоматери. Православные поминают 21 мая чудо отвращения от Москвы полчищ татарского хана Махмет-Гирея в 1521 г. Русские смогли уклониться от боя и сберечь свои морские силы. Икону Владимирской Богоматери празднуют еще и 23 июня в память стояния на Угре 1480 г., когда хан Ахмат так и не решился напасть на войска Ивана III.

Автор подчеркивает, что даты приведены по старому стилю. В эти дни с русскими воевать себе дороже. Да и в остальные дни бесперспективно. Есть у России многие небесные заступники.

К началу июня у мыса Лазарева, в самом узком месте пролива между материком и Сахалином, собрались весьма замечательные участники событий — люди и корабли. До своих добрались «на перекладных» люди капитан-лейтенанта С. Лесовского, спасшиеся с «Дианы». К судам эскадры В. Завойко

присоединилась шхуна «Хеда» с генерал-адъютантом и вице-адмиралом Е. Путятиным. Покинув Симоду в апреле, Е. Путятин держал курс на Петропавловск. Вицеадмиралу повезло. К тому времени русские уже оставили порт, а неприятель еще его не занял. Окрыленный успехом генерал-адъютант торопился в Петербург. Надо было не только доложить о дипломатической победе, но и подготовить ратификацию Трактата. В ноябре 1855 г. Е. Путятин окажется в столице и будет пожалован графским титулом.

Но пока шло лето 1855 г., необходимо было думать о продолжении военных действий. С позиции у мыса Лазарева можно было расстреливать неприятеля, который боялся не только русской артиллерии, но и мелей. Так Амурский лиман, в который вошли русские корабли, стал крепостью. Столь протяженную крепость необходимо было оборудовать. К тому же сроку Н. Муравьев завершил очередной сплав по Амуру. Прибыли подкрепление и переселенцы с семьями, были доставлены провиант и вооружение.

С июня В. Завойко, ставший из генерал-майоров контр-адмиралом, был назначен начальником морских сил «при устьях Амура расположенных» с квартирой в Николаевском посте. Тогда же в Николаевск поспел и князь Д. Максутов, который был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири исправлять должность капитана над Николаевским портом. Все повторялось. Повторялась даже ко-шечная батарея на мысе Куегда. Правда, командовал ей уже лейтенант А. Петров, начальник поста, накоротке знакомый Д. Максутову по началу службы в Аяне.

Николаевский пост был основан в 1850 г. Первоначально его велено было считать только торговой факторией РАК. После первых амурских сплавов по числу жителей Николаевский пост уже приближался к уездному городу. Во время войны прибывали команды не бывших в деле кораблей. Одна «Паллада» пополнила гарнизон более чем на 300 матросов. А так как там был магазин вездесущей Российско-Американской компании, в котором можно было найти самые изящные товары, то будущий Николаевск-на-Амуре с первых дней превосходил города губернские. Начальник Амурской экспедиции разрешил офицерам строить частные дома. Размещались основательно. Николаевский пост стал главной базой созданной в 1856 г. Сибирской флотилии, преобразованной из флотилии Охотской. Таковым и оставался Николаевск-на-Амуре вплоть до 1871 г., пока его не заменили более удобным во всех отношениях Владивостоком. Со временем на Амуре будет основано морское училище. Выпускник это училища СО. Макаров поведет старшего сына Дмитрия Петровича в плавание по Тихому

океану.

Д. Максутов постепенно привыкал служить на берегу. В должности он оставался до 1 мая 1856 г. Шутка ли — перезимовать в порту, которого еще нет. Оказаться среди неизбежных трений морских офицеров, не обделенных амбициями. Одних контр-адмиралов было два, опытных и честолюбивых. В. Завойко и Г. Невельской недолюбливали друг Друга. Кончилось тем, что в амурской интриге чистую победу одержал их общий начальник генерал-губернатор Н. Муравьев. По очкам энергичный администратор В. Завойко обыграл энергичного первопроходца Г. Невельского. Амурская экспедиция, дело жизни Геннадия Ивановича, была упразднена. Первым лицом после

Н. Муравьева на тихоокеанском побережье становился свойственник князя Д. Максутова уважаемый Василий Степанович. Это и определило отношение к князю офицеров, зимующих в Мариинском, Петровском и Николаевском постах. Все, кто недолюбливал В. За-войко, дистанцировались и от Д. Максутова Все бы ничего, но среди них был и его будущий командир В. Римский-Корсаков. Их отношения могло еще более охладить то, что Дмитрий Петрович мог догадываться о любви Воина Андреевича к жене Геннадия Ивановича Екатерине Ивановне. Да мало ли какие еще интриги плелись в ту полуголодную зиму, не занятую отражением неприятеля. Ожидание весны, противника, окончания войны — все выматывало. Начальник поста А. Петров отмечал, что почти все страдали цингой, хромали, а у некоторых образовалась водянка Морские офицеры уже перенимали привычку офицеров сухопутных наливать рюмку до краев, чего никогда не позволяли себе на борту, опасаясь качки. Разложение начинается с малого. Встрепенуть и сплотить офицеров могла только новая кампания. Под этим словом подразумевались и боевые действия, и плавания в навигацию. Все одно, лишь бы не сидеть на месте.

Каждая война заканчивается. Закончилась и Восточная война. Впервые Россия вела боевые действия в глобальном масштабе, а не только в Крыму и на Кавказе. Противник атаковал русские морские крепости на Балтике, крейсировал на Белом море, дважды пугая Соловецкий монастырь, безуспешно пытался уничтожить силы России на северо-востоке. С запозданием узнали защитники Амура о подписании в марте 1856 г. Парижского мирного договора. Британцы тоже получили сообщение о мире с задержкой и до этого пограбли-вали беззащитные русские поселения на тихоокеанском побережье.

В мае 1856 г. капитан-лейтенант Д. Максутов возвратился на

«Оливуцу», которой командовал капитан 2-го ранга В.А. Римский-Корсаков. Корвет вышел из устья Амура, только освободившегося ото льда, и почти все лето крейсировал в Татарском проливе. На первый взгляд это кажется бесцельным. Но работа всегда найдется; необходимо было завершить съемку малоизвестных берегов, которые до этого «брали на глаз». На корабле находился капитан 1 -го ранга К. Посьет, который ждал ратификации трактата. Договор, названный по имени города Симодским, где был подписан, венчал деятельность русского посольства под началом Е. Путятина. Дипломатические и торговые отношения с Японией установлены. Поставлена очередная запятая в российско-японских отношениях. Проблемы

Курильской гряды еще нет; острова осваивает Российско-Американская компания. На «Оливу це» К. Посьет и В. Римский-Корсаков вполне довольствуются обществом друг друга. Они и на «Палладе» были друзьями. Д. Максутов в круг их общения не входит. Его, возможно, избегают. Разные покровители, разные друзья. К тому же капитан-лейтенант — георгиевский кавалер, которому даже при командире корабля разрешалось оставаться на правой, почетной стороне шканцев. Не попадет он и на страницы мемуаров В. Римского-Корсакова. Да и для К. Посьета, будущего наставника Великого князя Алексея Александровича, последнего российского генерал-адмирала, капитан-лейтенант и кавалер не кажется значимой фигурой.

Князь Д. Максутов мог довольствоваться обществом других достойных офицеров. В частности, на «Оливуце» возвращались Петр Гаврилов, командир 1-й батареи Петропавловского порта, Николай Бошняк, старый соратник Г. Невельского.

В конце октября 1856 г. корвет достиг Японии. В ноябре обмен ратификационными грамотами наконец-то состоялся. Японцам в память о гостеприимстве, проявленном в отношении экипажа погибшей «Дианы», были переданы 52 пушки погибшего фрегата и шхуна «Хеда» — первое японское судно, построенное по западному образцу, «бабушка» японского флота. По этому «опытному» проекту японцы построили по меньшей мере шесть копий. И полувека не пройдет, как японцы сами научатся строить боевые корабли и вооружать их первоклассной артиллерией. Сначала они покажут это русским. А еще через полвека ответят американцам на визит «доброй воли» М. Перри.

«Оливуца» была отпущена домой в конце 1856 г. Возвращение можно было бы считать благополучным. Корабль еще крепок, не особо штормит, не надо прятаться от противника, не надо искать его. В послужном списке отмечено, что капитан-лейтенант находился «в плавании с Востока на Запад» в Индийском и

Атлантическом океанах с 1 января по 16 сентября 1857 г. В море и в иностранных портах всегда есть неизбежные случайности. В Макао вся команда чуть не отравилась мышьяком, подложенным в хлеб. Мотивы булоч-ника-китайца так и остались неизвестными. Бог миловал, обошлось без потерь. Но не удалось избежать потерь от желудочных и других болезней, когда корабль был уже в Индийском океане. Пришлось даже сделать остановку почти на месяц на Маврикии для поправления здоровья команды. Всего этого нет в сухих строках послужных списков Д. Максутова. Порты и моря упомянуты, трудности и лишения опущены.

Только в сентябре после годичного, считая от Николаевского поста, плавания «Оливуца» достигла Кронштадта. Встречал ее сам Великий князь Константин. Он любил это судно еще по юношеским воспоминаниям, всегда отличал его офицеров. Да и не каждый же день возвращались корабли с Восточного океана с целой командой победителей. Не мог генерал-адмирал не поздравить с прибытием старого знакомого Дмитрия Петровича.

За свою деятельность на Дальнем Востоке князь был награжден орденом Святого Станислава II степени. Шутка ли, он командовал главным портом созданной Сибирской флотилии. Получил защитник Петропавловска и бронзовую медаль на Георгиевской ленте в память войны 1853—1856 гг.

Закончилось, пожалуй, самое продолжительное морское плавание князя офицером экипажа, а не пассажиром. Окончилась война Подошла к концу весьма продолжительная глава жизни Д. Максутова Это завершение является следствием естественного хода событий, а не авторской конструкцией.

КНЯЗЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОТ КОТОРЫХ НЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ 1858-1859

С берегов Восточного океана князь вернулся не совсем в ту Россию, которую оставил. Заканчивался 1857 год, и второй год как завершилось тридцатилетнее царствование Николая Павловича. Мало кто в стране уже помнил какое-то иное. После годового траурного затишья все были весьма озабочены курсом нового Императора Александра II. Самодержец и его подданные на трех континентах жили надеждами.

Послевоенное общественное мнение в столице уже не считало, что Россия проиграла войну; она ее просто не смогла выиграть. Во многом этому способствовала близость войны к столице. Петербургские обыватели сами активно «участвовали» в войне, прогуливаясь посмотреть на маневры неприятельской эскадры у кронштадтских фортов. Врага отбили не только от

Кронштадта, но и от Свеаборга, применив хитрое минное оружие. Правда, как-то подзабыли о сдаче русского немалого гарнизона Аландских островов. Но по сравнению с неудачами в Крыму эта потеря авторитета русского оружия казалась незначительной. Севастопольские офицеры заслуженно чествовались как герои, а не как жертвы некомпетентного командования. Кавказцев, как всегда, забыли. А ведь именно они позволили свести войну практически к ничьей. Дальневосточники оставались самыми безупречными витязями. На Балтике, на Черном море и на Тихом океане участвовали в Восточной войне братья Максутовы, став в один ряд с первыми героями России.

В результате Восточной войны Российская империя удержала с трудом собранные земли, но изрядно подрастеряла свою идентич-

ность. Бывает, что и проигранная война сплачивает. Но эта только обнажила все довоенные проблемы, решение которых откладывалось на потом. О послевоенном кризисе той поры писали многие. Автору уже не втиснуться в этот ряд. Но не всех читали. Как редко до сих пор перечитывают записки одного артиллерийского офицера. Участник Крымской войны записал в 1855 г. то, хотя не бесспорное, что многие, однако, чувствовали и с болью переживали:

«В России, столь могущественной своей матерьяльной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетенных рабов, повинующихся ворам, угнетающим наемникам, грабителям, и в этой толпе нет ни преданности к царю, ни любви к отечеству — слова, которые так часто употребляют, — ни рыцарской чести и отваги, есть с одной стороны дух терпения и подавленного ропота, с другой дух угнетения и лихоимства.

Россия <..> не только не может изгнать дерзкой толпы врагов, ступившей на ее землю, но при всех столкновениях с ними покрывает срамом свое великое имя. Нравственное растление войска: вот причина сих печальных явлений.

Солдат — бранное поносное слово в устах нашего народа. <..> Солдат имеет по закону только строго необходимое, а в действительности менее того, чтобы не умереть.

В бою, когда сильнее всего должно было действовать влияние начальника, солдат столько же, иногда более, ненавидит его, чем врага; ибо видит возможность вредить ему. Посмотрите, сколько русских офицеров, убитых русскими пулями, сколько легко раненных, нарочно отданных в руки неприятелю. <..>

Русский генерал, по большинству, существо отжившее, усталое, выдохнувшееся, прошедшее в терпении и бессознании все необходимые степени унижения, праздности и лихоимства

для достижения своего звания — люди без ума, образования и энергии».

Совсем плохо отозвавшись о генералах, своих товарищей офицеров за малым исключением этот артиллерист отнес либо к наемникам, либо к грабителям и безнравственным невеждам. К чести военного литератора, он после войны вышел в отставку и не решился опубликовать свой проект о переформировании армии. Да и кто бы опубликовал такое. А вот его литературные заметки, названные «Севастопольскими рассказами», опубликовали. С «переформированием армии» справятся и без графа Льва Николаевича Толстого (так звали восходящую звезду российской словесности).

Разумеется, Дмитрий Петрович не читал этих записок. Да и не о флоте написано. Что же касается севастопольской обороны, он смотрел на нее глазами старшего брата. И вряд ли был знаком с самим Львом Николаевичем. Хотя в тот год, когда Л. Толстой заканчивал «Войну и мир», Д. Максутов завершал дела американские. Оба они могли оказаться под Тулой. Там у князя была дача, а у графа имение Ясная Поляна. Свободный в сюжете романист сумеет что-нибудь сконструировать из этого полуфакта. Автор же до сих пор не может правильно прочитать запись в Памятном листке князя, где все-таки была дача, под Тулой или в другом месте, имеющем сходное написание. Почерк у князя был не всегда разборчив. Поэтому опять приходится догонять писарей Морского ведомства. Их профессионально составленные легкие строки читать несравненно проще.

По возвращении в Кронштадт князь был переведен в 5-й экипаж и получил достойную должность старшего офицера винтового корабля «Орел». Такое назначение было признанием личных заслуг офицера и авансом за новые. Был в этом назидательный пример для всего офицерского корпуса. В то время «Орел» был единственным балтийским кораблем в своем классе, довольно мощным, 84-пу-шечным, имевшим машину в 450 л. с. Он был спущен на воду в Петербурге в те дни, когда Д Максутов оборонял Петропавловский порт. Командовал кораблем герой войны на Черном море капитан 1-го ранга Федор Иванович Керн. Орлиную команду комплектовали при непосредственном участии самого генерал-адмирала Константина Николаевича. Князь Д Максутов, как и в мичманские времена, попал служить на большой корабль. При сложившемся на флоте раскладе капитан-лейтенанту, вернувшемуся с Дальнего Востока, дали очень хороший шанс для карьеры. Нельзя не признать — шанс заслуженный.

Дмитрий Петрович мог вспоминать корабли своей

молодости. Их уже не осталось в строю. Когда князь возвратился на «Оливуце» с Восточного океана, в том же месяце при невыясненных обстоятельствах в Финском заливе погиб линейный корабль «Лефорт», унесший с собой жизни почти 800 человек экипажа, 53 женщин и 17 детей. Не спасся никто. Балтийскую трагедию, произошедшую на глазах всей эскадры, отразил совершенно ирреально на небольшом полотне И. Айвазовский: погибшие моряки, женщины и дети восходят из мрачных глубин прямо на небо. Другой линейный корабль, на котором служил молодой офицер Д. Максутов, «Андрей», участвовал в обороне Свеаборга и доживал свои дни в виде блокшива. Черноморские «Мидия» и «Варна» остались лежать на дне Севастопольской бухты. Не пережил войны многострадальный пароход-утопленник «Боец». Вместе со своим братом «Молодцом» он был сожжен на Азовском море, в Бердянске, чтобы не достаться врагу.

Разумное морское руководство даже могло счесть благом потерю героических парусников. Все равно технически они устарели. Великий князь Константин предложил новому Императору Александру II: «...не поддерживать и дополнять новыми судами прежний флот, но создать новый, винтовой флот и приготовить для него способных офицеров и матросов...»

В 1855 г. чиновник и литератор Николай Щербина переписал известные строки поэта В.Г. Бенедиктова о ботике Петра I — «дедушке русского флота»:

И родил тот ботик флотик,
Этот ботик флот родил.

В злой эпиграмме получилось:

Все назад наоборот На святой Руси идет,
Где из ботика стал флотик,
А из флотика стал флот-Но лишь выпал трудный год —
И остался только ботик.

Н. Щербина незадолго до смерти признал-таки возрождение флота и извинился за написанное. Но он был прав в том, что кораблей в русском флоте поубавилось. На Балтике после войны оставалось два крупных винтовых корабля и менее трех десятков колесных пароходов, на Черном море — дюжина. Еще дюжину своих пароходов Россия разбросала по Каспию, Белому морю и дальневосточному побережью. Поубавилось и число вакансий для морских офицеров. А петровский ботик действительно хранился и хранится. Замечательному морскому офицеру Авраамию Асланбегову, участнику обороны Севастополя, будущему начальнику эскадры Тихого океана и командиру 8-го флотского экипажа, где еще предстоит служить Д. Максутову, в 1872 г.

выпадет честь к столетию Петра I сопровождать «дедушку русского флота» в Москву на Всероссий-

скую политехническую выставку. Российский флот всегда может начать возрождаться «от ботика». Но подзабытая эпиграмма будет ранить сердца моряков императорского флота еще долгие-долгие годы.

Назначение князя можно было считать большой удачей. Не всем так повезло. Кому достался только ботик или кораблик немногим больше того — тендер. Только тендер получил под свое командование на Балтике старший брат князя капитан-лейтенант Павел Петрович. Это небольшое судно, не покидавшее Финский залив, носило гордое имя «Синоп». Капитан-лейтенанту пристало командовать уже фрегатом, тем более такому достойному.

Уместно будет немного рассказать о судьбе старшего из морских офицеров Максутовых. На 120-пушечном корабле «Париж» Павел Максутов участвовал в Синопском сражении. И был он флаг-офицером у второго флагмана контр-адмирала Ф. Новосильцева. Эскадра Ф. Новосильцева подошла к Синопу немного позже эскадры П. Нахимова, но приняла самое активное участие в сражении. Вроде бы простые для лейтенанта обязанности — передавать приказы адмирала. Но одно дело передавать их устно или пакетами. И совсем другое — командовать эскадрой, облекая приказы адмирала в сигналы из нужных комбинаций флагов. В русском флоте были случаи, когда эскадры не понимали сигналов флагмана. И не всегда удавалось избежать трагических последствий этого. Чтобы исключить неразбериху в боевом управлении кораблями, на должность флаг-офицера командующие выбрали из лучших кандидатов. Первой заботой командующего эскадрой всегда будет обеспечение надежности управления вверенными кораблями и людьми. И пусть каждый исполнит свой долг. Кораблем «Париж» в том сражении у турецкого берега командовал капитан 1 -го ранга В. Истомин. Судьба была милостива к команде корабля: убит — один, раненых — восемнадцать. Возможно, что и Дмитрий Максутов успел послужить под началом В. Истомина на фрегате «Кагул».

За отличие в делах при уничтожении турецкой эскадры на Синопском рейде Павел Петрович князь Максутов 1-й был награжден орденом Святого Владимира IV степени с бантом и пожалован годовым окладом. После затопления кораблей Черноморского флота лейтенант оборонял 4-й бастион Севастополя, руководил вылазками с «примерным самоотвержением и усердием». За особую храбрость и мужество при защите Севастополя был Всемилости-

вейше награжден чином капитан-лейтенанта. Получил ордена Анны III и II степеней, золотую саблю с надписью «За храбрость». Был у него ангел-хранитель. По семейным преданиям, князь был адъютантом самого адмирала П. Нахимова. В послужном списке сказано «старшим адъютантом и помощником начальника артиллерии 2-го отделения оборонительной линии г. Севастополя». Еще в официальных документах указано, что Павел Максутов командовал успешной вылазкой против неприятеля по «поручению генерал-адъютанта Корнилова». П. Нахимов в послужном списке князя не упомянут. Но будем следовать легенде, освежающей канцелярские строки. Павел Степанович Нахимов имел обыкновение объезжать протяженные севастопольские позиции верхом. Имел он еще одно обыкновение ходить в эполетах, так заметных вражеским стрелкам. Поэтому свита адмирала, как только достигала передовых рубежей, всегда подвергалась огню неприятеля. Павел Степанович попросил Павла Петровича раскурить трубку. Тот слез для этого с коня. В это время над позицией пронеслась неприятельская граната. Многих убило или ранило. Моряк, вовремя покинувший седло, отделался контузией. В тот раз повезло и П. Нахимову. Не раз гранаты рвались там, где только что находился Павел Максутов. Например, только покинул палатку, «не долежав положенного ему срока отдыха» десяти минут, как в нее попала бомба. Но и офицеру досталось. Перечисление севастопольских ран и контузий Павла Петровича занимает целый абзац в Послужном списке. Поэтому, когда капитан 1 -го ранга Павел Максутов стал таганрогским градоначальником, ему высочайше было разрешено «носить во всех случаях вместо шляпы фуражку и ходить с помощью трости». Так и дослужился он в фуражке и с тростью до контр-адмирала. Но это еще будет. А в тот бесперспективный послевоенный 1857 год Павел Максутов уволился с военной службы на коммерческие суда. Поступил он в только что созданное Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) и получил в командование пароход «Юнона», много больше военного тендера. Главное правление общества находилось в Петербурге, на Невском, а управляющая контора — в Одессе. Потеряв военный флот на Черном море, Россия возрождала коммерческий, в первую очередь паровой. Дескать, потом посмотрим, кто кого. Общество пароходства и торговли взяло выверенный государственный курс на привлечение и сохранение профессионалов — морских офицеров и нижних чинов. Не зная того сам, старший брат Павел Петрович торил дорогу остальным братьям. Сын князя Дмитрия Петровича последует по стопам дяди и тоже переедет в Одессу служить на коммерческих судах,

но уже в Доброфлоте. Пока же у князя не было не то что сына, но даже и невесты. Жениться офицеру разрешалось с 23 лет, но князь не торопился.

Трудно реконструировать события зимы 1857/58 г. Корабельного писаря не интересовали дела князя Д. Максутова, не бывшего в кампании. Так сложилось на флоте, что старший офицер находится на борту практически безотлучно, почти живет на корабле даже во время длительных стоянок. Является он и первенствующим лицом в кают-компании, поддерживающим корпоративный дух. Хорошим старшим офицером мог быть только очень уважаемый человек. Князь не зря получал свое жалованье в море и на берегу. Он стоически переносил рутинную работу и береговую скуку. Петербург все-таки — не Николаевский пост. Почти наверняка можно утверждать, что князь не мог пропустить бал в Морском корпусе, традиционно открывающий сезон в Петербурге. Каждый офицер испытывал слабость показаться в своем учебном заведении в солидном звании и при орденах. Можно предположить, что Дмитрий Петрович прочитал с большим интересом вышедшие в Петербурге в 1858 г. очерки путешествия Ивана Гончарова в двух томах, названные «Фрегат «Паллада». Это ведь и о нем написано. И сравнить было с чем, особенно в описании Нагасаки и путешествия по Сибири. Ведь курьер Д. Максутов шел в том еще свежем в памяти 1854 году до Якутска почти след в след И. Гончарову, потом обогнал его. А заодно уж и будущего историографа РАК П. Тихменева, в ту пору лейтенанта. Утомленный переходами литератор не заметил пронесшегося вихрем офицера и потому не нашел ему места в своих очерках. Что там лейтенанта. Не заметил или не захотел заметить коллежский асессор даже начальника Амурской экспедиции контр-адмирала Г. Невельского.

Японские дела, в которых участвовал князь Д. Максутов, получили ожидаемое продолжение. В 1858 г. в Японии было открыто русское консульство, которое возглавил хлебнувший лиха в военное время И.А. Гошкевич, ставший уже надворным советником. Морским представителем в Хакодате был назначен лейтенант Павел Николаевич Назимов, родной брат Николая Назимова, приведшего впервые «Оливуцу» в японские воды. В тот год П. Назимов был самым дале-

ко посылаемым офицером флота. Но Д. Максутов предчувствовал, что его зашлют много дальше П. Назимова.

Навигация следующего 1858 года для князя была короткой. Д. Максутов провел в плавании под парами по Финскому заливу целых шесть дней плюс в два раза больше на якоре. Командир привел корабль на зимнюю стоянку 20 октября. А уже в ноябре

князь испросил отпуск на 28 дней. Возможно, он серьезно подумал о браке и о переводе с корабля. Если первое предложение офицер делает сам, то второе делают ему. За время войны вырос не только сам князь, но и его покровители. Князю предложили береговую должность, но весьма необычную. Князю предстояло стать помощником Главного правителя российских колоний в Америке и отправиться в Ново-Архангельск.

Для Памятного листка в 1858 г. нашлись достойные события:

нояб. 16. Познакомился с Аделаидой Ивановной Бугиман.

дек. 12. Назначен помощником главного правителя Р.А.колоний.

дек. 20. Сделал предложение А. И. Бугиман.

дек. 22. Получил согласие Аделаиды Ивановны.

Брак и перевод с флота — не просто совпавшие в пространстве и во времени события. Назначение в колонии требовало некоторой основательности. Ведь убыть предстояло на пятилетний срок. Высочайший приказ по флоту № 231 о назначении капитан-лейтенанта Д. Максутова помощником Главного правителя Российско-Американских колоний состоялся 19 января 1859 г. Декабрьская дата, которую записал князь в Памятном листке, относится к окончательному решению директоров РАК.

Начнем с главного — с назначения. Дела семейные чуть ниже. Дмитрия Петровича пригласили в весьма уважаемую компанию, с которой он соприкасался только по касательной. Он видел фактории РАК в портах Аяне и Петропавловске, а также в Николаевском посту. Ничего интересного — склады, меха, торговая суета. Знал он и некоторых офицеров, служивших в компании. Прежде всего Ф. Врангеля и В. Завойко. И пример хороший, и проторенный ими путь весьма перспективен. Теперь князю предстояло прибыть не в захолустную факторию, а в весьма престижное здание на Мойке, 72 и самому разобраться в хитросплетениях Главной конторы Российско-Американской компании. Слово *контора* восходит к латинскому *запутанный.* Князь мог еще как-то разобраться в ее писаных правилах, но в правилах неписаных, но не менее строгих разобраться было шансов мало. Даже если были доброжелательные подсказчики.

Ко времени поступления Д. Максутова в РАК история компании насчитывала уже почти 60 лет, но не была систематизирована. Первый масштабный исторический труд, посвященный деятельности русских в Северной Америке, появился только в 1863 г. стараниями офицера «Паллады» П. Тихменева. Дмитрию Петровичу могли бы дать ознакомиться с записками К. Хлебникова и И. Вениаминова, а также с

появившимися в печати мемуарами морских офицеров, побывавших в Америке. Вот только художественной литературы о Русской Америке не было. Поэтому трудно восстановить, какие события из русско-американской эпопеи запали в память князя, а какие прошли мимо его внимания.

Само здание Главного правления РАК у Синего моста сохранилось до сегодняшнего дня. После уступки колоний, проведя ликвидационное собрание акционеров, компания уступила свою штаб-квартиру действительному тайному советнику Г. Митусову, позднее в здании размещалось Общество для заклада движимого имущества. В советские времена там был ломбард. Кабинет директора этого заведения оставался чем-то похожим на каюту большого корабля. Внутренние интерьеры еще в начале 90-х гг. прошлого века имели лепнину с жезлами Меркурия, старинные печи и зеркала. Можно было еще догадаться, где была квартира К. Рылеева, а где редакция газеты, а где зал собраний акционеров. Все это ныне выхолощено евроремонтом. Сейчас в здании размещается фирма, которая совсем не понимает, каким историческим зданием владеет. У автора нет желания делать ей рекламу.

Наверняка князь бывал в этом здании и ранее по приглашению того же Ф. Врангеля. Но осенью 1858 г. он прибыл как кандидат на должность второго лица в Русской Америке. И принимал его, скорее всего, директор компании, статский советник Врангель Василий Егорович, кузен Дмитрия Петровича. В свое время он возглавлял Департамент лесов Морского министерства. В 1851 г. ему пришлось наследовать место директора Фердинанда Врангеля. В 1859 г. он по болезни оставит пост директора РАК, а еще через год покинет этот мир. Ко времени определения Д. Максутова в РАК из Главных правителей колоний директорами компании уже были адмиралы А. Это-

лин и М. Тебеньков, и вот-вот должен был прийти В. Завойко. Ветераны Русской Америки как бы предлагали молодому человеку стать в этот достойный ряд.

Старейшая российская акционерная компания была создана в 1799 г. по Указу Павла I и под его покровительством. Но Павел только закрепил сложившееся положение вещей. Русские купцы и промышленники начали осваивать побережье Тихого океана в его северо-западной части сразу же после экспедиций В. Беринга. Шли за сверхприбылями пушного промысла. Частный интерес опережал государственный. По мере описания и освоения Алеутской гряды и полуострова Аляска русские постепенно переходили от дикого режима к цивилизованному. В 1797 г. была образована Соединенная Американская купцов Шелиховых,

Голикова и Мыльникова компания, которая была разделена «на акции, наподобие иностранных, дабы в минование соперничества и другие компании могли соеди-нитца ж с американскою». Акции постепенно вытесняли паи участников меховых авантюр.

В 1799 г. все компании смогли «соединитца», и была образована Российско-Американская компания, сыгравшая выдающуюся роль в мировой истории благодаря активному участию в освоении Дальнего Востока и Америки, формированию капиталистических отношений в России. Первоначально штаб-квартира компании находилась в Иркутске. В 1800 г. ее Главное правление было переведено в Петербург. Новообразованной компании удалось сплавить воедино интерес и возможности частного капитала с привилегиями и силой высших сословий империи. Так в начале XIX в. появилась монопольная компания, которой вменялись не только пушной промысел и торговля, но фактически управление территориями от имени государства, открытие и освоение новых земель, приведение в подданство населявших их народов. При Александре Павловиче в 1806 г. компания получила собственный флаг. Для Герольдии было сделано описание: «Флаг Американской компании имеет три полосы: нижнюю — красную, среднюю — голубую и верхнюю пространную — белого цвета с изображением на оной всероссийского государственного герба, под которым означена лента, висящая на лапах орла, с надписью на оной: Российско-Американской компании». Слово *пространная* в отношении верхней белой полосы означает, что по ширине она такая же, как и две нижние, вместе взятые. Этот флаг поднимался на судах РАК, зданиях ее администрации и американ-

ских крепостях. Известный русский мореплаватель В.М. Головнин считал, что этот флаг имеет преимущества против обыкновенного купеческого и ему надо салютовать равным числом залпов. Хотя в российских морских уставах, начиная с петровского, порядок обмена салютами между кораблями и торговыми крепостями не был оговорен.

Ведущая акционерная компания России имела свои конторы в столичных городах Петербурге, Москве и Иркутске, держала комиссионеров в Казани, Томске, Тюмени и Якутске. Ее фактории были практически по всей Сибири и Дальнему Востоку и конечно же на Аляске. В Европе и в Америке компания пользовалась уважением и была достойным международным партнером, ее векселя «можно было менять и дисконтировать во всякое время беспрепятственно». Слова *Российская* и *Американская* обозначали границы территории, охваченные деятельностью компании, — от России до Америки, прибирая все, что по пути найдется.

Первоначально компанию опекало Министерство внутренних дел, потом ее передали в ведение Департамента мануфактур и торговли Министерства финансов. Русские поселения в Америке назывались колониями. ВМ. Головнин ошибочно считал, что слово *колония* происходит от фамилии первооткрывателя Америки — Колон. Нет, слово только и означает отдаленное поселение. Колонии как заморские территории для России не существовали. Приращение империи шло сушей. Новые территории сращивались с исконными. Местные элиты прорастали в российскую. Так, в XIX в. в российский нобилитет вошли грузинские, польские и другие фамилии. В отличие от индийских раджей, которые не попали в элиту своей метрополии Великобритании. А у индейских вождей в Северной Америке был шанс остаться только в легендах.

Русская Америка не была колонией России в общепринятом смысле этого слова. Россия имела отдаленные друг от друга поселения на американском берегу океана и на островах. Как правило, они представляли собой несколько построек, окруженных тыном с одной-двумя башнями. Назывались эти укрепления редутами, потому как имели пушки. Не сильно отличались они от сибирских острогов. Поселения административно объединялись в отделы, подведомственные конторам: Кадьякской, Уналашкинской, Атхинской, Курильской, Северной (Михайловский редут) и Российской (крепость Росс в Калифорнии). Все это вместе называлось сначала Рос-

сийско-Американские заселения, позднее — Российские СевероАмериканские колонии. Название Русская Америка появилось в официальных документах уже тогда, когда князь служил помощником Главного правителя. Правильное наименование высшего должностного лица — Главный правитель Российско-Американских колоний. Резиденция — Ново-Архангельск, где и находилась Главная колониальная контора. Под началом Главного правителя был Совет колониального

управления, в который входили помощник и один-два морских офицера либо чиновника. В Главном правлении в Санкт-Петербурге были директора компании — члены Главного правления. Один из них — первенствующий. До начала 40-х гг. должности директоров занимали лица купеческого звания. С приходом в Главное правление Ф. Врангеля в 1842 г. адмиралы и генералы уже не покидали «совет директоров» РАК.

Сегодня научная литература, посвященная РАК, составляет сотни томов. Первая же официальная история компании вышла только в 1863 г., когда князь Д. Максутов уже стал в ней проверенным, почти своим человеком. Попробуем посмотреть на компанию глазами князя, так как ему разъяснили бы ее положение в Главном правлении.

В глазах князя РАК была всегда, т. е. была очень старой. К году его рождения компания уже успела побывать в глубоком кризисе, вызванном растратой капиталов директорами. И оправиться от этого кризиса успела. Д Максутов хорошо знал, что РАК внесла свой посильный вклад в сопротивление неприятелю в ходе прошедшей войны. Компания обеспечила нейтралитет своих владений в Америке, потеряла несколько судов, снабжала флот и его базы. Признанием государственных заслуг частного капитала было награждение председателя Главного правления генерал-лейтенанта В. Политковского пожизненным пенсионом и частичная компенсация финансовых потерь компании. Ожидаемое время перемен наступало и для страны, и для компании. Страна жила царствованиями. Компания имела свои циклы развития. Правила игры для РАК устанавливались сроком на 20 лет. Александр I в 1821 г. признал, что компания «оправдала в полной мере ожидание наше», и даровал ей привилегии еще на 20 лет, добавив секретное правило: «компания, соблюдая собственные свои выгоды, никогда не должна упускать из виду выгод государства». Другими словами, что хорошо для компании, хорошо для России.

Продлил полномочия компании и Николай Павлович, который простил, что штаб бунтовщиков 1825 г. находился в здании ее Главного правления в Петербурге. Возглавляли восстание правитель канцелярии компании К. Рылеев и столоначальник О. Сомов. Все это дало повод Николаю I заметить на допросе декабристов: «То-то же хороша собралась у вас там компания!» Но преследование отдельных служащих компании не привело к ограничению деятельности РАК. Слишком своеобразным было ее положение в структуре российской бюрократии. Да и восстание оказалось близко от Главного правления случайно. Просто правитель канцелярии компании там

жил. Этот поэт-смутьян успел проработать в РАК только год. На этой версии сошлись члены следственного комитета и директора компании, успевшие уничтожить многие бумаги. Сегодня именно по памятной доске К. Рылееву можно найти здание компании, управлявшей Русской Америкой. Нет оснований утверждать, что заговор, приведший к декабрьским событиям, готовили директора компании. Но, тесно связанные с российским истеблишментом, слишком много они знали и стремились влиять на события. Есть версия: директор компании Н. Кусов нашел способ предупредить Великого князя Николая Павловича о готовящемся мятеже. Ведущей российской компании было вовсе не безразлично, какой курс выберет Россия после смены Императора Александра I. Оказалось, что николаевские времена стали для РАК весьма успешными.

В1859 г. благодарная Россия поставила памятник своему ушедшему Императору. Он вовсе не догоняет Петра I. Он скачет на Сенатскую площадь, где в декабре 1825 г. решалась его судьба. Он вспоминает себя безусым наследником, только что получившим империю. И нет перед ним громады собора, есть только «смущенные» полки. Сзади — Синий мост. А налево за хвостом коня — здание РАК.

Полномочия компании, дарованные Николаем I, заканчивались 1 января 1862 г. Поэтому в Петербурге озаботились подготовкой нового Устава РАК и обновлением ее заморских кадров. В 1858 г. было решено заменить сразу Главного правителя колоний и его помощника Новые условия требовали новых подходов и новых людей.

Князю Д. Максутову объяснили преимущества его правового положения. Согласно правилам компании служащие в ней офицеры считались на действительной службе, причем производство в чин не приостанавливалось. Пост Главного правителя колоний и его помощника могли занимать только офицеры флота. Как правило,

_gfc

офицеры флота командовали и компанейскими судами, добиваясь на них совершенно военно-морского порядка. Начиная с первой кругосветной экспедиции компания брала на себя выплату жалованья командам судов. Оклады были выше флотских. К тому же служащие компании могли получать ее акции, а значит, и участвовать в ее делах.

Число компанейских акций со дня ее основания всегда было неизменным: 7484. Д. Максутов мог видеть эти акции номиналом

в 150 рублей серебром размером 35,5 х 27 см. На изготовлении ассигнаций и ценных бумаг тогда не экономили. Тем более что нужно было разместить довольно много информации: стоимость акции, подписи директоров, выписку из Устава. Все это украшено рисунками со сценами из заморской жизни в клеймах, обрамленных «травами». На обратной стороне могли быть завещательные надписи и штампы о выдаче дивидендов. Устав предусматривал, что владеть акциями компании мог «всякий российский подданный или иностранец, принявшие на вечное Российское подданство присягу, какого бы чина и состояния ни был». Если владелец акций не мог по каким-либо причинам получить дивиденды, то они накапливались до востребования в компании в течение 10 лет, потом «прощались».

В списке акционеров РАК состояли весьма примечательные лица и физические, и юридические. Среди них были Государь и члены императорской фамилии, купцы и мещане, вельможи и вдовы офицеров, монастыри и сиротские дома. Поскольку компания была семейным предприятием, многие акции распределялись между членами семей. Наибольшее их количество было у семей отцов—основателей компании Булдаковых и Шелиховых. Часть акций была у бывших членов колониальной администрации, часть у петербургской. Привилегированными были только акции членов императорской фамилии, их число не превышало 1 (одного) процента Владельцы привилегированных акций могли рассчитывать на стабильные доходы, но не на участие в управлении компанией. Остальные акционеры могли голосовать пропорционально числу акций. В одном списке по числу убывания акций стояли адмирал Николай Мордвинов с семьей, первостатейный астраханский купец Александр Сапожников, поэт-бунтовщик отставной артиллерии подпоручик Кондратий Рылеев и почти такой же бунтовщик флота лейтенант Дмитрий Завалишин. Про офицеров сомнительного поведения князю специально не рассказывали. Да и сам он успел повидать многих из них в Сибири; ничего страшного, достойные уважения и совсем не пропащие для России люди. Но со списком предшественников капитан-лейтенанта ознакомили. В РАК служили в разное время несколько десятков флотских офицеров, начиная с Ю. Лисянского и заканчивая… В тот год никому еще не было дано предугадать, на ком закончится этот славный список.

Морские офицеры, служившие в РАК, должны были обладать довольно сложно сочетаемыми качествами командира, администратора и купца. Первые два сочетались довольно органично; многие морские офицеры стали выдающимися

администраторами, «береговыми» начальниками и главами различных министерств. Купеческая же ипостась всегда травмировала характер офицера. Выпускники Морского корпуса своей основной задачей считали управление кораблями в плавании и в бою. В РАК умение плавать по морям считалось само собой разумеющимся и ценилось не так высоко. Интересную оценку умениям морских офицеров дает бухгалтер компании П.В. Боковиков: «...привести корабль из С.-Петербурга в Ситху и обратно оттоль в С-Петербург... может сделать всякий исправный корабельный штурман или ординарный иностранный корабельщик. Мы выставляем дела офицеров, совершивших кругосветную экспедицию, в самом высоком виде, но примечательный глаз найдет, что это не так важно, как мы думаем. Сколько каждый год проходит судов мимо мысов Горн и Доброй Надежды, и всеми оными или по большей части судами начальствуют американские мужики».

Именно офицеры флота оказались самыми приспособленными к той полноте власти, которая была у Главных правителей колоний. Постепенно дело шло к тому, чтобы морские офицеры превращались из представителей администрации компании в представителей администрации государственной. Благо можно было бы обратиться к колониальному опыту Британской империи. В то время РАК соседствовала с Компанией Гудзонова залива (КГЗ), как ее тогда называли, Гудзонбайской. КГЗ держала территорию современной Канады и была очень похожа на РАК. Да и компанейские служащие назывались почти одинаково. У гудзонбайцев были «чиф-факторы» и «чиф-трейдеры», у русских — партовщики (руководители партий) и байдарщики. Главного правителя русских колоний по-английски следовало именовать «чиф-менеджер», а позднее даже высоким словом *Governor*, которое в обратном переводе может читаться как правитель или губернатор. Такое несколько по-византийски вежливое преувеличение титулов. Прежде чем стать страной «суверенной демократии», Канада находилась под жесткой властью британской короны, но управлялась вовсе не британской колониальной администрацией, а торговой компанией. Политический буфер в виде торговой компании — наверное, одно из гениальных изобретений британской колониальной системы. А в описываемые времена в Индии администрация Ост-Индийской компании уже уступила свои полномочия администрации государственной. Так Британия указывала своим примером путь создания империй, где не заходит солнце. Две империи, Российская и Британская, время от времени встречались и

обменивались опытом. Поэтому трансформация русского компанейского управления в государственное была весьма вероятна. Однако не исключался и прямо противоположный исход; Россия могла свернуть колониальную деятельность как неперспективную. Сравнительно неперспективную. Потому что захватывающие перспективы открывались совсем по другим векторам. Казалось бы, движение России через Сибирь к Тихому океану делало Русскую Америку ближе. Оказалось наоборот. Впервые логику ухода России из Америки пытался обосновать генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев еще до Восточной войны. Он предложил не распылять усилия империи, а сосредоточить их на освоении Приамурского края.

Сформулировал же концепцию продажи Русской Америки Соединенным Штатам Великий князь Константин сразу же после войны в 1857 г. И для компанейского руководства позиция Императора и кабинета в отношении Русской Америки не была тайной. Мало ли каких политических планов не рождается в верхах. До их реализации может быть очень много шагов, и вовсе не по прямой. Давно не было такого удачного года для РАК. Ее акции были самыми ликвидными на Петербургской бирже и продавались более чем за 300 рублей серебром. Главное правление назначило «в раздачу по 18 руб. серебром на акцию». Поэтому о многовариантности политического и экономического развития директора самой успешной акционерной компании не задумывались. Той самой счастливой зимой в жизни князя не было нужды заглядывать на десятилетие вперед. Российско-Американская компания сделала князю предложение, от которого нельзя было отказаться.

Наступил черед самому князю делать предложение, от которого нельзя отказаться. Свой выбор он остановил на Адели Бушман и предложение сделал по любви. Дмитрий Петрович был завидным женихом. Старинная княжеская фамилия, капитан-лейтенант и кавалер, многообещающая должность и хорошая поддержка в военно-морских верхах. Эти формальные плюсы с лихвой компенсировали один минус: все Максутовы не имели больших состояний и жили жалованьем. Субъективно Дмитрий Петрович был отнюдь не светским человеком и не ловцом женских сердец. А был он весьма скромен и смущаем женским вниманием.

Офицер может смущаться перед дамой, перед начальством, перед неприятелем. Как правило, есть выбор двух объектов из трех. Если в силах достойного воина противостоять неприятелю и дамам, он беззащитен перед начальством. Успешный в отношениях с начальством дамский угодник, скорее всего,

окажется плохим воином. Стойкие пред неприятелем и начальством офицеры теряются в присутствии дам.

Судя по всему, Дмитрий и Аделаида познакомились на балу в Морском корпусе. Положение невесты не вызывало нареканий. Дочь преподавателя английского языка Морского корпуса Аделаида Ивановна была наполовину немкой, наполовину англичанкой. Ее семья была небогата настолько, что профессорская дочь подрабатывала уроками и, возможно, была даже гувернанткой. Девушка была на два года младше князя.

В те годы существовало два оговоренных правилами возраста вступления в брак офицера. До 23 лет офицеру запрещалось вступать в брак безусловно. После 28 лет разрешалось. Между этими возрастами офицер должен был обеспечить так называемый «реверс» — некоторое недвижимое имущество или неприкосновенную сумму помимо жалованья, дававшую доход. Сумма реверса в разное время и на разной службе была разной. А с морских офицеров отдаленных портов реверс вообще не спрашивали. Но в любом случае разрешение на брак необходимо было получить у начальства.

В течение месяца князь присматривается к девушке. По семейным легендам, до решающего предложения они встречались пять раз. Всего лишь или целых пять раз? В XIX в. короткое предсвадебное знакомство было на грани правил приличия. Но не за гранью, боже упаси. Даже когда сын князя Дмитрий Дмитриевич соберется жениться перед длительной заграничной командировкой, мама

невесты адмиральша Ефремова предложит молодым подождать годик. Дескать, неприлично торопиться.

Посватался Дмитрий Петрович под Рождество. Через два дня князь получил согласие. С согласием избраннице морского офицера тянуть не следовало. Хороший тон не позволял торопиться со свадьбой. Важно было только успеть до Великого поста. Венчались в начале февраля в церкви Морского корпуса.

На свадьбе присутствовал начальник князя Иоганн Фурухельм с молодой супругой. И. Фурухельм, как и князь, получил назначение в колонии и успел жениться. Семьи Главного правителя и его помощника подружились. Кто мог быть еще приглашен на свадьбу? Все бывшие в столице Врангели — наверняка. Мог направить поздравления и сам Ф. Литке. Обязаны были быть и Максутовы, которые жили тогда в Петербурге.

Первым приглашенным Максутовым мог быть князь Василий Николаевич, бывший семью годами старше Дмитрия Петровича. Они относились к одному поколению и чтили общего деда Ивана Максутова. А отец Василия Николаевича Николай Иванович был

ходатаем по дворянским делам всего семейства. Князь В. Максутов считался художником-любителем потому, что не зарабатывал своим ремеслом. После службы в лейб-гвардии Измайловском полку он счастливо женился, оставил службу вообще и гвардию в частности и поступил в Академию художеств учиться у профессора Богдана Павловича (Готфрида) Виллевальде, родоначальника отечественной батальной живописи. Редко кто из русских офицеров, отдавших себя живописи, не компенсировал расставание со службой увлечением военными сценами. Бывший офицер гвардейской пехоты близко сошелся с бывшим морским офицером А. Боголюбовым. Любительство князя-живописца было весьма высокого уровня. В год, когда Дмитрий Петрович направлялся на «Оливуце» в Японию, его кузен получил по выпуску из Академии золотую медаль второго достоинства. Василий Николаевич, несомненно, остался бы более известным в истории отечественной живописи, если бы правильно выбирал сюжеты для батальных сцен. Например, Бородино, Севастополь или Куликово поле. Он же писал подавление польского мятежа. Россия всегда бежала от этих воспоминаний. Ну, еще князь мог изобразить самого Государя Императора, помогая товарищу по Академии сдать конкурсную работу. В. Максутов был членом кружка, в который входили такие профессионалы, как

М. Зичи, М. Клодт, П. Клодт, И. Айвазовский. Они собирались «для художественных занятий и взаимного сообщения друг другу полезных для искусства сведений». Поскольку у кружка не было постоянного места, они проводили «Пятничные вечера» поочередно у каждого из его членов. Возможно, Дмитрий Петрович и навещал в ту веселую зиму компанию В.Н. Максутова и мог в очередной раз разминуться с И. Айвазовским. Это была последняя «неформальная зима» художников. После этого они собирались уже в Рисовальной школе при Обществе поощрения художеств и в Академии художеств. «Академические пятницы» со временем переросли в Санкт-Петербургское собрание художников. Князь Василий Николаевич выстроил в своем достаточно доходном имении под Петербургом художественную мастерскую и долгие годы оставался душой общества петербургских художников.

После свадьбы Максутовы и Фурухельмы посетили зимний прием у барона Ф. Врангеля, где они могли познакомиться с русским посланником в Соединенных Штатах бароном Эдуардом Стеклем, имевшим о Русской Америке довольно смутное представление. Теперь князь Дмитрий Петрович мог присмотреться к Эдуарду Андреевичу, как его звали на русской

службе, повнимательней. Э. Стекль родился в 1803 г. в семье австрийца, избравшего русское подданство. Мать его была итальянкой из тех же австрийских владений. Учился будущий дипломат в Лицее Ришелье в Одессе. Служил в Молдавии и Валахии, в Турции, в Великобритании и Северо-Американских Соединенных Штатах. Пути морского офицера и дипломата, скорее всего, впервые пересеклись на Гавайях во время миссии Е. Путятина в Японию. Но вахтенный начальник на «Оливуце» и российский консул в Гонолулу могли и не встречаться. После Крымской войны Э. Стекль стал полномочным посланником России в Вашингтоне и по делам службы неоднократно наведывался в Петербург.

В начале весны пришло время князю прощаться с Петербургом. Дмитрий Петрович в Памятном листке записал две даты:

1859 март 4. Через Москву выехали в Ситку.

1859 авг. 3. *На корвете Нахимов вышли из Аяна в Ситку.*

Почти полгода ушло у князя на то, чтобы добраться к месту службы. Руководство компании намеренно отправляло начальника и помощника разными маршрутами. Хорошо, если доберутся оба. От случайностей не застрахован никто. Помешать могли войны, эпидемии, народные волнения на всех континентах. Ветераны компании помнили легенды, как гибли служащие, посылаемые на смену первому Главному правителю колоний А. Баранову.

Относительно быстрый маршрут был выбран для И. Фурухельма. Он возвращался в знакомую Русскую Америку через Европу, Нью-Йорк, Панаму и Сан-Франциско со множеством пересадок. Д Максутову было предписано направиться через Сибирь до Аяна без пересадок, если не считать смены лошадей. Князя сопровождала не только молодая жена, но и сестра Фурухельма Констанция. Не совсем понятно, почему Главный правитель пригласил за собой сестру, не отличавшуюся здоровьем. Может быть, он посчитал, что в Ново-Архангельске ей будет не хуже. Трудно судить, был ли озабочен старший брат поиском жениха для девушки.

Иван Васильевич вслед за А. Этолиным считал Дальний Восток и Русскую Америку весьма перспективным районом, где финны не были бы случайными гостями. В первой четверти XIX в. появился даже топоним «Новая Финляндия» по аналогии с Новой Зеландией и Новой Шотландией. Хотя, возможно, слово *новая* было применительно к самой Финляндии, полностью вошедшей в 1809 г. в состав Российской империи. В американских водах ходил русский корабль «Новая Финляндия». Была даже создана

Российско-финляндская китоловная компания. Половину уставного капитала в 1850 г. ей предоставила РАК. В современных терминах РАК создала дочернюю компанию. И потянулись финны, хорошие мореходы и честные торговцы, на Аляску. После не всегда вследствие того. Но в 1863 г. с уходом И. Фурухельма с должности Главного правителя деятельность финляндской китоловной компании была прекращена.

Еще до назначения Главным правителем колоний И. Фурухельм привлек в РАК своего брата Еноха, горного инженера. До 1862 г. младший Фурухельм пытался разрабатывать залежи каменного угля на Кенайском полуострове. Однако дело не принесло ожидаемой выгоды; русско-американский уголь не смог конкурировать с ванкуверским.

Поддерживал Иоганн Хампус и лютеранских миссионеров. Традиционно в российском флоте служило много иностранцев, тяготевших к лютеранству. Еще члены экспедиции Беринга положили традицию сотрудничества православной и лютеранской церквей в Русской Америке. В один из самых напряженных дней плавания по Тихому океану, когда на пакетботе «Святой Петр» иссякла водка, почти закончилось продовольствие, почти пропала надежда на благополучное возвращение, команда дала обет. Было решено собрать деньги, «чтобы передать половину их русским на постройку экспедиционной церкви в Аваче, а вторую половину — лютеранам на церковь в Выборге». Известны несколько лютеранских миссионеров-финнов, живших на Аляске с 1839 по 1865 гг. Хотя они не столько крестили аборигенов, сколько окормляли «финляндских служителей».

В Финляндии до сих пор есть много сторонников причастности к российской истории в целом и к ее американской странице в частности.

Ранней весной, пока не развезло дороги, Д. Максутов в сопровождении двух молодых привлекательных дам отправился из Петербурга знакомым маршрутом. Можно было опять посетить родительский дом, представить жену отцу. Почти ровесницы Аделаида и Констанция неплохо ладили, восхищались окрестными видами, старались не обременять князя жалобами на дорогу. Молодой супруг мог бы рассказать им историю, наверняка слышанную от Н. Муравьева или его окружения. Во время трудного путешествия из Иркутска в Охотск жена генерал-губернатора не захотела ехать верхом. Николай Николаевич велел каравану трогаться, а благоверную отправить обратно. Подействовало. Молодая генеральша попросила, чтобы ей помогли взобраться на лошадь. Есть жены у русских офицеров! Когда в 1891 г. в Хабаровске будет поставлен памятник графу

Муравьеву-Амурскому, на бронзовых досках постамента перечислят всех участников первых двух экспедиций на Амур. Замыкать список достойных офицеров и чиновников будет супруга генерал-губернатора Екатерина Николаевна Муравьева.

В седло, дорогие дамы! Обе близкие сердцу князя молодые женщины, смеясь, покидали Россию. Подорожная у них была в один конец. Там как сложится.

ПРЕДМЕСТНИКИ: МОРСКИЕ ОФИЦЕРЫ НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Только гордыня позволяет человеку считать себя самым первым. Редко это обходится безнаказанно. История никогда не пишется с чистого листа. У каждого Деятеля есть свои Предшественники. Даже

у Спасителя был Предтеча. У каждого занимавшего какое-то место всегда были *предместники.* Так в русской традиции XIX в. именовались персоны, исполнявшие ту же должность до занимаемого лица. В широком смысле этого слова предместниками князя Д Максутова были все офицеры флота, служившие в РАК. В узком смысле таковыми следует считать офицеров, исполнявших должность Главного правителя колоний.

Первоначально купеческие предприятия даже представить не могли, что к берегам Америки их корабли поведут офицеры императорского флота. Однако в царствование Александра I это случилось.

Первым морским офицером, подписавшим договор с РАК, был капитан-лейтенант Юрий Федорович Лисянский. Он изъявил желание вступить в службу компании с целью привести обратно корабли, отправляемые в первое, уже в который раз планируемое, русское кругосветное путешествие. Руководить этой экспедицией должен был приглашенный английский капитан. Тот отказался.

Тогда первый российский морской министр адмирал Н. Мордвинов рекомендовал компании принять на службу капитан-лейтенанта И. Крузенштерна и назначить главой экспедиции именно его, а не старшего по производству в чин Ю. Лисянского. За свое предельно краткое пребывание в должности с сентября по декабрь 1802 г. Н. Мордвинов, сам того не ведая, нашел название русской мечте о кругосветном путешествии. Два слова «Надежда» и «Крузенштерн», остальное — детали. Как и у человека, предместники бывают у кораблей. Если предтечей И. Крузенштерна был Г. Мулов-ский, то и имя «Надежда» его корабль наследовал от маленького суденышка Первой Камчатской экспедиции, так и не открывшей Америку.

Даже если бы в РАК был список всех офицеров, служивших на

ее кораблях и факториях, то вряд ли бы князь Максутов стал его читать. Но он был-таки обязан ознакомиться с тем, как служили его предместники, хотя бы для того, чтобы избежать ошибок.

Уместным будет привести выдержки из биографий замечательных морских офицеров, служивших в РАК и предшествующих князю на посту Главного правителя колоний.

Первым правителем колоний с 1790 по 1818 г. был Александр Андреевич Баранов. С 1803 г. он официально считался Главным правителем Российских владений в Америке. Этот поначалу нетитулованный приказчик Г. Шелихова фактически сформировал сами колонии. А. Баранов родился в 1746 г. в Каргополе, который до строительства железной дороги Москва—Архангельск отнюдь не считался российским захолустьем. Своенравная река Онега в пять—семь дней выносила каргопольских купцов в Белое море, если повезет не разбиться на порогах. В возрасте 15 лет А. Баранов попал в Москву. Работал, но капитала не сколотил. Даже 3-я гильдия была для него недостижимой. Было ему 35 лет, когда, оставив только что созданную семью, А. Баранов убыл искать счастья в Иркутск.

В Сибири можно было развернуться: открыть стекольный завод, гнать водку, торговать с местными. Однако мена мехов на оружие однажды дорого обошлась предпринимателю; едва спасся от вооруженных им самим же «чукоч». При этом потерял все. Первыми туземцами на бескрайних просторах Сибири, способными противостоять русской экспансии, были береговые чукчи на реке Анадырь и воинственные коряки на Камчатке. Однако, прижатые к Тихому океану, они оказались и последними. Будь у них в ту пору огнестрельное оружие, продвижение русских к сибирским берегам сильно бы затянулось. Будучи после в Америке, А. Баранов никогда не торговал оружием с алеутами и индейцами.

Летом 1790 г. А. Баранов принял предложение Г. Шелихова и убыл на работу «в заселениях американских при распоряжении и управлении северо-восточной компании, тамо расположенной». А постоянные русские заселения в Америке появились в 70-х гг. XVIII в. А. Баранов в тяжелейших условиях подчинил себе русских промышленников, людей довольно своенравных. Последнее брожение в рядах соотечественников Главный правитель пресек уже в 1808 г. Русские все вместе подчиняли себе алеутов, охотившихся на морского зверя. Действовали по традиционной схеме, оправдавшей себя в Сибири. Взять заложников (аманатов) у местных и уговорить племя добывать меха. Уговаривали по-разному. Иногда сокращая местное население в разы. Эта сибирская схема охоты получила развитие и в Америке.

Практически все алеуты были подчинены созданной в 1797 г. «Соединенной Американской купцов Шелихо-вых, Голикова и Мыльникова компании». Ее наследница, образованная пару лет спустя, Российско-Американская компания, тоже была далеко не филантропическим обществом.

^--^

Первая столица русских владений в Новом Свете — Павловская Гавань — была основана в 1784 г. на острове Кадьяк. А. Баранов решил перенести центр колоний много южнее на территории индейцев. Конечной его целью был остров Ванкувер, дабы не дать занять побережье другими державами. Территориальные претензии компании были даже включены в песню, сочиненную А. Барановым: «Русь стремится: Нутка ее мета!» Но пришлось ограничиться островом Ситка. В этом районе побережья высаживались еще люди А. Чирикова в 1741 г. А. Баранов основал там в 1799 г. крепость Святого Архангела Михаила. В 1802 г. индейцы восстановили суверенитет над островом Ситка Михайловская крепость была разрушена, почти все русские и алеуты уничтожены.

Михайловскую крепость А. Баранов пошел отвоевывать в 1804 г. всеми силами, которые были в его распоряжении: 4 компанейских судна и 300 байдар с алеутами. А. Баранов нарочно объехал все индейские проливы, дабы устрашить своей армадой местных. Неизвестно, чем бы закончилась эта реконкиста, не окажись у острова «Нева» под командованием Ю. Лисянского. В этот день удача была на стороне русских. Барановцы и десант с корабля штурмовали индейскую крепость после бортовых залпов «Невы». Противника вытеснили, на высокой скале водрузили русский флаг. Ю. Лисянский писал: «Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти».

Через год Ново-Архангельск принимал корреспондента РАК Н. Резанова. В 1808 г. в Ситку была перенесена столица русских владений в Америке. Прозорливости А. Баранова русские обязаны проникновением в Калифорнию. В 1812 г. в заливе Бодега была основана крепость Росс. Залив получил название в честь испанского капитана перуанского происхождения Бодега-и-Куадра, плававшего в тех водах. Русские моряки и компанейские служащие, не уловив в первом прозвище капитана испанское значение *винный погреб* или *трюм*, именовали залив неуважительно *бодягой*. Поэтому русские назвали залив именем Румянцева. Граф Николай Петрович Румянцев был министром

коммерции и министром иностранных дел. Он активно участвовал в организации экспедиций в Русскую Америку, не жалея и собственных средств. В 1815—1817 гг. была предпринята попытка компанейских служащих во главе с доктором Г. Шеффером занять добром остров Кауаи. При А. Баранове в Америку в 1794 г. прибыла первая православная миссия. Бывшие иноки Валаамского монастыря с переменным успехом сдерживали рвение промышленников в эксплуатации местного населения и обращали это население в православие. Сложно складывались отношения А. Баранова с миссионерами. Главный правитель понимал, что у одиноких русских промышленников появилась возможность брать в жены алеутских и колошенских крещеных женщин. И сам он воспользовался этой возможностью не жить во грехе; женился на дочери индейского или алеутского вождя. Данные о родителях американской жены Баранова Анны Григорьевны разнятся. Князь Д. Максутов мог слышать еще ребенком, что в его родном городе Перми проживал бывший приказчик РАК Григорий Сунгуров, женатый на младшей дочери А. Баранова креолке Екатерине. Впрочем, ничего особенного для русского человека в том, чтобы породниться с иноплеменной женщиной, не было. Была бы крещеная. Особенно в Сибири. Да и за арапов девок отдавали. Был бы крещеный. Помнили в Иркутске еще арапа, заезжавшего ревизовать крепости.

Компания, наверное, устала от противоречий, возникавших между офицерами флота, приводившими корабли в колонии, и бывшим каргопольским купцом. Запоздалое дарование классного чина А. Баранову дела не меняло. С 1803 г. А. Баранову был пожалован чин коллежского советника (6-й класса), равный капитану 1-го ранга. Еще ранее ему была пожалована золотая медаль на Владимирской ленте. Так Император Павел I создал прецедент награждения именной золотой медалью лиц купеческого сословия. Император Александр Павлович в 1807 г. наградил Главного правителя колоний орденом Анны II степени.

Передача всей полноты власти в колониях морским офицерам снимала все противоречия. А на должность приказчиков можно было назначать людей из купеческого сословия. Так, первый морской офицер, которому было предписано сменить гражданского администратора А. Баранова, вез с собой вполне компетентного комиссионера, приказчика Кирилла Хлебникова. Этот человек служил в колониях при пяти Главных правителях. Если бы князь просматривал послрк-ные списки компанейских служащих, то обратил бы внимание, что ставший в 1835 г. директором РАК К. Хлебников был родом из Кун-гура, что в каких-то 100 верстах от Перми. Барон Ф. Врангель

не мог не рассказывать князю об этом замечательном деятеле Русской Америки, хотя бы потому, что Кирилл Тимофеевич умер у него почти на руках. Было это еще в 1838 г., когда князю Дмитрию не исполнилось и шести лет.

К 1818 г. А. Баранов потерял уже всякую надежду дождаться замены в должности. Шутка ли, лет уже за 70, из них 28 безвыездно в Русской Америке. Его сменщики умерли на пути в колонии. Самому А. Баранову было суждено умереть по пути в Россию. Его тело было по морскому обычаю погребено в Индийском океане.

После А. Баранова Главными правителями Русской Америки были только морские офицеры.

Первый — 1818 г.

Первым морским офицером, возложившим на себя обязанности Главного правителя, был капитан-лейтенант Леонтий Андрея-нович (Людвиг фон) Гагемейсгер. Довольно жестко, хотя в рамках полученных предписаний Главного правления в Петербурге, Л. Гагемейстер сменил старика А. Баранова. Происходящий из знатной фамилии ливонских баронов, этот русский офицер начал службу волонтером на Балтике, стал мичманом, потом прошел стажировку на английском флоте под командованием самого адмирала Г. Нельсона. В 1806 г. он поступил в РАК и получил под командование вернувшуюся из первого кругосветного путешествия россиян «Неву». После руководил Иркутским адмиралтейством. Возможно, тогда у него закралась нелюбовь к купцам РАК, имеющей корни в Иркутске. В Русскую Америку Л. Гагемейстер прибыл, командуя двумя судами «Суворов» и «Кутузов». Как значилось в документах компании, это была 4-я кругосветная экспедиция.

Было распространено мнение, что Гагемейстер контрабандной торговлей в Лиме совершенно замарал репутацию РАК и доставил ей убытка более 100 тысяч рублей. Пятно «смуглера» (контрабандиста — в терминах той эпохи) долго после экспедиции лежало на его репутации. Вряд ли этот офицер был своекорыстен. Дескать, все во благо компании. Но морское сообщество осудило его.

Л. Гагемейстер категорически запретил меховую торговлю компании с иностранными судами. При недостатке собственных ресурсов это не улучшало материального положения колоний, особенно при нерегулярной помощи из метрополии.

Возвратившись из колоний, Леонтий Андреянович провел некоторое время в отставке, вернулся в РАК и совершил в 1828—1830 гг. еще одно, уже третье, кругосветное путешествие на

шлюпе «Кроткий». Скончался он в 1833 г. в возрасте 43 лет, так и не успев принять под командование транспорт «Америка», на котором собрался идти в свой четвертый кругосветный вояж.

Шторой — 1818—1820 гг.

Лейтенант Семен Иванович Яновский пришел в Русскую Америку на корабле «Суворов» в 1817 г., вовсе не собираясь занять в колониях какую-то должность. Вмешалась любовь. Офицер женился на дочери А. Баранова. Ирина была креолкой, т. е. партией в глазах офицерского сообщества неожиданной. Сам А. Баранов к тому времени был чиновником 6-го класса и кавалером. В глазах офицеров он уже перестал считаться простолюдином. В традициях компании было опираться на родственные отношения, дабы не растекались капиталы. Молодым большого приданого А. Баранов не оставил. Но по окончании службы в Америке у офицера и у его наследников оказалось приличное число акций компании.

Весьма интересным является контракт С. Яновского с компанией, на который во многом опирались последующие директора компании, приглашая очередных офицеров на службу. Нельзя не процитировать это соглашение с сохранением орфографии оригинала по сборнику «Российско-Американская компания и Изучение Тихоокеанского севера 1815—1841».

ДОГОВОР С.И. ЯНОВСКОГО С РАК Заключен в порте Ново-Архангельском 24 октября 1818 г.

1. Занять мне должность главного правителя в колониях Российско-Американской компании в северо-западной Америке и исполнять онуюf руководствуясь предписаниями Главного правления, изображенными в наставлениях конторам и частных предписаниях. Буде же в каких случаях не предписано, стараться всеми силами поступать так, как польза Компании того требует и как от честного человека и верного сына отечества ожидать можно.

2. Пробыть сдесь не долее двух лет, а тогда буде не пригилется преемника могу сдать сию должность способнейшему по себе и от-

правиться с семейством в Охотск на компанейском судне для достижения в С.-Петербург.

3. Не искать торговли с жителями на пушные товары в свою пользу и никому из подчиненных оной не дозволять, как та есть собственность и привилегия одной Компании.

4. Не должен я быть содержателем никакого интереса Компании, равно и за неявку оного у других содержателей не могу ответствовать на другом основании как начальнику в казенных местах прилично.

5. Для ежегодного содержания своего согласен бы был получать предложенные 25 000 рублей и в таком случае, естли бы все вещи, нужные для прожития, мог брать из магазинов по настоящим ценам без наложения процентов. Но как с 1818 года генваря 11-го дня установлен уже один порядок для всех, то, знавши уже из опыта, сколько потребно, соглашаюсь не иначе как со дня договора получать ежегодно по 30 000 рублей.

Располагая прожить сдесь самым скромным образом, прошу Главное Компании правление, дабы мне производить от сдешней конторы 15 000рублей и такую же половину жалования, дабы главное Компании правление выдавало ежегодно в С.-Петербурге моим родственникам, кому будет от меня доверенность.

6. Отправление мое должно быть на счет Компании следующим образом: со дня сдачи должности и до прибытия в С.-Петербург получать мне по 400 руб. в месяц. Аля проезда же от Охотска и до Якутска должно от Компании же давать 12 лошадей, а от Якутска до С.-Петербурга по шести лошадей. Буде я отправляюсь в Охотск командиром судна, то по день сдачи онаго получать по 550 рублей в месяц.

7. Прошу Главного правителя российско-американских областей флота г-на капитан-лейтенанта Аеонтия Андреяновича Га-гемейстера изложить мне на бумаге проэкт плана для улутчения сдешнего края.

8. Ежели прибудут иностранные суда, то поступать с оными в силу предписаний Главного правления: ни мне и никому другому не иметь торговли с оными в свою собственность, но покупка необходимых собственно для себя вещей и на деньги в небольшом количестве не должна быть причтена к возбраненной сим пунктом торговле.

9. Естли окажу какую-либо важную услугу Компании, то надеюсь, что оная по разсмотрении постарается за сие меня вознаградить.

10. Сего договора написаны три одинаковые эксемпяра (подлинной подписан).

К сему договору флота лейтенант Семен Яновский руку приложил.

Правитель Ново-Архангельской конторы Кирилл Хлебников

Утверждаю.

Российско-американских заселений главный правитель флота капитан-лейтенант и кавалер Рагемейстер

По исходящему секретному № 1-й.

Новый правитель колоний оказался под большим влиянием инока Германа, практически единственного оставшегося члена первой православной миссии, прибывшей в Америку в 1794 г.

Объехав колонии, он предложил вернуть столицу на Кадьяк.

Судьба семьи, созданной в колонии, не была счастливой после возвращения в Россию. Рано потеряв жену и детей, бывший правитель принял постриг в 1864 г. под именем Сергия и закончил свои дни в Тихвинской пустыни в 1876 г.

Третий — 1820—1825 гг.

Капитан-лейтенант Матвей Иванович Муравьев был первым Главным правителем, отслужившим в колониях положенные пять лет. Впервые в Русскую Америку он попал старшим офицером шлюпа «Камчатка» под командованием В.М. Головнина в 1818 г. Ни на одном корабле, ходившем в кругосветное путешествие, не было такого количества молодых офицеров, ставших героями Русской Америки: Матюшкин, Муравьев, Врангель, Литке, Этолин.

М. Муравьев снес старый дом правителя и заменил его более основательным, организовал большое строительство в Ново-Архан-гельске. Все строилось из дерева. В окрестностях поселения не было подходящей глины для изготовления кирпичей. В 1825 г. общее собрание акционеров РАК одобрило проект переноса столицы Российских владений обратно на Кадьяк. Глины для кирпичей там было несравненно больше, что позволяло вести каменное строительство. Однако деревянная столица осталась на Ситке. А кирпич худо-бедно обжигали в других местах и свозили в Ново-Архангельск. Да и из Европы везли на кораблях в качестве балласта.

В правление М. Муравьева продолжились исследования берегов Аляски, закрепление в Калифорнии. Был получен новый Устав компании — правила и привилегии, в которых особое внимание обращалось на «предприятия подданных Соединенных Американских Статов, поселившихся на устье реки Колумбии». Главный правитель пытался править мерами жесткими, но справедливыми, искоренять лень и пороки вплоть до высылки тунеядцев. Он испрашивал больших полномочий по управлению индейцами. Учитывая, что индейцы еще приносили человеческие жертвы, эта мера не казалась лишней. Главный правитель желал контролировать диких, поэтому разрешил селиться индейцам под самой крепостью, вернее, под жерлами крепостных пушек. Так надежней. Алеуты же к тому времени и так были в полной зависимости от компании. Экономическое положение колоний из-за новых правил торговли, запрещавших покупать провизию у американцев, ухудшалось.

Едва дождавшись смены, разочарованный М. Муравьев сам командиром корабля «Елена» убыл в Кронштадт. Некоторое время после возвращения в Петербург Муравьев служил в Главном

правлении РАК. Уволен был в отставку в чине генерал-майора в 1833 г. с должности вице-директора Кораблестроительного департамента Морского министерства. Скончался он в 1836 г.

Четвертый - 1825-1830 гг.

Командиром, приведшим «Елену» в Русскую Америку, был Петр Егорович Чистяков. За его плечами уже был один кругосветный вояж на компанейском корабле «Бородино» в 1819—1821 гг. Он хорошо знал историю смены А. Баранова и дела его последователей. За время своего правления П. Чистяков сумел закрепиться на южных Курильских островах. РАК основала постоянную факторию на острове Уруп. Курильский отдел вошел в состав колоний. Командовал экспедицией молодой офицер А. Этолин, которому еще предстояло стать Главным правителем колоний и директором РАК.

Главный правитель неустанно отправлял экспедиции по берегам и в глубь территории Русской Америки. Озаботился он и вызовом из России женщин для создания русских семей в колониях. Но из Петербурга ему резонно заметили, что «женщины доброй нравственности одни без мужей в Америку не поедут, а посылать туда заведомо развратных и штрафованных в надежде, что они исправятся, правила разборчивости не позволят».

Адмирал Чистяков закончил службу военным губернатором Астрахани. Скончался в 1862 г.

–;–

Пятый - 1830-1835 гг.

Положение в колониях постепенно стабилизировалось. И смена правителей превращалась в процедуру регулярную и довольно рутинную. В сентябре 1830 г. из Охотска прибыл барон Фердинанд Петрович Врангель, и не один, а с молодой женой Елизаветой Васильевной, урожденной Россильон. По пути в Иркутске у Врангелей родилась дочь Мария Луиза, в Америке родился еще и сын Вильгельм (Виллит). Правда, Марию они сразу же потеряли. Так был открыт мартиролог детей морских офицеров, умерших в колониях. В год назначения в РАК Дмитрий Максутов, принявший решение о женитьбе, мог намотать на ус печальный опыт семьи Врангель: рождение детей следует отложить до прибытия в колонии.

В РАК Ф. Врангель был принят в 1828 г. В его активе было участие в нескольких кругосветных вояжах и масштабной северной экспедиции. Деятельность Ф. Врангеля пришлась на расцвет компании. Равно как и он сам тому расцвету

непосредственно способствовал. Появился шанс укрепить контору Росс и продолжить экспансию в Калифорнии. В 1832 г. было окончательно решено оставить колониальное управление в Ситке. Ново-Архангельск стал укрепляться. В 1833 г. Ф. Врангель отправил экспедицию М. Тебень-кова, который основал Михайловский редут. Повезло Главному правителю с помощниками. Первым среди них бы К. Хлебников. Их дружба продолжилась и в Петербурге. Врангель был первым Главным правителем, которого директора РАК озаботили поиском золота в колониях.

Вернулся Ф. Врангель в Россию в 1836 г. и почти сразу же получил чин контр-адмирала. Общее собрание акционеров постановило вручить барону 30 тысяч рублей за успешную деятельность на посту Главного правителя российско-американских колоний. Эта сумма составляла годовое жалованье правителя. Премирование годовым или иным окладом жалованья было привычным в николаевское время. Морские офицеры могли получать наградные деньги за победу в бою. Но капитан 1-го ранга не мог и мечтать получить такой большой годовой оклад. На то она и служба в коммерческой компании. В 1842—1851 гг. он был директором РАК, первым среди высших офицеров флота.

В 1855 г. Ф. Врангель был уже управляющим Морским министерством, а 1856 г. достиг пика карьеры, став полным адмиралом и генерал-адъютантом. Он не был флотоводцем. Географом он был

выдающимся и администратором авторитетным. Позднее он вошел в состав директоров РАК и оставался в правлении до самой продажи Русской Америки.

Шестой — 1835—1840 гг.

После Врангеля должность Главного правителя стали занимать капитаны 1 -го ранга. Постепенно менялся статус компании. Наконец-то Россия осознала, какими богатствами в Северо-Западной Америке она владеет.

Капитан 1-го ранга Иван Антонович Купреянов начал службу гардемарином в кругосветном плавании на шлюпе «Мирный» к берегам неизвестной тогда Антарктиды. М. Лазарев отметил гардемарина и пригласил его на свой «Крейсер» в очередной кругосветный вояж. После этого Иван Антонович успел повоевать на Черном море. В 1834 г. он получил чин капитана 1-го ранга.

Новый правитель прибыл с семьей уже привычным путем через Сибирь в Охотск, далее морем на компанейском судне «Ситка». Барону Ф. Врангелю было приятно сдавать дела своему «короткому приятелю и товарищу по корпусу».

И. Купреянов третий раз перестроил Замок Баранова — дом Главного правителя. Его правление было омрачено гибелью корабля «Чил-кут» со всей командой в 1837 г. В том же году скончался на Еловом острове монах Герман, проведший в Русской Америке более 40 лет. Весьма серьезную озабоченность у администрации вызывала активность англичан у реки Стахин.

Вернувшись после пятилетнего пребывания в колониях, И. Купреянов продолжил службу и завершил ее вице-адмиралом. Умер он в 1857 г.

Князь Д. Максутов не встречался с Иваном Антоновичем, но мог общаться с его колониальным помощником. Помощником его был капитан 2-го ранга Прокофий Митьков, ставший ко времени назначения Максутова в колонии вице-адмиралом.

Седьмой — 1840—1845 гг.

В 1840 г. в колонии вернулся деятельный Адольф Карлович Это-лин (Арвид Адольф). Уже не гардемарином, а капитаном 2-го ранга Рожденный в Гельсингфорсе в 1799 г., он, как и многие представители шведско-финских знатных фамилий, с 1809 г. выбрал путь служения российской короне. После включения Великого княжества

Финляндского в состав Российской империи относительно немногочисленное финское дворянство с финскими и шведскими корнями было допущено к военной службе на тех же условиях, что и русское дворянство.

Как и некоторые его предшественники, Главный правитель участвовал в историческом плавании «Камчатки» в 1817—1819 гг. под командованием В. Головнина. Потом А. Этолин служил на Аляске с 1818 по 1825 г. По поручению М. Муравьева он провел исследования, изменившие «географию тамошнего края». За это Главный правитель колоний просил для него, штурмана 14-го класса, чести надеть российский флотский мундир. Адольф Карлович был назначен в колонии вновь в 1826 г., служил под началом Чистякова, Врангеля, Купреянова. Еще десять лет, отданные Русской Америке. Удачливый офицер ходил на Курильские острова и в Калифорнию, постепенно набирался опыта административного управления. Ф. Врангель высоко ценил своего помощника. Возможно, он и предложил ему третий раз вернуться в колонии, но уже Главным правителем. Адольф Карлович женился на Маргарите Сундвал и прибыл в Ново-Архангельск.

В 1842 г. Главный правитель с санкции Николая I возвел одного из местных вождей в ранг «главного тоена колош, в Российских владениях живущих». Вытребовал ему почетную

одежду и денежное содержание, утвержденное Министерством финансов. Индейский вождь не мог оценить расположение величайшего монарха мира. Да и среди других вождей особым уважением он не пользовался, несмотря на высокий титул. Но несомненно, эта мера способствовала «елико возможно укрощению зверских нравов» и укреплению позиций колониального начальства

Хорошее управление Адольфа Этолина было заметно всем приезжающим в Русскую Америку. Служивший в колониях в это время лейтенант Л. Загоскин писал, что «в частной, обыкновенной жизни человека смело можно считать Ситху ближе к Петербургу, чем большую часть наших провинциальных городов». Это Д Максутов мог прочитать еще лейтенантом в «Пешеходной описи части русских владений в Америке, произведенной лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842,1843 и 1844 г.».

На этолинское правление приходится первая колониальная потеря. Продали Форт Росс. Что Главному правителю в вину поставлено быть не может.

Летом 1845 г. А. Этолин сдал дела своему помощнику капитану 2-го ранга Д.Ф. Заремба. А сменщика он встретил уже в Охотске. Там и состоялась официальная передача колониальных дел. По возвращении в Петербург Адольф Карлович получил чин контр-адмирала и до 1865 г. был директором РАК. Князь Д. Максутов был представлен адмиралу и, возможно, неоднократно пользовался его советами. В 1876 г. страстный первопроходец и талантливый администратор скончался.

восьмой — 1845—1850 гг.

В Охотске дела у Этолина принимал капитан 2-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков, который по аляскинскому опыту мог сравниться со своим предместником. Складывалась традиция назначать в Америку людей, уже послуживших в колониях на различных должностях. Компания к 40-м гг. XIX в. накопила кадровый резерв. Этот резерв был общим с Морским ведомством и государством в целом.

Михаил Дмитриевич начал службу на Аляске в 1825 г. Отслужив в Америке пять лет, он остался в Главном правлении. Вторично в колонии М. Тебеньков был назначен на срок 1835—1840 гг. А назначение Главным правителем в 1844 г. было уже третьим. Между этими компанейскими «сроками» он успел послужить по линии Министерства просвещения коллежским асессором.

М. Тебеньков оценил своевременность продажи Форта Росс. В Калифорнии началась «золотая лихорадка». Это просто смело бы

российский анклав. Исследование рек Юкон и Медная, составление большого атласа тихоокеанского побережья Америки — несомненная заслуга Михаила Дмитриевича. Итогом его географических изысканий в 1852 г. стал большой «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до м. Корриентес, о-вов Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии». Именно М. Тебеньков отправлял весьма секретную экспедицию А. Гаврилова в устье Амура Хотя результаты экспедиции были половинчаты, а сделанные по ним выводы вовсе ошибочными, М. Тебеньков исходатайствовал у Главного правления награду в 1500 рублей опытному мореходу. Карту одного присовокупленного места азиатского берега из этого атласа князь Д Максутов помнил очень хорошо. На листе был Петропавловский порт на Камчатке. Вице-адмирал М. Тебеньков был уволен из Морского ведомства в 1860 г., но оставался директором РАК до ее ликвидации. Именно он был в числе авторов последней инструкции Д. Максутову, когда тот выезжал в колонии на второй срок. Несомненно, что стареющий вице-адмирал продолжал считать себя большим знатоком колониальной жизни, чем любой морской офицер.

Девятый — 1850—1853 гг.

Капитан 2-го ранга Николай Яковлевич Розенберг, вступая в должность Главного правителя, не был новичком в Русской Америке. Он служил в РАК с 1829 по 1839 г., затем снова на флоте. В 1850 г. он принял предложение вернуться на Аляску и проявил себя не плохим администратором, но и не хорошим. Он был озабочен многими проблемами, в частности повышением общего культурного уровня в колониях, и еще до своего назначения Главным правителем просил «исходатайствовать у гг. директоров рублишков на 500 книг для Ситки». В правление Н. Розенберга из Русской Америки в Петербург были доставлены изобретенные в колониях или, скорее всего, подсмотренные у соседей топоры для испытания в Военном и Морском ведомствах. В нескольких губерниях был проведен сравнительный анализ эффективности применения американских и традиционных русских топоров. Департамент корабельных лесов Морского ведомства счел их неудобными и неспособными «заменить русского топора». Этот курьез не попал бы на страницы настоящего повествования, если бы не подписи под Заключением: «Директор *Матюшкин* и начальник отделения барон *Врангель».* Барон Василий Врангель позднее возглавил Департамент корабельных лесов и в 1851 г. вошел в состав директоров РАК, фактически наследовав Врангелю Фердинанду.

Этим дружественно-семейным связям Д. Максутову следовало бы уделить внимание. Он сам попадал в систему дружественно-родственных отношений, в центре которых находился барон Ф. Врангель.

Возможно, Н. Розенберг переоценил свои силы, так как не смог выслужить положенных пять лет. По болезни и/или по семейным обстоятельствам он попросил замены, едва начав службу. Что ему не было поставлено в вину, равно как и некоторые элементы анархии и бесхозяйственности. В вину ему директора компании поставили непринятие мер к предотвращению в 1852 г. у стен Ново-Архангельска стычки между враждовавшими кланами индейцев. Дело в том, что Розенберга предупредили о готовящейся резне, но, руководствуясь Уставом РАК, запрещавшим вмешиваться в дела «независимых инородцев», Главный правитель занял выжидательную позицию. Поговаривали даже о его трусости.

В его правление РАК, выполняя пожелание Государя Императора, вывезла из ставшей чужой Калифорнии золота почти на 70 тысяч рублей. Сумму, соизмеримую со стоимостью самой колонии Росс, деньги за которую так и не были сполна получены. Русские золотые партии в Калифорнии возглавлял горный офицер Петр Лорошин. Как-то за сезон было намыто 9700 пудов золотоносного песка, что дало 11 пудов приличного золота, которое зачли доходом. С первого золота компания купила трехмачтовый корабль бременской постройки, назвав его «Шелихов».

В 1855 г. Н. Розенберг получил чин капитана 1-го ранга и через два года скончался.

Десятый — 1853—1854 гг.

Спешный отъезд Розенберга не позволил Главному правлению в Петербурге подготовить плановую замену. Поэтому дела принял помощник Главного правителя капитан 2-го ранга Александр Ильич Рудаков. С 1844 г. он служил на кораблях РАК «Наследник Александр», «Байкал» и «Князь Меншиков». А. Рудаков был обаятельным и легким в общении человеком, уважаемым компанейскими служащими и иностранными партнерами. В 1850 г. он вернулся в Петербург, чтобы получить назначение помощником Главного правителя. Не пробыв в Петербурге года, он вернулся с семьей в Ситку. Пришлось неожиданно принять дела у Н. Розенберга и стать во главе колоний. Обязанности Главного правителя он сдал в 1854 г., но оставался на Аляске до 1857 г., очевидно, в связи с войной. Трудно сказать, почему его не назначили на должность, хотя произвели в следующий чин капитана 1-го ранга. По возвращении

в Россию Александр Ильич расстался с РАК, вернулся на флот и в 1865 г. был произведен в контр-адмиралы. Вице-адмирал А Рудаков скончался в 1875 г.

Одиннадцатый— 1854— 1859 гг.

Капитан 1 -го ранга Степан Васильевич Воеводский прибыл в колонии с женой и дочерью в апреле 1854 г. после дюжины лет разлуки с Аляской. Этот участник Наваринского сражения успел семь лет прослужить в РАК с 1834 по 1841 г. Северная Америка не стала театром Восточной войны. Изрядные части ее, русская и британская, в то время управлялась частными компаниями, соседствующими, сотрудничающими и конкурирующими. Но не враждующими! Российско-Американская компания и Компания Гудзонова залива не были заинтересованы в расширении зоны боевых действий. Поэтому был заключен договор между компаниями о взаимном нейтралитете владений. Но тем временем С. Воеводский на свой страх и риск, дабы избежать аннексии российских колоний, разрабатывал план их фиктивной продажи частному лицу, гражданину США.

Колонии готовились к войне и получили подкрепление. Сам Главный правитель привез с собой более 20 матросов военно-морского флота, позднее в Ситку была переброшена почти рота солдат с двумя обер-офицерами из Сибирского линейного батальона № 14. До этого гарнизонов и воинских подразделений в Русской Америке вообще не было. В 1855 г. начались нападения индейцев на русские фактории и даже столицу. Поэтому гарнизоны были усилены еще. Восточная война в Америке обернулась маленькой войной с индейцами.

С. Воеводский пробыл в колониях до 1859 г., дожидаясь смены. С Д. Максутовым они разминулись на встречных курсах, когда последний только направлялся в колонии. Судном, на котором убывал Главный правитель, командовал лейтенант Ф. Коскуль. С ним князь еще встретится.

Степан Васильевич после колониальной службы получил чин контр-адмирала. В 1868 г. он был назначен членом Адмиралтейств-совета и завершил службу в чине вице-адмирала. Скончался в 1884 г.

Если бы у Д Максутова был список Главных правителей, то он бы и закончился на этом офицере. Уже тогда можно было сделать наблюдение, что пребывание в колониях способствовало производству в адмиралы.

двенадцатый —1859—1864 гг.

Сменщиком С. Воеводского директора компании наметили ветерана, служившего в РАК с 1850 г. Звали его Иоганн (Юхан) Хампус фурухельм. Этот человек был назначен начальником

князя Д Максутова и дан Провидением ему в друзья. Для сослуживцев привычнее было называть этого финна Иван Васильевич. Родился он 11 марта 1821 г. в имении Хонгола под Гельсингфорсом. Службу во флоте начал с 15 лет. После окончания мореходного училища в Або ему удалось вступить в военный флот гардемарином. В 1839 г. произведен в мичманы. До 1845 г. плавал по родной Балтике, а с 1845 г. служил на Черном море. И служил он там до 1850 г. в одно время с Д. Максутовым. В 1850 г. по рекомендации своего земляка директора РАК контр-адмирала А. Этолина поступил на службу в компанию и на корабле «Император Николай I» отправился на Аляску. И. Фурухельм командовал компанейским судном «Кадьяк», ходил на Гавайские острова, доставлял меха в Шанхай. В 1853 г. он привел барк «Князь Ментиков» в порт Ллойд на островах Бонин-Сима на соединение с посольской эскадрой Е. Путятина. Именно И. Фурухельм передал главе миссии материалы, собранные компанией о Японии.

В декабре 1854 г. И. Фурухельм получил распоряжение возглавить администрацию РАК на Сахалине. В военное время он был начальником Аянского порта в чине капитана 2-го ранга. Если на Черном море и у побережья Японии Д Максутов и И. Фурухельм могли встречаться, то в Аяне вряд ли. Последний еще не принял должность, когда петропавловский герой прибыл в порт по пути в Петербург. Дружба пока не состоялась. В 1856 г. Иван Васильевич убыл сухим путем в Петербург, далее в Гельсингфорс. Его заслуги за время войны были отмечены орденом Святого Владимира III степени. Можно было осмотреться и подумать о личной жизни. Женился Юхан Хампус зимой 1859 г., когда приказ о его назначении в Русскую Америку был уже подписан. Избранницей капитана 1-го ранга стала Анна-Елизавета (Анна Николаевна) фон Шульц, 22 лет.

Карьера этого способного администратора будет успешной, а жизнь долгой. После Русской Америки он начнет постепенно возвращаться домой: послужит военным губернатором Приморской области, командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана, таганрогским градоначальником, старшим флагманом Балтийского флота и командиром над Ревельским портом. Капитан-лейтенант Д. Максутов полагал своего начальника многоопытным, житейски мудрым и знающим Русскую Америку.

Ознакомившись со списком офицеров на службе в РАК, князь не преминул бы поинтересоваться, а как же жили их любимые женщины. Женский вопрос не мог не занимать молодого офицера, уже имевшего некоторый опыт корабельной и гарнизонной

жизни. Оставались офицерские жены на Большой земле или следовали за мркья-ми? А может быть, в Америке жили, чем черт не шутит, привлекательные американки. Наверное, привлекательные американки где-то жили, только не в Русской Америке. Только одному Главному правителю удалось найти себе жену в Ново-Архангельске. Общее мнение офицеров флота состояло в следующем: или не жениться вовсе, или не бояться везти жену в колонии. Что Аляска, что Сибирь, что Петропавловск, что Ново-Архангельск — разница не велика. Это князь узнал еще от своей кузины Юлии Завойко.

Если сводного списка офицеров на службе РАК, скорее всего, не было, то списка их жен тем паче быть не могло. Но земля полнится слухами. Поэтому князь, довольно рационально подошедший к женитьбе, не мог не поинтересоваться судьбами женщин Русской Америки. Благо те из них, кто жил в Петербурге, могли дать некоторые советы двум молодым парам, Главного правителя и его помощника, отъезжающим в колонии.

Первоначально женщин в колониях было мало, если считать только прибывших из России. А женщин благородного происхождения до приезда баронессы Врангель было не сыскать вовсе. К году назначения Главным правителем первого флотского офицера в Русской Америке на 378 русских мужчин приходилось всего лишь 13 русских женщин. Даже к моменту принятия князем должности Главного правителя колоний русских женщин было раз в восемь меньше, чем мужчин, т. е. не дотягивало до сотни.

Среди креольского населения женщин первоначально было совсем немногим меньше мужчин, а потом и больше. Среди «природного населения», т. е. местных, женщин было даже всегда больше, чем мужчин. Мужчины постоянно гибли то в стычках с иноплеменниками, то на охоте, то на принудительно-добровольных работах на компанию. Местных женщин хватало и местным мужчинам, и их русским «братьям». Правитель А. Баранов замечал: «Девки ранновременно попускаются к распуту и без всякого зазрения отдаются всякому, да и мужья попускают на то — родникам и гостям приезжающим теми служат». Так что русские могли получить себе колониальных «подруг» без особого труда. Первый Главный правитель и сам пил из этого источника Он имел детей то ли от алеутки, то ли от индианки. Детей этих Антипатра и Ирину заступник А. Баранова камергер Н. Резанов называл пред императорским Двором воспитанниками.

Первой русской женщиной, попавшей на Аляску, была Наталья Шелихова. «Колумб Росский» Григорий Иванович Шелихов испытывал глубокое чувство привязанности, сердечной и финансовой, к этой энергичной женщине. Поэтому в 1783 г. он

отправился на Ка-

дьяк с женой и малолетним сыном. Сама же традиция брать в Америку с собой детей ведет отсчет со Второй Камчатской экспедиции. Своего малолетнего сына Лоренца на корабле «Святой Петр» омо-рячивал офицер Свен Ваксель. Дельный вырос из мальчишки русский адмирал.

Прибавив семейство и укрепив русские поселения в Америке, супруги Шелиховы вернулись в Иркутск. В июле 1795 г. Григорий Иванович как-то неожиданно для всех, кроме неутешной вдовы, скончался. Наталия Алексеевна осталась правительницей его дел и капиталов. Она твердо держала все пружины компанейского производства. Ее энергичные зятья Матвей Булдаков и Николай Резанов добились создания Российско-Американской компании.

Князь Д. Максутов несколько раз посещал Иркутск и, скорее всего, стоял у надгробного мраморного монумента Шелихову в ограде Знаменской церкви. На постаменте стелы, кроме эпитафий И. Дмитриева и Г. Державина, были учтены заслуги достойного мужа: «...отважными своими морскими путешествиями на востоке нашел, покорил и присоединил к державе ея (Екатерины Великой) не только острова: Кыктак, Афонгак и многие другие, но и самую матерую землю Америки...», а также добавлена калькуляция стоимости самого памятника, составленная «горестной вдовой с пролитием слез».

Последовал было примеру своего легендарного предшественника и правитель Кадьякской конторы И. Баннер. Его жена Наталия Петровна в 1802 г., чтобы быть полезной компании, открыла школу для девушек-креолок. С ее смерти в 1804 г., наверное, и ведется мартиролог женщин Русской Америки.

Первым Главным правителем, прибывшим в колонии с женой, был Фердинанд Врангель. Исследователь Аляски лейтенант Лаврентий Загоскин заметил, что эта «первая образованная дама, обрекшая себя на пятилетнее заключение... успела указать некоторым настоящее значение жены и женщины». Отец Елизаветы Васильевны тоже был бароном, но французским. Он эмигрировал в Эстляндию после французской революции. Первая леди Русской Америки заслужила уважение служащих компании, флотских офицеров, индейцев и американских купцов. Один американец даже назвал свой бриг «Леди Врангель». Искренний порыв и неплохой расчет. С появлением баронессы Замок Баранова превратился в место регулярных светских приемов. Жены последующих Главных правителей всегда равнялись на достойную баронессу. Но Дмитрий и Адель Максутовы не могли

получить никаких наставлений от леди Врангель. В год поступления князя в РАК барон Фердинанд фон Врангель был уже

почти четыре года вдовцом. Елизавета Васильевна не дожила и до 44 лет.

Новоархангельские дамы, вывезенные в Америку отнюдь не из российского захолустья, очаровывали иностранцев элегантными манерами и модными туалетами. Формированию «света» придавала большое значение жена Главного правителя И. Купреянова Юлия Ивановна. Следующая первая дама Русской Америки, жена Адольфа Этолина Маргарет Хедвига Йоханна нашла себя в обучении и воспитании местных девушек. Жены многих колониальных чиновников искали себе место в образовании и здравоохранении. Постоянная борьба колониальных женщин за свои права дала всходы. Дочь Фуру-хельмов Анна-Фредерика стала известной в Европе суфражисткой.

Д. Максутову еще предстояло познакомиться с женой своего будущего начальника и с женой своего будущего помощника капитан-лейтенанта Л. Гавришева.

Наверное, князю рассказали легенду о большой любви одного индейского вождя к жене правителя отдела Росс Елене Павловне Ротче-вой, урожденной княжне Гагариной. Впрочем, княжна никаких поводов не давала Прекрасных Елен принято похищать во все века и народы. Княжна была заметной красавицей не только в Америке, но и в России. Ее будущий супруг Александр Гаврилович Ротчев почти похитил невесту из отчего дома, пренебрегая родительским благословением. В одной из экспедиций по Калифорнии Ротчевы были пленены вместе с сопровождавшими лицами. Индейский тойон готов был увести у А. Ротчева жену или вдову. Как придется. Русский отряд спасли подоспевшие испанцы, точнее сказать, обретшие независимость мексиканцы. Разница не велика. «Цивилизованные» пригрозили «диким» расправой, если пострадают пленники. Тойон согласился, что насильно мил не будешь. Елена Павловна смогла вернуться к супругу и к фортепиано, наверное первому в Калифорнии. А сам супруг, путешественник и литератор, — к обязанностям начальника отдела.

Ознакомившись с судьбой представительниц прекрасного пола в Русской Америке, молодой князь уже представлял свою невесту душой ново-архангельского общества. Да и список предместников позволял надеяться, что с новой должностью он сам достойно справится. Чем мы, Максутовы, хуже. То, что тринадцатым и последним морским офицером на посту Главного правителя Русской Америки станет он сам, зимой 1858/59 г., разумеется, не знал никто.

НОВО-АРХАНГЕЛЬСК

1859-1863

Столицей Русской Америки был порт Ново-Архангельск на острове Ситка архипелага Александра, лежащий примерно на широте Москвы. Градус туда, градус сюда. Все равно условия разные. На всем острове вряд ли нашлась бы хоть одна квадратная миля ровной поверхности. Основанный А. Барановым в 1804 г., имея русское население около полутысячи, он не мог претендовать называться городом. Но здесь, бесспорно, был центр русской торговли и колониальной администрации. Порт длительное время оставался самым дальним пунктом кругосветных плаваний российских кораблей.

Ко времени прибытия князя территории вокруг русской столицы в Америке оставались неосвоенными и все еще опасными. Ближайшие к Ситке местные индейцы-тлинкиты зарыли топор войны с русскими только двести лет спустя, т. е. в нашем веке. Чтобы не подумали, что это описка, повторим — в XXI в. Русские называли индейцев колошами из-за обычая носить палочку (колюжку), продетую в нижнюю губу. Тлинкиты называли русских «кускекуан» — «люди дальних облаков», «люди небесного горизонта».

Впервые европейцы описали окрестные воды в ходе экспедиции лейтенанта испанского флота Хуана Франсиско де ла Бодега-и-Ку-адра в 1775 г. на корабле «Сонора». Испанцы поставили католические кресты и попугали индейцев. Потом еще пару-тройку раз зашли в эти воды и практически оставили их навсегда. Проложить другие курсы испанцам помогли и англичане, и русские, и французы, и «бостонцы». В 1799 г. Император Павел I практически одновременно объявил войну Испании и утвердил Хартию, пожалованную РАК. Конец XVIII в. мог обернуться русско-испанской войной в районе архипелага Александра, единственного места в мире, где владения российского и испанского монархов хоть как-то могли соприкасаться. Позднее условная испано-русская граница в Америке будет перенесена с градуса 57-го на 37-й северной широты, в воды, где Бодега-и-Куадра оставил не только кресты, но и свое имя.

Первое русское поселение на месте Ново-Архангельска было основано в год создания РАК. И шли русские вовсе не по испанским картам. За Ситку пришлось повоевать. Михайловская крепость, разоренная индейцами, не была восстановлена. Ее место в Ново-Ар-хангельске называлось «Старая артель».

Многим пребывающим в Ситку впервые остров казался непри-. ступным и суровым. Но стоило войти в гостеприимную

Ново-Архангельскую гавань, настроение путешественников стразу же менялось. До самых последних дней русского присутствия в Америке незамерзающая акватория архипелага сохраняла потенциал стать базой императорского военно-морского флота на Тихом океане. Как и Петербург, Ново-Архангельск был оставлен у самых российских границ и почти с такою же целью. Напоминал Ново-Архангельск и своего старшего брата город Архангельск. Тот город, что на Белом море, специально построили, чтобы торговать с невесть откуда появившимися англичанами. И еще для того, чтобы не допустить иностранцев к северным богатствам Руси, которые в эпоху Ивана Грозного уже смогли по достоинству оценить и свои, и чужие.

Впервые о Ново-Архангельске князю могли подробно рассказать Ф. Врангель, бывший здесь Главным правителем, или В. Завойко, побывавший в колониях во время двух кругосветных экспедиций. Может быть, с молодыми офицерами делился своими воспоминаниями об Америке командующий Черноморским флотом М. Лазарев, который когда-то усмирял индейцев пушками своего фрегата «Крейсер».

Князь Д. Максутов прибыл в Ново-Архангельск 1 сентября 1859 г., как подчеркнуто в официальных бумагах, «пассажиром на коммерческом барке». Для морского офицера быть пассажиром на судне всегда неуютно. Каким бы знатным пассажир ни был, согласно Морскому уставу, он не должен был стеснять своим пребыванием офицеров, «поелику они, отправляя должность и снося безпокойство, будучи на вахте, от непогоды и от усталости, требуют лучшего покоя и отдохновения». Не оставил Дмитрий Петрович на сибирском берегу и Адель с Констанцией. На берегу американском их встречал сам Главный правитель И. Фурухельм. Он опередил своего помощника более чем на два месяца и уже успел отпустить своего предместника Воеводского. Фурухельмы прибыли через Атлантику, преодолев по железной дороге Панамский перешеек, сменив два судна, американское и русское, уже в Тихом океане. Захватили они с собой и купленное в Лондоне пианино.

Прибывшие не могли не оценить красоты раннего индейского лета. На другом берегу океана этот сезон тоже называли летом, только бабьим. Сходившие на берег первый раз даже не догадывались, что достигли страны «вечной осени». Климат такой. Мягкие зимы и тоскливо-пасмурные летние месяцы не давали возможности назвать

--

зону архипелага Александра по-другому. Над городом нависала громада покрытого лесом вулкана Эчком (Эджкомб),

служившая «лучшим и безошибочным указателем для всякого, даже не видавшего ее прежде мореплавателя». На эту гору можно было держать курс за десятки миль.

Городской ансамбль, казавшийся величественным с воды, при приближении распадался на фрагменты, терял единство. Д. Максутов еще в Петропавловском порту заметил, что если не поднимать глаза горе, т. е. не задирать голову, то местный пейзаж можно признать почти среднерусским. Но как только взор обращался на большие сопки и вулканы, превосходящие всякое воображение, становилось понятно, на каком краю света находишься. Здесь же для сохранения душевного равновесия нельзя было поднимать взгляд выше Замка Баранова — резиденции Главного правителя. Многократно перестраиваемый бревенчатый Замок стоял на скале Кеку-ре. Кекуром русские называли каменный столб или утес на берегу, а также скалу над водой у берега. Шкипера Соединенных Штатов называли скалу с Замком Главного правителя Punch Hill — Пуншевый холм, очевидно, в честь гостеприимных хозяев.

Замок венчал бельведер — круглая застекленная надстройка, в которой размещался маяк, видимый более чем на 10 верст. Он являлся практически единственным источником света в поселении в ночные часы. Над Замком развевался большой бело-сине-красный с орлом флаг компании. В России это сочетание цветов с 1858 г. стало вытесняться черно-желто-белым. Александр II ввел новый государственный флаг, оставив привычное бело-сине-красное сочетание торговому флоту. Все строения в городе были деревянными. Некоторые крыты железом, большинство же деревянной «черепицей» — дранкой. Стены строений приобрели устойчивую серость, которую в лирическом настроении можно было бы сравнить со старым серебром. В целом ничего неожиданного для российской глубинки. Такой населенный пункт органично бы вписался в финские или ладожские шхеры, губу Белого моря. Аян и Охотск были значительно хуже: меньше, грязнее, неуютнее. Здесь же были большие склады, казенные здания, бани, мастерские, верфь, маяк, хорошая пристань и что-то похожее на крепостные укрепления.

Церквей было целых три: православный Михайло-Архангельский собор, лютеранская церковь и отдельная православная церковь для индейцев — «колошинская». Если православный собор и люте-

«ˆЗарайская кирха соседствовали, то «колошинская» церковь была на противоположном от Замка конце поселения. Когда в 1855 г. индейцы напали на Ново-Архангельск, то они заняли эту церковь и использовали ее в качестве укрепления. В обычное же

время колоши посещали церковь редко: посидеть, покурить. В целом в колониях было до 12 тысяч христиан. Число православных увеличивалось не только за счет прибавления в креольских и алеутских семьях, бывших, как правило, многодетными. Продолжалась миссионерская деятельность православных священников как в Ситке, так и в дальних селениях. С пребыванием князя помощником, а позднее и Главным правителем аляскинскую глубинку мерил шагами иеромонах Илларион. На Кенайском полуострове проповедовал игумен Николай. Появлялись православные миссионеры, имевшие одновременно русские и местные корни, как, например, отец Яков Нецветов. Этот подвижник возвратился в Ново-Архангельск из дальних приходов как раз к прибытию князя в колонии.

На холме над поселением белели кладбищенские кресты, хорошо различаемые с воды. Закрытая от волн и ветров соседними островами акватория порта почти всегда оставалась спокойной и никогда не покрывалась льдом. Из птиц были привычные чайки и вороны, а также совершенно удивительные колибри. Кто впервые видит колибри, зависающую над цветком, не может поверить своим глазам. Но хозяевами жизни в Ситке были, несомненно, вороны, возведенные индейцами в тотемный символ. Хотя встречались к тому времени у индейцев и другие тотемные символы. Так, один из вождей выбрал себе тотемом русского двуглавого орла, уверовав в его силу. Уважительное отношение к ворону — Кутху князь Д. Максутов мог наблюдать у аборигенов Камчатки. У русских эти хищные птицы за склонность гонять кур и свиней, собирать мусор с улиц получили прозвание «новоархангельской полиции». Тем паче что другой полиции все равно не было.

Прямо под крепостными пушками за оградой находилось индейское селение. Вход в селение был через рынок — огражденную бревенчатыми стенами площадку — почти избу без крыши. Колошенки приносили сюда продукты.

Первые месяцы у князя ушли на размещение и ознакомление с делами. Фурухельмы и Максутовы жили под одной крышей. Благо просторная резиденция позволяла. Простор — то, чего в колониях было в избытке. Общая территория Русской Америки была такая, что

^

не объехать за два срока. Русские занимали отдельные населенные пункты, в основном вдоль узкой полосы океанского побережья и на Алеутских островах. Большая же часть Аляски не была «землей русского владения», а только зоной, свободной от

претензий других государств. Глубинные районы были пунктирно изучены, но еще не освоены. Все русское население столицы колоний составляло немногим более полутысячи человек: служащие компании, матросы, рабочие, солдаты гарнизона. Разумеется, великороссами были далеко не все. Относительно много было в Русской Америке немцев и финнов. Заносила судьба и поляков. В различные моменты русской истории процент польского населения в медвежьих углах империи по известным причинам возрастал. Но в колониях ссыльных не было. Все добровольцы. В колониях просвещенных стран такое население называлось просто белым. Русским деление на белых и цветных было неведомо.

Форму носили только военные. Большинство ходили кто в чем. Хотя в николаевские времена для РАК и предлагалось ввести «мундир, правительством утвержденный», это сделано не было. Компанейские служащие обходились партикулярным платьем, смешивая среднерусский, сибирский и местный стили. Одежда большинства служащих компании была сильно поношена. Верхнее суконное платье, состоявшее из куртки с брюками, в колониях обходилось в 20—30 рублей, сапоги в 10 рублей. А получал рабочий в год только 350 рублей ассигнациями. Хорошим советом бывалого морского офицера отъезжающим в колонии — закупать одежду заранее в Петербурге — не все могли воспользоваться. Во-первых, многие жили в колониях безвыездно по пять и более лет. Во-вторых, обувь и одежда при колониальном образе жизни изнашивались довольно быстро. Ввоз добротной одежды из Калифорнии администрацией колоний даже не рассматривался. А ведь уже к концу 50-х гг. позапрошлого века в Сан-Франциско некто Леви Страус придумал крепкие штаны с заклепками из хлопчатобумажной ткани — прообраз знаменитых джинсов «Левайс».

И хотя в колониях добывали меха, в меховых одеждах никто не щеголял. Все сдавалось компании, и за редким исключением все шло на продажу.

Основную рабочую силу в колониях составляли алеуты, промышлявшие морского зверя. Их в колониях было раз в десять больше, чем русских. Значительное число населения в русских колониях составляли креолы; было их до 2 тысяч. В испанских колониях креолами име-

новались потомки испанцев, родившиеся в Америке. Фактически креолы и создали новые латиноамериканские нации. До сих пор они дорожат символами своего креольского образа жизни. В русской версии креолы — потомки от смешанных браков

русских с алеутами, эскимосам или индейцами. Причем «креолы от колошенок» были несравненно красивее «креолов от алеуток». Если на заре колонизации русским выбирать было особенно не из чего, то к ее закату вкусы большинства компанейских сошлись на индианках. Креолы служили приказчиками охотничьих партий, шкиперами, мастерами. Получив образование за счет компании и отслужив в колониях 10 лет, креолы могли получить личное звание почетного гражданина, которое им было тяжеловато оценить вне масштабов Российской империи. К приезду князя в Ново-Архангельск креолы составляли больше половины «столичного населения», женщин и мужчин почти поровну. Некоторые креольские семьи были очень большими.

Сначала князь путался в обилии на Аляске креолов Кашеваровых; они встречались вживую, а еще более в компанейских документах. Это были потомки Филиппа Кашеварова, прибывшего на Аляску еще в 1794 г. на одном судне с первой православной миссией. Пятнадцатилетний Филипп путешествовал по новому краю с промысловыми партиями, набирался опыта у старовояжного морехода А. Сапожникова. Женился он на алеутке и основал немалую даже по тем временам семью. Только сыновей было восемь.

Иоанн и Николай стали шкиперами, Таврило, Антон и Аполлон — слркащими компании, Петр — священником. Брат Александр дослркился до генерал-майора. Князь встречался с ним в Аяне во время Восточной войны, где капитан-лейтенант А. Кашеваров был командиром над портом. Наверное, это был первый креол, которого видел Дмитрий Петрович в жизни. И не обратил на это внимания. Некоторые алеутские, унаследованные от матери, черты лица офицера он по обыкновению принял за азиатские. Дело привычное. В молодости А. Кашеваров был отправлен компанией в Кронштадт на учебу штурманскому делу. Вернувшись на Аляску, он доказал своими географическими изысканиями, что дело знает. За что и был взят в Гидрографический департамент Морского министерства. Князь мог встретиться с ним вторично уже в Петербурге пред отъездом в Русскую Америку.

Сыновья Петра Филипповича стали священниками. В аляскинской истории наиболее заметный след оставил Андрей Петрович Ка-

--Ь&ъ

шеваров. Учился он в Сан-Франциско, вернулся на Аляску в 1880 г. После смерти жены в 1931 г. ему предложили стать епископом Аляскинским. Но он не принял высокий сан и продолжил научную работу по сохранению русского наследия на

Аляске. Отцу Андрею выпало в конце 30-х гг. XX в. общаться с младшим сыном князя Д Максутова

Креолов условно можно было разделить на две группы. Одни никогда не покидали родных берегов, другие были отправлены учиться в Россию и вернулись на относительно высокие компанейские должности. Последние и составляли элиту, чтобы не сказать аристократию, Русской Америки. Они были образованы, хорошо вписаны в социальные отношения, привычны к местному климату, имели поддержку многочисленных родственников. Креолы были приравнены к мещанскому сословию. За креольскими поколениями, выросшими в колониях, могло быть будущее Русской Америки.

«Диких», т. е. индейцев, за своих не считали. Было их в Русской Америке, по различным оценкам, тысяч до сорока А если считать и женщин с детьми, много больше. У колош в основном выменивали или покупали меха и продовольствие. Бывало, что индейцы служили матросами на компанейских судах, грузчиками в порту или выполняли какие-то другие работы. Но в общей своей массе они старались держаться независимо. Не стало массовым и обучение юных колош русской грамоте, хотя бывало, что и отправляли их учиться в ближайший русский населенный пункт Аян. Это больше напоминало вывоз аманатов в русскую глубинку. В массе своей индейцы, в отличие от давно покоренных алеутов, были вооружены, воинственны и вороваты. Князь впервые услышал об индейцах от сослуживцев по «Оливуце» еще во время Восточной войны. Когда корвет заходил в Ново-Архангельск, тлинкиты обстреляли посланную на берег корабельную шлюпку.

Компания стремилась поддерживать лояльность индейских вождей подарками и даже выплатой жалованья. При Д. Максутове главный ситкинский тойон Михаил Кухкан носил парчовый халат с серебряной бахромой и кистями, малиновый шелковый пояс с золотой бахромой и треугольную шляпу времен Фридриха Великого с разноцветным султаном. Может быть, в таком наряде тойон только представился ревизору П. Головину, который и составил это описание в 1860 г.

Индейские вожди могли носить русские военные сюртуки, дополняя их дорогими одеялами. И подарки, и денежные выплаты —

все служило подчеркиванию высокого статуса индейских вождей, выбравших путь сотрудничества с колониальной администрацией.

Сохранились и предписания Главных правителей касательно забот о союзных индейцах.

«№ *646, 30 декабря 1860 г.*

Ново-Архангельской конторе

О назначении жалования Тоену Калях

Предлагаю конторе производить с 1 Января наступающего года Колошенскому тоену Алексею Калях жалованья по 240 рб. асе в год без пайка.

И. *Фурухельм»*

Главному же, по весьма произвольному выбору русской администрации, индейскому тойону платили 360 рублей. Сумма, назначенная тойонам, была рублей на сто—двести меньше самого малого оклада компанейского служащего, но была весьма велика для любого индейца, живущего торговлей с русскими. Деньги в местной валюте вождь получал за то, что «вел себя безукоризненно и смирно и оказывал хорошее расположение к русским» в дополнение к именному свидетельству. Если тлинкит работал на компанию, то мог бы честно заработать только половину этой суммы. В сравнении с тлин-китскими вождями, их давно покоренные алеутские коллеги получали от компании в полтора раза меньше.

Еще колониальная администрация для снискания приязни индейцев использовала потлач, по-русски игрушку. Для недавно приехавшего в колонии князя Д. Максутова это многодневное действо с обильной едой и выпивкой, с раздариванием подарков и плясками напоминало обычный деревенский праздник, только по-дикарски неистовый. Скрытый смысл потлача князь осознает много позднее, когда оставит не только колониальную службу, но и службу вообще. Соответственно и автор, участвовавший сам в подобных праздниках у ительменов и коряков, расскажет о глубинном смысле игрушки позднее. Главные правители пытались облагородить потлач, исключить из него человеческие жертвоприношения, выкупать рабов обоего пола. Словом, цивилизовали древний обычай, доведя его до фольклорного фестиваля.

Кроме того, заботой Главного правителя было примирение враждующих племен. При А. Этолине и И. Фурухельме колониальная ад-

-Si-

министрация перестала извлекать пользу из взаимной вражды местных племен. Было и такое, что русские доктора лечили раненных в междоусобных стычках индейских воинов. Этот же курс предстояло перенять и Д. Максутову. На его пребывание помощником приходится большая стычка ситкинцев и якутатцев под стенами Ново-Архангельска

Мирить приходилось и межплеменных индейцев. Но самая большая вражда в колониях была между тлинкитами и алеутами.

И те и другие даже не переносили друг друга на вид. Так уж повелось, что русские первоначально опирались на алеутов. Колонизация Аляски русскими началась с Алеутских островов. Ради исторической правды следует отметить, что первыми североамериканцами, встретившими русских, были все-таки тлинкиты. Именно они не позволили части команды пакетбота «Святой Павел» вернуться на борт.

В поведении между алеутами и индейцами были разительные отличия. Алеуты скорее готовы были принизить свои умения и заслуги. У колош же тщеславие и высокомерие были отличительными национальными чертами характера Воинственными были те и другие. Только князь припоздал к русско-алеутской резне конца XVIII — начала XIX в. П. Головин говорил: «Теперь алеуты самый смирный и, можно сказать, убитый духом народ».

Князю объяснили, что кровная вражда между алеутами и индейцами «была всегдашняя». Но до прихода русских местные племена соревновались на равных. Со времени признания алеутами над собой власти русских колоши стали презирать их и называть рабами. Но при сложившемся к середине XIX в. раскладе алеуты считали единственным благом колонизации возможность поквитаться с давними врагами с помощью русских. В Ситке, традиционной зоне обитания индейцев, алеуты были только привозные из других отделов. Держались они настороженно.

Уже с ноября помощник принял обязанности Главного правителя, так как деятельный Фурухельм убыл в плавание в дальние отделы. Князю приходилось оставаться за «хозяина» Русской Америки неоднократно: в июне-сентябре 1860 г., в апреле 1861 г., практически все лето 1862 г.

Какая же новая администрация обходится без ремонта Как говаривал гоголевский Городничий, «чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя». Морские офицеры, бывшие в свое время командирами портов, начали с того, что умели лучше всего. Стали укреплять порт и усиливать батареи. Самым компетентным специалистом в этой области оказался князь Д. Максутов. Только он один на личном опыте знал, каково выдержать огонь противника на сомнительно укрепленной позиции. Даже один корабль из эскадры, штурмовавшей Петропавловск, мог разрушить поселение и сжечь суда, стоящие на рейде. Пушки Ново-Архан-гельска были направлены не только на акваторию порта, но также на поселения индейцев. Калибр орудий был много меньше корабельных, с которыми имел дело князь. Самая большая батарея в 11 орудий была у пристани. Корпус старого брига «Байкал» с тремя

орудиями тоже входил с систему укреплений. Больше всего орудий было в самом Замке Баранова, служившем столичной цитаделью. Князь мог подсчитать, что на полсотни орудий разного калибра, бывших в крепости, прислуги из солдат не хватало. На каждое орудие требовалось три—пять человек. Тогда как весь гарнизон не превышал 200 человек. Случись угроза нападения, пришлось бы привлекать компанейских служащих, доучивая их на позициях. Автору не удалось найти упоминания о проведении артиллерийских учений в Ново-Архангельске в 60-х гг. позапрошлого века. Все ограничивалось салютами.

Время было послевоенное. Русские колонии в Америке были исключены из зоны военных действий благодаря договору с Компанией Гудзонова залива Соглашение не было следствием слабости русских. Соединенная англо-французская эскадра подходила к Ситке летом 1855 г., но не предпринимала никаких враждебных действий. В свою очередь, Компания Гудзонова залива опасалась, что вооруженные суда РАК с экипажами, имеющими боевой опыт, нанесут невосполнимый урон судам и слабеньким фортам британцев.

Но любые, даже незначительные военные действия в колониях следовало рассматривать в контексте противоборства с Великобританией. Нет оснований считать, что британцы подговорили индейцев напасть на русских. Но и сбрасывать со счетов эту версию не стоит. Факты подтверждают, что 11 марта 1855 г. в Ново-Архангельске бойня была скоротечная и серьезная, соизмеримая по потерям с обороной Петропавловска. В сражении с колошами были убиты или получили ранения 22 человека, среди них 5 служащих компании, 8 матросов, 1 прапорщик и 3 нижних чина Сибирского линейного № 14 батальона, 4 служителя-финляндца и 1 креол. И награды

--г&ъ

участники сражения получили самые боевые. Так, тяжелораненый матрос М. Васильев получил за «дело с колошами 1855 г.» знак отличия военного ордена Святого Георгия. Еще двоим отличившимся были вручены медали с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте.

Воинственных колош недооценивать не стоило. Князь мог наблюдать за учениями индейских воинов, которые «производили такую же частую пальбу, как стрелки регулярной пехоты». Да и огнестрельного оружия они поднакопили порядком. У диких могли быть припрятаны и пушки. Приходилось в ответ на военные экзерсисы колошей проводить симметричные учения солдат местного гарнизона.

Влияние компании на местных жителей, как отмечал

командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал А. Попов, не раздвинулось за 60 лет дальше полусгнившего забора. Новое начальство укрепило-таки ближайший к столице русских владений Озерский редут и факторию-одиночку Нулато в глубине владений на реке Юкон. Она превратилась в форт с двумя башнями по противоположным углам укрепленного периметра. В самой столице были отремонтированы многие дома, построены новые склады и казармы, подновлено здание магнитной обсерватории, не забыты и церковные здания. Менее масштабные подновления были проведены и в далекой Павловской Гавани на Кадьяке. Были приведены в порядок замечательные горячие источники близ Ситки с температурой воды до 50 градусов. Обустройство американского курорта включало строительство ванн и помещений для желающих принять процедуры. Посещая горячие источники в Америке, князь вспоминал славную целебными ключами камчатскую Паратунку недалеко от Петропавловского порта

По затратам это все было много меньше, чем расходы на проводившуюся в то же время перестройку здания Главного правления в Петербурге. Но и американская столица была много меньше. Тем более, заботясь о продлении привилегий, директора РАК не только могли себе позволить, но и были просто обязаны поддерживать статус «главной квартиры», находящейся в какой-то версте от Зимнего дворца. Строительство в колониях достаточно планомерно продолжалось весь срок службы И. Фурухельма. Свои здания обретали структурные подразделения компании и заведения, не связанные непосредственно с Ново-Архангельской конторой. В частности,

было открыто училище для дочерей служащих компании. Русская Америка постепенно обретала инфраструктуру, сходную с губернской или уездной.

Первый год в колониях для новой администрации был весьма удачным. Байдарочные партии РАК добыли морского зверя столько, сколько не добывали в самый «урожайный» 1844 год. Существенно была увеличена добыча котиков на Командорских островах и островах Прибылова. Вместе с благодарностью из Петербурга было получено указание интенсифицировать добычу и мену мехов. С 1822 по 1860 г. РАК принесла чистой прибыли на 6,5 миллиона рублей в казну и на 4,5 миллиона рублей акционерам в виде дивидендов. Но уже наметилась устойчивая тенденция к сокращению ежегодных выплат по акциям.

Компания была озабочена, что пушная торговля постепенно превращалась из сверхдоходного бизнеса в бизнес убыточный. Расходы на «компанейское управление» стали превышать доходы

от пушного промысла.

РАК вовсе не мечтала одеть в меховые шубы каждого жителя России. Бизнес компании был весьма изощренным, и меха, пока доходили до конечного потребителя, меняли много хозяев. Только индейцы и алеуты могли позволить себе менять меховую одежду каждый год. Чего добра-то жалеть. Но все это было до прихода компании. РАК пресекла «нецелесообразное» ношение местными мехов и вынудила аборигенов делать накидки из птичьих перьев. Имей птичье перо и пух хоть какую-то цену, компания заставила бы местных шить шубы буквально на «рыбьем меху».

Добыть мягкую рухлядь — только половина дела. Компания постоянно искала рынки сбыта. Традиционно это был Китай. Первоначально торг велся через Кяхту. После были освоены китайские порты Шанхай и Кантон. Там же был и рынок чая, которого ждали Европа и Америка. Поэтому компанейские корабли освобождались от груза мехов и набирали ящики чая. Чай в цибиках доставлялся традиционными маршрутами клиперов в Европу. Изрядная доля его доходила до Петербурга.

Компания вела довольно изощренную бухгалтерию. Управленческие расходы покрывались так называемой приценкой. Под этим подразумевалась колониальная прибавка к первоначальной стоимости товара, завозимого в колонии. Все, что продавалось в Русской Америке: продовольствие, предметы потребления, одежда и прочее, — продавалось только в компанейских лавках и только за колониальные деньги — марки. Общая сумма «приценки» превышала 70%, из них около 40% уходило на фрахт, т. е. доставку товаров. И более 30% были прибылью компании.

П. Тихменев в «Историческом обозрении» приводит следующий баланс колоний за 1857—1861 гг.

ДОХОДЫ, руб.

От пушного промысла От чаяОт других торговых приобретений От приценок

206 682 421 912 20 650 301 029

Итого

972 279

РАСХОДЫ, руб.

На провоз людей и грузов

160 540

Пошлина на чай

210 658

Выдача дивидендов

140 699

Запасной капитал
14 069
В пользу бедных
703
На управление в России
124 573
На управление в колониях

301 019
Итого
952 275

Денежное обращение в колониях практически отсутствовало. Деньги в привычном смысле Ново-Архангельская контора использовала только для расчетов с иностранцами. Хранились деньги в железных ящиках. Во внутреннем обращении серебро и ассигнации заменяли марки — пергаментные, умещавшиеся на ладони прямоугольнички, различавшиеся по цвету в зависимости от достоинства. Да и в России бумажные деньги были разного цвета: пятерки — синенькие, рублевые — желтые, прозванные канарейками. На компанейские марки шел лавтак — кожа ластоногих животных. На марке печатались ее номинал и герб компании, а также номер и подпись директора компании. Все это с графическими изысками повышало защищенность русско-американской валюты. Еще более повышали защищенность марок их неконвертируемость и сравнительно быстрая оборачиваемость внутри колоний. При Д. Максуто-

ве таких марок обращалось в колониях на сумму меньшую 40 тысяч рублей серебром. Марки имели номинал от 1 рубля до 25 рублей, а также 50, 25 и 10 копеек. Ввод в обращение компанейских марок позволял поддерживать относительно независимый от России денежный оборот. Марками платили промышленным, т. е. добытчикам меха. На марки эти промышленные покупали у компании необходимые товары: одежду, продукты питания и прочее. Вот тебе и приценка.

В колониях было несколько утвержденных Главным правлением эмиссий марок. Но даже тех официальных марок не хватало. Поэтому были случаи, когда «деньги» эмитировались некоторыми отделами РАК, в частности в отдаленной конторе Росс и в Кенайской горной экспедиции, которую возглавлял Е.Х. Фурухельм.

Марки не принимались к оплате вне колоний. На иностранных судах, привозивших легальные товары в колонии, денежные знаки торговой компании не имели никакой цены. Это в изрядной мере способствовало предотвращению контрабандной торговли, в первую очередь спиртным. Но это же толкало служащих компании расплачиваться с местным населением за товары и услуги ромом «в противность местным полицейским постановлениям».

В Комитете об устройстве русских американских колоний проблема марок рассматривалась с точки зрения обеспечения стабильности внутреннего положения колоний. Предлагалось восстановить нормальное денежное обращение в Русской

Америке. К 60-м гг. позапрошлого века это перестало быть технически затруднительным. Но РАК до конца боролась против предложения правительства учредить в колониях пункты обмена марок на государственные денежные знаки. Нельзя же было вот так росчерком пера лишиться дополнительных доходов. Было в колониях и безналичное обращение. Причитавшееся жалованье оставалось кредитом.

Индейцы вели с русскими совсем сложные расчеты. За свои товары они получали марки, на которые покупали одеяла, бывшие среди них средством обмена и накопления. Красные одеяла ценились выше одеял других цветов в два раза. Самостоятельная торговля пушниной служащими компании была пресечена колониальной администрацией еще в 20-х гг. Начальник князя, Главный правитель И. Фурухельм пробовал запретить торговлю с индейцами вне «колошенского» рынка и платить им марками или деньгами. Но пресечь внутреннюю бытовую контрабанду в колониях так и не удалось. Принцип мировой

^--^

торговли — торговать тем, что имеет хождение на данной территории, — соблюдался русскими и в Америке. Они иногда покупали меха у одних индейцев за морские раковины, которые для этого приобретали у других племен.

Велась в колониях централизованная торговля и на иностранную валюту, особенно с иностранными купцами. Считать могли и в раковинах, и в одеялах, и в гринбаках. Но мыслили русские предприниматели исключительно рублями.

Оклад Главного правителя в то время составлял 12 тысяч рублей в год ассигнациями. Помощник получал на 2—3 тысячи меньше. Учитывая, что на жизнь семьи князя уходило тысячи четыре, мож-йо было отложить что-то на день грядущий. И не обязательно черный. Денежное содержание офицеров на службе РАК много превосходило жалованье офицеров военно-морского флота. Но эти деньги не были бешеными. Морской офицер, посетивший русские колонии в Америке в то время, писал: «...посмотришь на оклады жалованья — цифра огромная, а как переведешь на серебро, так и оказывается так мало, что и смотреть не на что». Курс рубля серебром к рублю ассигнациями был в то время приблизительно 2,7.

Остальные оклады колониального люда были следующими. Опытный шкипер имел жалованье в 5000 рублей, боцман-ветеран до 800 рублей. Врач до 7000 рублей ассигнациями. Священнослужители получали от компании от 700 до 2000 рублей ассигнациями. Содержатель магазина имел законных 2500

рублей. Почти столько составляло жалованье офицера Сибирского линейного батальона. Рабочие, солдаты и матросы за труды получали до 350 рублей, т. е. менее рубля в день ассигнациями в год, и едва сводили концы с концами.

За наем жилья колониальные жители не платили, у значительной части креолов и осевших здесь русских дома были собственные. Некоторым категориям служащих компании полагались бесплатное обеспечение дровами, свечами. Реже компания обеспечивала и продуктами питания. Все в зависимости от должности.

Дорогой была жизнь в колониях, прежде всего, из-за цен на одежду и съестное. Ржаная мука стоила 5 рублей пуд, курица 5—6 рублей, бочонок местных овощей 8 рублей, чай 5—7 рублей за фунт. Следует учесть, что РАК закупала чай в Шанхае всего лишь за 1,5 рубля за фунт. Везде, где только можно, компания выжимала деньги из своих служащих. Но по отдельным продовольственным товарам, в частности по ржаной муке, компания держала «социальную» цену себе в убыток.

Относительно доступными для всех были овощи и рыба. На Аляске, как и на Камчатке, лососевые были основным источником белка для местного населения. Кормление собак вяленой рыбой — юколой и сегодня в аляскинской, чукотской или камчатской глубинке дело обычное. Были годы, когда сельди у Ситки было настолько много, что ее икрой удобряли огороды. Мясо привозилось в колонии в виде солонины в количестве явно недостаточном для полноценного питания. Собственное стадо из пары сотен коров берегли ради молока. Развивать скотоводство было невозможно из-за отсутствия кормов. Дичь, продаваемая индейцами, была доступна только для «старших лиц» колонии. Битых морских животных употребляли в пищу в основном алеуты. Получалось, что минимальный набор продуктов, необходим мый человеку, занимавшему самое низкое положение в колониальной иерархии, стоил более двух третей его жалованья.

Отдельного упоминания заслуживает торговля спиртным в колониях. Местная сырьевая база изготовления алкоголя была ограничена. Поэтому основным спиртным в колониях был привозной ром. Экономика этого бизнеса очень проста: ром, приобретаемый компанией по 15 рублей за ведро, отпускался в колониях за 50 рублей. Ведрами его покупали не все. Да и не было совсем свободной торговли спиртным в колониях, прежде всего, чтобы не развращать местное население. Отпуски спиртного входили в ежедневные порционы работников, например, на заготовке льда. Выдавался ром и в зачет жалованья в разумных пределах и в зависимости от статуса жителя. В

ограниченном количестве ром продавался начальникам по 3 с небольшим рубля за бутылку. Тогда как цена бутылки из-под полы была вдесятеро больше. Поэтому ром становился первой колониальной валютой, опережая марку.

Приведем еще одну статью возможных расходов компанейских, особенно нижних чинов. Ревизоры отмечали, что в Ново-Архангельске рабочие и солдаты откупали у индейцев пленных женщин. Содержание временных жен обходилось в 25—30 рублей ассигнациями в месяц. Недешево и к тому же без венчания. Священники был против такой практики — это минус. Но был и плюс. Индейцы запрещали пленным женщинам носить деревянное украшение в нижней губе — символ высокого социального статуса свободной тлинкитки. Колюж-ки, провоцировавшие у индианок бесконтрольное слюноотделение, вовсе не бередили эротические фантазии у русских, даже самых непритязательных и небогатых. Временные индейские жены умели ра-ˆ

зорять своих обожателей не хуже европейских танцовщиц. Это заметил еще молодой офицер Фриц Литке.

Труд в колониях был достаточно напряженным. В промышленных партиях и горных экспедициях люди вообще работали на износ Да и гибли нередко. Руководству компании могло казаться, что самопожертвование компанейского люда может быть еще большим. Так, «Флота капитан 1 -го ранга, разных Орденов Кавалер, Российских Колоний в Америке Главный Правитель Ф. Врангель в свое время издал суровый приказ служащим селения Росс, которые было расслабились под калифорнийским солнышком: «Компания имеет полное право от вас требовать усердия и прилежания... на работу в летнее время выходить в 6 часов утра, работая до 6 часов вечера и отдыхая в середине дня от 11 до 1 часа, а в прочее время года работать от зари до зари, отдыхая один час в середине дня... окроме колоний, нигде в целом свете вы не увидите, чтобы рабочий человек работал только 10 часов летом, а зимою еще менее». Впрочем, надо отдать должное колониальному начальству, за переработку платили. Вознаграждение за выполнение обязанностей сверх положенных, как правило, оговаривалось контрактом. Контрактом же и всем ходом колониальной жизни определялась невозможность уклонения от сверхурочных работ.

Д. Максутов постепенно осваивал сложную экономику компании, включался в дела торговые. Первым большим американским вояжем князя был калифорнийский. Всего к тому времени РАК владела более чем десятком судов, большая часть которых была построена в Соединенных Штатах и в Германии, но

были также суда, сошедшие с верфи в Ново-Архангельске.

Как отмечено в послужном списке, 19 декабря 1861 г. капитан-лейтенант вышел на компанейском корабле «Камчатка» сам командиром в порт Сан-Франциско. Пусть не той «Камчатки» — царской яхты, а всего лишь слабо вооруженного торгового судна, купленного десяток лет назад в Гамбурге и имевшего водоизмещение 900 т. До «Камчатки» в начале 50-х гг. XIX в. РАК приобрела еще три крупных судна: «Император Николай I» (598 т), «Цесаревич» (539 т) и «Ситка» (1200 т). С таким океанским флотом компания смогла регулярно отправлять меха в Китай, а оттуда груз чая в Петербург. «Ситку» со всем грузом во время Восточной войны захватил коварный неприятель, введя компанию в серьезные убытки. Так что «Камчатка» оставалась флагманом компанейского флота с неограниченным районом плавания. Письмоводительский оборот *сам командиром* дорогого

^

стоит. Впервые с мичманских лет князь был не вахтенным начальником и не старшим офицером. Капитан-лейтенант стал командиром корабля. Для морского офицера тех лет слово *корабль*, как правило, означало класс самых больших боевых судов. Называть кораблями остальные суда, а тем более ходившие под компанейским флагом, было не совсем корректно. Но все равно командир есть командир.

Только в этой должности морской офицер может почувствовать себя первым после Бога. На суше никогда; всегда найдется промежуточная инстанция. Было необходимо наплавать морской ценз — вполне определенное число месяцев, проводимых офицером на палубе корабля, без которого невозможно было производство в следующий чин. По замыслу введение морского ценза в 1855 г. ограничивало продвижение по службе офицеров, променявших палубу на паркет. После войны и потери самого большого флота эта мера заставляла многих офицеров всеми силами удерживаться на любой должности плавсостава. Генерал-адмирал не обманул надежды своих офицеров и уже через десятилетие создал тем, кто удержался на флоте, новые вакансии на новых кораблях. Эти капитан-лейтенанты Восточной войны стали капитанами 1-го ранга и контр-адмиралами и вывели свои эскадры в океан, казалось, навсегда. Требования к цензу в РАК, судя по всему, были не такие строгие. Успехи в освоении должностных обязанностей князя Д. Максутова совпали со своевременным получением им чина капитана 2-го ранга в январе 1862 г. Трудно судить, когда князь узнал о производстве. Скорее всего, новые эполеты он получил после возвращения из Калифорнии.

Надо заметить, что компанейскими судами часто командовали шкиперы компании, не служившие в военно-морском флоте. Получали в свое командование суда и офицеры Корпуса флотских штурманов, и шкиперы торгового флота. И те и другие справлялись с командованием неплохо. Главное, порядок на кораблях поддерживался неизменным, кто бы ни командовал, финский шкипер или титулованный выпускник Морского корпуса.

Зимой очень приятно спускаться вдоль берега с Аляски и Британской Колумбии в Калифорнию; теплеет с каждой милей. Хоть это и не полезно для весьма специфического груза. Среди товаров, которые везла «Камчатка», был аляскинский лед. Очень перспективный бизнес. Ледников, сходивших с гор, в русских владениях хватало. Главное было доставить товар в относительно жаркий Сан-Франциско. Там ведь безо льда ни продукты не сохранить, ни виски не выпить. Договор о поставке льда в США заключил еще И. Фурухельм по пути к месту службы. Партнером РАК была Американо-русская торговая компания, которая обязалась закупать до 3 тысяч тонн льда ежегодно. Цена 7 долларов за тонну и 8 долларов за доставку. Общие доходы РАК от ледового бизнеса превышали 250 тысяч долларов. Американцы имели право называть Аляску «сундуком со льдом».

Возможно, Адель сопровождала мужа в этой поездке. Посещение Сан-Франциско для молодой княгини был долгожданным выходом в свет, перерывом в череде однообразных ситкинских месяцев. Менее чем за десять лет на месте бедного испанского поселения вырос главный город США на тихоокеанском побережье.

В Калифорнии князь оказался впервые. Русские успешно осваивали земли в районе залива Румянцева (Бодега) начиная с 1812 г. В Калифорнии климат для земледелия и скотоводства был весьма подходящим, поэтому А. Баранов решил создать здесь собственное сельскохозяйственное производство. Название русского поселения устоялось не сразу: колония Росс, крепость Росс или контора Росс, как официально именовалась в бумагах РАК. Название Форт Росс закрепилось в американской топонимике уже в середине XIX в. Сегодня оно стоит в одном топонимическом ряду известных фортов США: Форт Самтер, Форт Нокс, Форт Брэгг, Форт Ливенуэрт и др.

Против русского присутствия последовательно возражали испанская колониальная администрация и правительство независимой Мексики. У российского правительства не было четких планов закрепления в Калифорнии. Были лишь отдельные предложения, как, например, создать независимый рыцарский

«Орден Восстановления» для захвата власти в Калифорнии и присоединения ее к России. Великим Магистром ордена провозгласил себя Дмитрий Завалишин — русский морской офицер, служивший в РАК. Последний раз с этим предложением он обращался к Николаю I из тюрьмы в 1826 г., где находился под следствием по делу о восстании декабристов.

В 1839 г. было принято решение о сворачивании колонии Росс. Она оказалась в невыгодном политическом положении и обременительной в экономическом. Продовольствием Русскую Америку к тому времени успешно снабжала соседка — Компания Гудзонова залива. Первоначально рассматривалось предложение управляющего колонии А. Ротчева продать все хозяйство британцам, затем Франции через французского военного атташе в Мехико. Но Франция, уступив в начале века Луизиану, больше не решалась владеть территориями в Северной Америке. РАК предложила продать колонию Мексике. Возможно, Мексика надеялась, что русские и так уйдут, а российский анклав будет поглощен. Наконец, для покупки своего владения компания нашла частное лицо — Джона Суттера (Sutter), выходца из Швейцарии и мексиканского подданного. Цену определили в 30 тысяч долларов деньгами и продовольствием. Выплаты были рассрочены на четыре года, но в казну РАК полностью не поступили. Открытие золота во владениях Дж. Суттера в 1848 г. вообще сделало бессмысленным вопрос о цене поселения; при новой конъюнктуре стоимость русских калифорнийских владений возрастала на несколько порядков. В январе 1842 г. русские колонисты покинули Бодега-Бэй. Прощай, Мексика!

И было это сделано вовремя. В 1846 г. Верхняя Калифорния была отторгнута у Мексики североамериканцами. Практически без боя были захвачены столица Монтерей, городки Сонома и Сан-Франциско. Последний был совсем уж близко от Форта Росс. Была образована независимая Калифорнийская Республика Независимое государство Техас на бывшей мексиканской территории стал примером для новой республики. Техас даже был признан некоторыми европейскими державами. В1850 г. Калифорния становится полноправным североамериканским штатом, но с сохранением республиканского флага, на котором присутствуют бредущий медведь и название республики, в память об исторических корнях. Каждый американский штат имеет, кроме флага, еще и цветок-символ. Символ Калифорнии — золотой мак — впервые описан российским натуралистом И. Эшшольцем и назван его именем. Русские оставили немало и других культурных подарков новым хозяевам.

В 1851 г. в Сан-Франциско было открыто российское

консульство. Поэтому Д. Максутов мог рассчитывать на поддержку вицеконсула и агента РАК П. Костромитинова, великолепно знавшего калифорнийскую конъюнктуру еще по работе в отделе Росс. Там недалеко у него было ранчо. Компания перестала получать из Европы муку, крупы и солонину. При столь близкой и развитой в сельскохозяйственном отношении Калифорнии это было вполне естественным. Для РАК солнечный штат стал рынком относительно доступного продовольствия и товаров первой, второй и прочих необходимостей. Прибытие компанейских кораблей из Сан-Франциско было маленьким праздником для всей колонии и имело не только хозяйственное, но и психологическое значение.

Успешно продав лед и меха, закупив продовольствие и кое-что по мелочам, князь привел «Камчатку» в Ново-Архангельск и сдал ее шкиперу финских корней Л. Крогусу. Шкипер Ларе Теодольф Крогус, ровесник князя, мог бы и сам сводить «Камчатку» в Калифорнию, не хуже и даже лучше капитан-лейтенанта. Он считался во всех отношениях бывалым. Прибыл он в Ново-Архангельск на только что построенной «Ситке». Когда судно было захвачено неприятелем, сумел бежать. Потом вернулся в РАК и продолжал водить компанейские суда. Его сын Карл, рожденный в 1860 г. в Аяне, еще создаст Финляндскую пароходную компанию. А сам Ларе Крогус в 1863 г. оставит колонии и найдет себе капитанское место на линии Петербург—Стокгольм. На тот рейс у шкипера были другие дела. Да и помощнику Главною правителя было полезно во всех смыслах посетить Сан-Франциско. Надо было осваиваться во всей полноте прерогатив.

С конца февраля до начала мая князь провел в береговых заботах. Пока не получил особого поручения. В официальных бумагах отмечено, что он ходил «в 1862 году с 3 по 15 мая на винтовом железном пароходе «Великий князь Константин», сам командиром, в Колошен-ские проливы к устью реки Стахин для исполнения особого поручения». Маршрут в общем-то известный по описаниям Ф. Врангеля и А. Этолина; «между островами Коронации и Варенса, мимо мысов Десшион, Беккер, Джон и далее». Но нужна была особая осторожность из-за множества неописанных камней в проливах. Князь получил рекомендацию в устье Стахина «стать на якорь у мыса Гейфельда по восточную сторону, между мысом и маленькими островком, где глубина 10 сажень, грунт ил...». Командир парохода мог пренебречь рекомендациями ветеранов, как стать на якорь, чтобы «при всех ветрах можно было вступить под паруса». Да и к тому времени был издан Атлас Тебенькова. Так что в навигационном плане

путешествие по Колошенским проливам ничего особенного не представляло. Разве что свое тридцатилетие князь встретил на борту корабля, как часто бывает с днями рождения у морских офицеров. Безотлагательный бросок к Стахину был весьма особым в дипломатическом аспекте. Князь вел вооруженное судно на границу русских владений в места, зараженные очередной «золотой лихорадкой».

Устье реки Стахин (Стикин) было занято русскими. Большая же часть течения реки с притоками принадлежала КГЗ, т. е. англичанам. В 1833 г. Ф. Врангель поставил Дионисиевский редут, самое южное русское поселение на Аляске. Редут контролировал устье, чтобы воспрепятствовать кому-либо подниматься вверх по реке в континентальные районы, статус которых еще не был урегулирован. В отличие от других мест русского побережья, свободных от притязаний европейских держав, архипелаг Александра все более становился если не зоной столкновения интересов держав, то как минимум зоной острой конкуренции двух частных компаний. В 1840 г. РАК благоразумно сдала в аренду устье реки Стикин гудзонбайцам. Англичане заняли Дионисиевский редут, переименовав его в Форт-Стикин. Как сказали русские, исполать. По-английски это можно перевести как гуд лак. Но удачи гудзонбайцам явно не хватало. Гарнизон форта никогда не был сильным. Отражать нападения индейцев англичанам помогали русские. Британцы не выдержали натиска диких племен и в 1848 г. оставили бывшую русскую крепостицу. К тому времени они имели в Британской Колумбии хорошо укрепленный Форт-Викторию, куда была перенесена штаб-квартира Гудзон-байской компании. Но свою деятельность на арендованных землях и водах соседи не свернули. Так как компания не могла освоить весь пушной рынок, то часть его доставалась контрабандистам.

В начале 1860-х гг. в Британской Колумбии пронесся слух, что найдено золото в верховьях реки Стикин. Первая шхуна со старателями подошла к устью этой реки уже в марте 1862 г. А к маю в российских водах находилось уже более 20 судов с ловцами удачи. Морские суда не могли подниматься по Стикину, поэтому золотоискателям предстояло покупать лодки у индейцев. Стоили хорошие тлинкитские каноэ до 800 рублей ассигнациями. Многие из рассчитывающих легко разбогатеть прибывали на аляскинский берег, мягко говоря, неподготовленными, рассчитывая добыть все необходимое на месте. Для этого у них были традиционные аргументы: ром и оружие. Приток отчаянных золотоискателей, требовавших у индейцев все больше лодок и продовольствия, осложнял ситуацию в русских владениях. Начались вооруженные

стычки белых с индейцами.

Тлинкиты кивали на русских, дескать, есть приказ Главного правителя российских колоний не пускать никого в устье реки. Мог ли быть такой приказ? Не мог, в силу бесполезности. Ведь русские наблюдали, как была сметена бывшая колония Росс, как только началась калифорнийская «золотая лихорадка». Не рад был своей покупке и сам новый хозяин. Русская администрация не стремилась сдерживать золотоискателей вооруженными средствами, а тем более натравливать на них «диких». РАК уповала на гармонизацию интересов своих и

Гудзонбайской компании. Но эта гармонизация не наступала. Относительно строгая власть РАК над островами и побережьем размывалась. Происходило это все не где-то в аляскинской глубинке, а в двух днях пути морем от столицы русских владений, почти под носом Главного правителя. Поэтому и был направлен вооруженный пароход для наведения порядка под командованием князя Д. Максутова Как всегда, стоял вопрос, какое из зол выбрать: добровольную уступку территории или ее безвозвратную потерю.

Для оценки ситуации на месте в верховья «золотой речки» была послана группа из 11 разведчиков-старателей во главе с инженером Петром Андреевичем Андреевым. Князь Д. Максутов присматривался к этому самому настоящему русскому американцу. То, что для многих прибывших из России первоначально казалось экзотикой, для Петра Андреевича было обыкновенной жизнью. Он родился в крепости Росс в 1838 г., был направлен в Петербург, в Технологический институт. В 1861 г. он вернулся в родную Русскую Америку инженером. Из таких, как он, в колониях постепенно формировалось русское коренное население.

Группа П. Андреева отправилась либо вместе с Д Максутовым на «Константине», либо на байдарках сразу же после его возвращения. Для местных байдарочников путь от Ситки до Стахина был знакомым. Русские золоторазведчики поднялись на много километров вверх по реке. Они-то и убедили руководство РАК в том, что россыпи бедные. Это означало, что администрация колоний, никогда не имевшая избыточных военных ресурсов, могла доверить ситуацию естественному ходу вещей. В 1863 г. командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал А. Попов отправил в район российскобританского пограничья корвет «Рынду» с тремя партиями изыскателей: одни описывали устье Стахина, другие демаркировали не ставшую еще государственной границу, третьи искали золото. В этой экспедиции опять был П. Андреев.

Поток золотоискателей в русских владениях в ту пору иссяк сам собой. Они еще вернутся на Аляску, но это будет после ее уступки Россией. РАК всегда считала золотодобычу непрофильной и бесперспективной деятельностью, будь то в Америке или в Якутии. На Мойке, 72 успокоились и больше к проблеме золота не возвращались.

В конце 1862 г. заканчивался контракт РАК с КГЗ. После инспекции А Максутова для поддержания порядка в устье Стахина было организовано совместное патрулирование русским вооруженным пароходом «Александр II» и британским шлюпом «Девонстейшн». Британцы были готовы отказаться от аренды территории у русских. А русские не знали, что им делать: продать вход в реку или восстановить свой редут. Арендный договор с гудзонбайцами был продлен.

Русская и британская компании конкурировали и сотрудничали одновременно. Они во многом походили друг на друга, поскольку существовали в сходных условиях. Разница была лишь в терминах.

Летом 1862 г. помощник возвратился к основным должностным обязанностям. А они состояли в том, чтобы помогать Главному правителю и, оставаясь за него, выполнять его функции. Князь не занимался организацией пушного промысла и не управлял начальниками партий. Тем более не основывал новые поселения. Последний русский населенный пункт на Аляске был поставлен в 1858 г. на реке Медной, почти за год до прибытия князя. Река получила название потому, что по ее берегам встречалась самородная медь. Конечно, Медновская одиночка могла со временем вырасти в медеплавильный завод, а там, глядишь, и в город. В Перми, откуда князь был родом, все тоже начиналось с медеплавильного производства.

Должность помощника Главного правителя выросла из должности командира (капитана) над портом. Так что князю не пришлось начинать осваивать обязанности с нуля. Все финляндские служители долгое время считали родовое прозвище князя как нельзя лучше подходящим к его должности. По-фински maksut — портовые или корабельные сборы.

Петропавловского опыта на первое время хватало. Хотя тот порт был не военным, а торговым. Не особенно вникал он и в финансы Ново-Архангельской конторы. Благо еще при смене А. Баранова Л. Гагемейстером было решено комиссионерами и приказчиками держать людей из купцов и мещан. При Д. Максутове правителем Ново-Архангельской конторы был ветеран компании Линденберг, выходец из Великого княжества Финляндского, привычно называемый Иваном Васильевичем. Он

начал служить на Аляске еще при М. Тебенькове в конце 30-х гг. Д. Максутов мог встречаться с этим мореходом во время экспедиции в Японию. И. Линденберг был в команде «Меншикова», которым командовал Фурухельм, тоже Иван Васильевич. Получался довольно прочный административный треугольник из руководителей, доверявших друг другу.

За рвение и компетентность Иван Васильевич-старший испросил Ивану Васильевичу-младшему золотую медаль, которая подоспела к

^--

1865 г. Но И. Линденберг из-за болезни уже не мог нести ношу, не важно, с медалью или без. На посту правителя конторы его заменил Иосиф Акимович Лугебил.

Разумеется, двумя экспедициями не ограничился личный вклад Дмитрия Петровича в общее дело. Трудно представить себе, чтобы помощник не побывал в остальных отделах компании, хотя бы на Кадьяке или в близком Якутате. Но записей таковых в Послужном списке офицера нет. Возможно, каботажные плавания колониальная администрация не учитывала вовсе. Возможно, шеф просто не давал своему помощнику часто отлучаться от базы, а во все вникал сам.

Общее дело Ивана Васильевича и Дмитрия Петровича осложнялось очередной игрой «К нам едет ревизор», уже второй на счету князя. Первая была с англо-французами в Петропавловском порту, третья игра будет с американцами здесь же. РАК готовилась к приятию нового Устава. Российское правительство пыталось скоординировать общие реформы на всей подвластной ему территории. Решение о направлении ревизоров в колонии было принято в мае 1860 г. В июне ревизоры уже направлялись в сторону Панамы. От Министерства финансов, в введении которого находилась компания, был назначен действительный статский советник С. Костлив-цев. От Морского министерства, накопившего многие претензии к компании, был назначен капитан-лейтенант П.Н. Головин. Ревизоры, проработав в колониях почти год, вернулись в Петербург осенью 1861 г. Потом из Главного правления дошли слухи, что П. Головин где-то в Европе проговорился о «намерениях правительства прекратить привилегии компании в 1861 г.», чем немало подорвал доверие к РАК. Сам управляющий Морским министерством Н. Краб-бе, не зная, чему приписать «непонятную нескромность» офицера, попросил его «воздержаться от всяких толков о намерениях правительства».

Чиновники из Петербурга составили подробнейший отчет о положении в колониях касательно промышленного и торгового

развития или застоя, зверобойного и пушного промыслов, судостроения, горной промышленности, рыболовства и сельского хозяйства Большое внимание ревизоры уделили социальной политике РАК, в первую очередь в отношении местного населения.

Главный правитель и его помощник были в относительно хорошем положении. Им не надо было даже прибегать к такому приему администраторов, как валить все на предшественника Не было необходимости списывать все на закончившуюся войну. И оправдываться не надо было. Новые администраторы и присланные ревизоры для общей пользы должны были разобраться в колониальных делах. Позиции колониальных руководителей и столичных инспекторов совпали в главном: русские владения в Северной Америке следовало укреплять. Оценка положения местного населения тоже была в пользу администрации. С алеутами, основной рабочей силой, обходятся ласково, а кровожадных индейцев и надо держать под пушками. Так что социальная политика РАК вовсе не выпадала из русла либеральных реформ, начавшихся с освобождения крестьян. Беда была в том, что за свое даже самое элементарное образование — обучение читать и писать или работать топором — креолы и алеуты должны отрабатывать на компанию 15 лет.

И. Фурухельм был извещен, что в конце 1859 г. состоялось общее собрание акционеров, которое избрало особый комитет с целью подготовки нового Устава. Нужны были отчеты, цифры, концепции. В Петербурге стараниями П. Тихменева, служащего и акционера компании, уже составлялось «Краткое обозрение образования и действий Российско-Американской компании». По замыслу руководства это был мощнейший пиаровский ход. Хотя такого заморского слова директора не употребляли. Но свое отечественное дело знали. С общей концепцией все обстояло хорошо. Плохо было с ее конкретным наполнением. Арифметика доходов и расходов была не в пользу компании, которая стояла на грани банкротства. Правительство ежегодно предоставляло компании 200 тысяч рублей субсидий, что составляло одну четверть всех ее доходов. Компания сокращала выплату дивидендов. Курс акций РАК падал, неуклонно приближаясь к номиналу. Как было указано в отчете ревизоров, «финансовые ресурсы территории были недостаточны даже для оплаты расходов на ее оборону и содержание администрации». Но нельзя было сводить деятельность компании только к экономической. С. Костливцев и П. Головин при всей их критичности отнюдь не предлагали упразднить компанию. Баланс привилегий и обязанностей РАК был в пользу обязанностей. Без этой годами

выстраиваемой структуры было бы невозможно эффективное управление ни Русской Америкой, ни Дальним Востоком. Точнее сказать, было невозможным до начала 60-х гг.

Компания всегда оставалась делом частно-государственным И ее дальнейшее существование определялось общей линией внешней и внутренней политики нового российского кабинета. Поэтому П. Го-

--

ловин, как доверенное лицо Великого князя Константина, проводил зондаж возможности передачи колоний Соединенным Штатам и оценку стоимости такой сделки. Его вывод о несвоевременности уступки лег на стол Великому князю.

Что же касается экономики колоний, то вполне можно и нужно было искать какую-то новую логику развития, связанную с диверсификацией деятельности РАК. Культ пушнины, создавший компанию, губил ее. Основной товарный продукт русских колоний — меха — традиционно отправлялся в Шанхай. Там закупался чай. В свою очередь, чай становился товаром, ввозимым в Россию. Векторы торговли компании были самыми разнообразными. Когда было необходимо продовольствие, РАК торговала с Гавайскими островами и испанскими колониями в Америке, потом переключилась на ставшие близкими Соединенные Штаты. Компания готова была торговать и с Японией. В свое время на барке «Меншиков», дважды посещавшем Японию, не знали, куда деть товары, не принятые японцами.

Постоянной озабоченностью компанейского руководства была доставка продовольствия в Русскую Америку. Ни о каком самообеспечении при таком суровом климате не было и речи, что сдерживало поток переселенцев.

Напряженную службу колониальные капитаны позволяли разбавлять маленькими праздниками, в основном для семей. Так, в 1862 г. Главный правитель устроил большой бал, на котором присутствовало более 40 дам. Были американские гости, офицеры с русских кораблей. Раздвинули межкомнатные перегородки в Замке Баранова, дали театральное представление. Не Париж и не Петербург, но все-таки столица. Зря ворчал контр-адмирал А. Попов, что много средств было выброшено на ветер, дескать, можно не роскошествовать. Но этот уважаемый флотоводец только навещал колонии, а не жил там постоянно. Д Максутов же хорошо помнил праздники военных лет в Николаевском посту. Как они поддерживали дух офицеров.

Новоархангельское общество искало эмоционального разнообразия в доступных развлечениях. Для семей организовывались катания на коньках и на финских санях,

домашние спектакли, посещения горячих источников. Была в доме Главного правителя большая библиотека. Только в 1860 г. закупили тысячу томов. Позже в Ситку была доставлена медицинская библиотека, завещанная акционером РАК лейб-медиком, тайным советником С.Ф. Гаевским. Приходили в колонию и журналы. Некоторые издания доставлялись по подписке персонально отдельным служащим не только из России, но и из Европы. С запозданием можно было мириться. Темп колониальной жизни не был высоким. За досугом жены правителя и его помощника не забывали свою просветительскую миссию. Себе в поддержку они пригласили жену капитан-лейтенанта Логина Гавришева, выпускницу Смольного института благородных девиц Александру. Эта молодая женщина, сама мать четырех детей, стала заниматься воспитанием местных девочек. Все женщины администрации колоний неплохо ладили и тем самым вносили посильный вклад в службу мужей.

Служба службой, а семейная жизнь молодого помощника Главного правителя развивалась по своим законам. Княгиня Аделаида рожала каждый год. Это было привычным для России того времени. Русская Америка предоставляла роженице и молодой матери такие же возможности, как и любая окраина России. И никому не приходило в голову откладывать рождение детей до возвращения в Петербург или в Пензу. Князь хорошо помнил большую семью своей кузины Юлии Завойко в Петропавловском порту. В семье Врангель тоже были дети, родившиеся в Ново-Архангельске. Рассказы о женах, рожавших в, мягко скажем, сложных условиях, циркулировали в семьях Максутовых, Врангель, Завойко. Как тут было не воодушевиться молодой княгине. Появлялись «новоархангельские» дети и в семье Фурухельм: Анна Фредерика, Отто Эдвин и Елис Кампбелл Николай.

Дети Главного правителя и его помощника росли вместе. Разная мера счастья досталась им от судьбы. Сыновья и дочери подрастали, матери с каждыми родами становились слабее. Их истощали суровый климат и недостаток полноценного питания. В конце 1859 г. Максутовы ждали первенца. В январе следующего года родилась девочка, которую назвали Анной. Вполне возможно, что в честь мадам Фурухельм. Вторая девочка Елена (Нелли) родилась уже в августе 1861 г. А в сентябре 1862 г. родился сын Александр. Первый князь, рожденный в Русской Америке. До этого здесь были только бароны. В семье старший сын получит прозвище Сашка-Американец.

Последнюю беременность княгиня Аделаида переносила плохо. Она худела с каждым днем. Всех пугала эпидемия оспы,

охватившая колонии в 1862 г. Хотя И. Фурухельм принял энергичные меры и не допустил заболеваний русского населения, страхи не пропадали. Вакцина против оспы в Европе и в европейских колониях появилась в первой четверти века. Но массово вакцинировать местное индейское население еще никому не приходилось. Администрация

колоний честно пыталась локализовать болезнь, отправив к индейцам вакцину и фельдшера с охраной.

Медицина в колониях всегда чуть отставала от торговли и военного дела. Так уж повелось с героического плавания в Америку В. Беринга. Естествоиспытатель Г. Стеллер отметил: «С самого начала медицинский сундук был беден и плохо собран, полон совершенно бесполезными лекарствами, почти исключительно пластырями, мазями, маслами и другими хирургическими припасами, потребными для четырехсот—пятисот человек, раненных в великих сражениях, но не содержал ничего, необходимого в плавании, где основными бедами являются цинга и астма». «Болезненное положение» было характерно для всех жителей колоний, независимо от занимаемой должности. Русская Америка в послевоенное время уже забыла голод. Но баланс питания тех лет современному диетологу показался бы ужасающим. Чего было в изобилии, так это аляскинского лосося и вполне приличной сельди. Почти все остальное — в дефиците.

Если в хозяйственном отношении 1861—1862 гг. в колониях можно было признать более чем удовлетворительными, то в личной жизни эти два года обернулись для семей Главного правителя и его помощника трагедиями. Сначала умерла от чахотки сестра Главного правителя. Фурухельмы и Максутовы были в трауре по Констанции. Вскормив сына до трех месяцев, умерла Аделаида Максутова. Говорят, от «скоротечной чахотки». Было ей 28 лет. Может, так было отмерено судьбой. Семейная легенда гласит, что княгиня во время кормления ребенка испугалась крысы, грызшей свечу. Крысы, сбежавшие с кораблей, водились в Ново-Архангельске не только на складах, но и везде, где был шанс найти съестное.

Первый срок на Аляске Д. Максутов записал в своем Памятном листке так:

1860 янв. 11 В 9 утра родилась Аня.
1861 авг. 6 Родилась Нелли.
1862 янв. 1 Произведен в капитаны 2 ранга.
сект. 6 Родился Саша.
дек. 19 Кончина первой жены.
дек. 22 Похороны первой жены.

Князь простился навеки с женой почти в те же дни, когда делал ей предложение четыре года назад. По одной версии, похоронили

Аделаиду на лютеранском кладбище рядом с Констанцией. Там же могли лежать дети А. Этолина и Ф. Врангеля. Профессор В.П. Петров, посетивший Ситку в конце 70-х гг. прошлого века, утверждал, что могила княгини Максутовой сохранилась на старом русском кладбище. Последний раз автор слышал о сохранности могилы княгини от чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза в Соединенных Штатах Ю. Дубинина, посетившего Ситку в конце 80-х гг. И православные, и лютеране легли в далекую американскую землю, чтобы сделать ее русской.

Как часто бывает в жизни, личные потери происходят на фоне вполне благополучной статистики. В отчете РАК за 1862 г. было подчеркнуто, что «результат врачебного надзора в колониях за минувший годовой период можно признать самым благоприятным по сравнению со смертностью между жителями империи». Доктор Федор (Фридрих) Иванович Берендт в 1862 г. за успешную медицинскую практику по ходатайству Главного правления РАК был награжден орденом Святого Станислава III степени.

Вдовец в колониях, да еще с тремя детьми — не помощник Главному правителю. Поэтому И. Фурухельм предложил Д. Максутову убыть в Россию. Не надо сдавать должность. Надо только представить в столице позицию колониальной администрации и принять участие в обсуждении дальнейшей судьбы РАК. Поэтому в официальных бумагах указано, что князь был вызван в Петербург для консультаций. Мог ли поехать в столицу сам И. Фурухельм? Разумеется. Но тогда ему бы не пришлось возвращаться в колонии, так как пятилетний контракт на должность Главного правителя иссякал. Фуру-хельмам можно было думать о возвращении с далеких окраин империи на окраины близкие. А Д. Максутову предстояло еще служить в Америке. Было у князя более важное дело, чем отчет о положении дел в колониях. Ему надо было найти жену, которая смогла бы заменить троим малышам мать.

Фурухельмы советовали оставить самого маленького Александра в Ново-Архангельске. Малышу, еще не отнятому от груди, любая дорога была противопоказана, тем более через океан. Жена Главного правителя брала на себя заботы о наследнике князя. А вот дочерей Анну и Елену надо было отправить в Петербург и устроить как-то их судьбу. С учетом наступающего лета князь, еще не забывший зимний путь через Сибирь, решился-таки везти дочерей с собой. В мае 1863 г.

молодой вдовец с дочерьми убыл в Россию, вернее, на ее тихоокеанский берег в Де-Кастри. Места, знакомые по войне. Опять предстоял неблизкий, но относительно безопасный и комфортный путь домой. Только дома у князя не было.

ХОЗЯИН РУССКОЙ АМЕРИКИ 1864-1867

Каждый раз, возвращаясь в столицу России с ее окраин, князь не успевал за переменами. Как и первый раз, князь возвратился с Восточного океана в сентябре. Шел 1863 год. Первое, что бросалось в глаза, — введение непривычных элементов формы одежды. Офицеры столичных флотских экипажей уже щеголяли во «французских кепи» вместо привычных фуражек. Но это только видимая сторона. Более глубокие перемены могли быть заметны в поведении обывателей. Страна еще не оправилась от дарования свободы крестьянам. Мучительно формировались новые отношения между сословиями. Частная инициатива все более разрушала производство, основанное на принуждении почти неэкономическом. В истории РАК начало 60-х гг. позапрошлого века было временем мучительного согласования колониальной политики с общим духом реформ, проходивших в стране. Компания уже перестала быть некой аристократкой между российскими акционерными обществами. Появлялись новые виды бизнеса, сулившие прибыль много большую, чем от торговли мехами и чаем. Новые товарищества только ждали формирования рынка труда.

В Главном правлении в Петербурге и в Ново-Архангельской конторе умные люди понимали, что одним из китов, на которых базировалось процветание РАК, как раз и было внеэкономическое принуждение добытчиков мехов. Податься последним было некуда. Даже самые просвещенные деятели компании всегда сквозь пальцы смотрели на облавы, устраиваемые на алеутов и индейцев. После отмены крепостного права в России идеи экономической и социальной свобод должны были неминуемо достичь американских колоний и... подорвать их экономическую базу.

Как всегда, реформы набирали ход при безмолвствовании народа Годовщина Манифеста об отмене крепостного права была отмечена в Москве и Петербурге пожарами, столь значительными, что сама мысль об их случайном происхождении казалась нелепой. Общественное мнение успокаивали необыкновенной майской жарой.

«C^L_

В Ново-Архангельске князь, как военный человек, делал все, чтобы не дать индейцами сжечь поселение и вырезать его

жителей. Но в столицах империи к тому времени был только один индеец. Д. Максутов доподлинно знал, что этот тлинкит был загружен работой в этнографическом и лингвистическом подразделениях Петербургской академии наук. Значит, поджигали свои, русские.

В 1862 г. Россия масштабно отметила свое тысячелетие. По этому случаю в Новгороде, откуда «пошла есть русская земля», была воздвигнута сложная многофигурная композиция. По пути из Москвы в Петербург князь мог бы посетить новую культурную достопримечательность. Бронзовый монумент весом свыше 65 т имел в высоту более 15 м. Выполненный М. Микешиным со товарищи, он воплощал срез общественного мнения относительно вклада отдельных личностей в историю государства Российского. Было отобрано 129 персон. Количество хрестоматийных героев одинаково и у так называемых больших, и у относительно малых народов. Это связано с особенностями восприятия индивида и всего поколения. Кроме политической конъюнктуры, в монументальной пропаганде существует еще и естественная фильтрация героев. Их просто не вмещает память. Как правило, живут те герои, поведение которых достойно подражания и востребовано для нового поколения. Поэтому в композиции памятника нашлось место легендарному варягу, покоренному татарину, поверженным ливонцу и шведу, безымянному сибиряку и союзным литовским князьям. Не забыли многих деятелей совсем близкой николаевской эпохи. Но участников освоения Америки на свое Тысячелетие Россия не пригласила. Симптоматично!

События 1863 г. судьба князя расставила в следующей очередности:

1863 май 12 Вышли из Ситки на кор. Николай с Аней и Нелли, дек. 2 Назначен И.Д. *гл. правителя Рос. Ам. колоний.*

дек. 26 Сделал предложение Марии Владимировне Александрович.

дек. 21 Получил согласие М.В.

1864 янв. 22 В церкви Павловского полка венчался с Марией Влад. Александрович.

Как видно из заметок Д. Максутова, он смог отчитаться и за себя, и за своего начальника, не придавая этому особого значения. Его по-высиди в должности и предложили вернуться в Русскую Америку. Все это было отнесено капитаном 2-го ранга к естественному ходу вещей. Наипервейшей задачей князя была женитьба. Колониальные заботы были оставлены на потом. Дмитрий Петрович вынужденно становился еще большим прагматиком, чем был. Романтические чувства не для

обремененного тремя детьми офицера. Князь снова попадал в навязанный ритм: назначение, рождественское сватовство, свадьба не в Великий пост, убытие к месту службы с семьей. Крестьянские свадьбы на Руси играли после полевых работ осенью. Свадьбы морских офицеров — зимой после завершения кампании. К весне уже можно было оставлять жен, уходя в новое плавание. Все это князь «уже видел», уже проходил. Страшно было повторить все снова.

Избранницей князя стала Мария Владимировна Александрович, дочь бывшего генерал-губернатора Иркутска и атамана Забайкальского казачьего войска. Владимир Александрович происходил из старинной литовской семьи и был женат на Елене Васильевне, в девичестве княжне Горчаковой. В родстве с Горчаковыми состояли и Пещуровы. Последнее Д. Максутовым могло вообще не учитываться. До поры до времени.

Марии было всего восемнадцать. Родственники описывали ее как привлекательную молодую особу, всегда очень оживленную, немного шумливую. Наружность ее была такова, что порой она казалась очень красивой, а порой просто имела вид дурнушки. Можно предположить, что Дмитрий Петрович увидел Марию еще девочкой, не раз проезжая Иркутск. Молодой герой еще тогда мог пленить сердце юной особы. Поэтому она не медлила с ответом.

В феврале молодая чета с дочерьми князя от первого брака и няней выехали в Англию. Князь так и не решился оставлять детей в Петербурге. Рейс Ливерпуль—Нью-Йорк занимал недели три. Далее предстояло добраться до Панамы, сушей преодолеть перешеек и попасть в знакомый Сан-Франциско. Там как повезет. Убывая в колонии, новый Главный правитель догадывался, что транспорт ему будет подготовлен самый достойный.

Весной 1863 г. князь мог быть, с одной стороны, доволен, что избежал участия в дебатах о судьбе колоний, а другой — озабочен неясностью своего положения. Только в одном он был уверен, что его продолжительный отпуск в столицу закончится, и он вернется в Русскую Америку к сыну или за сыном. С начала 1863 г. динамика взаимоотношений Россия Европейская — Россия Американская стала такой, что инструкции, посылаемые вдогонку, стали сильно отставать от реальности. Главное правление в Петербурге и Ново-Архангельская контора утрачивали взаимодействие. Но главное, нарушалась дорогой ценой достигнутая симфония РАК и государства. Отправляясь принимать пост Главного правителя колоний, Д. Максутов получил на руки всеохватывающую инструкцию — Предписание. Это последний документ синхронной деятельности РАК.

Полученная инструкция явилась промежуточным

документом, заменявшим в какой-то мере Устав компании. Князь был ознакомлен с отчетами комиссии Костливцева и Головина. Прочитал не успевшее в Ново-Архангельск приложение к Морскому сборнику за 1861 г. «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана». Обнаруженные ревизорами недостатки в работе колониальной администрации были следствием накопленных за многие годы ошибок, некоторого своекорыстия и недальновидности не одного поколения руководителей компании. Лично в вину Главному правителю колоний И. Фурухельму и его помощнику Д. Максутову поставить было нечего. Более того, в них видели преобразователей колоний в духе реформ.

Во время пребывания в Петербурге князь принял посильное участие в работе комитета, готовившего доклад «Об устройстве русских американских колоний». Его могли заслушать директора компании и представитель Морского министерства в комитете контр-адмирал И. Шестаков. Заслушивание могло быть как в официальной обстановке на Мойке или в Адмиралтействе, так и в приватных беседах по всем адресам Петербурга, где только появлялся князь. Окончательный доклад комитета ко времени убытия князя в колонии готов еще не был. В эпоху первого пришествия гласности в российскую общественную жизнь обсуждение и принятие судьбоносных решений имели обыкновение затягиваться.

В докладе об обустройстве колоний предлагалось «главное управление краем и наблюдение за компанейской администрацией вверить назначаемому высочайшей властью Военному губернатору». Князь мог видеть этим военным губернатором себя, а мог и ожидать прибытия начальника над собой. На Мойке, 72 же считали пост военного губернатора не только лишним, но и вредным. Главное правление РАК не желало в колониях видеть над собой никакой власти и всячески препятствовало появлению государственной администрации в Русской Америке. Директора полагали:

^--^

что хорошо для компании, то хорошо для России. Комитет министров небезосновательно считал, что компания тормозит развитие края и общий ход реформ.

По государственному замыслу мог измениться сам статус колоний. Идея унификации государственного управления империи постепенно выкристаллизовывалась. Русскую Америку, в отличие от Польши и Финляндии, не представляли автономной. Чем ей стать, было еще не очевидно, губернией или краем, как Приморский. Только к 1865 г. правительство признало, «что не

может принять в свое непосредственное управление обширную и отдаленную страну, в которой оно в настоящее время не имеет никаких почти средств для поддержания своей власти». Поэтому РАК получила продление привилегий и право поднимать на своих судах Высочайше утвержденный особый флаг, ношение формы одежды служащих на судах и употребление печати с государственным гербом. Все это было отражено в Высочайше утвержденном Мнении Государственного совета

Срок привилегий Российско-Американской компании, уже четвертый в ее истории, Александр II отмерил довольно точно, почти как себе самому: до 1 января 1882 г. Он сам не доживет до этого года Последним этот год станет и в карьере князя Д Максутова

Некоторые историки считают, что Д. Максутов был противником уступки колоний и даже спорил по этому предмету с Великим князем Константином. То, что новый Главный правитель был противником ухода русских из Америки, сомнений не вызывает. Это находит подтверждение в воспоминаниях его сыновей. Но вряд ли он мог спорить по этому предмету с самим генерал-адмиралом. Не тот уровень. Если бы их встреча состоялась, она была бы отмечена в Памятном листке Дмитрия Петровича Скорее всего, правом осторожно возражать Великому князю воспользовались адмиралы А. Этолин и Ф. Врангель. Последний к тому же был членом Государственного совета

У РАК были не только противники, но и защитники. Находили резоны для продолжения деятельности компании министр иностранных дел А. Горчаков и министр финансов А. Княжевич. Да и в деятельности главного противника компании генерал-адмирала Константина не было ничего личного. Великий князь, еще не ставший во главе Государственного совета, был больше озабочен польскими делами, чем американскими. А дела эти потихонечку сплетались в один клубок. В 1863 г. стоял вопрос не об уступке колоний, а только об их преобразовании в духе общих реформ. Мало ли какие возможности могли появиться для оживления колониальной активности в целом и заморской торговли в частности.

Возможно, проект инструкции Главному правителю составлялся самим Д. Максутовым. Его предложения были «отзеркалены» и предписаны ему же к исполнению. Не все предложения И. Фуру-хельма и Д. Максутова были одобрены. На некоторые инициативы новоархангельцев петербуржцы наложили вето. Но в целом дух инструкции отражал общую идею: продолжайте начатое, не ограничивая себя в гуманных делах. Директора поступили бы правильно, если бы довели данный

текст до комитета по устройству колоний. Дескать, пошли реформы в Русской Америке. Наверное, составителям можно было бы опустить какие-то пункты, ведь предназначалась инструкция не новичку. Но из столицы всегда видней.

Подлинное Предписание хранилось в семье младшего сына Главного правителя и было вывезено из России после Гражданской войны. Этот редко цитируемый документ достоин полного воспроизведения с самой минимальной редакцией. В распоряжение автора копию брошюры, полученную от Р. Пирса, предоставила Т.Д. Максутова. Младший сын Дмитрия Петровича Дмитрий Дмитриевич опубликовал его вместе со своими воспоминаниями об отце в 1939 г. в Нью-Йорке. Его статья «Из прошлого Российско-Американских колоний» была издана Обществом бывших офицеров российского флота.

«ПРЕДПИСАНИЕ

Главного Правления за номером 129

дано 3 февраля 1864 года .

состоящему в должности Хлавного Правителя Колоний,

Господину Капитану 2-го ранга Князю Максутову

По случаю назначения Вас, с Высочайшего разрешения, к исправлению должности Главного Правителя Колоний со всеми правами и преимуществами этому званию предоставленными, Главное Правление, пользуясь нынешним пребыванием Вашим в С-Петербурге, входило в рассмотрение предложений Ваших о некоторых изменениях в существующих колониальных учреждениях, из коих иные не только не приносят пользы в настоящее время и не обещают оной, даже, и в будущем, а напротив, служат ко вреду колониального управления, и убеждаясь в необходимости введения в этом отношении нового порядка, предлагает Вам к руководству и исполнению следующее:

1) Стараться обращать особое внимание на жизненное довольствие как креол, так и алеут, знакомить их по мере возможности с удобствами общественного быта и с трудом, без коего никогда нельзя достигнуть довольства.

Главное Правление желало бы, чтобы жилища туземцев были, по возможности, удобны даже в самых безлесных местах, подобно как у нас в Южной России. Недостаток древесного топлива легко можно бы заменить каменным углем, который находится почти на всех Алеутских островах (вероятно и на Кадьяке). Предполагать можно, что на островах есть и торф, для отыскания которого и разработки, в случае надобности, Главное Правление готово, если нужно, прислать в Колонии знакомого с этим делом человека.

Относительно содержания туземцев следует наблюдать, что

не должно отвращать их от сродной им местной пищи и знакомить их с пищею европейскою, т. е. мукою, крупою, маслом и т. д., но необходимо прилагать все попечение к указанию туземцам мельчайшего способа приобретения своей пищи и более всего сохранения ее впрок, а также, несмотря на несходство, вообще жизни туземной с европейской, знакомить их с различными удобствами механическими, посредством коих часто труд целого месяца может заменяться одним днем и, вообще, стараться всеми мерами, приспособлением механизма, облегчать тяжелые работы и, по возможности, помогать Алеутам теми предметами, какие при всех усилиях они приобрести не могут, как например, в иных местностях — лесом для байдар и байдарок, китовыми жилами, жиром и т. п.

Желательно, чтобы при всех жилищах туземцев были сушила для юколы, крытые на случай дождя, от кого юкола портится, такое же устройство необходимо и для сушения мяса и кожи земноводных животных. В равной степени должно быть поощряемо разведение огородства и в особенности промысел китов, жир коих составляет самую насущную потребность туземцев. Рогатый скот давать только русским поселенцам, домовитым креолам и алеутским тойонам, буде пожелают, но не иначе как с условием, чтобы не убивать его без дозволения и пользоваться лишь одними скопами молока от него.

2) ...в облегчение расходов на Колонии поддерживать торговлю лесом, который с удобством может быть сбываем на Сандвичевых островах, откуда весьма часто Колонии получали соль.

Были многие годы, в которые при усердии Главных Правителей, к пользам Колоний, соль, кофе, патока и многие другие предметы получались без денег, именно на промене леса и рыбы; по расценкам же привезенных предметов в Колониях, оные составляли значительную, по сравнению с покупаемыми предметами, выгоду.

Но при каком случае, как бы выгода мала ни была, лишаться оной не должно; в тех же случаях, когда на колониальные произведения с удобством может быть выменяваем такой нужный и полезный предмет, как соль на Сандвичевых островах, посылка туда пустого, без сих произведений, судна делается для Компании как бы предосудительною.

Для добывания леса можно соглашать колош и делать это даже в проливах, куда посылать за лесом с пароходом судно. Наши «Калоши», т. е. близ Ситки, суть перекупщики, и, конечно, не допустят у себя никого из посторонних заняться этим делом.

Без сомнения в продажу могут быть назначены как лес, так и

рыба, остающиеся излишними, за удовлетворением потребностей местного продовольствия и местных нужд — на постройки и другие необходимые надобности.

3) Людей бесполезных из всех сословий, а тем более вредных по лености, беспечности и безнравственности, при том холостых выселять: Русских и Финляндцев — в Россию, а креол увольнять на место их родины или выдворять на поселения в колониях. Согласно с последним, также точно поступать с вдовыми креолками, не желающими работать для компании или для пользы общества. На Ситке принять за правило не оставлять ни одного потребителя (разумеется, кроме детей при родителях, родственниках или опекунах), не приносящего собою пользы компании или обществу. При высылках европейцев из колоний в точности сообразоваться с их контрактами, а в отношении к женатым обращать внимание на их семейства. Имеющих большие семейства, без особой причины из колоний не выселять.

4) Почти безусловно следовать правилу, что самый даже полезный человек из рабочих не оставался на службе компании в колониях долее 12 лет. Исключения вообще должны быть редки, и то разве для шкиперов и управляющих некоторыми островами и отдельными частями, особенно полезных опытностью и знанием дела при других одобрительных качествах.

5) Заслужившим пенсион, или пособие, допускать пользоваться оными в России, но как преимущества эти должны быть почитаемы с одной стороны наградою за службу и труды, а с другой необходимою поддержкою для существования при семейном, и иногда болезненном положении оставляющего службу компании, и быть производимыми в соответственной мере со средствами, то Главное Правление просит Вас составить и представить оному, по обсуждению в колониальном Совете [положение о пенсиях], в каком размере могут быть назначаемы пенсии и пособия, дабы установить однообразное по сему предмету руководство. При этом необходимо определить и источник, из кого оные могут быть извлекаемы без обременения текущих оборотов компании.

6) Отправляющиеся на службу в колонии рабочие люди всегда большею частью бывают холостые. Они женятся в колониях и тем наносят вред и компании, и себе самим, и своим семействам. Сколь вредно и противно духу учения, если туземец в определенное время возраста остается в безбрачии, столь напротив, и даже более нежели вредно, дозволять заезжему европейцу жениться на туземке. Такие браки, как беспрестанно видно на опыте, бывают более нежели несчастны, а потому впредь до установления по сему предмету какого-либо правила

необходимо всевозможно стараться отклонять приезжающих от подобных браков.

7) Убеждаясь опытом в необходимости и пользе неопределения в колонии на службу иностранных подданных, Главное Правление примет со своей стороны это правило к непременному руководству и отступит от оного только разве в случае самого исключительного обстоятельства.

8) Число воспитывающихся на счет компании в Ново-Архангельске сирот, как мальчиков, так и девочек, ограничить числом 20 в каждом заведении. Необходимо только, чтобы они получали образование с ожидаемой их будущностью, т. е. знали бы то, что им необходимо в предстоящей жизни, и потому учить мальчиков: Закону Божьему, русскому языку, читать, писать чисто (на последнее обращать преимущественно внимание) и четырем правилам арифметики; а девочек сверх сего учить рукоделиям, шить, мыть, вязать, прясть и прочим занятиям, необходимым в низшем классе рабочей женщине. Сирот выше сего числа отдавать на воспитание родственникам туземцам и преимущественно Алеутам, производя за них условную плату до 17 -летнего возраста

9) Срок обязательной службы креол за воспитание компания уже согласилась в проекте нового устава сократить, и определить: для креол, воспитывающихся вне колоний, пять, а для воспитывающихся в

колониях семь лет, что и будет равняться общим контрактным срокам, существующим в колониях. По истечении же обязательного срока службы, подобные креолы могут продолжать службу по контрактам, при заключении коих необходимо принимать в соображение способности, знание и здоровье, а также усердие к службе нанимающихся.

10) Для улучшения пищи рабочим разрешаетесь Вы приказать отпускать, как на берегу, так и на море, три или четыре раза в неделю сушеную презервированную зелень; в каком же количестве зелень будет назначена, и на долго ли достанет при таком употреблении существующего ныне в колониях запаса зелени — уведомьте Главное Правление.

11) Медикаменты составляют весьма немаловажный расход компании, а тем более при замечаемо безотчетном употреблении оных. Чтобы отчасти помочь этому неудобству, а главное, упростить самый способ лечения, Главное Правление полагало бы ввести в колониях, между прочим, лечение гомеопатией и поэтому снабдить Вас при отъезде отсюда, следуя указанию опытного гомеопата, необходимыми по сему предмету наставлениями, а также гомеопатическими лекарствами, и

предлагать испробовать введение на месте этого способа лечения под руководством одного из колониальных врачей. Если же нужен будет для Ситки особый врач-гомеопат, то уведомить о сем Главное Правление для присылки такового. Сей последний по прибытии может заменить одного из положенных для колоний врачей. При введении гомеопатического лечения может уменьшиться надобность и в особом аптекаре, вместо коего гораздо будет полезнее иметь хорошего лекарского помощника, как это было прежде при одном враче в колониях. Подобный помощник под руководством врача может в некоторых случаях заменить и аптекаря.

12) Жалованье и прочее содержание всех служащих в колониях надлежит производить по штату, и лишь только при особенно исключительных случаях может быть дозволяемо для какого-нибудь лица отступать от оного, не в пример другим, о чем при первом случае доносить Главному Правлению. Что же касается до прибавки жалования младшим командирам судов, о чем Вы ходатайствуете, то проекту нового штата полагается назначить им оклад от 3500 до 5000 рублей, но приведение этого штата в общее исполнение не может быть последовать ранее утверждения новых привилегий. Вместе с тем Главное Правление полагает внести в контракты со

служащим, которые впредь будут заключаемы, следующую статью: «Ежели сверх занимаемой мною должности я буду иметь возможность исполнять и другие обязанности или поручения, или начальство найдет нужным на меня оные возложить, то от сего отказываться не должен, вознаграждение же за сие предоставляется назначению начальства».

13) Экспедиций на реку Медную с целью разработки этого металла, о которой ходатайствует Ваш предместник, было уж несколько, но все они не имели успеха по недостатку сведений о тех предметах, которые входили в состав даваемых им поручений, а потому Главное Правление разрешает Вам составить и послать экспедицию на Медную реку в то время, когда найдется к этому способный и знающий человек, который бы имел нужные для того геологические и геогностические сведения. Без такого человека всякая экспедиция в этом роде не принесет пользы.

14) Предлагаемое предместником Вашим заведение одной или двух шхун для прибрежных плаваний и сношений можно исполнить в Ситке, истребовав для сего надлежащие планы от г. Клинковстре-ма из Сан-Франциско.

15) Требуемых Вами для колоний людей, как-то: кузнеца для корабельных работ, печника и 10 хороших корабельных плотников, равно несколько каменщиков (каменотесов) Главное

Правление озаботится приискать в России и выслать в колонии. Матросов же надобно стараться образовывать в колониях из креолов и молодых вольнонаемных людей, присылаемых из России, на что следует обращать особое внимание со стороны колониального начальства, а в подкрепление к ним Главное Правление будет просить назначение матросов от морского ведомства, как для этой цели, так и для замены ими солдат из сибирских линейных батальонов, которых предполагается вовсе в колониях не иметь, и по истечению срока службы ныне находящихся, новых не требовать.

16) Сократить и привести в более упрощенный порядок переписку и отчетность в колониях по указанию опыта Вы разрешаетесь в той мере, насколько это необходимо и не может повредить главной цели: ясности и правильности в порядок управления и счетоводства, и о тех переменах, которые Вами приняты будут, довести до сведения Главного Правления. Касательно увеличения денежных марок, Главное Правление не упустит сделать надлежащее распоряжение по окончании дела о привилегиях; а уничтожение платы за

недобор морской провизии уже введено непомещением этого пункта в условиях найма.

17) Представленное Вами урочное положение о работах Главное Правление разрешает Вам привести в виде опыта в исполнение, и по прошествии 2-х лет просит представить Ваше об нем мнение и заключение: в какой степени оно окажется удобоприменимым как в Ситке, так и в других местах в колониях.

18) Для пополнения новейшими сочинениями русского отдела колониальной библиотеки Главное Правление просит Вас оставить здесь реестр книг, которые бы желательно иметь в Ситке, дабы оно могло распорядиться доставкою оных туда по мере возможности. Вместе с тем Главное Правление желало бы, чтобы библиотека была помещена в доме Главного Правителя и состояла под непосредственным его надзором; одно только это может, по мнению Главного Правления, способствовать содержанию библиотеки в должном порядке и отвратить всякое небрежное обращение с книгами, и даже утрату оных.

Таким же образом просит Вас оставить здесь реестр нужнейших книг для первоначального учения в колониальных училищах, равно журналов для образцов и выкроек для школы девушек. Доставлены они будут в Ситку при первом отправлении.

19) Газеты и журналы из России Главное Правление будет стараться посылать в виде посылок в Сан-Франциско или Викторию раз в каждые три месяца, откуда уже они могут быть доставлены в Ситку на судах, прибывающих туда из Сан-

Франциско с грузами, или на компанейских судах нарочно для этого посылаемых в Викторию.

Председатель: *В. Политковский* Члены: *В. Клюпфель* М. *Тебеньков* В. *Завойко*

Правитель канцелярии: А. *Томковский»*

Следует обратить внимание на состав подписавших директоров. В. Политковский и В. Клюпфель — сухопутные генералы, близкие ко Двору. М. Тебеньков и В. Завойко — адмиралы, знакомые с Русской Америкой. А вот профессиональных бизнесменов, как бы сказали сейчас, среди них нет.

Пост директора компании соответствовал VI классному чину (полковник, капитан 1 -го ранга, коллежский советник), и не так лег-

--

ко было подобрать для него титулованное лицо купеческого происхождения. В начале 60-х гг., когда в России расправлял плечи частный бизнес, основанный на вольном труде, руководство компании осталось без предпринимателей, способных вписать ее в новые экономические отношения. Бизнес — слишком ответственное дело, чтобы доверять его генералам и адмиралам. Ошибку исправили только в 1865 г., введя в состав правления купца 1 -й гильдии Н. Любавина. Хотя новая генерация купцов к тому времени уже утратила страстность первых промышленников Русской Америки.

В неформальном отношении директора были расположены к князю, хотя бы потому, что он был близким человеком Врангелям и В. Завойко.

Последний вошел в правление в 1859 г., сменив Василия Егоровича Врангеля. Наверняка Василий Степанович Завойко был в числе тех, кто еще и устно напутствовал князя и обнял на прощание.

Были и другие указания Главному правителю. Получил он какие-то секретные инструкции по торговым операциям, по отношениям с североамериканскими соседями и прочие. Не в первый раз было князю возить через континенты и океаны портфели, полные бумаг. В этот раз он вез все эти документы для себя.

В Памятном листке читаем о событиях 1864 г.:

февраль 7 Через Аиверпуль и Нью-Йорк выехал в Ситку.
Л1арт 13 Из Ливерпуля выехали в Нью-Йорк.
март 25 Пришли в Нью-Йорк на пар. China.
май 2 на кор. Богатырь вышли из С. Франциско в Ситку.
май 11 Пришли в Ситку на кор. Богатырь.

Д. Максутов с семейством прибыл в Сан-Франциско, рассчитывая добраться до места назначения при содействии русского консульства. Без особого удивления князь увидел стоящую там русскую эскадру из семи вымпелов: корветы «Богатырь», «Калевала», «Рында», а также клиперы «Абрек», «Гайдамак». Догонявший эскадру корвет «Новик» наскочил на не нанесенные на карту скалы и погиб у берегов Калифорнии. Это было рассказано князю позднее. Командовал эскадрой контр-адмирал А. Попов, державший флаг на «Богатыре». Во время Крымской войны он проявил себя геройски на море и на суше, был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Как участник Севастопольской обороны, он не мог не знать старшего брата князя Павла Петровича Максутова. После войны контр-адмирал руководил постройкой тех самых клиперов и корветов, на которых русский флот вышел в Мировой океан. К РАК А. Попов относился весьма критично. Но к братьям Максутовым — с симпатией, поэтому любезно пригласил Дмитрия Петровича на борт и счел возможным отрядить флагман для доставки главного должностного лица Русской Америки к месту службы.

Судьба корвета, доставившего последнего Главного правителя к месту службы, оказалась мистически связана с судьбой князя или случайно совпала. Кому как больше нравится. «Богатырь» строился в Петербурге в 1859—1861 гг. и завершал серию русских паровых корветов. Последыш оказался самым большим по водоизмещению и самым мощным по вооружению. Его нос украшала фигура русского богатыря работы П. Клодта. Из списков флота корвет и князь будут исключены в один год. Чуть ли не день в день будет пущен на слом один и падет от жизненных невзгод другой. Какой простор для метафор. Автор и впредь обязуется создавать конструкции для последующих беллетристов.

Историка в первую очередь интересует, зачем пришла русская эскадра в порт страны, находящейся в состоянии гражданской войны. Во вторую очередь — состав эскадры. И только в третью очередь — состав команд. Любой же офицер, увидев свои корабли, начинает сначала искать знакомых, потом уже интересуется, зачем эти корабли пришли сюда. Автору пристало следовать мыслию за героем, от частного к общему. На кораблях князь встретил многих сослуживцев. Он знал практически всех командиров кораблей. Все они прошли Морской корпус почти в одном возрасте. Встречались на дальних рубежах России и далеко за ее рубежами.

Клипер «Гайдамак» привел капитан-лейтенант А. Пещуров, командиром «Абрека» был капитан 2-го ранга К. Пилкин, тот

самый Костя Пилкин, который так хотел поехать курьером из Петропавловска вместо Д. Максутова. Приход К. Пилкина в Сан-Франциско полностью соответствовал имени корабля и характеру его командира. Северяне были напуганы корсаром южан «Алабамой». Они сочли входивший в гавань «Абрек» пиратом-конфедератом. Знали бы американцы, что означает имя этого клипера, то испугались бы много больше. Абрек означает кавказского горца, принявшего обет быть неустрашимым в боях, отказываться от жизненных удовольствий, родных и друзей. Образ этого участника газавата и кровного мсти-

теля был под бушпритом клипера. К слову сказать, к тому времени в российском флоте не стеснялись называть корабли и пострашнее, например «Разбойник». Этнические названия кораблей, такие как милое сердцу всякого карело-финна «Калевала» или приятное уху малоросса «Гайдамак», вытесняли в российском флоте имена греческие. Россия закрепляла за собой окраины, и это нашло отражение в названиях кораблей. В бой «гиляков» и «джигитов» вели русские «богатыри». Менее чем за десять лет после Севастопольской обороны российский флот возродился и был готов действовать на океанских просторах.

В тот счастливый для всех, кроме конфедератов, день североамериканский брандвахтенный пароход открыл огонь по «Абреку». К стрельбе изготовились и береговые форты. Мелкий калибр брандвахтенного корабля был не опасен клиперу, опасность представляла береговая артиллерия. Поэтому К. Пилкин подвел клипер вплотную к брандвахте, прикрылся им от огня фортов и дал почти забытую команду: «На абордаж!» Однако американцы обнаружили ошибку и готовы были превратить боевые залпы в салют приветствия. Д Максутов, слушая К. Пилкина, вспоминал его штыковую атаку в Петропавловске и понимал, что воевать его собеседник умеет только так — умело и дерзко.

Если бы князь посчитал долгом познакомиться со всеми офицерами и гардемаринами эскадры, стоявшей в те дни у Мэйр-Айлен-да, то ему могли бы представить Степана Макарова, проходившего кондукторскую практику на «Богатыре». Если бы Д. Максутов общался с ним, то непременно расспросил, каким стал Николаевск-на-Амуре, где в Морском училище числился будущий, как все тогда считали, офицер Корпуса флотских штурманов. Но Степан Осипович заслужит честь из кондукторов перевестись в гардемарины и начнет свое восхождение на капитанский мостик. Когда капитан 1 -го ранга С. Макаров будет принимать в экипаж своей экспедиции на «Витязе» Александра Дмитриевича Максутова, он вполне сможет заметить: «Как же,

помню батюшку Вашего еще по Сан-Франциско». До экспедиции «Витязя» оставалось еще более 20 лет. А до долгожданной встречи Дмитрия Петровича с сыном — всего 10 дней.

Замечательного гардемарина «Калевалы» Константина Станюковича князь бы уже не застал. Его отца вице-адмирала Михаила Николаевича Станюковича князь Д. Максутов знал по службе на

Черном море. Близко принимавший участие в судьбе юноши контр-адмирал А. Попов отправил гардемарина с депешами в Петербург еще до прихода в Сан-Франциско. Курьеров, доставляющих радостные вести с дальних рубежей, всегда выбирали особо, дабы высшее начальство обратило на них внимание. Князь знал это очень хорошо. Гардемарин получит мичмана. Мичман выйдет в отставку лейтенантом. Вопреки воле отца и советам Великого князя Константина Николаевича отставной лейтенант Константин Михайлович пойдет дорогой литератора-бунтаря. Именно он в 70-х гг. XIX в. впервые в русской литературе употребит сочетание «русские американцы» как синоним казнокрадов и капиталистических хищников. В зрелом возрасте бывший офицер флота вернется к морским рассказам, которые сделают его знаменитыми. Опишет он и жизнь русских офицеров той «американской» экспедиции, в которой так и не принял участие. Помянет добром он и «беспокойного адмирала» А. Попова.

Встретившись со многими офицерами эскадры, Д. Максутов получил достаточно полное представление о целях ее прибытия. Разумеется, командующий не стал доводить руководителю колоний весь замысел Морского министерства. Но динамику операции вполне мог поведать. Свои же люди. Тем более что задача была почти выполнена. Эскадра, пришедшая в Калифорнию в октябре 1863 г., летом 1864 г. уже собиралась домой.

Похожие события происходили и на атлантическом побережье северных штатов. В Нью-Йорк тоже была направлена русская эскадра. Ко времени прибытия князя в Нью-Йорк эскадра была рассредоточена по Атлантике. Но Д. Максутов мог посетить некоторые ее корабли, на которых были многие его сослуживцы по Дальнему Востоку. В то время у берегов Америки собрался практически весь цвет офицеров флота. Наверное, радостная встреча могла бы быть у князя на фрегате «Ослябя» с Николаем Назимовым, его бывшим командиром на «Оливуце». Русские корабли ходили в Гавану и в Рио-де-Жанейро. Не могли они не подняться по Потомаку до Вашингтона, молодого города с широкими и неустроенными улицами, выглядевшего

«совершенной деревней». Такой, во всяком случае, увидел столицу Соединенных Штатов гардемарин «Алмаза» Николай Андреевич Римский-Корсаков, который выберет композиторскую стезю. С его старшим братом Воином Андреевичем князь служил на Дальнем Востоке.

Командовал русской атлантической эскадрой другой сослуживец князя по Восточному океану контр-адмирал С. Лесовский. Во время войны, будучи капитан-лейтенантом, он по воле рока остался в японских водах без своего фрегата «Диана», но спас людей. Война имеется в виду, как всегда, последняя для описываемых событий — Восточная. Как высшее должностное лицо в Русской Америке, капитан 2-го ранга Д. Максутов должен был иметь инструкции от Морского министерства по взаимодействию с военно-морскими силами в мирное и военное время.

Что же делали русские эскадры в портах Северо-Американских Соединенных Штатов? Существует одна из версий подоплеки этих событий: две русские эскадры спешно пришли в порты Нью-Йорк и Сан-Франциско оказать помощь правительству А. Линкольна в борьбе с Конфедерацией Южных Штатов. Действительно, присутствие русских эскадр в Северной Америке стабилизировало военно-политическую обстановку и удержало конфедератов от нападения на порты северян. Это, в конечном итоге, способствовало поражению южан.

Но обратимся к событиям в Европе, где политическое положение России осложнилось в связи с восстанием в Царстве Польском. Не справился Великий князь Константин со своим наместничеством. Великобритания и Франция, победительницы в Крымской войне, были готовы вмешаться в борьбу за освобождение Польши и поставить на место Россию, поднимающую голову после Парижского договора. Петербургу в это время было, мягко говоря, не до северян. Нужно было готовиться к войне с намечавшейся европейской коалицией во главе с Великобританией. Использовав порты дружественной страны как базы для действий крейсеров на коммуникациях Великобритании, Россия из стороны, которой угрожали, превращалась в угрожающую. В этом состоял замысел разработчика операции, управляющего Морским министерством адмирала Н. Краббе. Поэтому контр-адмиралы С. Лесовский и А. Попов оперативно привели свои эскадры в порты северян. Но вдохновлялся Н. Краббе успешными действиями каперов южан.

Идея крейсерства на путях английской морской торговли родилась в российском Главном морском штабе еще во время Крымской войны. Однако для ее реализации сил и средств не

хватило. Предлагалось закупить некоторое количество быстроходных клиперов в Сан-Франциско, команды для которых снять с кораблей эскадры Е. Путятина. Автор проекта капитан-лейтенант А. Горковенко резон -но предполагал, что малыми силами перехватить все торговые суда Великобритании не удастся. Но, перехватив некоторые, можно непомерно возвысить цену страхования этих судов на Лондонской бирже, что приведет к уничтожению английского торгового судоходства на Тихом океане. Логика крейсерских операций остается неизменной до нынешних дней: не столько уничтожать суда, сколько парализовать паникой само судоходство. После войны российское Морское ведомство принялось за постройку клиперов. Предложение закупать крейсеры в Соединенных Штатах было положено под сукно. Но не далеко, так чтобы его можно было найти. К нему вернутся во время Русско-турецкой войны в 1878 г.

Уже в 1855 г. в обстановке строгой секретности Кораблестроительный департамент получил задачу постройки паровых винтовых клиперов. Ответственным за исполнение работ был управляющий департаментом капитан 1-го ранга М. Тебеньков, недавно сдавший должность Главного правителя колоний в Русской Америке. Клиперы начали строить подальше от чужих глаз в Архангельске зимой 1856 г. А уже летом 1856 г. четыре клипера были спущены на воду, прошли испытания и отправлены в Кронштадт. Самое деятельное участие в их строительстве и доводке принимали капитаны 2-го ранга А. Попов и И. Шестаков. Последний в 1882 г. станет управляющим Морским министерством.

Все новые клиперы имели по одной 60-фунтовой пушке на поворотной платформе. Это была самая мощная пушка русского флота. Ее калибр составлял 7,7 дюйма, дальность стрельбы более 3 км. Для ближнего боя на кораблях ставили привычные 24-фунтовые пушки-каронады. Затем подобные клиперы для императорского флота стали строить в Великом княжестве Финляндском и закупать в Англии, вооружая их более современными нарезными пушками. Российский военно-морской флот возрождался. Кораблестроительная программа набирала все большие обороты и требовала все больших средств.

На новых кораблях служили новые люди, офицеры и матросы. Хотя к матросу слово *человек* до сих пор употребляется только в команде «Человек за бортом!». Но именно в 1863 г. в императорском флоте был сделан большой шаг к тому, чтобы матрос ощутил себя человеком: были отменены телесные наказания.

За выход клиперов на океанские просторы ратовал бывший

командир Д Максутова И. Лихачев. В записке «О состоянии русского флота» он писал генерал-адмиралу: «Только не держите эти суда в наших морях... не ограничивайте их поприще дорогою к Амуру и обратно... держите их в океане, в Китайском и Индийском морях, естественном поприще их военных подвигов во время войны». Именно И. Лихачеву принадлежала идея создать базу русского флота на Цусиме. В 1860—1861 гг. этого сделать не удалось по многим причинам. «Князь Тсусимский» не смог принять российского покровительства, а контр-адмирала И. Лихачева отстранили от командования эскадрой Тихого океана.

С 1862 г. этой эскадрой командовал контр-адмирал А. Попов. Он хорошо знал достоинства и недостатки своих кораблей, так как сам принимал активное участие в их строительстве и вооружении. Командующий хорошо изучил Тихоокеанский театр и был готов привести свои корабли в случае войны в один пункт или, наоборот, разбросать их по торговым коммуникациям противника. Когда контр-адмирал С. Лесовский вел свои корабли из Кронштадта в Нью-Йорк, контр-адмирал А. Попов выбирал порт на Тихом океане, где был бы телеграф. Он вовсе не получал приказа прибыть именно в Сан-Франциско. Это решение дальновидный командующий принял самостоятельно, уловив военно-политическую ситуацию. Он предвидел, что в случае проведения крейсерских операций его корабли будут базироваться не только на порты Соединенных Штатов, но и на Ново-Архангельск, и на Павловскую Гавань на Кадьяке. Поэтому контр-адмирал посвятил в свои замыслы Д Максутова и связал его доставку к месту службы с проверкой готовности портов Русской Америки к принятию русских крейсеров. Неплохо было бы посмотреть места предстоящей охоты русских крейсеров у побережья Британской Колумбии. К тому же в Ванкувере весной 1864 г. собралось много поляков, якобы готовивших нападения на суда РАК. Для проверки этих слухов в Ситку и Ванкувер отряжался клипер «Абрек».

К лету 1864 г. угроза войны с Великобританией уже миновала, восстание в Царстве Польском было очередной раз подавлено. Стоимость фрахта и страховки на британских линиях, как и ожидалось, возросла. В это же время северяне переломили ход своей гражданской войны, и Конфедерация не получила политического признания Великобритании. А российское Министерство иностранных дел сочло секретную от него операцию Морского министерства бессмысленным и опасным демаршем, подобным Синопскому бою. В итоге правыми оказались моряки; они не спровоцировали войну, а предотвратили ее. Спор дипломатов и военных о личной

ответственности за судьбы Отечества не завершен и сегодня.

Корвет «Богатырь» отправился из Сан-Франциско в Ново-Архангельск в самом начале мая. Пользуясь пребыванием в Сан-Франциско, Д. Максутов при участии комиссионера РАК в Калифорнии М. Клинковстрема подписал с представителями Американо-русской торговой компании новое трехлетнее соглашение о поставках льда. Оговорили они и возможности расширения сотрудничества с американцами, когда Гражданская война завершится.

В Ситку прибыли 11 мая. Д. Максутова поздравили с днем рождения еще 10-го на борту. И компанейские на берегу почти не опоздали поздравить нового начальника. С передачей дел тянуть не стали, управились за неделю. Иоганн Фурухельм и Дмитрий Максутов хорошо понимали друг друга и были морально готовы к смене еще год назад. Мадам Анна Фурухельм настороженно встретила новую жену князя и представила ей пасынка. Забот у молодой княгини прибавилось. Не много ли, трое малолетних детей для женщины, которой нет еще и двадцати? И своих детей еще нет. Энергичная, честолюбивая, остроумная Мария Владимировна станет достойной первой дамой Русской Америки, душой общества. Но к детям от первого брака мужа мачеха будет относиться недостаточно заботливо. Так, во всяком случае, сочтут позже родственники князя.

Прощальный бал Фурухельмы и Максутовы дали 17 мая. Гуляли с восьми вечера до пяти утра. Веселись ли? И. Фурухельму преподнесли шампанское в великолепной серебряной чаше, украшенной местными мотивами. Наверное, ее заказал сам Д. Максутов еще в Петербурге. Заказал он и надгробия для подруг Констанции и Аделаиды. Наутро «Богатырь» возвращался в Сан-Франциско, увозя семью Фурухельм. В том же году Иван Васильевич получит чин контр-адмирала и будет назначен военным губернатором Приморской области, командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана с резиденцией в Николаевске-на-Амуре. Друзья окажутся на разных берегах одного океана.

Судьба еще раз сделает Ивана Васильевича Фурухельма предместником князя Максутова, но уже не Дмитрия Петровича, а его старшего брата Павла Петровича. В апреле 1876 г. князь Павел Максутов примет у Ивана Фурухельма должность таганрогского градоначальника.

_f^,

После смены пришло утверждение князя в должности. Д. Максутов стал полномочным хозяином Русской Америки. В глазах индейцев и алеутов он стал русским главным тойоном — вождем.

Выше его был только главный тойон в Петербурге — русский царь. Но величие и могущество далекого Императора «дикие» даже не могли себе представить. Так впервые у князей Максутовых появилось «свое» княжество. Правда, с большими оговорками.

Первый год самостоятельного правления князя в колониях нельзя признать удачным. Сужался рынок мехов, активизировались конкуренты компании на рынке чая. В январе 1864 г. собрание акционеров приняло решение на неопределенный срок воздержаться от выплаты дивидендов. А в 1865 г. курс акций стал много ниже номинала. Компания потому так и стояла за свои привилегии, как бы они ни назывались, что не была готова к конкурентной борьбе.

От Главного правителя потребовали режима жесткой экономии. Ему настоятельно рекомендовали не прибавлять никому жалованья раньше срока, строже вычитать долги и сократить поставку товаров из Виктории и Калифорнии, сильно подорожавших после Гражданской войны в Соединенных Штатах. Как всегда, меры строжайшей экономии начинались с перегибов. В колониях в первую очередь пропала ржаная мука. Положение удалось выправить почти через год.

Помощником Главного правителя оставался капитан 2-го ранга Л. Гавришев. Логин Осипович был немногим старше князя, исполнял обязанности помощника при И. Фурухельме, когда Дмитрий Петрович убыл в Петербург. Завершит службу этот достойный офицер в 1873 г. контр-адмиралом.

Основной заботой Главного правителя колоний к тому времени было уже не развитие торговли или расширение владений. Бизнес кое-как стабилизировался, расширяться было некуда. Задача заключалась в поддержании стабильности на вверенной территории и в ожидании нового Устава РАК. Если бы Главный правитель читал А. Герцена, то, несомненно, вдохновился бы идеей последнего — сделать Тихий океан «Средиземным морем будущего». Америка и Россия могли бы объединиться для этой цели. Время издания «Колокола» 1857—1869 гг. почти совпадает с пребыванием в колониях Д. Максутова. В Ново-Архангельске журнал получал Иосиф Акимович Лугебил, бухгалтер конторы и приятель одного из служащих компании сомнительного с точки зрения властей поведения. Есть сведения, что с русской эмигрантской (читай — революционной) литературой познакомилась первая жена князя Аделаида. Сам же Дмитрий Петрович или любой офицер из администрации колоний никогда бы не признался, что читал таких авторов, как Герцен или Маркс.

Некоторые идеи герценского «Колокола», приходившего в колонии, могли быть истолкованы как сепаратистские. Революционеры -шестидесятники XIX в. планировали и Сибирь отделить, и Русскую Америку сделать демократической, и саму Россию федеративной республикой. Так что князь еще был вынужден следить, чтобы в колонии не проникали подрывные элементы. Хотя они и не пробирались далее Сибири. В Петербурге угрозу отделения колоний никогда не сбрасывали со счетов. Благо антиколониальных сценариев сама Америка представляла немало.

Полицейская функция администрации была чисто номинальной. Порядок и лояльность в колониях поддерживались. Выступлений «диких» на памяти князя не было. Последний бунт русских подавил еще А. Баранов.

Конечно, князю пришлось вникать в неизбежные трения между служащими компании, удовлетворять претензии наемного люда к администрации. На то он и верховная власть. Когда Д. Максутов был еще помощником, один интеллигентный служащий совсем неинтеллигентно бросал в его окна камни.

Назначенный директор магнитной обсерватории В. Коноплиц-кий прибыл в Ново-Архангельск в 1860 г. с женой и маленькой дочерью. Его жена, имевшая соответствующую подготовку, предложила открыть школу для девочек. И. Фурухельм эту идею поддержал и положил жене ученого шляхтича вполне приличный ежегодный оклад в 500 рублей.

Надо сказать, что сама обсерватория находилась не в крепости, а на соседнем острове Японском. В пределах видимости, но далековато. С этого острова открывалась великолепная панорама «столицы». Грозный муж запретил жене преподавать и почти полгода продержал ее дома взаперти. Несостоявшаяся учительница бежала к правителю конторы И. Линденбергу. При обследовании местными докторами В. Коноплицкий был признан душевнобольным и выслан из колоний. Почему он выбрал для протеста окна Дмитрия Петровича, а не двух Иванов Васильевичей, Фурухельма и Линденберга, не понятно. На то и больной.

--^

Наверное, самым серьезным конфликтом в колониях, едва не дошедшим до суда, был инцидент с Иваном Галецким 1843 г. рождения. Американская страница биографии этого известного владивостокского купца писана в романтическом жанре им самим. Достоверно известно, что, будучи совсем юношей, этот искатель приключений поступил служить на судно, уходившее из Кронштадта в Русскую Америку. Поступил на службу в РАК в

1860 г. Ходил на зверобойных судах. Говорят, в 1867 г. не поладил с Главным правителем из-за своей честности и прямоты характера. Судя по последующим владивостокским авантюрам, американская служба его была небезгрешной. Если бы не уступка колоний, его бы отдали под суд за растрату и оскорбление властей. Летом 1868 г. И. Га-лецкий был уволен со службы РАК в податное состояние и убыл вместе с женой и сыном на сибирское побережье. С 1874 г. он осел во Владивостоке и прославился как зачинатель гостиничного бизнеса.

Приходилось Главному правителю отвечать на различные обращения населения. Дескать, слишком соленую рыбу прислали в далекие отделы или почему не увеличили выдачу спиртного ветерану компании креолу Афанасию Климовскому, проживающему на Кадьяке.

Было бы ошибочным сводить всю деятельность колониальной администрации к рутине. С 1863 г. РАК участвовала в грандиозном техническом проекте — строительстве Российско-Американского телеграфа. Идея была американская. Проект реализовывала «Компания западных соединенных телеграфов». Дело, начавшееся с большим размахом, обещало хорошие перспективы. Планировалось соединить телеграфной линией Соединенные Штаты с Россией, далее с Европой и Китаем. Трудно было переоценить военное значение новой линии связи для России. Линия эта планировалась от Николаевска-на-Амуре, шла через Приморскую область, пересекала Берингов пролив, пронизывала русские владения на Аляске и соединялась с телеграфной системой США. В Русской Америке при поддержке колониальной администрации активно работали американские изыскательские партии. Одним из центров базирования американских экспедиций стала бывшая одиночка Нулато, когда-то обижаемая индейцами. Русские превратили Нулато в крепость. Изыскательские работы по берегам океана успешно завершались. Можно было рубить просеки и готовить телеграфные столбы. К1867 г. ожидалось завершение работ. Но завершены они не были. В феврале 1867 г. самый большой российско-американский проект был неожиданно свернут. Дело в том, что конкуренты проложили кабель между Европой и Америкой по дну Атлантического океана. «Звездный час» человечества пробил в другом месте, обнулив коммерческие перспективы телеграфа через Берингов пролив. Американскую телеграфную экспедицию нельзя признать совсем уж бесполезной. Будущие хозяева Аляски впервые получили представление о внутренних районах края. А нынешние хозяева — очередную головную боль. Главный правитель не знал, что делать с письмом из Петербурга: «До

сведения Главного правления РАК дошли слухи, что Американская телеграфная компания открыла в наших владениях около горы Св. Ильи золото в столь огромном количестве, что даже находят самородки ценностью в 4—5 тыс. долларов. Не имея возможности судить, в какой степени достоверны эти слухи, но полагая, что они должны иметь основание, Главное правление обращает на них Ваше внимание и покорнейше просит Вас исследовать их и в нужном случае принять сообразно обстоятельствам все зависящие от Вас меры к охранению приисков, извлечению из этого открытия возможной пользы для РАК». Вялотекущая «золотая лихорадка» всегда угрожала колониям потерей контроля над ситуацией. Хорошо, что сами участники телеграфной экспедиции сохранили сведения о золоте в тайне.

Еще Главному правителю доложили, что Антон Кашеваров прознал про затерянное озеро жидкой смолы, которую местные жители использовали для лечения различных недугов. Главного правителя это особенно не заинтересовало. Шел 1866 год, и выходившая на поверхность земли нефть вряд ли кого могла заинтересовать серьезно.

До желаемой стабильности в колониях было далеко. Опасность для русских представляли не индейцы, а контрабандисты. Не то чтобы нападения «диких» на русских и алеутов совсем прекратились. Подобные случаи стали единичными, сводимыми к бытовым. Это практически не требовало вмешательства администрации колоний. Д. Максутов доносил в Петербург, что очень трудно следить за контрабандистами в Колошенских проливах и даже присылка крейсера не позволит пресечь незаконную торговлю. В отчетах Главного правителя позиция о состоянии отношений с местным населением всегда присутствовала Количество строк, посвященных этой проблеме, в разные годы было не одинаковым. Самую большую трату казенной бумаги вызвала «индейская» тема в 1865 г.

В августе того спокойно текшего года тлинкиты напали на небольшую английскую шхуну «Роял Чарли». Экипаж шхуны занимался контрабандной торговлей. За спиртное, оружие и одеяла скупали меха. Бизнес не совсем честный с обеих сторон и поэтому опасный. Сценарий контрабандной торговли был всегда приблизительно одним и тем же. Сначала белые спаивали индейцев, потом усиливали аргументацию уступить меха. В качестве закрепления сделки нередко применялось оружие. Более изощренный путь предусматривал заключение браков между британскими торговцами и индейскими женщинами. Формальное родство позволяло налаживать семейный бизнес, выводить его из-

под контроля русских. Колошенские жены маскировали деятельность своих предприимчивых британских мужей и брали на себя заботу о складировании и доставке товаров, а также принимали оплату. С одной точки зрения это была контрабанда, с другой — свободная торговля и семейный бизнес. Русские имели представление о ценах, по которым колоши продавали меха. За «морского бобра» давали девять одеял, всяких товаров и боеприпасов по мелочи, а также обязательно несколько бутылок водки. За волка или чернобурую лисицу могли дать одно одеяло, за медвежью шкуру — дюжину аршин ситца.

В тот злосчастный день был выбран наихудший сценарий: капитан шхуны добавил к порции рома несколько порций свинца. В ходе «вероломного» нападения индейцы убили капитана и трех матросов да и сами потеряли столько же. Но шхуну индейцы захватили и ограбили. И этот случай не был единичным. Хотя нападения совершались на английские суда, ответственность за поддержание порядка на юго-востоке Аляски несла русская колониальная администрация. Д. Максутов вынужден был начать расследование инцидента То, что индейцы были непокорными и коварными, Главный правитель знал. Он знал, что колоши не признавали ничьей власти, в том числе и его самого. Но он также знал, что тлинкиты были вполне предсказуемы и проливали кровь в отместку за нанесенные обиды. Как писал епископ Иннокентий: «Колоша не ищет крови, но только требует кровь за кровь». Пастырские замечания могли бы войти в учебник колониальной администрации. Этот писанный русской кровью «учебник», несомненно, существовал, но не был перенесен на бумагу.

Усилиями многих правителей колоний русские наладили с тлин-китами отношения «доброжелательного нейтралитета». Авторитет русских позволял им выступать в качестве посредников в конфликтах местного населения с подданными Соединенных Штатов и европейских держав. Грабеж торговых судов не был привычным бизнесом индейцев. Сам Д. Максутов хорошо помнил, что, когда в 1861 г. в проливе Чатам потерпел крушение пароход «Николай I», жители местного селения помогали экипажу. Прислушивались индейцы и к силовым аргументам русских, когда надо было воцарить хмир. Но только прислушивались, особенно если пушки направлялись на их селения. У русских просто не было сил для карательных экспедиций и патрулирования архипелага Александра. Не вызывать же Сибирскую флотилию. Князь не захотел разрушить в одночасье плоды труда своих предместников ради контрабандистов. Поэтому он принял позицию индейцев, признав адекватным

размен убитыми. В целом у Главного правителя не было особых претензий к «диким» народам. И он имел полное право донести в Петербург «В настоящее время мы находимся в самых мирных отношениях со всеми колошами».

В рутинных заботах и ожидании нового Устава прошли 1864 и 1865 гг. Наступал последний полный год русского владычества на Аляске. В Памятном листке князь отметил дни рождения детей:

1865 июнь 24 Родилася Сагиа.

1866 май 25 Родился Володя.

Год всегда открывался приказами о производстве. Первого дня января месяца 1866 г. состоялся Высочайший приказ по флоту № 607, и князь был по линии произведен в капитаны 1 -го ранга. Разумеется, в новогоднюю ночь князь мог об этом только догадываться. Почта придет позднее.

Пришел черед повторяться хорошему. Снова положение колоний стало устойчивым. Молодая княгиня и будущая адмиральша воспитывала детей, своих и от первого брака князя. Еще она царила на балах. Авторитет Д. Максутова среди служащих РАК был абсолютным, поддержка в Петербурге была ему обеспечена.

Князь уже не ездил в инспекционные или торговые поездки, а только принимал шкиперов и бухгалтеров компании в своей резиденции. Администрация работала слаженно, хорошие вести приходили с Большой земли. Государственный совет в 1866 г. утвердил «главные основания» нового Устава. Александр II одобрил предложения Министерства финансов о ежегодных субсидиях компании в размере 200 тысяч рублей и списании с нее долгов на 735 тысяч рублей. Сообщали также, что в 1865 г. вместо покинувшего Главное правление В. Завойко пост директора занял тайный советник Егор Егорович Врангель, опытный юрист и будущий сенатор. Он же немного позже сменил генерал-майора В. Политковского на посту председателя правления.

Князю и самому удалось достичь определенных успехов в колониальном хозяйстве, прежде всего в добыче мехов. Только на «Цесаревиче» в 1866 г. из колоний было вывезено мехов на 2 миллиона рублей. Соотечественники и прибывавшие в колонии иностранцы отмечали деловитость и вежливость Главного правителя. Удивлялись они и хорошему английскому его жены.

Немногим позже отрадные новости догнали новости не очень хорошие. Из Петербурга сообщали, что падение стоимости акций компании остановить не удается, и это обсуждалось на экстренном собрании акционеров 20 апреля 1866 г. Затруднения

еще могли казаться временными, не затрагивающими основ благополучия компании. Но это общее собрание оказалось последним. После него акционеры собирались уже только для определения ликвидационных дел.

В целом жизнь в Русской Америке складывалась хорошо. Отступили голод и болезни, канули в прошлое кровавые стычки с местным населением и острые конфликты компанейского руководства со служащими. В колонии пришли образование, культура, промышленность. Регулярное сообщение с американским и азиатским материками позволяло местному свету быть в курсе мировых событий и мод.

Завершался 1866 год. Подошел светлый праздник Рождества Христова, который нетерпеливые соседи-янки отмечали на дюжину дней раньше. В грядущем году в Ново-Архангельске ждали хороших перемен. Знали бы русские американцы о некоторых событиях декабря уходящего года в Петербурге, то оставили бы всякую надежду на лучшее.

«УСТУПКА» РАВНО «ПРОДАЖА»

1867-1868

Решение о продаже Русской Америки было принято в канун 1867 г. группой лиц, компетентность и полномочия которых не вызывают сомнений. Нет оснований обвинять этих лиц в чрезмерном своекорыстии или отсутствии патриотизма. Они искренне хотели сделать как лучше. Необходимо остановиться на самом термине «продажа». Он вполне корректен и отражает суть процесса. Однако в международном праве государственные территории не являются товаром. Изменение государственно-территориального устройства возможно, как правило, в результате браков, цессии, оккупации и конечно же добровольного вхождения. Во всяком случае, в Старом Свете. Покупки территорий — изобретение американское. Поэтому акт продажи был назван в русском варианте *уступкой.* Что и отражено в документе. Термин представляет эвфемизм слова *продажа* и носит характер одностороннего действия. В русском менталитете это понятие не имеет абсолютно положительного значения. В американском же менталитете закреплено совершенно адекватное понятие «договор о покупке» — purchaes treaty. Аляскинский договор о приобретении молодым государством новых территорий был не первым во внешнеполитической практике Соединенных Штатов.

Попробуем посмотреть на события 1867 г. с позиции Д. Максутова, понять, к чему князь был причастен лично, а что делалось за его спиной. Договор о продаже колоний готовился не только за спиной Главного правителя в Америке, но Главного

правления в Петербурге. Сами директора узнали о потере владений России (своих владений!) из телеграфных сообщений. Но по прошествии некоторого

времени Егор Врангель мог что-то рассказать князю о событиях 1867—1868 гг. в Петербурге. О причинах уступки исписано немало страниц русскими и зарубежными историками и публицистами. Но коль скоро было условлено не повторять мэтров, то дадим самые минимально необходимые пояснения. Так, если бы они были даны самому последнему Главному правителю.

Отправляясь первый раз в Русскую Америку, князь Д. Максутов и не догадывался, что дни ее сочтены. Но обратный отсчет был уже включен. И включил его Н. Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири, еще в 1853 г. В то время князь даже не помышлял о службе в РАК. Будучи с отчетом в Петербурге, Н. Муравьев представил Николаю I соображения о развитии своего края, где заметил, что рано или поздно североамериканские владения России придется уступить Северо-Американским Штатам. Это замечание само по себе последствий не имело, поскольку Император не был склонен спускать российский флаг там, где он был однажды поднят. Да и основная цель предложений главного сибирского правителя была — определиться с закреплением в устье Амура и занятием Сахалина.

Весной 1857 г. Великий князь Константин, постоянно озабоченный поиском средств для развития флота, в письме новому министру иностранных дел А. Горчакову посчитал продажу Русской Америки своевременной. Канцлер убедил Александра II, что «эту мысль стоит сообразить». Новый самодержец, в отличие от своего отца, не считал, что русский флаг должен оставаться там, где был однажды поднят. Он внял доводам брата, что США, «следуя естественному порядку вещей, должны стремиться к обладанию всею Северною Америкою и поэтому рано или поздно встретятся там с нами и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями даже без больших усилий, а мы никогда не будем в состоянии возвратить их». Была подготовлена записка МИД «Об уступке Соединенным Штатам наших владений в Северной Америке», и решено затребовать подробные соображения по этому поводу у бывших правителей колоний адмиралов Ф. Врангеля, М. Тебенькова и А. Этолина. Все были адмиралами, в той или иной степени обязанными своей карьерой генерал-адмиралу. Великий князь Константин видел возможность воспользоваться излишками финансовых средств в американском казначействе как для реализации масштабных преобразований в стране, так и для пополнения бюджета

Морского ведомства после Восточной войны. В 1856—1859 гг. он приблизительно равнялся 19 миллионам рублей в год. В 1860 г. доведен до 21,4 миллиона рублей. Инфляция вернула реальный бюджет на отметку довоенного 1853 года. Но тогда у России был флот, а после войны его требовалось создавать заново.

Исполнительный Ф. Врангель, не советуясь с директорами РАК, приступил к расчету стоимости колоний. Дело было довольно секретным, так как могло вызвать непредсказуемые колебания стоимости акций компании. Он вышел на две цифры: 7 и 20 миллионов рублей серебром. Первая цифра — реальная цена, исходя из стоимости акций компании, вторая — оценка потенциальных возможностей региона. Потенциал Аляски оценивался, разумеется, без экстраординарных запасов золота или экзотической в те времена нефти.

Опыт участия в колониальных делах позволил Фердинанду Петровичу довольно точно спрогнозировать цену. Для окончательного решения по вопросу оставления или уступки владений и компании Великий князь настаивал отправить в колонии ревизионную комиссию. Территорию предполагалось передать американцам к моменту истечения привилегий компании в 1862 г., т. е. совершенно законно и совсем не торопясь. Все это могли сообщить, или не могли не сообщить, Фердинанд и Василий Врангели в частной беседе своему родственнику Д. Максутову, отъезжающему в колонии еще на первый срок помощником.

Вряд ли капитан-лейтенанту Д. Максутову были важны оценки стоимости российских владений в Америке. Загадывать на срок более пяти лет ни барон, ни князь не могли. Наверное, идея оставления Россией американских берегов не казалась им достаточно серьезной. Мало ли какие ходы разрабатывает МИД. Да и в близком обоим Морском ведомстве хватало различных планов, которым никогда не суждено было реализоваться. Гораздо актуальней Главному правлению РАК казалась идея изменения статуса колоний, отделения коммерческой составляющей от государственного управления. В перспективе подразумевалось назначение губернатора заморских территорий, такого же как губернатора Приморского края. Тогда карьера морского офицера могла бы сложиться по-другому. Тут мог быть востребован прекрасный опыт В.С. Завойко, успешно перешедшего с военно-морской службы на службу в РАК, из компании в военные губернаторы, а затем опять в РАК. Такая разнопрофильная на сегодняшний взгляд карьера вовсе не была исключительной в XIX в. Дворяне часто начинали службу в армии или гвардии, затем успешно представляли государственную

власть в гражданских ведомствах. В свое время офицеры, ходившие в Японию на «Палладе», в меру своих сил справились с доверенными министерствами: Е. Путятин — просвещения, К. Посьет — путей сообщения.

Очень трудно оценить стоимость товара, когда нет сложившегося рынка. Многое определяет не экономическая, а политическая конъюнктура. Цена территории зависит не только от ее размеров и экономического потенциала, но и от степени добровольности уступки. Можно было обратиться к прецеденту потери в 1803 г. Францией своей Луизианы, огромной территории от нынешней Канады до Мексиканского залива, много превышающей современный штат с одноименным названием. Но не те были земли, не те условия. Соединенные Штаты просто додавили на Императора французов, который после оставления Нового Орлеана смог всецело сосредоточиться на европейских делах. Выдавливания России из Америки в конце 60-х гг. XIX в. не было. Поэтому можно было повременить и выбрать лучшую цену. Даже гоголевская Коробочка при получении соблазнительного коммерческого предложения пыталась уточнить в городе сложившуюся цену на товар. Российский посланник в Вашингтоне барон Э. Стекль пользовался весьма простой арифметикой. Колонии следует продать за 5—6,5 миллиона рублей. Эта сумма могла дать 300 тысяч рублей годового дохода, что превышало доходы, приносимые колониями. Все остальные факторы в расчет не принимались. Вполне взвешенный подход, хотя несколько ограниченный.

Как видим, Александр II из независимых источников получил почти совпадавшие оценки стоимости Русской Америки. Но если бы российский самодержец пытался набавить цену за все реальные и потенциальные преимущества колоний, то неминуемо пришел бы к выводу: такая Аляска нужна самому!

Изучение мнения потенциального покупателя началось уже в 1860 г. Идея русских очень хорошо ложилась на доктрину Монро и могла бы быть воспринята благоприятно американским истеблишментом. Штаты прирастали новыми землями, вытесняя не только европейские державы, но и своих ближайших соседей. Совсем недавно были присоединены свободные Техас и Калифорния. Суть интриги российского МИДа заключалась в том, чтобы американцы сами попросили бы продать им российские владения. Те не торопились, так как ждали первого вторника после первого понедельника ноября 1860 г. — президентских выборов. Президентом был избран республиканец А. Линкольн. А в апреле 1861 г. началась война между Севером и Югом. Потенциальный покупатель встал пред проблемой не

расширения, а сохранения территорий. Янки удержали страну от распада, совсем немного отдохнули и убедились, что предложения русских об уступке Аляски сохраняются в силе.

Россия весьма нуждалась в финансах. Масштабные преобразования внутри страны обходились дорого. Главный российский финансист министр М. Рейтерн был озабочен поиском 45 миллионов рублей «экстраординарных ресурсов». Это могли быть иностранные займы или продажа чего-то. Этим чем-то вполне могли стать американские колонии, предварительная оценка которых была уже проведена Осенью 1866 г. в Петербург вернулся российский посланник в Вашингтоне Э. Стекль. С этого времени заинтересованные российские министерства стали обсуждать концепцию уступки колоний.

Концепция была выработана к зиме. Осталось подготовить рождественский подарок России. Директор РАК, тайный советник барон Е. Врангель по запросу Министерства финансов представил к декабрю обстоятельную информацию о стоимости колониального имущества и движении капиталов компании. Но он вовсе не догадывался, с какой целью эти данные были запрошены. Декабря 16-го дня в Министерстве иностранных дел состоялось совещание Комитета под председательством Государя Императора. В ту пятницу на Дворцовую площадь были приглашены Великий князь Константин, министр иностранных дел князь А. Горчаков, министр финансов М. Рейтерн, управляющий делами Морского министерства вице-адмирал Н. Краббе и посланник в Северо-Американских Соединенных Штатах Э. Стекль. Возможно, еще присутствовали представители Азиатского департамента МИДа и какие-то «технические» чиновники. Управились за час. В результате совещания Э. Стекль получил указание от министра финансов выручить за колонии не менее 5 миллионов долларов. Несколько дней спустя из Морского министерства в Министерство иностранных дел была направлена тщательно разработанная карта уступаемой Русской Америки.

Окончательно инструкции российскому посланнику в Вашингтоне были готовы уже после Рождества. В конце января 1867 г. он убыл через Европу в Америку. Исторический договор был подписан 18(30) марта 1867 г. в Вашингтоне. С российской стороны его под-

*--Л^*

писал Эдуард Стекль, с американской — Уильям Сьюард. Государственный секретарь Соединенных Штатов, Сьюард был самым активным сторонником приобретения Аляски. К подписанию подошли вполне профессионально; недели две согласовывали позиции, выверяли формулировки, уточняли цену.

Сумму в 7 миллионов 200 тысяч долларов предложили сами американцы. Это составляло около 11 миллионов рублей серебром. К процессу подключились руководители заинтересованных ведомств партнеров. Связь с российским МИДом российский посланник поддерживал по трансатлантическому телеграфному кабелю, так вовремя проложенному. Когда же все точки над «i» были расставлены, нетерпение охватило участников переговорного процесса. Соглашение заключали ночью, прервав партию в карты госсекретаря. Подписи поставили Э. Стекль и У. Сьюард. С небольшим демократическим скрипом Аляскинский договор был ратифицирован американским сенатом. В России ратификация прошла вообще безболезненно; царь «рати-фиковал» его лично 3 мая 1867 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся летом 1867 г.

Разумеется, князь Д. Максутов не знал о декабрьском совещании в Петербурге и мартовском подписании договора в Вашингтоне. Только в начале апреля барон Е. Врангель запросил разрешение у министра финансов сообщить Главному правителю в Ситку о том, что Договор об уступке заключен и надо готовиться сдавать колонии. М. Рейтерн направил в Главное правление РАК официальную санкцию: «По соглашению с Министерством иностранных дел разрешаю в. пр-ву уведомить Главного правителя российско-американских колоний о заключении с Соединенными Штатами трактата об уступке им колоний». Для любимца и протеже поэта В. Жуковского слог — не очень. Поэтому Е. Врангель должен был пояснить дух и букву указаний и написал на полученном документе: «Депешу кн. Макс, надобно отправить тотчас же. Пришлите мне ее на просмотр, надобно прибавить два слова». Е. Врангель понимал, что двумя словами не обойтись, и начал искать канал передачи Главному правителю колоний более подробной конфиденциальной информации. Не все можно было доверить бумаге. Значит, предстояло найти конфидента — доверенное лицо. В некоторых исследованиях по проблеме передачи Русской Америки указывается, что в переписке с Д, Максутовым и с М. Рейтерном участвовал сам Фердинанд Врангель. Наверное, это недосмотр. Возглавлявший Главное правление РАК тайный советник Егор Врангель оказался в тени хрестоматийно известного адмирала Фердинанда Врангеля, бывшего ко времени описываемых событий в отставке. Обратим внимание на титулование в записке министра финансов директору РАК — в. пр-во. Если бы М. Рейтерн писал адмиралу (2-й классный чин) Фердинанду Врангелю, то обращался бы к нему *ваше*

высокопревосходительство. К тайному советнику (3-й классный чин) следовало обращаться *ваше превосходительство.*

Тем временем в апреле 1867 г. в Петербурге было созвано общее собрание акционеров РАК с целью формирования нового «ликвидационного» правления. Акции компании, намеченной к продаже за твердую валюту, поднимались все выше и выше. Руководство компании проинформировало Д. Максутова об уступке и передало ему настойчивые просьбы калифорнийцев об установлении свободной торговли в колониях еще до их официальной передачи. В Ново-Архангельске начиналось «смутное время». Предприимчивые американцы воспользовались почти инсайдерской информацией и пытались урвать чего-нибудь еще до официального распределения богатств новой территории. Все это нарушало заведенный порядок торговли в колониях, доступ в которые имел ограниченный круг компаний. В еще русские воды были допущены американские суда, груженные американскими товарами с таможенными сертификатами, заверенными русским консулом.

Получил Главный правитель также расчеты о суммах на вывоз людей из колоний за счет правительства. Из Петербурга пришло указание «объявить служащим об уступке колоний и предстоящем вскоре прекращении действия всех заключенных компанией контрактов, отобрать у них подписки в месячный срок в желании или нежелании выехать в Россию». Считалось, что отъезду в Россию подлежало чуть более 800 человек. Что делать с 10 тысячами креольского и алеутского православного населения, на берегах Невы и Мойки представляли смутно. То ли вывезти для заселения Приамурского края с сохранением им «пожизненно теперешних их прав и предоставлением других льгот», то ли ради экономии средств оставить на Аляске.

В Петербурге был сформирован комитет по подготовке передачи колоний из представителей министерств финансов и Морского, а также уполномоченных от РАК. В повестке дня этого комитета стояли два основных вопроса: о мерах по приведению в исполнение

--

Трактата об уступке колоний и о вознаграждении РАК. От Морского министерства в комитет были определены управляющий канцелярией, действительный статский советник М. Пещуров и капитан 2-го ранга А. Пещуров, командир строящегося броненосного фрегата «Минин». Последнему и предстояло убыть в Америку в качестве российского уполномоченного — правительственного комиссара. Оставить свой недостроенный фрегат командир мог безболезненно;

Балтийский завод сдаст корабль только в 1878 г. Не до конца понятно, почему выбор пал на офицера сравнительно небольшого ранга. Трудно сказать, повлияло ли на выбор кандидатуры то, что он был родственником канцлера А. Горчакова. Из семьи Горчаковых была и мать второй жены князя Максутова — теща Дмитрия Петровича. Судя по тому что А. Пещуров возглавил в 1881 г. Морское министерство, родственные связи помогали службе этого «отличного, способного и вполне благонадежного офицера». Слова в кавычках принадлежат управляющему Морским министерством Н. Краббе.

Вместе с А. Пещуровым в Америку направлялся капитан 2-го ранга Ф. Коскуль, представлявший интересы РАК. Так получилось, что три высших должностных лица, которым предстояло передать по договору Русскую Америку, оба комиссара и Главный правитель колоний, были связаны между собой не только морской службой. Не то чтобы они были родственниками или близкими приятелями. Они были далеко не чужими друг другу людьми, удачно объединенными одной важной целью.

Если с А. Пещуровым князь был хорошо знаком, то о Ф. Коскуле, скорее всего, только слышал. Федор Федорович Коскуль с рождения именовался как Карл Александр Теодор фон Коскуль и принадлежал к старинному прибалтийскому роду, разумеется немецкому. Просто, кроме Литвы, ни одно балтийское государственное образование не сумело создать национальной элиты. Отец будущего офицера Готлиб Хейнц Теодор фон Коскуль был счастливо женат на Шарлотте фон Врангель, сестре Фердинанда Петровича. При поддержке своих земляков Карл (Федор Федорович) поступил в Морской корпус. Не следует особенно упрекать прибалтийских немцев в протежировании своим землякам. Так, в частности, сухопутного кадета Отто Коцебу и его брата Морица призрел брат его мачехи Адам Крузенштерн и захватил с собой на «Надежду», уходившую в кругосветное плавание. Толковый мореход получился в целом. «Отделка щенка под капитана» состоялась в кругосветном вояже.

Очевидно, что первый русский плаватель вокруг света, в бытность директором корпуса, благосклонно относился к кадету Карлу Коскулю, рано оставшемуся без отца. Вряд ли Дмитрий Максутов хорошо знал кадета Федора Коскуля. Последний был старше князя лет на шесть. Ф. Коскуля мог знать старший из Максутовых Павел. Офицеры могли встречаться на Черном море. Лейтенантами Дмитрий Петрович Максутов и Федор Федорович Коскуль стали в один год.

На службу в РАК Ф. Коскуль поступил в 1853 г. и оставил

колонии в июне 1859 г. Д. Максутов прибыл в Ситку только в сентябре того же года, а потому с будущим комиссаром разминулся. После службы в РАК капитан-лейтенант Ф. Коскуль вернулся на флот и был назначен на Каспий, где стал капитаном над портом Астрахань, пока тот не закрыли. В 1866 г. он получил чин капитана 2-го ранга, то есть несколько отстал в производстве от князя. Летом 1867 г. Ф. Коскуля перевели в 8-й флотский экипаж на Балтику. К тому времени договор об уступке Русской Америки был подписан и ратифицирован. Директор РАК Егор Врангель мог вполне начать приглашать в Главное правление надежных людей для организации ликвидационных дел компании. Поэтому и предложил племяннику Фердинанда Петровича стать агентом РАК при передаче дел на Аляске. Агентом сугубо доверенным. Как видим, семейственность в акционерной компании процветала. Воздержимся от оценок, хорошо это или плохо. Парадигма была такая. Еще заметим, что Врангели не были крупными акционерами компании.

По купеческой традиции управление многими акционерными обществами долгое время оставалось семейным делом.

После длительного перерыва службы в РАК Ф. Коскуль вряд ли смог разобраться во всех сложившихся проблемах компании. Просто поотстал за восемь лет. Но у него было достаточно времени, чтобы изучить указания директоров, даваемые на бумаге и устно. Хватало и немецких честности и педантичности, чтобы их неукоснительно исполнить.

Есть основания считать, что убывающие к колонии комиссары были настроены по отношению к князю Д. Максутову благожелательно и рассчитывали на его самое живейшее участие в их миссии.

Опережая комиссаров, понеслась телеграмма Д. Максутову «об исполнении всех требований капитана 2-го ранга Пещурова». На первый взгляд, складывается впечатление, что в предстоящей передаче колоний князю доставалась чисто техническая роль: принять комиссаров, привести колониальное хозяйство перед сдачей в порядок. От исполнения этой «технической» роли зависел порядок в колониях в междуцарствие.

Среди дат, возведенных нациями в праздники, есть, несомненно, стоящие и почитаемые. Есть стоящие, но незаслуженно забытые в угоду конъюнктуре. Есть совсем нестоящие, но искусственно привнесенные, почти навязанные. К нестираемым датам в истории человечества относится день открытия Америки Колумбом, близкий к 12 октября 1492 г. Хотя до сих пор неизвестно, куда он в этот день причалил, а тем более — куда и зачем плыл. Пусть даже Америку десятки раз открывали

до него. Но именно Колумб соединил Старый и Новый Свет. Этот день способствовал объединению человечества В Соединенных Штатах его так и празднуют как День Колумба, в Латинской Америке — как День Нации. Это хороший осенний или одновременно весенний праздник. Америка большая. Во всяком случае, автору доводилось отмечать его так и так. Весной много приятнее. Теплеет океан, появляются новые надежды, еще немного — и наступит декабрь с буйством жасмина Грустная дата 6 (18) октября навсегда остается осенней, пасмурной, с истертой позолотой. Судьбе было уготовано назначить для передачи Русской Америки именно этот день.

В 11 часов утра 6 октября князю Максутову доложили, что на рейде появился корабль Соединенных Штатов «Оссипи». После получения указаний из Петербурга о подготовке к передаче колоний и допуску американских судов в русские поселения Главный правитель уже успел привыкнуть к участившимся визитам янки. Неделей ранее в порт вошел американский пароход «Джон Л. Стефенс» с будущим американским гарнизоном во главе с генералом Дж. Дэвисом. На корабле были представители новой таможенной службы и пионеры Аляски. Сходить на берег Главный правитель им запретил.

Вряд ли сердца русских в едином порыве рвались на Родину. Здесь и была их Родина. Россия впервые уступала свои территории. Это несравнимо с тем, когда по условиям мирных договоров возвращали земли, завоеванные в ходе войны. Как, например, русские раз пять или шесть брали и возвращали туркам черноморскую крепость Анапу. Мол, бог с ней, еще вернемся. В тот октябрьский день был понятно, что уходим и не вернемся. Но все-таки не верилось, что Русскую Америку придется оставить навсегда. Поэтому прибывший корабль был одновременно и самым ожидаемым, и самым нежеланным.

Хозяином на корабле был генерал Л.Х. Руссо, которому и поручалось водрузить звездно-полосатый флаг над новой территорией. В качестве секретаря он взял с собой пятнадцатилетнего сына. Американского генерала сопровождали российские уполномоченные. У генерала было не так много времени прийти в себя после неблизкого путешествия из Сан-Франциско. Осенняя непогода в открытом море не способствовала хорошему настроению. Изматывающая качка закончилась, только когда корабль вошел под защиту островов Королевы Шарлотты и, преодолев открытую воду, попал во внутренние проливы архипелага Александра.

Вряд ли сама встреча Д. Максутова с гостями была торжественной. Это у трапа, когда прибывающие лица сохраняют положенные по рангу значимость и достоинство, встреча может быть красивой. Когда же высокие гости прибывают со стоящего на рейде корабля в шлюпке, парадность встречи несколько смазывается. Ветер уже развеял дымы салютов, когда капитаны 2-го ранга А. Пещуров и Ф. Кос-куль доложили о своем прибытии капитану 1-го ранга Д. Максутову. Для флотских офицеров нарушение субординации было немыслимо. Старый знакомый и свойственник А. Пещуров для князя все еще оставался младшим по Морскому корпусу. Старший по выпуску из корпуса, но поотставший в производстве и в постижении колониальных проблем Ф. Коскуль не мог не признавать превосходства князя. Будь комиссаром контр-адмирал или хотя бы капитан 1 -го ранга, старший по производству, тогда бы князь Д. Максутов докладывал, что во вверенных ему колониях все без происшествий. Американским генералам вежливый Главный правитель колоний, видимо, представился сам. Генерал Дж. Дэвис, рапортуя своему начальнику, скорее всего, жаловался на препятствия, чинимые князем Д. Максутовым его солдатам.

И русские, и американцы были настроены «скорее бы»! Только этот настрой был с разными оттенками. Русские обреченно понимали, что перед смертью не надышишься. Прагматичные американцы не желали затягивать дело. Особенно морские пехотинцы, озлобленные недельным сидением на болтающемся на рейде корабле. Изматывающая зыбь более способствует расстройству нервной системы, чем сильный шторм. Было решено в тот же день, а была пятница, провести торжественную передачу Русской Америки Северо-Американским Соединенным Штатам.

В 15 часов 30 минут на площади перед домом Главного правителя выстроились солдаты российского и американского гарнизонов. Все было готово. Только американцы забыли привезти фотографа, чтобы запечатлеть это эпохальное событие. С 1803 г. им добровольно не уступали территорий. Фотографическое дело к 1867 г. в Калифорнии было поставлено хорошо. Князь и княгиня Максутовы пользовались услугами фотографов в Сан-Франциско. Несостоявшийся фоторепортаж мог бы пролить свет на многие детали той церемонии. До сего времени знаменательное историческое событие можно представить только по апокрифическим полотнам американских авторов. В частности, по тиражируемой работе Остина Бриггса «Подъем американского флага на Аляске» (Austin Briggs. Old Glory Rises Over Alaska). Картины отечественных живописцев на тему

«Прощание с русским флагом в Ситке» автору неизвестны. Литературные же описания очевидцев несут много глаголов и мало прилагательных. Попробуем восстановить картину той печальной церемонии и ужаснуться, сколько в ней недописанного.

День стоял пасмурный, но не дождливый. Церемония проходила на площадке у резиденции Главного правителя на Кекур-камне. Перед «замком» выстроился американский почетный караул числом человек в двадцать. Они сопровождали выданный Государственным департаментом флаг, на котором было 37 звездочек. Звездочка-Аляска появится много позже. Наверное, могли быть еще американские солдаты и матросы, если бы хватило места на плацу. Но плац не был достаточно большим, чтобы разместить весь уходящий русский гарнизон и прибывший американский.

Историки фиксируют бригадного генерала Лоуэлла Х. Руссо и его сына Джорджа, генерал-майора Дж. С. Дэвиса и трех офицеров американского флота

Русских у здания Главного правителя могло собраться много больше: до роты солдат, компанейские служащие, официальные лица и обыватели. Известно, что Россию представляли прибывшие А. Пещуров и Ф. Коскуль. Именно А. Пещуров произнес исторические слова, обращаясь к генералу ЛХ Руссо: «По повелению его величества Императора всероссийского передаю вам, уполномоченным

Северо-Американских Соединенных Штатов, всю территорию, которою владеет его величество на Американском материке и на прилегающих островах, в собственность Штатов, согласно заключенному между державами договору». Русский флаг после этих слов пошел вниз, но фал заело. Чтобы его освободить, послали матроса. Составная мачта со стеньгой была довольно высокой. Освободили флаг как-то неловко, и он упал на штыки почетного караула. Это запомнили многие. Но нет упоминаний, какой именно русский флаг спускали. Над зданиями колоний всегда развевался бело-сине-красный с орлом флаг РАК. Государственным флагом Российской империи в то время был черно-желто-белый. Сын Главного правителя Александр, которому было тогда пять лет, вспоминал, что флаг был Андреевским. Еще могли спускать красный с косыми крестами пойс, который был вполне уместен над русской крепостью. Но такого флага нет на рисунках очевидцев. Некоторые участники событий вспоминают, что мучительный спуск русского флага поверг княгиню Марию Максутову в обморок.

Где же был сам Главный правитель Русской Америки в этот

последний для нее час? Как правило, его по умолчанию ставят рядом с русскими представителями А. Пещуровым и Ф. Коскулем. В некоторых источниках упоминается, что Д. Максутов «наблюдал церемонию с отстраненным спокойствием, а его жена смахивала слезы». Но есть версия, что князь отсутствовал на церемонии. Автору эта версия стала известна из публикации в «Русском Американце» В. Ушанова, американца русского происхождения, взявшегося в 1980 г. написать правдивую картину о подъеме звездно-полосатого флага над Русской Америкой. Художник тщательно собирал сведения об участниках и деталях исторического события. Он, как мог, реконструировал форму русских и американских морских офицеров, восстановил по фотографиям и описаниям их внешность. Не погрешив особенно против исторической правды, он поместил на картине многих своих современников, связанных с Русской Америкой, в частности упомянутых выше В. Петрова и Р. Пирса. Но их он разместил среди обывателей, присутствовавших на церемонии. К размещению же исторических персонажей и их облику В. Ушанов отнесся вполне серьезно. Князя Д. Максутова на картину он не поместил.

Некоторые считают, что князь мог быть занят завершением торговых дел. Где и с кем? Более правдоподобной может оказаться другая причина. Князь был настолько сильно расстроен, что не мог совладать с собой. Правительственный комиссар А. Пещуров, щадя самолюбие князя, согласился с его отсутствием на церемонии. Мог ли князь, не дрогнувший под многочасовым неприятельским обстрелом, так расстроиться, до такой степени не владеть собой? Не институтка же. А слезы ему бы простили.

Более правдоподобным может оказаться авторское объяснение причины отсутствия Главного правителя. Эта гипотеза строится на основании диагноза смерти князя — кровоизлияние в мозг. Возможно, роковой удар 1889 г. не был первым. Микроинсульт с кратковременным частичным параличом мог случиться у Дмитрия Петровича и в тот напряженный день. Первый звоночек. Или уже не первый? Динамическое нарушение мозгового кровообращения у князя началось не вдруг. Склад психики и стиль поведения князя позволяют сделать такое предположение. Загнанные вглубь эмоции, напряжение последних дней, обнуление вложенного не за один год труда — все это могло спровоцировать психосоматический удар большой силы. Напрасно в послужном списке офицера записано, что он ранен и контужен не был. Генералиссимус А. Суворов, например, утверждал, что получил ран при Дворе и в семье больше, чем в боях. Только очень серьезная обездвиживающая причина могла

заставить Главного правителя не выйти к последнему спуску русского флага!

Не добавило бы сил князю Дмитрию известие о кончине его отца, случившейся за неделю до передачи колоний. Действительный статский советник, князь Петр Иванович более 20 лет управлял Пермской удельной конторой. Последние годы он жил в одиночестве. Известие о его смерти в колонии пришло много позже. Но мог ли удар судьбы по сыну ускорить смерть отца? Есть ли между близкими душами такая связь? Не может не быть. И не зависит сердечная боль за близких от расстояний. Какая разница в таком случае, сколько верст от Перми до Ситки. Однако после церемонии спуска русского флага Дмитрий Петрович нашел в себе силы собраться. Уже через два дня они сидели с А. Пещуровым напротив американцев и составляли списки передачи имущества.

Церемония передачи колоний пришлась на пятницу. А потом начался большой совместный праздник. Поскольку в то время на Аляске субботу чтили немногие, следующий день был отведен на знакомство новых хозяев с тем, что им достается. Американцы резво разбежались по новой территории, определились с размещени-

ем вчерне, пообщались в представительском формате с настороженными русскими. При этом головы старых и новых ситкинцев все время поворачивались в сторону нового флага. Неужели свершилось!

Воскресенье для русских началось службой в Михайло-Архангельском соборе. Воскресную службу служили епископ Петр, прибывший в Ново-Архангельск еще в 1859 г., и протоиерей Павел Кедроливанский, живший в колониях с женой и двумя сыновьями с 1864 г. Такую необычную фамилию священнику оставил его отец-мореход, очарованный статью ливанского кедра, увиденного в странствиях. Отец Павел Кедроливанский, последний благочинный Русской Америки, последует в Сан-Франциско, где трагически погибнет при невыясненных обстоятельствах.

Церковь прощалась с прихожанами. Прихожане прощались со своими храмами и образами заступников. Наиболее почитаемой иконой в Ситке был образ Казанской Божией Матери, переданный в 1850 г. компанейскими работниками в дар еще недостроенному собору во имя Святого Архангела Михаила. Считается, что это работа В.Л. Боровиковского. Ко времени появления в Ситке иконе, ставшей чудотворной, было уже более четверти века. Сколько слышала эта икона просьб, раскаяний и благодарностей. Начало исхода русских из Америки пришлось на праздник иконы

Казанской Божией Матери. И до дней нынешних этот намоленный образ Царицы Небесной — Мадонны Ситки привлекает православных прихожан. Она почитается наряду с иконой Архангела Михаила, вынесенной на берег с разбившегося в 1813 г. компанейского судна.

Если торговая компания и квазигосударственные российские структуры покидали американский континент, то православная церковь оставалась. По договору церковные здания и владения православной общины не подлежали передаче. А было во всей Русской Америке 9 церквей и 37 часовен. Само по себе хозяйство не малое, если добавить дома священнослужителей, коих было более тридцати. С натяжкой можно было также отнести к владениям православной общины дома старост и их хозяйства. В целом получалось немало.

На сегодняшний день Михайло-Архангельский собор, восстановленный после пожара, случившегося почти столетие после уступки, — легкоузнаваемый символ Ситки. Практически в первозданном виде сохранился только дом архиепископа. При его реставрации были

неожиданно обнаружены интересные источники по истории Русской Америки. Дело в том, что щели между бревнами компанейские умельцы заделывали бумагой. На это шли старые бухгалтерские книги Ново-Архангельской конторы.

Для американцев пункт договора об оставлении имущества за церковной общиной был само собой разумеющимся, так как их религиозные объекты традиционно создавались на частные средства. В то же время для России, где церковь не была отделена от государства, маленькая имущественная оговорка была большой дипломатической победой. Епископ Иннокентий прозорливо счел возможным даже усилить влияние православия в Америке после уступки колоний. Для этого необходимо было перенести центр епархии в Калифорнию. В 1868 г. Иннокентий станет первоиерархом Русской православной церкви — митрополитом Московским и Коломенским. В 1870 г. будет учреждена Алеутская и Аляскинская епархия, а в 1872 г. ее центр будет перенесен в Сан-Франциско. Православие останется в Америке навсегда.

Не только православная церковь заботилась о пастве в русских владениях в Америке. Были также миссии лютеранская и англиканская. Если лютеранских пасторов приглашало само Главное правление, то англиканские священники, проникнувшие на Юкон в 1861 г., были гостями непрошеными. Судьба лютеранской миссии в Ново-Архангельске тоже оказалась связанной с уступкой колоний. В 1865 г. из Ситки убыл

лютеранский пастор Густав Винтер, как оказалось, последний. Главный правитель просил прислать ему замену. Д. Максутов искренне уважал веру своего предместника И. Фурухельма и его земляков. Тем более что предполагался определенный рост протестантского населения в Русской Америке. Колонии от этого вовсе не переставали быть русскими. Пока на Мойке, 72 такую замену искали, Договор об уступке был уже подписан. Вопрос отпал сам собой.

Праздник продолжался. В тот день в Ситке было пять групп совершенно разных американцев: русские, янки, индейцы, алеуты, креолы. Каждая группа не разделяла настроение другой. Американцы-янки пили за новые территории и перспективы бизнеса. Американцы-тлинкиты не принимали участия в празднике. Они не понимали, как их земли и воды могут вообще кому-то передаваться. Они только позволяли русским пользоваться своими владениями, но не собирались их переуступать никому. Американцы-алеуты были чужаками на индейской территории и готовились с уходом русских вернуться на свою историческую родину.

Русские американцы поднимали тосты за возвращение в Россию, устраивали поминки по потерянному. По воспоминаниям одного из американских сержантов нового гарнизона, русские все до одного вели себя так, как будто хоронили царя, те, кто не был занят упаковкой имущества, бродили по улицам в подавленном настроении. Пили еще по одной причине. Вряд ли служащие и работники готовы были портить имущество свое или компанейское. Ведь не Москву Наполеону сдавали. Но вот некоторые запасы можно было уже не жалеть, а уж оставлять американцам точно нельзя. В магазинах, т. е. на складах компании, было более 100 тысяч литров спиртного, что документально зафиксировано. Цифра столь огромная, что ее страшно публиковать. Да и ход рыбы закончился, потому соленого лосося хватало. Наверное, что-то было припрятано по домам. А тут еще подоспел обмен компанейской валюты —■ марок на живые деньги.

Обмен — дело серьезное. Нужно было со всем вниманием отнестись к номиналам денежных знаков. В повседневной жизни администрация колоний практически не опасалась «фальшивомонетства». Население было незначительным, все на виду, доходы и расходы известны. Конечно же были случаи, когда затертые кожаные полтинники, четвертаки и гривенники вытягивались и подкрашивались с целью выдать их за рублевые. Если такие фальшивые марки и попадали в уплату за компанейскую водку, то дознание не проводилось, а виновные не

разыскивались. Теперь всю эту кожаную массу предстояло обменять на русские разноцветные ассигнации или американские бумажные доллары — гринбаки. Как следует из названия, эти «баксы» были уже тогда зелеными.

Во время своего приезда в Петербург перед назначением Главным правителем князь мог видеть, как во дворе Государственного банка на улице Садовой в железных клетках сжигались пришедшие в негодность ассигнации. Публика специально собиралась посмотреть, как деньги превращаются в пепел и дым. Вряд ли князь Д. Максутов устраивал в Ново-Архангельске публичное сожжение марок. Без куражу, буднично протопили одну из конторских печей поистертыми кусочками кожи. Только густой черный дым над Замком свидетельствовал о возвращении бывшей Русской Америки в финансовую систему империи, в ее рублевую зону. Даже на

сувениры марок оставили непростительно мало. Тем дороже они сейчас.

Наступило пьяное горькое воскресенье Америки, еще вчера бывшей Русской. Беспробудное пьянство у русского человека бывает от безысходности. Русский прекращает пить, когда забрезжит надежда или ему попросту надо идти на работу. А вот как раз на работу уже идти не надо было. В той атмосфере конца 1867 г. пьянство в колониях, можно предположить, было выше среднего.

На новой американской территории начинался хмурый понедельник 21 октября. В течение следующей недели Д. Максутов был занят тем, что вводил в курс дел А. Пещурова и Ф. Коскуля. Затем они вместе с американцами вырабатывали Протокол передачи колониального имущества.

Главный правитель внимательно перечитывал Договор об уступке. В полном титуле Императора и самодержца Всероссийского указывались все земли, на которые распространялась его власть, все земли, приведенные под его руку царственными предместниками. В царском титуле Русская Америка читалась между строк: «...и всея Северныя страны повелитель». А может, и между других строк затерялись русские колонии. Часть собранных земель «российского владения» вследствие взаимного соглашения с правительством Северо-Американских Соединенных Штатов уступалась. Уместно привести фрагменты соглашения, на которые князь обратил самое пристальное внимание.

«Вашингтон 18/30 марта 1867 г.

Божиею поспешествующею милостию мы, Александр Второй, Император и Самодержец Всероссийский... объявляем через сие,

что вследствие взаимного соглашения между нами и правительством Северо-Американских Соединенных Штатов полномочные наши заключили и подписали в Вашингтоне 18/30 марта 1867 года договор об уступке наших Северо-Американских колоний.

Статья I

Е. В-во Император Всероссийский сим обязуется уступить Северо-Американским Соединенным Штатам, немедленно по обмене ратификацией, всю территорию с верховным на оную правом, вла-деемым ныне Е. В-вом на Американском материке, а также прилегающие к ней острова.

Статья II

С территорией, уступленной, согласно предыдущей статье, верховной власти Соединенных Штатов, связано право собственности на все публичные земли и площади, земли, никем не занятые, все публичные здания, укрепления, казармы и другие здания, не составляющие частной собственности. Однако постановляется, что храмы, воздвигнутые Российским правительством на уступленной территории, остаются собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой церкви. Все дела, бумаги и документы правительства, относящиеся до вышеозначенной территории и ныне там хранящиеся, передаются уполномоченному Соединенных Штатов; но Соединенные Штаты во всякое время, когда встретится надобность, выдают Российскому правительству, Российским чиновникам или Российским подданным, которые того потребуют, засвидетельствованные копии с этих документов.

Статья III

Жители уступленной территории могут по своему желанию возвратиться в Россию в трехгодичный срок, сохраняя свою национальность, но если они предпочитают оставаться в уступленной стране, то они, за исключением, однако ж, диких туземных племен, должны быть допущены к пользованию всеми правами, преимуществами и льготами, предоставленным гражданам Соединенных Штатов, и им должны быть оказываемы помощь и покровительство в полном пользовании свободой, правом собственности и исповедании своей веры. Дикие же племена будут подчинены законам и правилам, которые от времени до времени могут быть постановляемы Соединенными Штатами в отношении к туземным племенам этой территории.

Статья IV

Е. В-во Император Всероссийский назначит в возможно скором времени уполномоченного или уполномоченных для

формальной передачи уполномоченному или уполномоченным от Соединенных Штатов вышеуступленных территорий, верховного права и частной собственности со всеми принадлежностями, и для всяких других действий, которые окажутся нужными по сему предмету. Но уступка с правом немедленного вступления во владение, тем не менее, должна считаться полною и безусловною со времени обмена ратификаций, не дожидаясь формальной передачи оных.

Статья V

Немедленно после обмена ратификацией сей конвенции всякие укрепления или военные посты, находящиеся в уступленной территории, передаются уполномоченному Соединенных Штатов. И все русские войска, расположенные на этой территории, выводятся в удобный для обеих сторон срок.

Статья VI

На основании вышеустановленной уступки Соединенные Штаты обязываются заплатить в казначействе в Вашингтоне в десятимесячный срок со времени обмена ратификацией сей конвенции дипломатическому представителю или иному Е. В-вом Императором Всероссийским надлежаще уполномоченному лицу семь миллионов двести тысяч долларов золотой монетой. Вышепостановленная уступка территории и верховного на оную права сим признается свободной и изъятой от всяких ограничений, привилегий, льгот или владельческих прав Российских или иных компаний.

Учинено в Вашингтоне 18/30 марта тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года.

Эдуард Стеклъ Вильям Г. Сьюард».

На присланной в колонии копии договора могла быть приписка Государя следующего содержания:

«Того ради, что по довольном рассмотрении сего договора, мы приняли оный за благо, подтвердили и ратификовали, яко же сим за благо приемлем подтверждаем и ратификуем во всем его содержании, обещая императорским нашим словом за нас, наследников и преемников наших, что все в помянутом договоре постановленное соблюдаемо и исполнено будет нерушимо. В удостоверение чего мы сию нашу императорскую ратификацию, собственноручно подписав, государственною нашею печатью утвердить повелели. Дана в С.-Петербурге мая 3 дня в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят седьмое, царствования же нашего в тринадцатое.

На подлинном собственно Е.И.В. рукою подписано тако:

Александр».

К договору прилагалась карта Русской Америки. В октябре

1867 г. границы не вызывали особенного спора, так как зоны РАК и КГЗ устоялись. Эти достаточно прочные виртуальные, даже не демаркированные линии были просты и понятны. В материковой зоне, примыкающей к архипелагу Александра, граница проходила по естественному хребту, остальная часть вытягивалась в струнку по меридиану. На внутренние территории Аляски и на Алеутские острова никто из третьих стран не покушался. Фактически Россия уступала территорию, свободную от притязаний других государств, и компанию, свободную от международных финансовых обязательств. Географические представления той поры не позволяли в некоторых случаях четко обозначить разграничение владений России и Соединенных Штатов. Как оказалось, самая важная на день сегодняшний линия направлялась прямо «безгранично к северу, доколе просто она совсем теряется в Ледовитом океане». Одна линия шла *почти* (!) в юго-западном направлении через Берингов пролив и Берингово море. Эти нестрогие и вполне уместные цифры на 1867 г. были уточнены более 100 лет спустя. У же по совсем другой цене.

Дело в том, что морские карты имеют разные проекции, на которых одинаково читаются только меридианы и параллели. Линии, идущие в других направлениях, существенно искажаются, как и охватываемые этими линиями пространства. На привычной морской карте меркаторской проекции кратчайшее расстояние между двумя точками не является прямой. Это хорошо знали Главный правитель Русской Америки и правительственные комиссары еще с кадетских лет. Это хорошо представляет и автор, в голову которого также вложили основы навигации. Но никому не могло тогда прийти в голову, что в конце XX в. будет вестись борьба за условные линии, проведенные по «ничейному» Берингову морю.

Главный правитель колоний, узнавший о заключении Договора об уступке одним из последних, включился в работу по передаче колоний. Был составлен Протокол, в котором отметили переход Аляски под новую юрисдикцию и передачу бумаг колониального архива. Протокол имел подпункты согласно характеру передаваемого имущества:

A — укрепления, общественные здания, дом Главного правителя, казармы, склады, верфи, госпиталь и школа передавались Соединенным Штатам;

B — церкви и дома церковных служителей оставались в собственности прихожан;

C — частная собственность, включая дома и земли, оставалась за их владельцами с правом наследования;

D — в этом пункте упоминались домовладельцы, не имеющие

земли.

Все объекты Протокола, указанные в пунктах A—D, можно было обозреть в течение пары часов. Остальное имущество компании пришлось передавать под честное слово Главного правителя.

Вторым по значимости русским поселением на Аляске была Павловская Гавань на острове Кадьяк. С Кадьяка собственно и начиналась Русская Америка. Идея о возвращении столицы в Павловскую Гавань время от времени посещала руководство РАК. Генерал Л. Руссо не приветствовал лишние морские путешествия и к тому же торопился доложить о выполнении миссии. Поэтому и поручили князю Д. Максутову детально разработать пункт E с указанием объектов, передаваемых американцам на Кадьяке «заглазно». Что князь и представил к середине недели.

Затем Д. Максутов и Ф. Коскуль сели за списки продаваемого за валюту компанейского имущества. Наверное, компанейским руководителям нелегко было минимизировать потери и найти возможности распорядиться деньгами на американском континенте наилучшим образом.

Передача дел и имущества компании завершилась 12 (24) октября 1867 г. Эта дата указана в «Записке Главного правления компании по делу о вознаграждении убытков от распродажи колониального имущества», составленной в 1868 г. В Протоколе, подписанном Л. Руссо и А. Пещуровым, стоит дата 14 (26) октября. На опись имущества и согласование порядка его передачи ушла почти неделя. Значит, русские и американцы провели эту неделю в некоторых спорах. Д. Максутов принимал в них самое активное участие. Где-то между этими двумя датами и иссякли его полномочия как представителя РАК.

Большинство промышленников и солдат начали готовиться к отъезду, собирать немудреные пожитки. Можно было получить право на бесплатный проезд, можно было получить деньги. Начался обмен кожаных марок — внутренних денег колоний — на привычные, но подзабытые рубли и гринбаки. Деньги легко тратились в ожидании отъезда

Необходимо было определить порядок отъезда и сам состав отъезжающих. Генерал Л. Руссо оптимистично считал, что большинство русских примет подданство Соединенных Штатов, если американцы будут к ним хорошо относиться. Это «если» оказалось сразу же под большим вопросом.

Уже в те времена североамериканцы начинали устанавливать барьеры для иммигрантов. Так, для того, чтобы стать полноправным гражданином Соединенных Штатов, необходим был определенный ценз. Участник тех событий вспоминает: «Не

случись продажи русских колоний, понадобилось бы прожить пять лет безвыездно в одном из штатов, чтоб получить право гражданства; шутка сказать — пять лет. А тут нужно для того не больше 5 минут». Вся процедура заключалась в произнесении клятвы Конституции Соединенных Штатов: «I swear» — «Клянусь» и собственноручной подписи. Клятва произносилась в присутствии двух свидетелей, подтверждавших добропорядочное поведение потенциального американского гражданина. Эти редкие бывшие подданные Российской империи избегали унизительной иммиграционной процедуры и процедуры натурализации. Тем более что русская иммиграция как массовое явление началась уже после царствования Александра II Освободителя.

Простоту аляскинского порядка американизации 1867 г. оценит любой современный россиянин, который хоть раз обращался в консульства Соединенных Штатов или Канады за визой. Хотя современная бюрократия Нового Света часто ставит препоны иммигрантам и по менее серьезным поводам. Как-то автору пришлось готовить документ о своем добропорядочном поведении в одной из американских стран за истекший год. После многонедельных мытарств по иммиграционным органам и органам внутренних дел такой официальный документ удалось получить. Добропорядочное поведение просителя в течение прошедшего, но только этого года было признано официально. Всю остальную жизнь, судя по всему, автор жил и живет кое-как.

Американцы отнеслись к своим потенциальным согражданам не по-братски. Для янки Ново-Архангельск представлялся поселением так называемого *фронтира* — подвижной линии вооруженного соприкосновения американских поселенцев с индейцами. Хотя сам термин *фронтир* был введен только в 1893 г. американским историком Ф. Тернером. Не отягощенные историческим сознанием янки

в тот год просто закреплялись на очередном рубеже, где закон зачастую уступал место более весомым доводам. Самуэль Кольт к тому времени уже успел познакомить мир с новейшими системами усиления аргументации. Немногим русским приглянулись новые порядки и новые соседи. Остаться, приняв американскую присягу, согласились немногим более дюжины человек. Оговоримся, что речь идет только о русских, финнах или немцах, проживавших в колониях. О гражданстве индейцев и алеутов вопрос вообще не стоял. Их цивилизуют позже.

Креолы же, по образному выражению одного отечественного историка, «проданные вместе с родиной», должны были искать возможность ужиться с новыми хозяевам на своей территории,

покинутой русскими. У них оставался единственный путь — стать американцами с чадами и домочадцами. Такой путь вынужденно выбрал совершенно русский по духу талантливый шкипер Илларион Архимандритов. Ему, как большинству креолов, вообще податься было некуда. Родился он в колониях в 1820 г., учился в Школе торгового мореплавания в Петербурге, служил с весьма приличным годовым окладом в 4 —5 тысяч рублей ассигнациями. Не было маршрута в колониях, по которому бы не провел корабль Илларион Иванович. Многие аляскинские креолы так и будут считать себя русскими.

Может быть, на самый дальний северный американский форпост отбирали не самых лучших солдат. Может быть, изначально хорошие солдаты подпортили себе вестибулярный аппарат и психику в целом за время недельной болтанки на рейде Ново-Архангельска. Только дисциплина нового гарнизона оставляла желать лучшего. Комиссар А. Пещуров имел основание назвать их сбродом. До 30 солдат были постоянно арестованы за воровство и драки. Это составляло более десятой части всей американской армии на Аляске.

Бригадный генерал Дж. Дэвис начал давить на князя Д. Максутова с первых же дней. Он заявил, что не потерпит существование российской компании и ее агентов. По его пониманию условий передачи Аляски, русские обязаны были завершить свои дела как можно скорее. Крайняя отсрочка допускалась не более чем на три года. На какое-то время в пользовании служащих компании должны были оставаться склады и конторские помещения. Однако прежних хозяев вытесняли из жилых и служебных помещений, не сообразуясь с реалиями. Русские, как отмечал А. Пещуров, вынуждены были «в здешнюю дождливую погоду выбираться из домов и большой частью на суда». Поневоле кому-то из русских на ум приходило историческое «когда нас не будет, все возьмете». Так с конца октября Д. Максутов с семьей оказался в гостях в собственном доме. Из Главного правителя он превратился в частное лицо. Вот тебе, бабушка, и Дмитриев день. День святого славного великомученика Дмитрия Солунского как раз и приходится на конец октября.

Американцы привезли с собой в разобранном виде дома. Наверное, разборные дома были рассчитаны на калифорнийский климат: стены как клинкерная обшивка на шлюпке — доски внахлест. По какой-то причине их возведение откладывалось. Рубленые, с хорошими печами, а главное, уже готовые, русские дома пришлись американцам больше по вкусу. Придет время, и американцы освоят технологию «ту бай фо» (two by four) —

быстрого строительства домов из бруса 2 на 4 дюйма. Придет время, и американцы освоят новый вид офиса — одно большое помещение на всех. Но в том году в Ситке они требовали все большего количества отдельных жилых домов, канцелярий и контор. Отбирать всегда легче, чем созидать. Особенно когда на твоей стороне закон в нужном толковании.

Русскому населению не было понятно, кто такой генерал Дэвис. Большой американский начальник с окладистой бородой мог казаться кем-то вроде губернатора. Еще более странным для русских оказалось, что местная американская братия быстро справилась с формированием гражданской власти. Русские в колониях сильно отстали от самой России, проводившей гражданские преобразования. Им было практически неведомо понятие демократии, а ее американского варианта и подавно. Гражданскую администрацию Ситки возглавил таможенный офицер В.С. Додж. С такой фамилией он не мог не председательствовать в местном суде. Что не мешало ему посильно принимать участие в коммерческих предприятиях.

Когда русские ушли, американцы сочли, что «новых» городов в Соединенных Штатах достаточно (Нью-Йорк, Нью-Орлеан), и оставили этому населенному пункту имя Ситка. В данном случае ломать русскую топонимику особенно не пришлось. В середине XIX в. русские и сами не часто употребляли название Ново-Архангельск. Чаще говорили: уехал в Ситку (Ситху), был в Ситке. Под этим именем город живет и поныне. До 1906 г. Ситка будет оставаться главным городом территории Аляска, пока столица не будет перенесена в Джуно. Город назовут в честь счастливого старателя Джоя Джуно, который намоет здесь в 1880 г. фактически первое большое золото на Аляске.

В 1935 г. в Вашингтоне будет принят закон — «Акт об исторических местах, представляющих исключительную ценность для увековечения или иллюстрации истории США». Одним из таких исторических мест будет объявлена площадка перед Замком Баранова. Флагшток с американским флагом, впервые поднятым над Ситкой в октябре 1867 г., будет восстановлен. На флаге прибавится звездочек, одна из которых с 1959 г. будет символизировать Аляску. Всего же русские оставили новым владельцам территории более 30 населенных пунктов на побережье и в глубине Аляски, а также на Алеутских островах. Вокруг многих из них будет кристаллизоваться новое население Аляски.

Американцы сохранят добрую память о последнем русском «губернаторе» Аляски. Князь и княгиня Максутовы живут в постоянных героях Аляскинских фестивалей.

РУССКИЕ консулы В АМЕРИКЕ

1868-1869

Со дня спуска флага над Замком Баранова капитан 1-го ранга Д. Максутов продолжал оставаться высшим русским должностным лицом в колониях. Для генерала Дж. Дэвиса, возглавлявшею американскую администрацию, полномочия сдавшего дела Главного правителя были вовсе не очевидны. На трехлетний период передачи колоний полномочия русской администрации в отношении подданных империи формально сохранялись, но урезались американцами явочным порядком. Новые хозяева торопили. Первоначально они чувствовали себя в меньшинстве. Командующий американским гарнизоном заявил, что не потерпит на новой территории никакой власти, кроме своей собственной. Действительно, генералу было мало двух рот солдат. Масштабы не те. На чересчур активного генерала пытался воздействовать и старший американский коллега, и представители России, избегая, впрочем, формальных жалоб. У русских была главная цель — уйти с наименьшими потерями и без дополнительных осложнений.

Поэтому притесняемый в буквальном смысле этого слова экс-правитель нуждался в защите. Существенную помощь князю ока-

зывал А. Пещуров. Правительственный комиссар покинул Ситку в августе 1868 г., хотя, по словам Э. Стекля, еще весной «успел покончить все дела, касавшиеся прямо его поручения, и был удержан на месте временного своего пребывания только необходимостью упрочить будущность православного духовенства на новых началах».

Россия обеспечила защиту интересов русского населения бывших колоний, назначив князя консулом в Ново-Архангельске с соответствующими прерогативами и иммунитетом. Русский консул в Ситке был признан Соединенными Штатами в апреле 1868 г.

До этого на тихоокеанском побережье Америки русские консулы были только в Сан-Франциско. Славную 250-летнюю историю имеет это консульство в самом русском городе Западного побережья США, выросшем из небольшого президио — поселения испанских колонистов, защищенного фортом. Так бы и оставался этот форт испанским или мексиканским захолустьем, если бы не предприимчивые американцы. С включением независимой Калифорнии в состав Северо-Американских Соединенных Штатов Сан-Франциско стал тем, чем является сейчас. Своим ростом этот тихоокеанский порт во многом обязан Аляске и Сибири. Именно на Сан-Франциско базировались американские торговцы, охотники за пушным зверем и китобои.

Постепенно росло военное значение порта. Сюда в 1854 г. после штурма Петропавловска, отбитого князем Д. Максутовым со товарищи, пришла исправлять повреждения англо-французская эскадра. Во время Гражданской войны здесь был основной тихоокеанский военный порт северян.

Первоначально основные задачи консулов по защите интересов российских подданных на тихоокеанском побережье сводились к обеспечению деятельности служащих РАК, посещавших Калифорнию. Поэтому естественно, что консулы были тесно связаны с компанией, являясь ее агентами. Правильно будет сказать, что агенты компании становились консулами. Да и людей в русских колониях было мало. Традиционно пушной промысел оставался под самым пристальным взглядом российского консула в Сан-Франциско практически до самой Первой мировой войны. Но этот был уже не российский бизнес, а американский. Приходилось считать американские суда, убывающие на незаконную охоту в российские воды.

Главный правитель колоний И. Фурухельм указывал на вредность совмещения одним лицом агентских и консульских функций. Впрочем, лично к консулам у администрации колоний нареканий не

--^

было. Люди выдвигались на эту должность достойные. Случайно ли или по какому-то высшему умыслу, все русские консулы «максутов-ского» переходного времени стоят в алфавитном списке на одну букву «К»: Костромитинов, Клинковстрем, Коскуль.

До 1862 г. консулом в Сан-Франциско был Петр Семенович, старший из братьев Костромитиновых, выходцев из купеческого сословия. Братья прибыли на Аляску еще в 30-х гг. и приняли активное участие в формировании колоний. Главный правитель Ф. Врангель испросил Петру Семеновичу 14-й класс и назначил его правителем конторы Росс. Именно П. Костромитинов вел переговоры о продаже Росса, но уже при Главном правителе А. Этолине. Потом он поработал в Ново-Архангельске и вернулся в Калифорнию агентом компании. Жена у него была, по отзывам современников, редкой красоты. В этих отзывах читается зависть.

Средний Костромитинов Иннокентий занимал посты начальника Кадьякской и Ново-Архангельской контор и в 1860 г. получил чин почетного гражданина.

Младший из Костромитиновых Иона умер до приезда князя в колонии. Сын Ионы Сергей в описываемое время уже завершил учебу в России и стал гражданином США по упрощенной процедуре согласно Аляскинскому договору. Впоследствии он

будет на государственной службе, возглавит милицию округа Аляска и Аляскинское историческое общество. В конце жизни станет священником — отцом Сергием.

Петра Костромитинова на консульской должности сменил Мартин Федорович Клинковстрем. Родился он в Либаве в 1818 г. Отец его происходил из родовитой шведской семьи, но был лишен наследства, поскольку женился на простолюдинке — всего лишь дочери доктора. Потому ничто не ограничивало молодого человека в выборе карьеры. От отца Мартин унаследовал свободолюбие и предприимчивость. Среди американских селф-мэйд-менов русский консул был не последним. Службу в РАК он начал с 1837 г. Командовал кораблями и байдарочными партиями, описывал Алеутские острова и искал иностранные фактории на чукотской реке Анадырь. Искал, чтобы пресечь незаконную деятельность иностранцев в спорном, по их мнению, районе. До тех пор пока Аляска была в русских руках, иностранцы боялись совать нос на Чукотку. Они знали, что это зона ответственности РАК и с ее отчаянными компанейскими служащими шутки плохи. За спасение экипажа и груза компанейского судна «Чичагов»

Мартин Федорович был награ>кден медалью на Анненской ленте. Название медали говорило само за себя — «За храбрость». Женат он был на Евгении Федоровне Колмаковой, дочери тихоокеанского промышленника, т. е. человека занятого промыслом зверя.

Положение агента РАК давало М. Клинковстрему возможность заключать от имени компании торговые договоры, в частности на поставку льда в Калифорнию. Он не только отслеживал конъюнктуру американского рынка, но и мог определенным образом влиять на нее. А главное, он постепенно обрастал многочисленными полезными связями. Пробыл М. Клинковстрем в Америке до 1875 г.

Основная консульская забота князя Д. Максутова состояла в защите личных и имущественных интересов русских, убывающих из колоний. Имелся и высший имущественный интерес — компанейский. РАК вовсе не смирилась с потерей колоний и не дожидалась сложа руки, когда Государственное казначейство России выплатит ей причитающуюся, но неизвестно какую часть из 11 миллионов рублей. Компания блюла свой интерес и продавала не подлежащее передаче американцам имущество. Частный капитал и тогда был частным.

Для Главного правителя передача колоний началась задолго до официальной октябрьской церемонии. Покупатели хлынули в Русскую Америку еще летом 1867 г. Они готовы были столбить

участки и скупать имущество, принадлежащее компании и частным лицам. Заметим, что речь о золоте в русских владениях еще не шла. Важно было не продешевить, ведь не обанкротившейся компании имущество с торгов продавали. Все созданное в тяжелых аляскинских условиях имело двойную и даже тройную цену. По русской пословице, за морем телушка полушка, да рубль перевоз. Значит, стоимость всего, будь то склад, или мастерская, или обработанная несколькими поколениями относительно плодородная земля, включала многие стоимости перевоза железа и кирпича, инструментов и механизмов. Стоимость слез, пота и крови не в счет. После подписания договора РАК уже не было смысла держаться за узкую полоску земли. Но можно и нужно держаться за финансы, за бизнес, за влияние.

Время на реализацию торговых операций и амбиций было ограничено. До приезда комиссионеров Д. Максутов успел продать ледники и все оборудование для добывания льда. Понятно, что ледники суть явление природное. Тогда как инфраструктура для добычи, хранения и реализации льда создавалась не один год и стоила не одну тысячу рублей. Одни ненормативные порции рома рабочим на ледниках могли пробить брешь в бюджете предприятия. Ледовый бизнес, как и было предписано свыше, продавался свободным от коммерческих обязательств; договор РАК на поставку льда в Сан-Франциско истекал. Поскольку было разрешение продавать частные земли, то Главный правитель согласился с ценой 15 тысяч долларов за 160 акров земли близ Озерского редута. Важен был выбор покупателей с учетом их деловой репутации. А уж репутацию американских партнеров Д. Максутов знал хорошо. Памятуя, что в свое время оплата за калифорнийскую колонию Росс так и не была полностью получена, Главный правитель стремился минимизировать сроки платежей. Так, за 4 тысячи долларов князь продал Густаву Ниебауму паровое судно «Константин», пожалуй, лучшее в колониях.

Отец Густава Фердинанда Ниебаума был выходцем из Финляндии и поддерживал хорошие отношения с А. Этолином. Юношу, который был на 10 лет младше князя, взяли на службу в РАК. Возможно, Г. Ниебаум был помощником капитан-лейтенанта Д. Максутова во время рейса «Камчатки» в Сан-Франциско. Светлую шевелюру компанейского шкипера, напоминавшего своим видом героя скандинавского эпоса, хорошо знали в Европе и в Америке. Немалые для бывшего служащего РАК деньги предприимчивый Г. Ниебаум собрал у своих американских знакомых, ставших компаньонами пока еще неизвестно какой

североамериканской компании. Первыми партнерами Г. Ниебаума были его земляки, выходцы из Великого княжества Финляндского. В частности, Иоганн Хансен, прибывший в Ситку в 1860 г. при И. Фурухельме и в 1864 г. сдавший экзамен на шкипера. Приняв американское гражданство, Г. Ниебаум станет президентом Аляскинской торговой компании и доживет до 1908 г.

Не все платежи приходили вовремя. В начале 1868 г. Д. Максутов вынужден был даже выехать в Сан-Франциско с требованием возвратить компании неоплаченное судно. Судебный процесс задержал Д. Максутова до марта. Может, он и сам не торопился в колонии, в которых все стало чужим.

Поскольку еще летом Петербург санкционировал продажу пушнины со складов компании, Д. Максутов стал искать «быстрых» покупателей. Торговец из Британской Колумбии Л. Босковиц осторожно купил 16 тысяч котиковых шкур по 40 центов за штуку. В Британской Колумбии он мог иметь за каждую шкурку 2—3 доллара. Ф. Коскуль мог схватиться за голову от такой коммерции. У него были другие инструкции РАК. Из Петербурга пришло не просто запрещение продавать задешево. Деньги получать наличными или краткосрочными векселями от 3 до 6 месяцев, дабы не затягивать общий расчет с акционерами. Директора успели подготовить вполне конкретные рекомендации: кому, за сколько продавать, как доставить товар и получить деньги. Ф. Коскуль получил прямые указания начать переговоры с Калифорнийской меховой компанией, интересы которой в России лоббировал американский посланник К. Клей. Но Главное правление заранее оговорило возможность своему представителю решать многие коммерческие вопросы «тем способом, который он найдет выгодным».

Всего же на складах компании находилось до 80 тысяч котиковых шкур. Это уже стоило не менее 200 тысяч долларов, даже если не везти за дальние пределы. А в дальних китайских пределах можно было выручить и половину миллиона. Было бы на чем доставить. Как видим, стоимость колониального имущества могла сильно разниться в зависимости от условий продажи.

Д. Максутову удалось продать практически все имущество компании при помощи своего торгового посредника в Калифорнии Х.М. Хатчинсона. К весне предприимчивые американцы, скорее всего, не без консультаций Дмитрия Петровича сумели организовать компанию «Хатчинсон, Кооль и К°». Второй партнер компании Уильям Кооль 1820 г. рождения был родом из Пенсильвании. С обретением Соединенными Штатами Калифорнии стал развивать корабельный бизнес в Сан-

Франциско. Перестраивал старые корабли, организовывал их рейсы. Но дальше Виктории интересы этого предпринимателя не распространялись. В июне 1867 г., узнав об Аляскинском договоре, на одном из своих кораблей отправился в Ситку. Корабль был продан начальнику Ново-Архангельской конторы Иосифу (Джозефу) Лугебилу. Последний примет американское гражданство, попытается основать свое дело, но вернется к своим русско-американским партнерам по меховой торговле. Очевидно, князь Д. Максутов только тогда и познакомился с У. Коолем, когда фиксировал сделку. С сентября 1868 г. компания стала именоваться Аляскинская торговая компания (Alaska Commercial Company). Хо-уард Мальком Хатчинсон был в хороших отношениях с генералом

Руссо, представителем американской стороны при передаче Аляски, и сумел на полную воспользоваться этими отношениями для получения некоторых привилегий своей компании. В Вашингтоне сложилось мнение, что достойно принять дела у РАК сможет такая же коммерческая компания.

Возможно, уже тогда помощь в становлении молодой американской компании рассматривалась в Главном правлении РАК на Мойке как возможность не вывозить свои капиталы из Америки. Время покажет. А пока русские продавали все, что имело хоть какую-то цену. А из-за удаленности от центров цивилизации эти цены могли отличаться от калифорнийских в разы. Продавались различные товары на складах и продовольствие, спиртное и табак, металлические изделия и старое оружие, списанные паровые котлы и корпуса судов. Еще 15 тысяч долларов пополнило компанейскую кассу. Живые деньги были необходимы для расчета со служащими и организации их перевозки из Америки. Расходы превышали установленную в далеком Петербурге смету. Часть компанейского люда, пропившего путевые деньги, требовала дополнительных выплат и была готова судиться с князем.

Тем временем в Петербурге после ликвидационного собрания акционеров в здании у Синего моста Главное правление начало борьбу за получение средств от сделки. Сделки, многим казавшейся несправедливой даже в правительстве. Председатель Комитета министров князь П. Гагарин счел, что «правительство продало частное имущество без всякой оценки и без всякого согласия со стороны законного владельца».

Директора доказывали необходимость значительной компенсации за потерю судов, военного снаряжения и различных колониальных запасов. Необходимы были деньги для выплат служащим компании «за нарушение заключенных с ними

контрактов». Правительственный комитет всячески уценивал активы компании, снижая компенсационные выплаты. Директора спорили. Тем временем акции компании поднялись выше номинала более чем в два раза Создавалась благоприятная возможность произвести выплаты по акциям.

Правительство и акционеры, журналисты и публика ждали поступления денег за уступленную Русскую Америку. Чек на 7,2 миллиона долларов получил Э. Стекль еще в августе 1868 г. Он же и занимался переводом этих денег в Россию через лондонский торговый дом «Братья Баринг и К°», который вел дела русского правительства за рубежом. Не мог знать князь, что из этой суммы 165 тысяч долларов было зачислено «действительным расходом» на известное Александру II употребление. Так были отражены траты на некоторое усиление аргументации для американских законодателей в пользу ратификации Аляскинского договора. Не стал вникать князь и в суммы, полученные РАК после уступки колоний. Решение о возмещении расходов компании было принято осенью 1868 г., когда капитан 1-го ранга Д. Максутов еще исполнял консульские обязанности в Ситке. Позднее князю стало известно, что, получив причитающиеся суммы, компания «осталась с ничем не покрытым убытком в 1 092 352 руб. 71 коп. серебром». Это притом, что компания получила от правительства компенсации без малого почти на миллион рублей. В итоге получилось, что после сведения последнего ликвидационного баланса в капитале РАК оказалось 247 875 рублей 71 копейка. Эти деньги предназначались для окончательных расчетов. Фактически РАК получила лишь частичную компенсацию за потерю своего масштабного многолетнего бизнеса. Никаких денег от аляскинской сделки на счета компании не поступило.

Недостатка желающих потратить сравнительно большую сумму не было. Так, в частности, Святейший синод истребовал от правительства на содержание Аляскинской епархии ежегодных субсидий на сумму приблизительно равную 1% от суммы, полученной за колонии, чтобы было на что окормлять православную паству на Аляске и готовить плацдарм в Сан-Франциско. Компания имела долги перед церковной организацией. Ей их простили.

Правительство после продажи колоний получило сумму приблизительно равную $^{3}/_{5}$ годового бюджета Министерства морского флота и менее $^{1}/$ годового бюджета Российской империи. Для масштабов империи сумма в 11 миллионов рублей действительно не кажется большой. Большая часть полученных сумм была вложена не в развитие флота, как надеялся в свое время генерал-адмирал Константин, а в строительство железных

дорог. Нельзя не признать, что последняя задача была столь же, если не более актуальной для реформируемой России. Направление средств состоялось опять же не без участия Великого князя. Средства, полученные от уступки колоний, разумеется, не было необходимости физически доставлять в столицу. Разумнее было потратить их на заграничных рынках для приобретения чего-то полезного.

Князь Дмитрий Петрович Максутов с внуком Яшей Несслером. Фото из архива Т.Д. Максутовой

Последняя фотография контр-адмирала Дмитрия Петровича Максутова. Фото из архива Т.Д. Максутовой

Старший сын Дмитрия Петровича — Александр Дмитриевич Максутов Александр, Сашка-Американец. в зрелые годы.

Фото из архива Т.Д. Максутовой Фото из архива Т.Д. Максутовой

Младший сын Дмитрия Петровича — Дмитрий Дмитриевич Максутов во время обучения в Морском училище (Морском корпусе). Фото из архива Т.Д. Максутовой

Дмитрий Дмитриевич Максутов во время службы в Добровольном флоте. Фото из архива Т.Д. Максутовой

Дмитрий Дмитриевич Максутов с женой Еленой, в девичестве Ефремовой, и сыном Дмитрием.

Фото из архива Т.Д. Максутовой

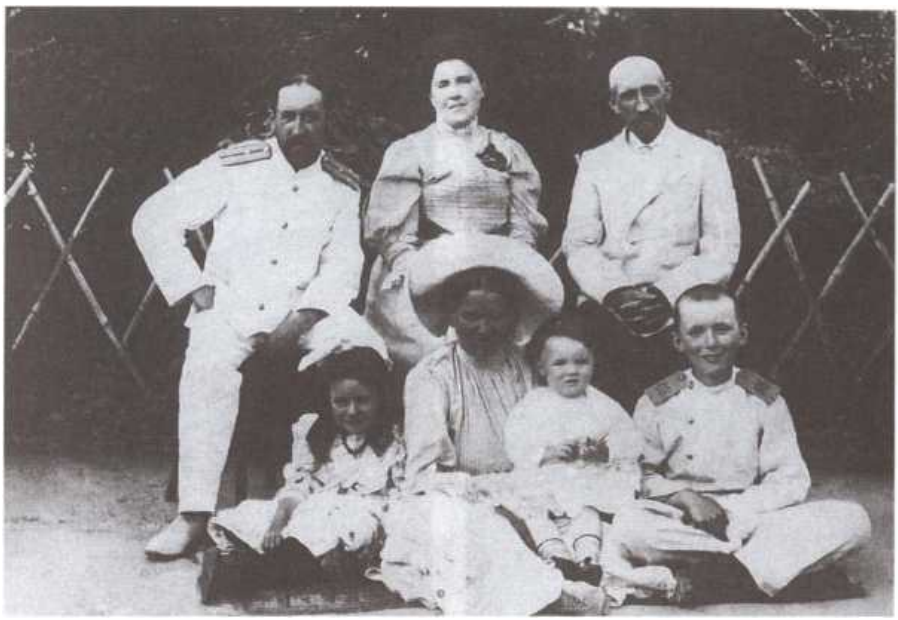
Дочь князя Дмитрия Петровича княжна Александра Максутова любимица императрицы Марии Федоровны.

Фото из архива Т.Д. Максутовой

Княгиня Мария Максутова, вторая жена князя, с дочерью. Фото из архива Т.Д. Максутовой

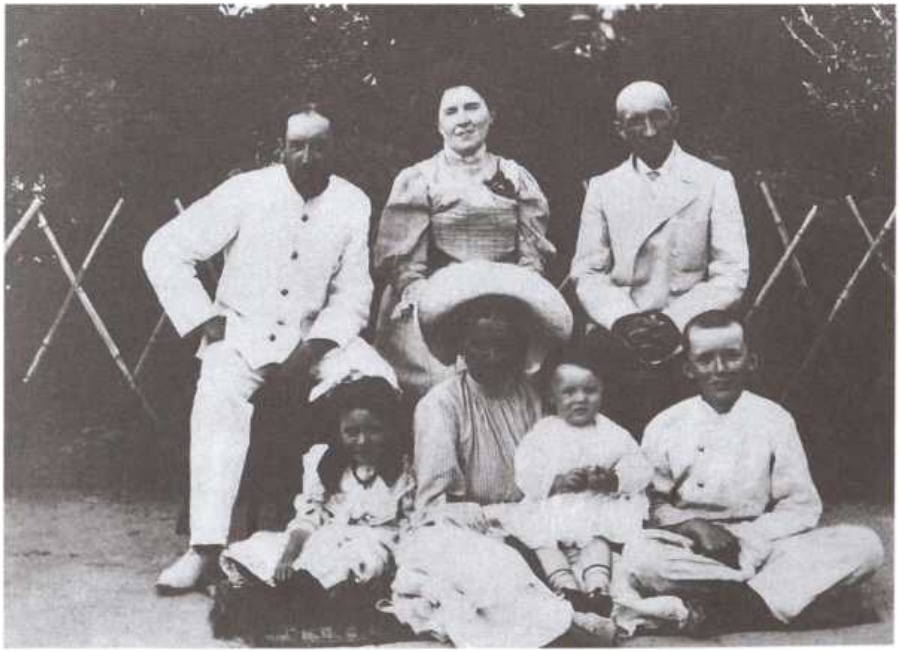
Дмитрий Дмитриевич Максутов-младший, внук Главного правителя и будущий советский астроном (во время Первой мировой войны). Фото из архива Т.Д. Максутовой

Могила Д.Д. Максутова, член-корреспондента Академии наук СССР. Пулково. Фото из архива Т.Д. Максутовой



В 1910 г. Дмитрий Дмитриевич Максутов *(во втором ряду слева)* пригласил брата Александра Дмитриевича *(во втором ряду справа)* к себе в Одессу. Сидят: кадет Дмитрий Дмитриевич-младший, дочери князя с няней. Между братьями — Елена Павловна, жена Дмитрия Дмитриевича. Фото из архива Т.Д.

Максутовой



Тот же снимок, отретушированный в советское время Дмитрием Дмитриева чем-младшим: убраны погоны.

Фото из архива Т.Д. Максутовой

КоШССеНСКНЙ Новодевичий жонлстывв

Дмитрий Дмитриевич Максутов, русский капитан 1-го ранга, последние годы жизни провел в США. Фото из архива Т.Д. Максутовой

Правнучка последнего Главного правителя Русской Америки Татьяна Дмитриевна Максутова у себя дома на Васильевском острове. Фото автора

Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге в конце XIX века. Фото Карла Буллы

ЛЕСОВСКОЙ

Могила адмирала С.С. Лесовского в Новодевичьем монастыре.

Фото автора

Могилы контр-адмирала Г.И. Невельского и его супруги Екатерины в Новодевичьем монастыре. Фото автора

Церковь Казанской Божией Матери в Новодевичьем монастыре. Фото автора

Прихожане одной из православных церквей на Аляске. Фото из архива В. Колычева

Восстановленный Михайло-Архангельский собор — символ Ситки. Фото из архива В. Колычева

Реконструкция национального тлинкитского костюма в Ситке. Фото из архива В. Колычева

Ритуальные предметы индейцев сохранили сакральную силу до наших дней. Фото из архива В. Колычева

Члены Московского историко-просветительского общества «Русская Америка» в зале Российского Дворянского Собрания. Фото из архива В. Колычева

Родовой герб князей Максутовых

Флаг Российско-Американской компании. Реконструкция

Денежные знаки — марки Русско-Американской компании

Памятник Императору Александру II в Москве.

Среди заслуг Царя-освободителя уступка Русской Америки не указана. Фото А. Хансена

Памятник Золотоискателю в Ситке

Памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске. Генерал-губернатор Восточной Сибири справедливо полагал, что

освоение Америки помешает закреплению русских в Азии. Фото А. Кузнецова

В российской истории здание Российско-Американской компании отмечено как штаб декабристов. Фото автора

Памятник Императрице Елизавете в г. Балтийске. Елизавета Петровна взошла на трон в год открытия Русской Америки и не испытывала особой благодарности к Анне Иоанновне, организовавшей Вторую Камчатскую экспедицию. При «веселой царице» Россия приросла не столько Северо-Западной Америкой, сколько Восточной Пруссией. Фото А. Кузнецова

Из недавно обнаруженных А.Ю. Петровым бумаг Государственного казначейства следовало, что «за уступленные Северо-Американским Штатам Российские владения в Северной Америке, поступило от означенных Штатов 11 362 481 руб. 94 коп. ...израсходовано за границей на покупку принадлежностей для железных дорог: Курско-Киевской, Рязанско-Козловской, Московско-Рязанской и др. 10 972 238 руб. 4 коп., остальные же 390 243 руб. 90 коп. поступили наличными деньгами».

Самым известным российским железнодорожным подрядчиком был Карл Федорович фон Мекк. Строительство путей сообщения было делом наивыгоднейшим. Верста железной дороги обходилась казне около 30 тысяч рублей серебром. Этих верст в России было и осталось бесконечно много. Деньжищи, накопленные подрядчиком, частично нашли совсем неожиданное применение. Вдова фон Мекка Надежда Филаретовна смогла оказать достойную поддержку Петру Ильичу Чайковскому,

искренней почитательницей таланта которого она была. В утешение скорбящим по потере уступленных колоний заметим, что деньги за Русскую Америку тонким ручейком просочились в русскую культуру. Все остальные утешения более слабы.

Эвакуация без малого тысячи человек с Аляски в Россию и сегодня не представляется простой. А тогда задача многократно осложнялась относительно малым тоннажем имеющихся судов, их неподготовленностью к перевозке пассажиров и сложностью маршрутов. Самым дешевым было отправить всех на компанейских судах вокруг света «от причала к причалу». Но поскольку американцы подгоняли, приходилось отправлять служащих «на перекладных» через Панаму. Свои корабли посчитали непригодными для океанских плаваний и уже в октябре продали «Цесаревич», «Меншиков» и «Политковский». Практически исключалось возвращение населения через тихоокеанское побережье России. Казалось бы, рукой подать. Но не в Петропавловский же порт людей везти и не во Владивосток, которого еще не было. Путь возвращающимся служащим компании и их семьям предстоял бы через Аян, далее через всю Сибирь. Но именно в этом случае Сибирь — еще не Россия. Гостеприимный, знакомый князю еще с войны Николаевский пост на Амуре просто не мог даже временно разместить всех переселенцев. На тихоокеанское побережье можно было отправить воинские подразделения. Солдаты везде пригодятся. Еще можно было бы отправить некоторых креолов и алеутов для работы на Сахалине и Курильских островах. Но большинство населения нужно было доставить в Кронштадт. До него было два основных относительно привычных морских пути: через мыс Горн или через мыс Доброй Надежды. Первый путь в Атлантику был усовершенствован преодолением Панамского перешейка сухим путем. Но это требовало пересадок и определенной выносливости пассажиров. Второй путь через Тихий, Индийский океаны в Атлантический был хорошо освоен компанейскими судами. Его можно было проделать на компанейском или зафрахтованном судне, не выходя при желании из каюты. Было решено тех, кто торопится, отправить чрез Панаму, тех, кому тяжело ехать, — через мыс Доброй Надежды.

Наступил день отъезда первой группы, в которую входили администрация колоний и служащие компании рангом поменее. Их взял на борт убывающий из Ситки пароход «Джон Л. Стефенс», доставивший первую партию предприимчивых американцев — аляскинских пионеров. Далее русским предстояло самостоятельно достичь перешейка между Америками, добраться до Атлантики. Там уже совсем близко. Пароходом можно было

управиться за месяц. Линия Нью-Йорк—Ливерпуль была вполне регулярная. Из русских судов был использован довольно крупный клипер «Царица», приобретенный компанией для перевозки чая из Шанхая в Петербург. В декабре на нем убыло более полусотни семей служащих РАК. Остатки гарнизона в январе 1868 г. все-таки решили вывезти в Восточную Сибирь. В Николаевском посту уже успели позаботиться о заготовке для них продовольствия. В окрестностях Петербурга солдат и так было предостаточно.

Поскольку легче было приобрести корабли на месте, а не гонять их через океаны, в Сан-Франциско за 25 тысяч долларов было куплено судно «Крылатая стрела» («Winged Arrow»), взявшее на борт в ноябре 1868 г. практически последних русских, в том числе собранных с отдаленных отделов и «одиночек». «Крылатая стрела» завершала список судов, купленных русскими у американцев для компанейских нужд. Открывался этот список кораблем «Юнона» («Juno»), приобретенным еще Николаем Резановым вместе с грузом. Впоследствии этот список будет продолжен российским Морским ведомством.

Продавать компанейские суда заставляло еще одно существенное обстоятельство. Американцы стремились вытеснить русских до официальной передачи колоний, пользуясь положением Договора о его вступлении в силу сразу же после ратификаций. Это немедленно породило неравенство партнерских отношений. Судам под русским флагом не дозволялось плавать без особого разрешения в водах, ставших американскими территориальными. Это привело к нарушению связи между отделами компании, которая поддерживалась только морским путем. Поэтому для завершения компанейских дел приходилось менять флаг РАК на американский.

Возникает вопрос, почему компанейский флаг не заменялся русским купеческим, таким же как флаг компании, только без орла? В 1865 г. в России был принят Закон о национальном флаге, который определял, что право поднятия русского купеческого флага принадлежало исключительно русским подданным. Бело-сине-красный флаг могли нести суда акционерных обществ, коих главные правления находились в пределах империи. Торговые дома или судовладельцы, имеющие интернациональный состав, могли нести на судах русский купеческий флаг, если их «начальный товарищ» состоял в русском подданстве. Эта правовая норма, поощрявшая совместный интернациональный бизнес, просуществовала до начала XX в. Только в 1904 г. было узаконено, что русский национальный флаг разрешалось поднимать компаниям, все члены которых состояли в русском подданстве. При этом судно должно было быть внесено

в корабельный список одного из русских портов. В отдаленной Русской Америке выполнить условия смены одного русского флага на другой не представлялось ни целесообразным, ни возможным. Во всяком случае, так казалось Главному правителю и комиссарам, которые не имели по этому поводу никаких указаний. Процедура выбора «удобного» флага была оптимизирована с учетом неминуемого ухода из колоний. Автор не считает возможным из дня сегодняшнего давать советы князю Д. Максутову, как продавать компанейские суда; невозможно сослагательное наклонение в истории. Но следует полагать, что в конце 60-х гг. XIX в. кто-то и в Ново-Архан-гельске, и в Петербурге просчитывал различные варианты оптимизации распродажи колониального имущества с целью сохранения бизнеса. Идея удержания русского влияния в Северной Америке уже завладевала некоторыми умами. На ощупь искались формы будущего русско-американского частно-государственного торгового партнерства. Пока весьма не оптимально.

Не исключено, что часть сделок по судам была проведена с некоторой задержкой оформления и оплаты. Кое-какие уступки корабельного имущества были сделаны под честное слово в расчете на дальнейшее совместное использование. На проданных судах оставались первоначально русско-креольские команды и русско-финские капитаны. При этом собственник находился на судне и по мере неблагоразумия вмешивался в капитанские дела. На самом деле ни к чему хорошему это не приводило. Так, ветеран компании шкипер Николай Бенземан посадил на скалы в заливе Ванкувер пароход «Константин», уже купленный Хатчинсоном. Сложно сказать, кто больше был виноват, шкипер ли, или новый хозяин, или случающиеся на море обстоятельства непреодолимой силы.

Князь хорошо знал этого замечательного шкипера. Его отец, выходец из Данцига, Христофор Мартынович Бенземан прибыл в Русскую Америку штурманом на американском судне. Затем поступил на службу в РАК и остался в колониях, став одним из лучших шкиперов компании. Было удовлетворено его прошение о принятии в русское подданство и дарован первый чин. Штурман принял православие, дважды женился и имел десяток детей. Жизнелюбия великого был человек и силы большой. Он продолжал служить даже после того, как потерял ногу, в результате разорвавшегося корабельного орудия. Таким был отец у Николая Христофоровича (Христианови-ча). А мать — креолкой. Крестным отцом мальчика был сам А. Баранов. Мальчика отправили учиться в столицу империи. В 1846 г. он получил звание прапорщика Корпуса флотских штурманов и стал

командовать компанейскими судами и принимать участие в гидрографических экспедициях под началом Главного правителя М. Те-бенькова.

Князь, впервые попав в колонии, застал его уже подпоручиком и кавалером ордена Святого Станислава III степени. Шкипер водил суда и в Сан-Франциско, и в Де-Кастри. Когда Д. Максутов стал Главным правителем, он привлек немолодого уже Николая Христи-ановича к преподаванию черчения в Ново-Архангельском колониальном училище. Но морской опыт ветерана был вновь востребован при эвакуации из колоний.

Когда князь Д. Максутов купил у Хатчинсона «Крылатую стрелу» в Сан-Франциско, то капитаном был назначен именно Н. Бенземан. Командование проданным «Константином» он сдал. Николай Христианович повел судно из Калифорнии в Ситку, чтобы забрать последних русских. А вез он заселявшихся новых хозяев Аляски. Осень, штормило. Некая пассажирка «Крылатой стрелы» мисс Рут А. Мессер из Диксона, штат Иллинойс, отважившаяся стать учительницей на Аляске, так описала свой вояж: «В сентябре 1868 г. мы покинули Аляску на грязном русском парусном судне. Репутация капитана была подпорчена тем, что мы узнали, как он разбил о скалы предыдущее судно. Он едва смог привести судно в Ситку». Не стоит особо доверять словам леди, может быть впервые попавшей в океан. Да и судно, заметим, было американским. Просто русским некогда было навести на нем образцовый порядок. В конце концов «Крылатая стрела» с почти двумя сотнями подзадержавшихся колониальных служащих с чадами и домочадцами ушла в Кронштадт. Переполненная, но дошла. И довел ее многоопытный штурман Николай Бенземан.

Другая причина продажи компанейских судов состояла в том, что после уступки колоний их стало сложно ремонтировать и готовить к океанским рейсам. Возможности Ново-Архангельской верфи позволяли не только ремонтировать, но строить суда, даже паровые. Но русские и креольские рабочие верфи отказывались выходить на работу. Во-первых, они все равно собирались домой, во-вторых, освоившие конкуренцию американцы поденную плату предлагали существенно больше, чем привыкшее к монополии правление НовоАрхангельской конторы. Американцы могли спокойно ждать, пока русские суда, не подготовленные к дальним плаваниям, упадут в цене. А для каботажа и берегового промысла они и так годились. Хорошо, когда весь бизнес заключается в одном слове — ждать! Поэтому князь Д. Максутов был постоянно озабочен, в чьи руки отдать компанейские суда. Да так, чтобы еще

и пользоваться ими.

С декабря 1867 г. по декабрь 1868 г. подавляющее большинство русского населения было вывезено из колоний. В начале 1868 г. убыли княгиня Мария и пятеро детей с няней. Американский военный корабль «Ресака» доставил их в Сан-Франциско. Князь сопровождал семью до Калифорнии. Далее путь их лежал чрез Панаму в Нью-Йорк и в Европу. Хотя дочь князя Александра вспоминала, что они шли через мыс Горн. До самого последнего дня княгиня Мария оставалась центром притяжения местного общества. Элегантная и хорошо воспитанная дама вызывала уважение американцев и искреннюю любовь русских. Очень не просто будет первой даме Русской Америки найти свой стиль жизни в Петербурге.

В Памятном листке отмечены даты отъезда семьи князя и его самого, разделенные почти годом:

1868 янв. 7 Жена, Аня, Нелли, Саша, Саша и Володя на кор. Resaca отправились в С. Фр.

дек. 31 На барке Меншиков вышел из Ситки в С. Франциско и Россию.

В апреле 1868 г. консул Д. Максутов вернулся к делам в Ситке. Почти полгода спустя возобновилась передача колоний. Этот процесс удалось изрядно урегулировать. И в этом несомненная заслуга князя. Принимающей дела стороной стала не амбициозная американская администрация, а американская коммерческая компания, которая функционировала по правилам, сходными с правилами РАК. Пришло время выехать бывшему Главному правителю в отдаленные отделы на острова Прибылова, Кадьяк и в Михайловский редут. Д. Максутов был на борту хорошо знакомого судна «Константин», уже принадлежавшего новым владельцам Аляски. Бывший Главный правитель знакомил их с местным населением. Своих земляков, желавших вернуться на родину, русский консул приглашал на борт американского корабля. Наверное, и сам Д. Максутов впервые в эти дни попал на Кадьяк в Павловскую Гавань. Это был второй по величине населенный пункт в колониях, а исторически первый. Фактически с Кадьяка и начиналась Русская Америка. Проживало здесь до 400 человек, в селении было более 100 рубленых домов, склады, церковь. Почти до конца XIX в. Кадьяк оставался главным складским местом Аляскинской торговой компании.

Разумеется, бывший Главный правитель не мог не попасть под огонь критики и своих, и чужих. Чужие критиковали Д. Максутова за то, что он продает имущество РАК только бывшим служащим компании или ее компаньонам. Русские считали, что князь утаивает средства, вырученные от продажи колониального

имущества. В американской прессе разгорался второй аляскинский скандал. Первый был связан с самой покупкой Аляски и ратификацией договора. Инициатором скандальных разоблачений русской администрации и новых хозяев территории стала газета «Аляска Геральд».

Возглавлял это независимое издание человек, чьим именем хорошо открывать список украинских иммигрантов в Америке, — Ага-пий Гончаренко. Не вызывает он глубокого уважения. И вовсе не потому, что он критиковал князя Д. Максутова. А. Гончаренко лично ничего против Д. Максутова не имел. Но уж больно выигрышная подвернулась тема. Автору нет необходимости опровергать одного,

^^

чтобы выгородить другого. Просто настораживают конъюнктурные метания А. Гончаренко. Кривой стези был человек.

Он происходил из Малороссии. Был одногодком Главного правителя. Настоящее имя — Андрей Онуфриевич Гумницкий. Обучался в Киевской семинарии. К концу обучения в семинарии в вере пошатнулся изрядно. В своих «Воспоминаниях» («Споминках») рассказывал, что его потрясли доказательства блуда монахов Киево-Печерской лавры. В конце 50-х гг. XIX в. семинарист Андрей получил престижное назначение иеродиаконом при русской посольской церкви в Афинах. Чин — монашеский.

Но он увлекся революционными идеями, воспринятыми еще от амнистированных декабристов и «разбуженного» ими Герцена. За что должен был быть выслан в Россию. Бежал. Муза дальних странствий и революционная романтика привели Агапия в Лондон, к Герцену, в Вольную русскую типографию. Лишенный духовного звания молодой человек освоил типографское дело, аполитичное по своей сути. Освоил он и инструментарий политической журналистики, близкой по сути первой древнейшей профессии.

В Америке он оказался в середине 60-х гг. Кто-то неосторожно может посчитать этого расстригу первым православным священником в Америке. В 1868 г. в Сан-Франциско Агапий Гончаренко, имевший экзотическую репутацию русского революционера, создал Русское и Панславянское общество.

Первым президентом общества стал авторитетный аляскинец креол Илларион Архимандритов, штурман из креолов, «проданных вместе с Родиной». С А. Гончаренко они не сработались, и честный шкипер, слабо обученный интригам,

вернулся на море в компанию Хатчинсона.

Главное, что сделал А. Гончаренко в своей жизни, с чем он вошел в историю Соединенных Штатов Америки, так это купил печатный станок и основал первое в Новом Свете русскоязычное издание «Аляска Геральд». Газета издавалась на английском, русском и даже украинском языках. Во всяком случае, многоязычным было приложение к вестнику — «Свобода». Первым помощником издателя была его жена Альбина Цитти из хорошей семьи итальянских революционеров. Издания распространялись в основном бесплатно и в течение нескольких лет.

Основным объектом критики аляскинского глашатая была Аляскинская торговая компания, детище Хатчинсона Из публикаций ˆ

А. Гончаренко можно было узнать, что Хатчинсон и его партнеры, включая князя Д. Максутова, вступили в сговор с целью монополизации богатств Аляски и угнетения местного населения. Конечно же в то время ангелов на Аляске не было. Но слишком уж заказным выглядело очернение одних и обеление других в независимой русскоязычной прессе.

Историк Русской Америки Р. Пирс имеет право утверждать, что вся журналистская продукция «отца» Агапия была смесью фактов, предположений и откровенных инсинуаций. Типичными были такие сообщения: «Русская дама из Ситки, прибывшая в Сан-Франциско на несколько дней, остановившаяся в одном из лучших отелей, постоянно выходит к обеду мертвецки пьяной». Интересно, это о ком? Не так уж много женщин прибыло из Ситки в октябре 1868 г.

Писать о сговоре Главного правителя Русской Америки с Хатчинсоном и таможенным офицером в Ситке Доджем «Аляска Геральд» начала летом 1869 г., когда князь покинул Америку и не мог даже огрызнуться. А к тому времени, когда специальная комиссия конгресса Соединенных Штатов признала безосновательность и бездоказательность нападок «Аляски Геральд» на Хатчинсона и его компанию, Д. Максутов вообще перестал интересоваться американскими делами.

Загадку независимой прессы всегда представляет ее финансирование. Наставник А. Гончаренко Александр Герцен, находясь в Лондоне, вовсе не бедствовал. Ему вполне хватало на издание «Колокола» личных средств. Законы Российской империи не позволяли отнять у эмигранта его имущество и капиталы, если они были. Но у беглого монаха капиталов изначально и быть не могло. Направленность изданий А. Гончаренко и их относительно долгое существование объяснялись финансовой поддержкой

противников компании Хатчинсона. Другими словами, бывший монах работал на конкурентов партнеров Д. Максутова Это была компания Оппенгейма, боровшаяся за доступ к пушному промыслу. Журналистскую работу издатель сочетал с милой сердцу всякого революционера конспиративной деятельностью; с 1868 по 1873 г. он отправлял еженедельные секретные отчеты в фирму Оппенгейма. Еще этот революционер-подвижник работал на американское правительство. В частности, он составил и издал в 1868 г. первый русско-английский разговорник (phrase-book) для американских солдат.

^

Накопленные журналистским трудом средства позволили А. Гончаренко удалиться от дел и относительно спокойно дожить на своем калифорнийском хуторе до 1916 г., разумеется, в неустанных думах о «незалежности». В тот год Германия уже вела активные мероприятия по «освобождению» Украины.

После князя Д. Максутова русским консулом на Аляске остался Федор Коскуль. Прибыл он в российские колонии правительственным комиссаром, исполненным сознанием важности миссии. Был он к тому времени неженатым. И ему выпало жениться на русской американке. К тому времени русских американок некреольского происхождения появилось достаточно.

Женитьба Ф. Коскуля, которому было уже чуть за сорок, на восемнадцатилетней Софии Гардер имела весьма авантюрную предысторию. Отец девушки, Леонтий Гардер, прибыл в Русскую Америку, скорее всего, из Финляндии. Он командовал компанейскими судами в 40-х гг. и осел в теплой Калифорнии. Возможно, Ф. Коскуль познакомился с ним во время своего первого пребывания в колониях в середине 50-х гг.

Когда началась распродажа компанейского имущества, Ф. Коскуль убыл в Сан-Франциско с тем, чтобы на месте получить деньги за проданный «Цесаревич». Было это в ноябре 1867 г., т. е. практически сразу же после поднятия американского флага над НовоАрхангельском. Однако в Калифорнии новый хозяин всячески затягивал платеж. У него был полнейший резон, что русские все равно уйдут. Началась судебная волокита. Против РАК было сфальсифицировано обвинение и подан встречный иск. Так неожиданно сам русский капитан 2-го ранга оказался в тюрьме.

Неопытная калифорнийская Фемида задержала штаб-офицера императорского флота, кавалера российских орденов и персидского ордена Льва. Персия, узнай об этом, не простила бы такого оскорбления Соединенным Штатам. Однако первый американо-персидский конфликт не состоялся. Честный и

педантичный немец сумел отстоять свою правоту. Тем более что из Ситки подоспела помощь, прибыл сам князь Д. Максутов. Дело удалось выиграть. Князь прекрасно представлял, что встречный иск против компании был основан на лжесвидетельстве. Слово бывшего Главного правителя российских колоний имело большой вес в Сан-Франциско. Американцам приходилось учитывать и то, что русские могут задержать общий отъезд и изменить порядок про-

дажи колониального имущества. Процесс против представителя РАК рассыпался.

К тому же капитана 2-го ранга Ф. Коскуля можно было признать лицом, обладающим дипломатическим иммунитетом. В 1864 г. состоялось официальное международное признание офицеров, прикомандированных к дипломатическим миссиям, за военных и морских уполномоченных. Другими словами, появились военные и военно-морские агенты. На современном языке — военные и военно-морские атташе. С определенной натяжкой и Ф. Коскуля можно было отнести к морским уполномоченным. Но это был бы уже последний решающий довод российской стороны. Обошлось без ультиматума.

Как бы извиняясь за недоразумение, Сан-Франциско показал морскому офицеру свою солнечную сторону — лицо юной Софи. Радостный правительственный комиссар на третий день после свадьбы увез супругу в Ситку. Почти сразу же напуганную разрухой молодую жену пришлось вернуть на барке «Меншиков» обратно в Сан-Франциско.

В последний день декабря 1868 г. на этом же барке убывал из колоний Д. Максутов. Построенный американцами на Сандвичевых островах из белого дуба барк отходил по Тихому океану уже 20 лет, но сохранился хорошо. Судно было названо в честь николаевского адмирала Александра Сергеевича Меншикова, отличившегося при взятии Анапы. Когда адмирал бездарно провалил Крымскую кампанию, барк переименовывать не стали. Прослуживший 20 лет в офицерских чинах князь тоже неплохо сохранился. Опять Дмитрию Петровичу выпало сопровождать родственников сослуживцев. Дело привычное.

Что мог делать в свой последний рабочий день в Русской Америке ее бывший Главный правитель? Посетить могилы Аделаиды и Констанции, постоять у Замка Баранова, поставить свечи в Михай-ло-Архангельском соборе. Спуститься от собора по Линкольн-стрит к гавани. Перед посадкой в шлюпку обняться с Ф. Коскулем, остававшимся еще некоторое время консулом в Ситке. До встречи в Петербурге. После возвращения в Россию Федор Коскуль получит звание капитана 1 -го ранга и будет назначен в

8-й флотский экипаж, как и его предместник, ситкинский консул Д. Максутов.

Может быть, князь прошел там, где будет улица, названная в его честь. Сегодня на российском и американском берегах Тихого оке-

-_Лˆ

ана есть улицы Максутовых. В Петропавловске-Камчатском — улица Александра Максутова, в Ситке — Дмитрия Максутова. На разных берегах Тихого океана оказались и потомки последнего Главного правителя Русской Америки.

Возвращался Д. Максутов знакомыми водами. Восточный океан оставался таким же могучим. Только сильно изменились страны, им омываемые. Мир стал другим после 1867 г.

Американцы начали закрепляться на своих и приобретенных берегах, уже поглядывая на берега исконно российские. Самые разительные перемены произошли в Японии. В 1867 г. умер Император Комэй. Его наследник начал успешную борьбу с режимом сёгунов. Власть Императора перестала быть номинальной. Началась эра Мэйдзи. Старинный город Эдо, куда так стремились и американцы, и русские, был переименован в Токио.

Китай, служивший когда-то основным торговым партнером РАК, постепенно терял самостоятельность и «осваивался» европейцами при помощи огня, опиума и других дозволенных и недозволенных средств.

Россия уступила один берег этого океана, но сильно укрепила свои порты на Амуре, Сахалине и в Японском море. В Амурской области со временем будет обнаружено золото, не такое большое, как найденное в 1867 г. в Южной Африке. Но все равно к 80-м гг. XIX в. по золотодобыче этот район будет занимать второе место в России. Может быть, и не зря собирали силы для укрепления в Приамурье, отдавая Аляску с ее грядущими «золотыми лихорадками», которые начнутся почти 30 лет спустя. Старатели потянутся на приток Юкона Клондайк, в зону Компании Гудзонова залива, т. е. в Канаду. Но добираться до золота старатели будут через Ска-гуэй и Чилкутский перевал.

В 1867 г. Россия достигла временного соглашения с Японией о совместном владении Сахалином. В следующем году военный губернатор Приморской области и бывший начальник князя И. Фу-рухельм выехал на Сахалин с целью способствовать ограждению на острове русских интересов. Он довел русские военные силы на острове до батальона В 1869 г. на Сахалин были отправлены первые 800 каторжан. Почти столько же русских оставили в это время Ситку и Кадьяк. Британская модель

колонизации была воплощена и на границах Российской империи. А сахалинская каторга ждала своего Максутова. Жизнь шла своим чередом.

РЕВАНШ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

1869-1881

Возвращение Д. Максутова в Петербург после сдачи дел в Америке, бывшей когда-то Русской, можно считать относительно благополучным. Колониальный срок выслужен полностью, даже два. Ограничений в производстве в чин не было. Эвакуация русского населения завершена. Имущество компании реализовано. Дела сданы. Долг исполнен. Только наверняка князя мучил вопрос: почему ушли? Нет необходимости приписывать князю широту политического кругозора больше определяемого должностью и происхождением. Князь не ведал всей полноты причин, приведших к уступке Аляски.

Естественный ход вещей заставляет оценивать уступку Аляски как необходимый шаг в стабилизации империи. В царствование Александра II в результате внутриполитической модернизации и военных усилий за пределами России удалось оптимизировать государственную границу и создать запас прочности державы почти на четверть века. Очередная многовекторная попытка расширения империи привела в XX в. к ее краху. Русская Америка послужила своеобразными строительными лесами в созидании империи. Без лесов большого здания не построить. Когда общая конструкция дома, называемого Россия, стала понятной самим строителям, леса разобрали. Такой взгляд на логику уступки имеет основания.

В конце 60-х гг. ни одно из государств не могло бы позволить себе вытеснить Россию из Америки. И эта ситуация сохранялась до конца XIX в., практически до пролога Первой мировой войны. Пока еще союзные Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Италия, Япония, США и Россия не вторглись в Китай в 1900 г. Но вытеснить русских из Ново-Архангельска и окрестных земель могли явочным порядком по калифорнийскому или техасскому сценариям: сначала независимая демократия, потом звездно-полосатый флаг. Золотая лихорадка на Аляске все равно потребовала бы создания адекватной администрации. Российская бы с новыми реалиями не справилась.

В 1860 г. Газета «Нью-Йорк дейли трибюн» писала: «Как известно, русская внешняя политика не считается с принципами в обычном понимании этого слова. Она не является ни легитимистской, ни революционной, но с одинаковой легкостью использует все возможности для территориального расширения...» Автор заметки — весьма компетентный

европейский корреспондент газеты Карл Маркс. Эту американскую газету князю Д. Максутову вряд ли довелось читать. Да и прочитав, он бы все равно ничего не понял. Ну, расширяется Россия. Другого пути для империй не существует. Самодержцы по определению обязаны собирать земли. И такое собирание редко бывает бессистемным.

В политике России на Тихом океане с середины XIX в. возобладали консервативные и охранительные тенденции. Россия сосредоточилась преимущественно на европейском и балканском направлениях. А в 60-х гг. Россия обозначила два новых военно-политических вектора: среднеазиатский и китайский. Общественное внимание в России в области военно-политической было направлено не на далекую Америку, а на близкую Азию. Российский капитализм больше интересовался уже не мехами, а хлопком. В 1863 г. русские войска заняли крепость Сузак на Сырдарье, в 1864 г. — Чимкент и неведомый населенный пункт Алма-Ата. В 1865 г. русские вязли Ташкент. В год сдачи Аляски на «новых землях» был образовано Туркестанское генерал-губернаторство. В следующем году пала Бухара, а затем и Хивинское ханство. Такие победы вне пределов империи стали возможными потому, что к 1864 г. Россия сильно притушила очаги внутреннего сопротивления на Кавказе и в Царстве Польском. Министр иностранных дел князь А. Горчаков объяснял, что цель политики Императора Александра II «не в том, чтобы расширить, вне всякой разумной меры, границы земель, подчиненных скипетру, но утвердить в них свою власть на прочных основаниях, обеспечить безопасность и развить в них общественное устройство, торговлю и благосостояние». Иначе зачем же вообще нужна завоевательная политика. Среднеазиатский вектор иссяк походами на Мерв и Ашхабад. После этого почти 100 лет дальше Кушки никого не посылали. А эмир Бухарский оставался верным вассалом русского царя до самой Февральской революции. Его именем был даже назван миноносец. На Среднеазиатском театре обошлись практически без военного флота. Каспийская, Аральская и Амударьинская флотилии занимались в основном рутинными перевозками. Воевать на тех закрытых акваториях было не с кем.

А вот на Дальневосточном театре флот в 60-х гг. оказался весьма востребованным. Россия активно использовала военно-морские силы для вмешательства в китайские дела, отправляла отряды кораблей по всем морям и океанам. Дело было очень перспективным, и собственно китайским Россия его не считала. Это для европейских держав Китай был заморской страной. Для России — просто сферой пограничных интересов. Причем эта

граница отодвигалась все дальше и дальше. Россия для того и отказалась от присутствия в Америке, чтобы идти в Азию. Для этого прокладывались железные дороги, оптимизация которых не вписывалась в государственные границы. Хорошим подспорьем железнодорожному сообщению оставались суда коммерческого флота. После закрепления на Амуре движение России в сторону Китая и Кореи было приостановлено только в 1905 г. А в первые годы XX в. ни одна пушка в Азии без разрешения России выстрелить не могла, как когда-то в Европе. Ситуация начала прошлого века очень напоминала головокружение от успешного подавления венгерского восстания в конце 50-х гг. века позапрошлого. Русское военно-политическое руководство, заточив клинок под иррегулярных повстанцев, не смогло справиться с регулярными войсками противника. После победоносного похода Николая I в Венгрию был разгром в Крыму. После успешного подавления боксерского восстания в Китае Николаем II последовало поражение от Японии на том же хорошо изученном обеими империями театре. Но движение России было только приостановлено. Не зря же до самого Желтого моря строили железную дорогу.

Было еще одно вспомогательное военно-политическое направление — через Карс на Босфор. Этот путь через Кавказ небезосновательно считался проходимым вплоть до 1916 г. Еще А.С. Пушкин в поисках национальной идеи путешествовал в Арзрум. Два десятка лет спустя успешные боевые действия на этом направлении во время Крымской войны позволили хоть как-то смягчить условия Парижского мира. В следующей большой войне успех русских сухопутных и военно-морских сил на Черном море мог сильно изменить послевоенную политическую карту мира. Каждая русско-турецкая война, будь то междусоседская, коалиционная или мировая, заставляли Россию наносить чувствительные удары Турции через исконно армянские земли. Далее как получится. Да и обретение Царьграда-Константинополя всегда освящалось национальной идеологией и подкреплялось оперативными планами сухопутного и морского штабов. Третий Рим мечтал вернуть себе Второй, а заодно и проливы, ведущие в Рим Первый. По меньшей мере три поколения Максутовых служили этой идее.

Американское направление внешней политики не было связано с выживанием России. Так себе — политический факультатив азиатских дел. Американскими делами, как вспомогательными, занимался Азиатский департамент российского МИДа. Не было в Америке жизненно необходимых ресурсов, за которые стоило бы бороться. Меха того не стоили,

золото еще не было найдено, загадочная нефть еще не востребована Потенциал далеких территорий для трона или будущих поколений казался сомнительным. Российская граница на американском континенте не была естественной с точки зрения формирования империи. Во всей полноте это проявилось, когда новые хозяева Аляски стали проводить разграничительные линии бывших русских владений по меридианам, чего никогда не допускалось в Старом Свете. К тому же у России не было возможностей защищать свои колонии. Хотя военная опасность на конец 60-х гг. позапрошлого века была сомнительна; ни у кого не было реальных возможностей взять Аляску силой у русских. С точки зрения обретения политических союзников в лице сохранивших единство Северо-Американских Соединенных Штатов, уступка не казалась столь необходимой. Беспринципность (по К. Марксу) русской и американской политики была соизмерима. Еще колониальный ревизор П. Головин, вернувшись из Русской Америки, обращал внимание Великого князя Константина на то, что «сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно ни к чему не обязывает или пока это для них выгодно». Но сделанного не воротишь. И в 1869 г. с потерей следовало смириться. Боль от травмирующего политического прецедента — добровольного оставления «собранных» земель — постепенно утихала в российском обществе. Правительство тем более не было склонно оглядываться. Фактически одним решительным противником продажи колоний, изложившим свою позицию системно и страстно, оказался чиновник среднего звена Азиатского департамента МИДа барон Ф. Остен-Сакен. Он составил соответствующую записку, где заметил, «что несколько миллионов и даже десятков миллионов рублей едва ли имеют государственное значение в империи, имеющий около полумиллиарда ежегодного дохода и расхода, и более чем полтора миллиарда долгу». Беда в том, что эта записка опоздала и не была прочитана не только первыми лицами империи, но даже мидовскими начальниками барона-патриота.

Великие реформы Александра Освободителя набирали ход. Выбор в экономическом развитии страны был сделан в пользу частной инициативы. Эта частная инициатива требовала свободного труда и, как строже скажет экономист, иной формы принуждения — экономической. Как всегда, накапливалось и недовольство реформами в народе. Страна мучительно нащупывала новую гармонию между социальными слоями. На этом фоне политико-экономический режим американских колоний просто тянул всю обновляющуюся Россию назад.

Министр иностранных дел А. Горчаков сделал для Александра II обзор российской внешней политики с 1856 по 1867 г., где угодливо отметил, что все начинания Императора получили абсолютную и полную поддержку всех интеллектуальных, нравственных и материальных сил страны. Очень может быть, что так все и было.

Есть еще одна цепочка событий, на первый взгляд причинно не связанных с продажей Русской Америки, а только совпадающих по времени. В канун принятия решения об уступке колоний императорская семья была серьезно озабочена династическими вопросами. Семейные неурядицы, обострение проблем престолонаследия всегда ослабляли политическую волю монархов. Мировая история знает примеры, когда царства терялись из-за смерти или болезни даже не первых лиц правящих фамилий. В то время реформ умер цесаревич Николай Александрович, старший сын Императора Александра II. Весной 1865 г. наследником престола выпало быть Александру Александровичу. Ему предстояло стать третьим Александром на русском троне. Цесаревичу досталась и невеста старшего брата датская принцесса Дагмар, ставшая в России Марией Федоровной. Александр Александрович любил брата и, наверное, влюбился в его невесту, когда брат ушел навсегда. Тем более что Николай Александрович завещал заботиться о девушке. И отец Великих князей, хорошо относившийся к датской принцессе, был рад сохранению династического союза. Дания — это не только страна загадочных принцев и прекрасных принцесс. Это еще и контроль над Балтийскими проливами. Российские подданные, особенно не вдаваясь в большую политику, искренне полюбили датчанку, даже гостиницы в ее честь называли. Например, «Дагмара», что была в доме № 9 по Садовой улице в Петербурге.

На российском троне было три царицы Марии Федоровны, каждая по-своему несчастная. Мария Федоровна Нагая, жена Ивана Грозного, была выслана с сыном Дмитрием в Углич. Сын погиб, мать была пострижена в монахини. Не обрела она сына и в юноше, вошедшем в историю как первый Лжедмитрий. Жена Императора Павла, принцесса Вюртембергская, стала второй несчастной Марией Федоровной. После убийства мужа она увидела двух своих сыновей на тро-

не — Александра и Николая — и одного, Константина, весьма близко от трона.

В честь матери Николая I в русском флоте последовательно были названы два корабля «Императрица Мария», построенные в 1827 и 1853 г. соответственно. Первый корабль повоевал и дожил

до старости, второй после Синопской победы был затоплен в Севастополе. Следующий линейный корабль «Императрица Мария» был назван по традиции в честь нахимовского флагманского корабля, чтобы его имя сохранилось в списках флота. Судьба последней, третьей бронированной «Императрицы Марии» в XX в. сложится много хуже, чем у предшественниц. Новейший линкор взорвался в октябре 1916 г. на севастопольском рейде по неизвестной причине. Судя по тому, что в этой серии был линкор «Император Александр III», имя Мария на борту могло подразумевать его супругу — вдовствующую Императрицу. С именем корабля Морское министерство угадало; были соблюдены военно-морские традиции и придворный политес. Ох, трижды прав был преподобный Феогност, утверждавший: «Имя — печать и покрывало Промысла».

Третья Мария Федоровна приехала в Петербург из Копенгагена тихой солнечной осенью 1866 г. Покрестили, сыграли свадьбу. Знатоки жизни царского Двора настаивают, что первенец Марии не дожил и до года Достоверно можно утверждать, что в конце 1867 г. в семье цесаревича Александра ждали ребенка В дни передачи русских колоний в Америке Двор уже об этом перешептывался. А в мае 1868 г. в семье цесаревича родился мальчик, который своим появлением дал хорошие перспективы династии Романовых. Как тогда казалось. О выборе имени долго не спорили. Первенца назвали Николаем в честь дорогого обоим супругам умершего человека Он станет вторым Николаем на российском престоле. Мария Федоровна переживет своего коронованного сына на 10 лет.

Как видим, уступка Русской Америки пришлась на время весьма непростое для семьи Романовых, когда политическая воля монарха была более чем ослаблена. К тому же в эти годы началась охота лично на Императора. Весной 1866 г. на Александра II совершил покушение Д Каракозов, а весной 1867 г. этот сомнительный подвиг повторил А. Березовский.

Который раз, вернувшись с Тихого океана, князь отстал от жизни в Отечестве. Петербург к тому времен насчитывал 9 тысяч домов, в которых проживало более 660 тысяч жителей. Почти в тысячу раз больше, чем в столице Русской Америки. Много больше людей, мелькающих перед глазами ежедневно. Публичному человеку очень важно сохранять чувство покоя. Не укрыться ни в кабинете, ни в спальне. Тем более когда молодая жена тянет в свет и хочет принимать этот свет у себя. Зря, что ли, она ждала своего часа в захолустье. Ново-Ар-хангельск можно было считать Парижем тихоокеанского побережья Северной Америки. Таких парижей множество, даже чуть больше, чем

швейцарий. Петербург же всегда оставался просто Петербургом. Петербургом России, Европы и Азии. Всякие сравнения с Венецией и Пальмирой не более чем поэтический изыск.

Среди множества петербургских домов князю предстояло найти свой. Хотелось бы еще не затеряться среди столичной элиты. Поэтому на этот раз его занимали в большей степени не масштабные реформы, а поиск своего места в реформируемой России. Реформ и реконструкции требовали карьера и семья. В Памятном листке год 1869-й отмечен двумя датами:

1869 апр. 30 Прибыли на дачу близ Тулы.

сент. 16 Приехали с Аней и Нелли в Петербург.

Видимо, отец был весьма озабочен судьбой дочерей от первого брака. Можно предположить, что девочек было решено отдать на воспитание в частный пансион. С первого раза Дмитрий Петрович не смог на это решиться и не оставил детей, убывая в Америку. В этот раз он привез их в столицу, оставив княгиню Марию под Тулой. Автор до сих пор не уверен, что правильно прочитал название населенного пункта в Памятном листке. Но эту дневниковую запись точно так же прочитали и сыновья Дмитрия Петровича.

В Петербурге князю предстояло отчитаться перед Главным правлением РАК. Оставалось ждать Ф. Коскуля, чтобы представить совсем уж полный отчет по ликвидации дел РАК в Америке общему собранию акционеров. Возможно, князь имел на руках какие-то данные о компанейских средствах, вложенных в образовавшиеся североамериканские компании. Автор подчеркивает: возможно! Это могли быть расписки, договора, контракты и даже сведения о джентльменских соглашениях. Может быть, поэтому так тяжело найти некоторые неформальные соглашения и нестрогие контракты, проливающие свет на компанейскую «жизнь после смерти». Последний баланс компании был сведен в 1865 г., и после этого все ее учеты были ликвидационными. Для РАК слишком просто было бы вывести все свои активы из бизнеса, которым она жила столько лет. Директора перегруппировывались. При подсчетах оказалось, что компания получила немногим меньше 1 миллиона рублей серебром и осталась при ничем не покрытом убытке приблизительно на такую же сумму. РАК не свернула свою деятельность и выплачивала дивиденды до 1889 г. Последнее общее собрание РАК, состоявшееся 11 апреля 1871 г., признало, что в основном расчет с акционерами завершен.

А 4 мая того же года вышел Указ Правительствующего сената о ликвидации Главного правления компании. Для завершающих дел оставался один из директоров, петербургский купец 1-й

гильдии Н.И. Любавин. Он же был и одним из самых крупных акционеров. Генералам и адмиралам в правлении делать было уже нечего.

В Русской Америке Д. Максутов был очень значительной персоной — Главным правителем, границы власти которого начинались от Британской Колумбии и терялись в Ледовитом океане. По территории колонии могли быть приравнены к не самой маленькой российской губернии, а уж если мерить европейскими государствами, то их в Русской Америке уместилось бы не одно. Но губернатором князь не стал. В Петербурге он оказался сдавшим дела капитаном 1-го ранга, еще далеко не старым, но выпавшим из флотской обоймы. Как бы ни складывалась карьера морского офицера, важно, на каком он флоте служил, каким кораблем командовал, под чьим началом ходил, сколько офицеров считают его своим командиром. Этого золотого запаса у князя не было. Была только успешная уникальная карьера, которая в одночасье завершилась, и князь оказался в пустоте. После отчета собранию акционеров Д. Максутов, наверное, получил какие-то наградные от РАК, судя по воспоминаниям родственников, весьма приличные, и вернулся в строй. Почти в строй. Сохранился официальный документ, в котором Дмитрий Петрович последний раз упоминается в связи с Русской Америкой.

«ПРИКАЗ

Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала В С. Петербурге, Ноября 22 дня 1869 года №152

Назначаются старшими офицерами:

Командир винтовой лодки «Ведьма», капитан-лейтенант Рейнгольд Гренквист — на броненосный фрегат «Князь Пожарский»

Лейтенанты:

Леонид Конкевич 4-й, на винтовую шхуну «Тунгус»

и Леонид Завалишин 5-й на корвет «Гридень»

Зачисляются на действительную службу:

Состоявший на службе в бывшей Российско-Американской компании, Капитан 1-го ранга Князь Дмитрий Максутов 1-й и уволенный для службы на коммерческих судах, Корпуса Корабельных Ин-'женеров Подполковник Николай Бенземан.

Оба с причислением к Флотским экипажам,

первый к 8-му,

а последний к 7-му.

Подписал: Генерал-Адмирал *Константин».*

Получив приказ, князь наверняка обратил бы внимание на фамилию второго офицера, зачисленного на службу вместе с ним; слишком хорошо она была известна на Аляске. Д. Максутов хорошо знал капитана компанейских судов Бенземана Николая Христофоровича. Этот аляскинский ветеран, офицер Корпуса флотских штурманов, привел одно из последних судов с русскими пассажирами из Ново-Архангельска. Но в настоящем приказе генерал-адмирала, скорее всего, упоминается его однофамилец и тезка Николай Адольфович Бенземан, служивший в Одессе, в Российском обществе пароходства и торговли.

Быть зачисленным еще не значит получить под командование корабль или хорошую береговую вакансию. Можно было поискать должность губернатора или градоначальника, хоть на том же Дальнем Востоке. Не исключалась служба в гражданских ведомствах. Конечно, ветеранов Русской Америки чаще всего размещала сама РАК, но компания, формально еще существовавшая, больше не нуждалась в офицерах флота. Можно было продолжать рассчитывать на сдержанное покровительство Великого князя Константина и его старой гвардии. Но к тому времени на сцену вышли новые герои и несколько потеснили бывших колониальных администраторов.

Пропасть ветерану восточных вод позволить не могли. Циркуляром Инспекторского департамента Морского министерства № 42 от 11 апреля 1870 г. Д. Максутов был зачислен в состав 8-го флотского экипажа. Место, несомненно, престижное, но без конкретных обязанностей. В море в этот период он, как следует из «Послужного

ˆ—

списка», не выходил. Непросто было князю найти новое место в жизни. И посоветоваться стало не с кем: в 1870 г. умер его жизненный наставник барон Ф. Врангель. Фердинанд Петрович был непререкаемым авторитетом для многих морских офицеров, в том числе и принадлежащих императорской фамилии. Вес слова адмирала определялся его личными качествами, а не должностью. Близость офицера к врангелевскому кругу во многом определяла успешность его карьеры: люди в этот круг попадали весьма достойные.

Уже в сентябре 1871 г. князь приостановил службу в военноморском флоте, не выходя в отставку. Это дало ему возможность неспешно оглядеться вокруг и увидеть изменения, происшедшие на флоте за время его пребывания в Америке. Россия после Восточной войны практически восстановила свое военно-морское могущество и даже изрядно прибавила в этом. Пришедшие на новый флот новые порядки были закреплены в новой редакции Морского устава 1872 г. До этого флот жил по редакции 1853 г., еще довоенной. Очень скоро и Устав 1872 г. превратится из довоенного в послевоенный. Вслед за Уставом ввели и новое Положение о форме одежды. Флот обновлялся и по содержанию и по форме, открывала хорошие перспективы для морской службы отмена в 1870 и 1871 гг. ограничений Парижского договора. В самом Париже к этому времени пропал интерес к черноморским делам. Франция воевала с Пруссией. Воевала неудачно и уже не могла с галльским рыцарством помогать Османской империи. Поэтому на Черном море возрождался русский флот. На Тихом океане был основан Владивосток, принявший эстафету главного военного порта от Охотска, Петропавловска и Николаевска-на-Амуре. Открылись перспективы и на Атлантике. В результате подписания и, главное, выполнения Аляскинского договора получило развитие военно-политическое сотрудничество России и Соединенных Штатов. Русские смогли теперь контролировать Атлантику, опираясь на помощь или бездействие американцев. Американцы сформировали постоянную эскадру для действий в европейских водах и получили доступ в русские порты.

В год, когда князь расстался с военным флотом, к берегам США ушла русская эскадра под командованием вице-адмирала и дипломата К. Посьета, хорошо знакомого Дмитрию Петровичу по вояжу на «Олив.уце» от Николаевского поста до Кронштадта через Симо-ду. В сентябре 1871 г. после прощания с Александром II фрегат «Светлана», корвет «Богатырь» и клипер «Абрек» ушли в Нью-Йорк.

Экспедиция 1871 — 1872 гг. была не столько военной,

сколько дипломатической. К этому времени моряк-дипломат К. Посьет стал наставником и воспитателем Великого князя Алексея Александровича, как когда-то во времена молодости князя Д. Максутова. Юного Великого князя Константина готовил к морской службе адмирал Ф. Литке. Молодой Великий князь начальствовал на «Светлане» над фок-мачтой и нес вахты наравне с другими лейтенантами. К. Посьет воспитывал его, будущего генерал-адмирала, с младых ногтей.

Едва Алексей Александрович научился ходить и говорить, в 1860 г. для него уже была построена яхта «Забава» по чертежам легендарной двухмачтовой шхуны с гордым именем «Америка», ставшей национальной гордостью Соединенных Штатов. Главе российского Морского ведомства Великому князю Константину после Восточной войны казалось вполне разумным начать возрождать флот с яхты для идущего ему на смену генерал-адмирала. Военно-морские заимствования опыта американцев становились все масштабнее. Сперва копирование образцов, потом размещение заказов на строительство кораблей.

На американском берегу Великий князь Алексей как член императорской фамилии становился главой русской делегации. Намеревался пойти в это плавание и маститый литератор статский советник И. Гончаров с тем, чтобы написать еще одну достойную книгу о путешествии. К. Посьет уже был готов взять его, но что-то не сложилось. Несостоявшийся автор очерков «Фрегат «Светлана» позволил себе наслаждаться согласием адмирала «мысленно, не приводя его в исполнение».

Обе стороны, русская и американская, уже не знали, какой из визитов эскадр считать ответным. Первый большой визит русских эскадр Д. Максутов видел воочию в 1864 г.

Еще до принятия Россией решения об уступке своих американских владений помощник американского морского министра Г. Фокс в 1866 г. привел в Кронштадт весьма необычный для европейских вод монитор «Миантономо» и два пароходофрегата сопровождения. Новый класс боевых кораблей — мониторов был вызван к жизни особенностями морской тактики северян. Американцы решились на океанский переход низкобортного корабля для того, чтобы поразить или попугать Европу. «Миантономо» стрелял из орудий такого большого калибра (381 мм), что специальным распоряжением морского министерства Соединенных Штатов их употребление вне случаев военных действий было запрещено. Исключение было сделано для салюта, демонстрировавшего возросшую силу союзника России.

Государь Император повелел принять американскую

делегацию «с радушием, для чего составить программу приема и потребные на это деньги получить из государственного казначейства сверх установленных кредитом». Члены миссии посетили ряд российских городов. Русская культурная жизнь отметила прибытие корабля появлением в жанре популярной музыки галопа «Миантономо». Американская делегация во главе с помощником морского министра Г. Фоксом (впоследствии активным сторонником ратификации договора о покупке Аляски и почетным гражданином Москвы) привезла поздравления конгресса Александру II в связи с неудавшимся покушением на его персону А Каракозова. Американцам, потерявшим год назад своего борца за эмансипацию президента А. Линкольна, казалось, что на российского борца за освобождение крестьян покушались тоже противники свободы. Царь-освободитель погиб полтора десятка лет спустя. При всей условности конструкции послания конгресса, очевидно то, что державы пытались найти общие векторы во внешней и внутренней политике.

В августе—сентябре 1867 г., в дни, когда уже уступленная Русская Америка ждала церемонии официальной передачи, на Балтику пришла «европейская» эскадра Северо-Американских Штатов под командованием адмирала Дэвида Фаррагута, состоящая из фрегата, двух корветов и колесного парохода. Д Фаррагут был самым заслуженным адмиралом США и новатором морской тактики. Не в гости он приходил, а считал, что его служба может пригодиться и в европейских портах. С американской прямотой он дал высокую оценку возродившемуся российскому флоту. Наверное, его оценка была доведена не только до Морского министерства в Петербурге, но и до морского департамента в Вашингтоне. После победы в Синопской бухте Россия сосредоточивалась и только изучала передовую морскую тактику, готовясь к очередному большому сражению флотов. Сражение состоялось чуть более полувека спустя.

После визита русской эскадры в Америку 1871—1872 гг. в 1875 г. в Кронштадт прибыли знакомый фрегат «Франклин» и винтовой корвет с примечательным для русских названием «Аляска». Американскую делегацию возглавлял контр-адмирал Джон Уорден. Во время войны Севера и Юга он командовал броненосным «Монитором». Собственные мониторы появились у многих морских держав.

Русским ответом на американские мониторы стали круглые суда береговой обороны, прозванные «поповками», по имени их создателя контр-адмирала А. Попова.

Россия всегда умела творчески перенимать зарубежный опыт, в том числе и в судостроении. С середины позапрошлого века

Морское ведомство активно начало заказывать военные корабли в Соединенных Штатах и внимательно присматриваться к американским военно-морским новациям. Россия и Соединенные Штаты после Аляскинского договора отдавали себе отчет в том, что даже в отдаленной перспективе им не придется воевать. Поэтому американцы допускали русских до многих секретов, которые не показали бы англичанам. А русские понимали, что каждый новый американский корабль становится ориентиром для всех морских держав. В те годы в США закупались и строились русские крейсеры на случай полномасштабной войны. Все больше морских русских офицеров посещали США для получения опыта строительства и вооружения судов.

В 1876 г. пост управляющего Морским министерством занял С. Лесовский. Он решил в 1877 г., как и в 1863 г., снова отправить русскую эскадру на тихоокеанское и атлантическое побережья Соединенных Штатов. В акватории Тихого океана американцы согласились на базирование русских кораблей в Сан-Франциско, куда прибыли корвет «Баян», клиперы «Абрек» и «Всадник». В атлантический порт Норфолк прибыли фрегат «Светлана», корветы «Аскольд» и «Баян», а также клипер «Крейсер». Великий князь Алексей Александрович, ставший генерал-адмиралом, уже командовал всей «Светланой», а не только одной ее мачтой. Он постепенно набирал мощность и готовил российский флот к... Цусиме.

Перечень взаимных военно-морских визитов приведен с целью показать то, что начало 70-х гг. XIX в. для флота было совсем другим, чем конец 50-х. Морским офицерам уже не надо было искать места на берегу. Появились корабли, определились четкие цели морской политики. Поскольку многие визиты имели изрядную дипломатическую составляющую, опыт морского офицера и администратора, тесно общавшегося с американцами, мог бы быть востребован. И все же князь оставил флот и пошел другим путем. И сам князь, и его руководители небезосновательно посчитали, что именно на этой стезе бывший Главный правитель Русской Америки будет незаменим. А на корабли хватит других — вырастили достойные кадры.

У князя Д. Максутова были и другие возможности. Он мог получить достойную должность в каком-либо портовом городе России. Так, его старший брат Павел в 1863 г. вступил в должность начальника города и порта Бердянска, а в 1876 г. был уже таганрогским градоначальником. Не зазорным посчитал принять портовый город на Азовском море и предместник Д. Максутова на должности Главного правителя колоний — Иван Васильевич Фурухельм. А многоопытный финн Ниебаум успел к

тому же послужить военным губернатором Приморья. Князь мог бы включиться в перспективную деятельность по охране морских рубежей империи. В 1868 г. Россия установила трехмильную морскую таможенную полосу, в которой торговые суда подвергались досмотру. Контуры новой службы только вырисовывались.

Дмитрий Петрович выбрал дело, которое могли поручить только и только ему. Хотя в официальной формулировке было записано «уволен для службы на коммерческих судах», капитан 1-го ранга Д. Максутов никакими коммерческими судами не командовал. Он стал партнером американской фирмы «Гутчинсон, Кооль и К˚» или Аляскинской торговой компании, арендующей у России Командорские острова. Компания занималась добычей мехов на Прибылов-ских, т. е. американских, островах и на арендованных у России Командорских. Русское правительство предоставило Командорские острова в аренду на 20 лет в феврале 1871 г. Американские предприниматели Гутчинсон (Хатчинсон) и Кооль были старыми торговыми партнерами князя по Аляске. За этот время компания добыла на Командорских островах более 760 тысяч котиков, а на Прибыловских островах более 1900 тысяч.

Вовсе не случайно совпали три события одного 1871 года: ликвидация Главного правления РАК, сдача в аренду Командорских островов и переход князя в новую совместную компанию.

По самым оптимистичным подсчетам автора, после возвращения из колоний у князя Д. Максутова было около 50 тысяч рублей личного капитала. Сумма достаточная для того, чтобы в ценных государственных бумагах под 4% приносить 2 тысячи рублей годового дохода. Сумма в два раза превышавшая жалованье капитана 1 -го ранга. Этих денег хватало для достойного проживания семьи князя, но было недостаточно, чтобы начать свой бизнес или стать влиятельным акционером крупной компании. А к началу 70-х гг. XIX в. Аляскинская торговая компания уже могла обойтись и без личных сбережений князя. Но некоторые капиталы бывшей РАК, предположительно оставшиеся в американском обороте, Хатчинсон, Кооль и партнеры не желали упускать. Не желали этого и бывшие акционеры РАК. Поэтому резонно предположить, что князь Д. Максутов должен был присматривать за чужими, а не своими деньгами. А эти суммы могли быть уже на порядок большими, чем его собственные. РАК могла вложить в бизнес в Америке свободные деньги, вырученные за имущество, не подлежавшее передаче янки, и оставшиеся после вывоза колониальных

служащих на родину. Автор вовсе не предполагает, что эти деньги были утаены от акционеров при ликвидации РАК. Но их могли сделать «серыми» с согласия первых лиц компании и оставить в Новом Свете у надежных людей. Вряд ли в руках самого Дмитрия Петровича могли оказаться незаконные суммы, это было не в его правилах. Да и честный немец Ф. Коскуль был рядом. Он же был одним из последних, кто завершал компанейские дела в нерусской Америке.

Эти ситуации напоминают завязку авантюрного романа — пропавшие деньги Русской Америки. Из рассказа о поиске сокровищ, пусть и несуществующих, можно создать любую историю. Тем более что и экзотики, и приключений, и любви в настоящей жизни князя Д Максутова хватит на несколько литературных героев.

РАК, в одночасье утратив территории в Америке, не могла смириться с потерей бизнеса и уходом с рынков мехов и чая. После ликвидации Главного правления РАК часть ее бывших акционеров предприняла попытку реванша. Переход Д. Максутова в совместную компанию был воспринят благосклонно на самом верху. Где был тот «самый верх», точно обозначить трудно. Бывший директорат компании разошелся. Семья Врангель к американским делам интерес потеряла. Управленческая деятельность была специализацией князя в течение последних 10 лет. Опыт колониального администратора, умение улаживать конфликты с местными жителями, знание конъюнктуры мехового и смежного рынков — все это было его капиталом, вложенным в совместную компанию, более значимым, чем деньги. Еще было Имя. Много значащее по обоим берегам Тихого океана, оно стоило дороже всего. Партнеры были хорошо известны князю по Аляске.

В результате русская сторона согласилась на создание совместной компании с включением в ее наименование имени своего представителя. Поэтому полное название новообразованной компании какое-то время звучало как Торговый дом «Гутчинсон, Кооль, князь

Максутов и К°». То, что раньше было могущественной РоссийскоАмериканской компанией, сжалось до родового прозвища татарских мурз, затерявшегося среди иностранных имен. Так Дмитрий Петрович «вернулся» на Камчатку и в Америку. Бизнес был успешным и позволял не забывать вести даже благотворительную деятельность. В далеком Петропавловске благодаря вложениям и усердию Торгового дома «Гутчинсон, Кооль, князь Максутов и К°» в 1873 г. была заново отстроена Соборная церковь. Наверное, таким образом князь

выполнил обет, данный еще во время обороны Камчатки.

И американские промысловые суда, и русские военные корабли, патрулировавшие дальневосточные воды, часто заходили в Петропавловский порт. Сведений о том, что князь покидал столицу в это время, нет. Представителем новой компании в Петропавловске был хорошо знакомый князю бывший бухгалтер и правитель Ново-Архангельской конторы Джозеф Лугебил. Русские не зря создали совместную с американцами компанию. Одной из причин была попытка приостановить дикий промысел котиков в своих территориальных водах.

После продажи Аляски американцы, мягко скажем, по инерции продвинулись гораздо дальше приобретенных территорий. В 1868 г. госсекретарь США Сьюард предложил российскому правительству заключить «на основе взаимности» конвенцию о допуске американских китобоев и торговцев в сибирские воды, а равно и русских в аляскинские. Если Россия смирится с американской активностью на своем тихоокеанском побережье, то американцы не будут возражать против движения русских до самого Корейского залива Расчет был на то, что русские не смогут воспользоваться этой взаимностью после ликвидации РАК. Неприятие американских предложений, считал госсекретарь, «неизбежно послужит причиной долгого, серьезного и, вероятно, непримиримого отчуждения и несогласия» между двумя странами. Российская дипломатия, пришедшая в себя после уступки Аляски, на новый торг с «дружественной» нацией не пошла Морское ведомство же ускорило перенесение главной тихоокеанской базы из Николаевска во Владивосток.

Второй Аляски не получилось. С начала 70-х гг. XIX в. американцы начали незаконную добычу мехов на российских промыслах и незаконную торговлю с местным населением. Российский консул в Сан-Франциско обращал внимание на то, что американцы деморализовали местные племена не только спиртовой торговлей, но и внушением им неверных понятий о правах российского правительства на принадлежность котиковых промыслов.

Десятки американских шхун собирались в Гонолулу с целью пушного промысла у российских берегов. Многие успешно избегали русских патрульных судов. Бизнес был рискованный, но прибыльный. Наглость янки доходила до того, что они нападали на русские прибрежные поселения, даже на Константиновский пост. Американцы не боялись основывать свои форты в Анадырском заливе. Как отмечал К. Скальковский, автор труда «Русская торговля в Тихом океане», изданного в 1883 г. в Петербурге, «американцы до такой степени чувствовали себя

хозяевами на Чукотке, что даже на своих картах и учебных атласах раскрашивали Чукотскую землю как независимое от России владение».

Только теперь российское правительство осознало, что Русская Америка играла роль российского форпоста по отношению к тихоокеанскому побережью империи. К середине 80-х гг. XIX в. русские оказались беззащитными против натиска «дружественных» американцев. Даже на Камчатке в то время установилась экономическая, а значит, довольно прочная власть американской компании «Уолш бразерс энд К°». Власть такая, что редкий житель полуострова не был у нее в долгах. Формула закабаления известная — «спиртное—меха». Именно американцы, набравшиеся опыта спаивания индейцев на своих «фронтирах», разрушили сухой закон, поддерживаемый в бывшей зоне ответственности РАК. Американцы освоили многие сопутствующие незаконные промыслы на сибирском побережье. Они рубили лес, вывозили серебряную руду из Николаевска-на-Амуре под видом балласта. Американский опыт контрабанды был в полной мере использован японцами, вывозившими черный камчатский песок уже в наше время.

Только в конце 1890 г. на основании Высочайше утвержденного Положения Комитета министров пушной промысел на Дальнем Востоке вновь был передан отечественным промышленникам в лице «Русского товарищества котиковых промыслов». Новое товарищество начинало с того же, что и РАК почти 100 лет назад: выплачивало за добытые меха налог, поставляло на острова для местного населения все необходимое с оговоренной надбавкой не более 20%, употребляя только суда под русским флагом. Такой вот диалектический виток ценой экономических и политических потерь, точнее сказать, упущенных выгод.

Должность представителя совместной компании в Петербурге могла считаться синекурой с неплохим жалованьем. Но реально влиять на деятельность своих американских партнеров князь не мог и покинул пост. Возможно, противоречия сторон к тому времени несколько обострились.

Приказом генерал-адмирала № 124 от 29 сентября 1873 г. князь опять был зачислен на действительную службу. Вновь последовал циркуляр Морского министерства о назначении в комплект флотского экипажа, и вновь без должности. Когда князь ушел из совместной компании, его место занял ветеран Камчатки российский чиновник А.Ф. Филиппеус, с соответствующим изменением и в названии компании.

Ричард Пирс, рассказывая о завершении службы князем Д. Максутовым, упоминает об его участии в строительстве канала Волга— Нева. Что, скорее всего, и привело князя в 1879 г. к разорению. Строительство любого канала — большая авантюра. Будь то Панамского или Суэцкого. Почему бы и российскому каналу не пополнить этот список. То, что из Америки видится каналом Волга—Нева, в России с начала XIX в. называлось Мариинской водной системой. В 1870 г. был создан Временный комитет для рассмотрения вопросов ее улучшения. Комитет под председательством «заведывающего шоссейными и водяными сообщениями генерал-майора князя Щербатова» работал далеко не эффективно и был упразднен в 1880 г. Возможно, через комитет и связанные с ним структуры проходили немалые средства. Деньги на оплату работ по реконструкции канала доходили не полностью. Многие работы тормозились из-за несовпадения интересов участников проекта. Выделенные суммы обесценивались в связи с Балканской войной и по традиции разворовывались. Не исключено, что князь Д , Максутов принимал участие в правлении одного из подразделений масштабного строительства Действительно, 1879 год был худшим в реализации масштабного проекта и мог вызвать волну банкротств. Сам же проект авантюрой не был. Реконструкцию Мариинской системы завершили к 90-м гг. XIX в.

Последняя четверть XIX в. характерна для России расцветом практического интереса к путям сообщений. Наряду с железными дорогами реконструировались и создавались новые водные пути: так, в это же время в Петербурге строился канал при порте. В 1874 г. высочайшим повелением было образовано Временное управление по устройству морского канала между Кронштадтом и Петербургом, подчи-

нявшееся Министерству путей сообщения. В управление входили представители Морского, Военного и Финансового ведомств. Почти наравне с государственными людьми в управлении участвовали представители купечества и промышленности. Был создан специальный Портовый банк. Но даже это почти столичное управление не смогло начать строительство раньше 1878 г. А открыли канал только в 1885 г. Что уж говорить о менее дисциплинированных провинциальных каналостроителях. Быстро строить каналы в России научились полстолетия спустя.

Племянница князя Анастасия Петровна оставила следующее описание причин разорения Дмитрия Петровича* «Дмитрий Петрович вернулся в Россию. Тут его уговорили быть одним из директоров частного банка, и т. к. у дяди были небольшие

сбережения (он получал хорошее жалованье), он согласился быть одним из директоров и устроился жить в Петербурге. Банк лопнул, и большинство директоров вовремя спасли от гибели свои деньги, но дядя Митя, как человек кристальной честности, ни единой копейки не вынул, а все свои сбережения отдал на удовлетворение пострадавших вкладчиков. Он предоставил даже свою пенсию на погашение долга, а сам жил очень скромно на остатки пенсии». Эта семейная версия кажется автору убедительной.

Пострадавшая в ходе Русско-турецкой войны сравнительно молодая банковская система России понесла ощутимые потери в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. В большом количестве разорялись банки и торговые дома, предприниматели и доверившие им свои сбережения вкладчики, принадлежавшие к разным социальным слоям. Широкие массы, не обремененные экономическими знаниями, не понимали, что происходит, куда исчезают деньги. Знаменитый адвокат Федор Плевако, представлявший разоренных истцов в процессе по делу о мошенничестве первых лиц одного из банков, очень удивлялся, что «вчерашние поручики гвардии вдруг становились способными соединить железными путями концы России», а «дворянство объявило себя призванным к коммерции».

Наиболее частой причиной краха банков и торговых товариществ указывалось незнание членами правления основ банковского дела. Это объяснение можно принять — в члены правления не редко приглашались люди далекие от коммерции, но имевшие значительное имя. Нельзя исключить, что уставным капиталом многих чиновников, входивших в правление банков и компаний, были только их статус-

ные позиции. Иногда в правление входили вкладчики, которым банк задолжал значительную сумму. Размер банка зависел от его оборотов и первоначального уставного капитала, или, как его называли, складочного, то есть возникшего от взносов акционеров.

Публике часто объясняли, что хозяева, растерявшие даже складочный капитал банка, оказались непрофессиональными и самонадеянными, а служащие — небрежными и ленивыми. Возможно, и это имело место. Но в большинстве случаев за крахом каждого банка стояли неумеренная жадность первых лиц и их вполне профессиональные махинации.

Способы обмана были самые простые: подделка отчетности или пренебрежение ею, внесение путаницы в кассовые книги, манипулирование голосами членов правления. В мутной банковской воде была, есть и будет возможность для

злоупотреблений. Особенно если первые лица входят в сговор и имеют высокое покровительство. Вторые лица правления при этом волей-неволей вынуждены доверять первым и пытаться хоть как-то контролировать движение своих капиталов.

Хороший банк способен заработать на залогах и процентах от ссуд, а также иметь достаточно средств на расходы по управлению, выплату дивидендов и образованию запасного капитала. Разумное правление будет поддерживать правильное соотношение процентного и погасительного фондов банка.

Разумеется, денежное содержание членов правления было не в пример больше армейского или флотского жалованья. По самым скромным оценкам, член правления столичного банка получал не менее 2—3 тысяч рублей, что в полтора-два раза превышало денежное довольствие капитана 1 -го ранга. Такая сумма была хорошей стипендией членам правления на *неизучение* тонкостей банковского дела.

В 1881 г. Владимир Маковский представил свою картину «Крах банка» на выставке Товарищества передвижников. Сегодня она находится в Государственной Третьяковской галерее. Художник очень точно передал настроение обманутых вкладчиков и банковских служащих, уводящих последние активы. Сюжет картины был весьма узнаваем, а мастерство живописца — бесспорным. Полотно вызвало общественный резонанс. Хорошо бы после этого прекратились банковские махинации и обман вкладчиков.

Конечно же часто причины разорения отдельных лиц кроются не только в неправильном управлении своими капиталами, но и в не-

–-

рачительном ведении домашнего хозяйства. Это когда расходы много превышают поступления. Траты на содержание дома, воспитание детей, выходы в свет — все требовало немалых средств. Только наем квартиры в престижном районе столицы мог стоить до тысячи рублей в год, что было соизмеримо с жалованьем капитана 1-го ранга. Первоначально недостатка в средствах в семье не ощущалось. Но и размах жизни после возвращения Максутовых из колоний был большим. Князь так и не вписался в траты дорогого Петербурга. Слишком долго он был вдали от столицы. Практически всю офицерскую жизнь он провел даже не в российской провинции, где масштабы цен хоть как-то соизмеряются со столичными. После службы на Черном море лейтенант попал в другой мир со своей финансовой спецификой, которая не переводилась на нормальный язык. Береговой офицер во время войны, затем колониальный администратор. Просто

негде было учиться тратить жалованье, а тем паче беречь его. Более беспомощного в плане личной экономики должностного лица, чем бывший Главный правитель, трудно себе представить.

Не так уж важно, что пробило брешь в бюджете князя, разорившийся банк или прогоревшая компания. Важно, что за делом о несостоятельности князя не стояло обвинения в служебном преступлении. Но претензии кредиторов накапливались.

Опутанный долгами Дмитрий Петрович обратился к своему теперь уже американскому другу Густаву Ниебауму, который в то время посетил по делам Петербург и по зову сердца Финляндию. Босс Аляскинской торговой компании предложил своему бывшему шефу 500 рублей. Сумма сама по себе не маленькая. Она составляла почти полугодовое береговое жалованье капитана 1 -го ранга. Но для покрытия долгов этого было недостаточно. Да и принятие любого дара делает человека еще большим должником. Аляскинский священник архимандрит Анатолий отмечал: «Индианин никогда ничего и никому не дает даром. Раз дал что-нибудь, он считает его на всю жизнь должником». Может, и не хотел князь быть должным новому «ин-дианину», не способному прощать должникам, «как мы прощаем должникам нашим».

Личные записи князя не объясняют причин его финансового неблагополучия. Нет записи о назначении на какую-либо достойную должность между 1873 и 1879 гг. Есть только странная запись в Памятном листке. Вернее, ее отсутствие. Проставлена дата 15 апреля 1875 г. Но почему-то Дмитрий Петрович передумал записывать это ˆ

событие. В 1877 г. он сделал запись о смерти брата Георгия. А потом отметил весьма существенное:

1879 июля 3. Объявлена моя несостоятельность.

Вполне возможно, что князь в это время оставил правление какого-то коммерческого предприятия. Это был не его личный выбор; он представлял в этом коммерческом предприятии интересы или государства, или весьма влиятельных лиц этого государства. Интерес у этих влиятельных лиц пропал, и князь был отозван из правления. А вот денежки эти уважаемые компаньоны попросили вернуть. Управлял князь чужими деньгами, а отвечал своими. История довольно банальная. В «Послужном списке» указано, что месяцем раньше объявления несостоятельности Дмитрий Петрович был назначен приказом главного командира С.-Петербургского порта №153 временным членом военно-морского суда при Петербургском порте. Размещался суд в Новой Голландии, совсем близко от здания Главного правления РАК.

Примечательно, что образован он был в период развития судебной реформы в июне 1867 г. Когда князь был занят подготовкой к сдаче дел в Русской Америке, ему уже было приготовлено последнее место службы. Разумеется, не покровителями, а судьбой. Такое вот не первое и не последнее нумерологическое изыскание автора. Суд решал дела всех военно-морских чинов, кроме нижних. Есть основание считать, что состав суда должен был блюсти свою репутацию, и никто бы не назначил даже временным членом военно-морского суда офицера сомнительных качеств. Значит, финансовое неблагополучие Д. Максутова не сказалось на его репутации. А затянувшийся не на один год процесс о несостоятельности князя начальство, по большому счету, не интересовал.

Так князь оказался в плену новозаветного «Не судите, и не судимы будете». Автору как-то довелось обратиться к полной цитате евангелиста Луки (6:37): «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете». В русском тексте *не судите* и *не осуждайте* практически сливаются, потому что употреблены однокоренные слова. В английском или испанском переводах, в частности, используются слова, образованные от разных корней. Пользуясь двуязычным Евангелием Гедеоновых братьев, автор сделал перевод известных строк на родной язык. Получилось не совсем гладко, но открылся ускользавший смысл слов Учителя: не судите, и не будете судимы, *не выносите приговору и вам его не вынесут.*

_£2^

Снижение напряженности службы князя позволяет автору вернуться к описанию его семейных дел. По приезде в Петербург Максутовы жили на улице Миллионной, потом на Захарьевской и уж затем в Басковом переулке. Район достаточно статусный. Складывается впечатление, что сам князь старательно выбирал место жительства все дальше и дальше «от центра». Даже не от Зимнего дворца, а от здания Главного правления РАК на Мойке.

Миллионная — улица, соединяющая Марсово поле и Дворцовую площадь, идущая параллельно Дворцовой набережной. На ней размещались казармы Преображенскою и Павловского полков, штаб Гвардейского корпуса и Русское императорское историческое общество. Много позже описываемых событий судьбе было угодно разместить на этой улице известный Военно-морской архив. Дом № 35 по этой улице — это тот самый с атлантами, уже вход в Эрмитаж. Частному дому и не втиснуться. Но именно Миллионную как первый петербургский адрес упоминает старший сын князя Александр Дмитриевич. Выбор семьи Максутовых пал на весьма престижную

улицу вовсе не потому, что у вернувшегося «американского» правителя были весьма приличные деньги и перспективы. Дело в том, что после продажи здания Главного правления у Синего моста летом 1867 г. столичная контора компании была перенесена в дом купца 1 -й гильдии А. Бетлинга на Миллионной улице. Там и нашел временный приют приехавший из колоний князь. Временный потому, что уже в 1870 г. Главное правление перевели в дом надворного советника С. Пиотровского в переулке с символическим названием Глухой. После ликвидации компании в 1871 г. этот переулок затерялся под названием Максимилиановский. А Максутовы успели подобрать к тому времени квартиру на Захарьевской.

От Марсова поля, миновав Летний сад, можно выйти на Французскую набережную, свернуть на Литейный. После первой улицы — Шпалерной — как раз и будет Захарьевская. Но это уже за Александровским (Литейным) мостом, построенным в 1875—1879 гг. Параллельные улицы, Захарьевская и Сергиевская, а также Басков переулок перпендикулярны Литейному проспекту.

Вот, пожалуй, и вся география петербургской жизни князя Максутова. Последний путь его поведет далеко за Обводный канал, за Московские ворота, где в стороне от Забалканского проспекта стоит Новодевичий монастырь. Первоначально этот проспект именовался Царскосельским. В 1878 г., после героической войны за ^^

освобождение болгар, проспект переименовали в Забалканский. Последнее его название — Московский.

В «свидетельстве на жительство в России повсеместно и бессрочно», выданном Александру Максутову, старшему сыну Главного правителя, указаны следующие адреса: Литейный проспект, Сергиевская улица и Невский проспект — «Большая Северная Гостиница». Не раз перестроенная гостиница, выходящая на Николаевский вокзал, дожила до наших дней. Автору не хочется возвращаться к названиям ленинградских улиц Халтурина, Каляева, Воинова и тому подобным. Город и сам запутался в переименованиях.

По воспоминаниям старшего сына Главного правителя, квартира в Басковом переулке была большая, наполненная гувернерами и гувернантками. Детей в семье было много. Только мальчиков в княжеском доме обитало трое: сыновья Александр и Дмитрий, родившийся в 1870 г., а также их двоюродный брат Александр Талаев. На Елизавете Талаевой был женат брат Дмитрия Петровича Павел, остававшийся на Черном море. Братские отношения всегда цементировали род Максутовых. Поэтому близкого родственника готовили к поступлению в

Морской корпус наряду со своими сыновьями. Князь Дмитрий Петрович прекрасно знал, что основным ходатаем по делам всего княжеского рода был когда-то не его отец, а дядя, поэтому и сам старался заботиться о племяннике. Мальчишки часто играли в «индейцев и бледнолицых». Это вовсе не специфическая мода семьи. Просто появилась «индейская» литература, разумеется переводная. Самым главным индейцем по праву считал себя старший сын князя Александр. С детских лет братья Максутовы поколения 60—70-х гг. избегали критики всего того, что касалось Аляски. Семейные предания возводили Русскую Америку в культ, а отца — в самые первые противники ее продажи, а значит, в патриоты.

Много собиралось в квартире Максутовых и девочек. Поскольку у многих имена совпадали, то все получали прозвища. Была одна Анастасия, дочь Петра Петровича, ее сестры Александра (Саша Петровна) и Екатерина (Катя Петровна). Дочь кузена Василия Николаевича, проживавшего постоянно в своем имении под Петербургом, звали Катя Васильевна Еще одна Катя, дочь Павла Петровича, звалась Катей Павловной. Были также дочери самого Дмитрия Петровича Мария (Мяка) и Ольга (Лека), а также Саша-девочка, названная, чтобы отличать ее от Саши-мальчика (Американца). Постоянно бывали в семье и весьма далекие родственники — такие как дети

сестры жены Василия Николаевича Максутова — Лиза, Костя и Федор Рерберги. Все дети были дружны между собой и впоследствии поддерживали друг друга в трудные годы войн и революций.

В «смутные» для семьи годы князь занимался устройством судьбы детей. В 1876 г. родилась Мария, а в 1877 г. — Ольга. А дочь от первого брака Нелли к этому времени оказалась уже на выданье. Она вышла замуж в 1879 г. Ее избранник Михаил Ягн был племянником сенатора и нигилистом. Жизнь у молодых не сложилась. В семье считали, что Нелли из-за мужа отравилась серными спичками. Мучительная смерть.

В Памятном листке за 1885 г. Дмитрий Петрович осторожно запишет:

1885 фев. 28 Захворала Нелли.

Следующий месяц в жизни князя станет трагическим:

март 6 В 9 час. веч. скончалась Нелли.

март 8 Похороны Нелли.

Это еще предстоит пережить. А пока князь готовил свадьбу старшей дочери Анны. В 1882 г. Анна вышла замуж за врача лейб-гвардии Егерского полка Альбина Адольфовича Несслера. Он был вдовцом и уже имел четверых детей. Еще через год Аня подарила

ему сына, а деду — внука. Назвали его Василием. Наверное, свадьба старшей дочери могла бы состояться раньше, если бы не разорвавший связь времен 1881 год, трагический для страны и семьи князя. Из хороших событий в том году отмечено только установление памятника на месте боев в далеком Петропавловском порту. В какой-то мере это было данью уважения России к самому Д. Максутову. В марте бомбой убили царя-освободителя. Затравили, как предвидел сам Александр II. В июне умерла княгиня Мария Максутова. Обе смерти автору хочется пройти скороговоркой. Первую — как масштабную национальную трагедию, не вмещающуюся в это повествование. Вторую — из уважения к семье Максутовых.

Мария Владимировна была виновата в злоключениях своего супруга не больше и не меньше любой жены, тратящей ограниченный бюджет большой семьи. Она искренне не понимала, почему ее муж, достойный офицер и опытный администратор, впадает в бедность. В Ново-Архангельске она была первой дамой. В Петербурге оказалась одной из многих. Семейные хронисты склонны вытеснять трагичные эпизоды. Ходили слухи, что нервы княгини не выдержали, и она покончила жизнь самоубийством. По сведениям Р. Пирса — похоронили ее в деревне Ястребове Ямбургского уезда Петербургской губернии. Капитан 1 -го ранга остался один против «моря бедствий» с нестихающей болью в сердце. Князь старался держаться с достоинством, не показывая своих страданий. Никто не знал, чего это ему стоило.

ИТОГ: ПОСЛЕДНЯЯ ИГРУШКА 1882-1889

Если какой-то главе надо быть тринадцатой, то пусть будет эта.

Смена царствований никогда не бывает безболезненной. Это князь Д. Максутов представлял еще по послевоенным событиям, когда вернулся с Дальнего Востока. Наступило совсем другое время, как часто в России бывает, опять послевоенное. Но уже не после Крымской войны, а после Балканской. Первой из них к 1881 г. уже успели поставить монумент «Слава» на Никольской сопке в Петропавловске и создать мемориал в Севастополе. Последняя война оценивалась с некоторым запозданием. Война и смена Императора выбили из седла многих друзей князя. Наследник престола Александр Александрович, не уклонившийся от власти, вынужден был выбирать новый курс. Новый Император попрощался и с командой реформаторов своего отца, прежде всего с Великим князем Константином. Появился новый генерал-адмирал. В далеком Париже умер от гангрены отошедший от дел

властитель Восточной Сибири граф Н. Муравьев-Амурский. Управляющим Морским министерством на короткий срок стал А. Пещуров, но он не удержался на этом посту. В 1882 г. умер Федор Литке. Стало не к кому обратиться не то что за помощью, а просто за советом. В душе князя Д. Максутова в тот год поселился сумбур, и сил бороться у князя оставалось все меньше.

Казалось вполне логичным окончательно оставить службу. Увольнение позволяло разрешить многие проблемы. Наступил вовсе не светлый семнадцатый день мая 1882 г. Накануне своего дня рождения князь узнал о смерти старшего брата Павла.

Князю исполнилось 50 лет. Скорее еще, а не уже пятьдесят. В этот день Высочайшим приказом по флоту за № 68 князь Максутов 1-й был произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

Князь мог бы усмехнуться, вспомнив, что срок привилегий РАК, дарованных Александром II, иссякал как раз в это лето.

Порядок выхода офицеров в отставку предусматривал «награждение следующим чином» или «производство в следующий чин». Похожие формулировки имели существенное отличие. В первом случае полученное воинское звание было только для отставки. Если бы офицер захотел вернуться в строй, то воинское звание ему было бы восстановлено не полученное при увольнении, а предыдущее. Вторая формулировка предусматривала сохранение чина при возвращении на службу. Таким образом если бы князь пожелал вернуться на флот, то так и остался бы контр-адмиралом. Число адмиралов в то время не превышало полторы сотни. Кому-то могло показаться, что это много, дескать, превышает число адмиралов Франции и Великобритании, вместе взятых. Но в России на высших офицеров всегда особый счет. Считается, что они первая опора режима Как видим, Д. Максутов был отправлен в отставку весьма уважительно.

При увольнении офицеру выдавался «итоговый» документ — Указ Его Императорского Величества. Подлинник сохранился у наследников князя и был вывезен из России его младшим сыном Дмитрием Дмитриевичем в США. Указ составлялся на основе «Послужного списка». Этот документ, включавший описание службы, награды и расчет пенсии, считался видом на жительство и выполнял функции паспорта. Начинался Указ так:

«Его Величества Божией милостью Александра Александровича Самодержца Всероссийского и проч. и проч. предъявитель сего контр-адмирал князь Дм. Петр. Максутов 1-й кавалер орденов: Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени...»

За что были даны князю ордена, понять достаточно легко. «Георгий» и «Владимир» были получены за оборону Петропавловска. «Станислав» — за мероприятия, завершающие Восточную войну, и участие в дипломатической миссии в Японию. «Анна» была получена в 1873 г. за невоенные заслуги, когда дела князя на коммерческом поприще еще шли в гору. Но свои дела после получения ордена в совместной американо-российской компании князь завершил.

Как видим, князя вовсе не завалили орденами. В конце царствования Александра II и начале царствования Александра III точных правил о наградах не было и все отдавалось на личное усмотрение начальства. К. Победоносцев сообщал своему воспитаннику цесаревичу Александру, что некоторые офицеры получили незаслуженные награды только благодаря хорошим отношениям с адмиралом А. Поповым или любовницей генерал-адмирала Константина Николаевича. А ежегодный приказ Морского ведомства от 1 января 1878 г., где отмечались производства и награды, вызвал возмущения даже в Зимнем дворце. Вряд ли князь Д Максутов пользовался особым расположением А. Попова Да хоть бы и так. Совершенно достойнейший был адмирал. Их пути не пересекались после экспедиции русских эскадр в североамериканские порты во время войны Севера и Юга. В отношении наград и благоволений служба князей Максутовых была предельно безупречна; ничего незаслуженного. Далее шло краткое описание должностей князя и его актуальное состояние. Был подведен итог службы контр-адмирала

По самой простой арифметике, с 11 мая 1848 г. по 1 января 1882 г. прошло 33 года 7 месяцев и 20 дней службы. Если прибавить участие в боях «против неприятеля» и в морских кампаниях, то можно было досчитать еще год льготной выслуги. Получалось 34 года 10 месяцев 25 дней. Льготное исчисление за участие в боевых действиях и кампаниях было разным. В частности, как записано в «Послужном списке» старшего брата Максутова Павла Петровича, «по состоянию в составе Севастопольского гарнизона с 13.09.1854 по 1.10.1855 Всемилостивейше повелено каждый месяц считать за год службы».

Означенному контр-адмиралу князю Максутову была начислена пенсия по следующим суммам:

842 р. 80 коп. Государственного казначейства оклада;

1020 р. 83 коп. эмеритальной кассы Морского ведомства.

Всего: 1853 (тысячу восемьсот пятьдесят три) рубля 63 (шестьдесят три) копейки в год.

В сравнении с береговым жалованьем, немного превышающим тысячу рублей, и прочими надбавками рублей на триста это была совсем неплохая сумма. Жалованье адмирала, получившего чин не по выходу в отставку, было много большим. Так, старший брат Дмитрия контр-адмирал Павел Петрович Максутов на начало 1880 г. имел:

Жалованья 1257 р. 14 коп.;

Столовых 1028 р. 57 коп.;

Добавочных 1500 р.

Всего: 3785 р. 71 коп.

В тех условиях выходивший в отставку офицер материально выгадывал, несмотря на то что государственная пенсия была значительно меньше денежного содержания на службе. Кроме пенсии от Государственного казначейства, офицер получал пенсию из эмеритальной кассы. Корень слова *эмеритальный* восходит к латинскому *заслуженный*, *выслуживгиий, достойный.* Касса формировалась главным образом из отчислений 6% жалования офицера. Средства хранились в государственных ценных бумагах, имевших стабильный 4-процентный доход. Полная эмеритальная пенсия выплачивалась за 35 лет службы. Такой путь поддержки уволенных в отставку офицеров был введен в армии и на флоте в 1856 г. Разумеется, накопить на достойную отставную жизнь сам офицер своими эмеритальными отчислениями мог за всю службу года на три. Любой пенсионный фонд кормит пенсионеров за счет взносов работающих. Для эффективной работы эмеритальной кассы также было необходимо, чтобы вносящих взносы было много больше получающих пенсию. В России, постоянно ведущей войны, это условие было легко выполнимым. Когда же в мирное царствование Александра III все большее число офицеров стало доживать до пенсии, эмеритальная касса стала давать сбои. Надбавка к пенсии за службу на Дальнем Востоке была введена только в 1897 г. Если бы к тому времени осталось много служивших на Аляске, то не забыли бы и их.

Вполне возможно, что и РАК оставила князю какую-то пенсию, хотя в практике компании более приемлемой считалась выплата наградных после истечения контракта. Как-то появилась легенда, что президент Соединенных Штатов Грант предложил князю участок земли. Аргументов против этой легенды больше, чем за. А вот получить имение или земли в аренду от своего правительства российский адмирал мог. Как правило, определялась сумма средств, получаемых с этой аренды. Так, В. Завойко был награжден арендой в 1200 рублей в год за особенные заслуги в Сибирском крае в1855г. В 1876 г. эта аренда составляла

2700 рублей в год, а в 1893 г. увеличена до 3000 рублей и продлена еще на четыре года. Совсем неплохой итог службы адмирала. Не бедствовал Василий Степанович в своем украинском имении. Князю Д. Максутову редкой по тем временам аренды не предложили.

Есть основания считать, что выслуженная адмиральская пенсия явилась одной из причин ухода князя со службы. В то время Д. Максутов находился под судом. Судебное дело завершилось мировой

сделкой именно в год увольнения князя со службы. Для Дмитрия Петровича это означало признание долгов и их погашение за счет своей адмиральской пенсии, превышавшей жалованье берегового капитана 1-го ранга.

Бывший Главный правитель американских колоний хорошо знал обычай индейцев раздавать свое имущество во время потлача, по-русски *игрушки.* Слово *потлач* русские заимствовали из языка индейцев нутка, проживающих на острове Ванкувер. Означало оно большой пир. Как правило, устраивали игрушки вожди — тойоны или представители местной знати. В ходе этого обильного и многодневного пира раздавали все: одежду, украшения, рабов. Что не удавалось раздать, со всей широты индейской души безжалостно уничтожалось. Щедрость и кураж были условием публичного признания социального статуса человека, а значит, и его прав на общинные угодья. Чтобы богатство признали, его надо было раздать. При натуральном хозяйстве предприимчивый охотник мог за год-другой восстановить все розданные или уничтоженные богатства. Хозяйство бывшего русского тойона не было натуральным. Восстанавливать было нечего. По масштабам раздачи имущества Дмитрий Петрович превзошел всех индейских вождей, вместе взятых. Никто не усомнился в социальном статусе князя Д Максутова и его праве на уважение общества. Этнографы выделяют еще одну функцию потлача — гармонизацию отношений уважаемого человека с миром реальным и мнимым, с собой и с предками. Игрушка «диких» проходила страстно и давала выход эмоциям. Танцы сутками до изнеможения. Снятие агрессивности, страхов, злости через высочайшее физическое напряжение. «Цивилизация» в конце XIX в. уже не поощряла такого бурного выражения страстей. Внешне следовало вести себя сдержанно. Такой культурный код разрушителен для сердечно-сосудистой системы человека. Князь всегда был эмоционально сдержан. В источниках только раз встречается упоминание, что он «пришел в бешенство». Было это, дескать, при получении приказаний готовиться к сдаче уже проданной Русской Америки.

Автор исходит из того, что «бешенство» князя было недоступным чужому глазу. В себе переживал, сдерживая клокотание души. Игрушка 1882 г., названная «мировой сделкой», несомненно, гармонизировала жизнь князя и весьма ее укоротила.

Май 1882 г. был трудным в жизни князя. Умер старший брат Павел. Как и многие уходившие в ту пору из жизни участники Крым-

ской войны, он завещал похоронить себя в Севастополе, на кладбище Свято-Никольского монастыря, «среди воинов, не допустивших врагов Отечества перейти рубеж того места, где находятся их могилы». Приведенная цитата взята с мраморной плиты часовни над могилой князя М. Горчакова, главнокомандующего Крымской армией. Памятник на могиле князя П. Максутова тоже сохранился.

Увольнение со службы, затянувшееся судебное разбирательство — все это не добавляло здоровья Дмитрию Петровичу. Сразу же по выходе в отставку князь уехал лечиться в Висбаден и вернулся уже после заключения мировой сделки. На рубеже 80-х гг. того далекого века князь мог пережить еще один удар по здоровью. Пока смог пережить. Поэтому профильный курорт ему был весьма показан. Гипотеза о том, что князь скрывался от должников или даже от долговой тюрьмы, кажется легковесной. Преследовать контр-адмирала и кавалера могли только до определенной степени.

Мог ли князь избежать суда и разорения? Наверное, мог бы, если бы не вошел в правление сомнительного предприятия и еще ранее того прочитал бы роман И. Гончарова «Обыкновенная история». Еще до своего секретарства в экспедиции в Японию литератор предугадал разлагающее влияние акционерных товариществ на общественную жизнь. Прозрение российского общества в отношении банкротств офицеров пришло многим позже. Спасение князя от банкротства могло бы состояться, если бы он вовремя вышел из правления коммерческой организации или не вошел бы туда вовсе. Но слишком жив был еще пример генералов и адмиралов, бывших различными директорами. Не исключено, что князь со временем мог видеть и себя в составе Главного правления РАК. Но не состоялось.

В царствование Александра II участие офицеров в правлении частных компаний вполне допускалось и даже поощрялось. С приходом нового самодержца Александра III государство осмотрелось, что же было реформировано его предшественником. Реформы прошли воистину великие: крестьянская, судебная, военная. Россия уверенно стала на капиталистический путь развития. Высшие слои государства приняли в становлении

капитализма самое деятельное участие, совмещая службу с коммерческой деятельностью. Обозначилось опасное слияние возможностей капитала и прерогатив высших чиновников империи.

В 1884 г., в то время как князь Д. Максутов уже был года два как в отставке, Комитет министров не одну неделю слушал дело о несовместимости некоторых должностей государственной службы с управлением делами акционерных компаний. К. Победоносцев, воспитатель Александра Александровича, когда тот был наследником, продолжал наставлять его уже коронованного. Есть смысл привести выдержки из замечательного письма Константина Петровича своему воспитаннику:

«Не подлежит сомнению, что есть некоторые государственные звания и должности, с коими совсем несовместимо участие в акционерных предприятиях. В последнее время.. Члены Государственного совета, сенаторы, генерал-адъютанты и пр., состоя членами правления в банках, в железнодорожных, страховых и т. п. обществах, в то же время принимали участие в суждении по делам государственной важности... Смешение в этом деле личных интересов с государственными доходило до бесстыдства <..>

Двигательною силою в этом было желание обогатиться, нажить большие капиталы без большого труда Нередко случалось, что люди неспособные ни к какой практической деятельности, пользуясь Только своим положением на службе или при Дворе, давали свое имя для участия в самых непрактических и искусственно сформированных предприятиях, для того только, чтобы осуществить своим влиянием и ходатайством, затем создать фиктивную ценность акций и приобресть себе большой капитал».

Царю объяснялось, что высших чинов империи необходимо исключить из управления коммерческими организациями. Впрочем, для чинов средних, в том числе и военных можно было допустить исключения. По мнению царского наставника, необходим был закон, цель которого «охранить достоинство государственной службы и чувство нравственного приличия, о коем все забыли с того времени, когда в 50-х годах возникло у нас движение акционерных компаний...». А ведь РАК и была одной из первых акционерных компаний России, если не самой первой. Именно эта компания торила путь, с которого Россия так и не смогла свернуть. В самом начале XX в. компанейская модель слияния государственных возможностей с частнособственническими интересами высоких чинов была использована при формировании Концессии по разработке лесов

на реке Ялу, что в Корее. Это и привело к Русско-японской войне. Сходный сценарий мог ожидать и Русскую Америку, не уступи ее вовремя.

Особое внимание обращалось на участие в акционерных компаниях офицеров. При этом Константин Петрович считал сомнительной пользу от безусловного запрещения всем состоящим на действительной службе в военных и военно-медицинских чинах Сухопутного и Морского ведомств участвовать в промышленных и коммерческих товариществах. Генералитету, разумеется, вредно и безнравственно устраивать фортуну таким образом. Но это не относилось в целом к офицерскому корпусу, поскольку было множество бедных офицеров, которые не имели возможности жить жалованьем и поэтому участвовали в подобных предприятиях.

Тонкий политик и опытный царедворец оговаривался:

«Тут дело идет не об одной справедливости. Важно, по моему мнению, очень важно, то впечатление, которое произведено будет на всю армию внезапным принятием такой крутой меры. Вашему Величеству, конечно, не безызвестно, что теперь в военной среде слышится и без того глухой ропот на многие меры и распоряжения военного управления... говорят, что уже не стоит служить в военной службе... Ропот усилится с принятием нового закона».

Справедливость по К. Победоносцеву очень контекстна. В тот год она не должна была спровоцировать недоверие офицерского корпуса к новому режиму. Перед российским правительством стояла довольно новая социальная сверхзадача — интеграция сословий. Третье сословие стремилось в дворянство через получение военного или гражданского чина. Но был встречный процесс: дворянство стремилось сохранить доступ к управлению национальным богатством через участие в коммерции. Были случаи, когда дворяне решались переходить в купцы 1 -й гильдии.

Приказом по Военному ведомству № 337 от 20 декабря 1884 г. объявлено, что «состояние на действительной службе в военных и военно-медицинских чинах сухопутного и морского ведомств несовместимо с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях». Определялось: «Лица, принявшие участие в учреждении промышленных и кредитных установлениях, занявшие в оных какие-либо должности или принявшие на себя исполнение каких-либо по оным обязанностей, обязаны оставить службу и сложить присвоенное звание. В случае же неподачи сими лицами в 3-х месячный срок прошения об отставке они увольняются со службы».

Наверное, приказ каким-то образом оградил «достоинство

службы». Но на следующий год пришелся самый большой некомплект офицеров армии и флота за все предыдущие царствования. В данном случае после того не означает вследствие того.

Будь это судьбоносное для офицерского корпуса решение принято лет на десять раньше, карьера Д. Максутова пошла бы по-другому. Соблазны коммерции миновали бы его. К чести Д. Максутова, у него не было служебного положения, которое он мог бы обратить в пользу коммерческого предприятия, в правлении которого состоял. С принятием новых мер по недопущению в коммерческие правления офицеров коррупция в России поуменыиилась. Высшие лица империи еще не научились направлять в директора банков и компаний своих жен, устраивать в подконтрольных предприятиях синекуры для детей.

А служба морских офицеров на коммерческих судах, традицию которой положила РАК, продолжалась. Сам К. Победоносцев в свое время возглавлял такую организацию — славный Доброфлот. Но и в РОПиТе, и в Доброфлоте офицеры не занимались коммерцией. Они делали, что должны были делать, — водили суда.

Князь записал в Памятном листке самые важные события 1882 г.:

1882 май 2 Кончина брата Павла, май 17 Произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы, июнь 7 Выехал в Висбаден.

авг. 15 Свадьба Ани с Альбином Адольфовичем Несслером окт. 2 Окончилось дело о моей несостоятельности принятием мировой сделки.

Ричард Пирс переводит в своих работах фразу Д. Максутова от 2 октября 1882 г. о принятии мировой сделки не точно. Мировая сделка у него становится «общественным позором» (public disgrace). Особенно неприятно это звучит в обратном переводе. Автор еще раз подчеркивает: упоминания об общественном позоре в Памятном листке нет. Позора удалось избежать.

Анализ многочисленных банкротств конца позапрошлого века показывает, что суды зачастую не усматривали в деятельности руководства банков намеренного преступления. Возможно, просто еще не научились собирать доказательства экономических преступлений. Приговоры, как правило, не были суровыми. Ну, высылали на 3—5 лет в далекую губернию самых злостных растратчиков. В отношении же членов правления меры были еще более мягкими. Так что признание одним из членов правления долгов и согласие пойти на мировую за

счет их погашения из собственного кармана свидетельствует

о честности этого нового русского бизнесмена.

На свадьбе Анны князь не присутствовал, так как вернулся только в следующем году. Все вроде опять налаживалось. Сын Александр был в Морском корпусе, дочь Александра в Смольном институте. Дмитрий Дмитриевич-младший только готовится к морской карьере. Две дочери уже покинули отцовский дом. Младшие ждут своего часа.

Дни и месяцы отставного контр-адмирала становились размереннее. Лето он проводил в благоприобретенном имении брата Петра Трофимовке под Пензой. Там у него была своя комната Сам Петр Петрович был горным инженером, послужил на Урале, на Олонецких заводах, управлял лабораторией и Монетным отделом в Государственном казначействе, дослужился до действительного статского советника. Оставив службу, он с 1887 г. поселился в любимой Трофимовке, которая на протяжении многих лет оставалась центром притяжения Максутовых.

Ходил отставной контр-адмирал в партикулярном платье. Дело в том, что с началом царствования Александра III морская форма претерпела существенные изменения. Еще в конце предыдущего царствования она стала из зеленой черной. Шилась форма на свои деньги. И новый ее комплект был, возможно, просто нерачительной тратой пенсии отставного контр-адмирала. Не носил он и орденов, даже Георгиевского креста На сохранившихся фотографиях князя можно разглядеть только медаль на Георгиевской ленте «В память войны 1853—1856 гг.». На оборотной стороне медали была очень актуальная для послевоенной и послеамериканской жизни князя надпись: «На тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки». Нельзя не признать, что контр-адмирал не сдался и отступил с достоинством. Возвратившись после заграничного лечения, князь в очередной раз стал отыгрывать очки у судьбы. Для Дмитрия Петровича жизнь отнюдь не потеряла смысл. Он продолжил устраивать судьбу детей. Ничего сверх положенного происхождением и воспитанием.

В Памятном листке читаем:

1883 апр. 20 Вернулся из-за границы.

окт. 1 Сын Александр произведен в мичманы.

нояб. 1 У дочери Анны Несслер родился сын Василий.

Офицером стал старший сын. Тот самый Сашка-Американец, остававшийся с Фурухельмами, когда вдовый отец покидал Ново-Архангельск.

Было в следующем году событие тоже весьма значимое:

1884 май 31 Выпущена из Смольного института дочь Саша.

Из семейных среднезначимых событий 1884 г. в Памятном листке указана женитьба племянника Владимира Владимировича Ра-шета на девице Н.М. Полевой. Старшая сестра князя Екатерина Петровна была замужем за весьма известным горным инженером Владимиром Карловичем Рашетом. В частности, он принимал участие в золочении кровельных листов храма Христа Спасителя. Владимир Карлович скончался четырьмя годами ранее. Поэтому князь, как мог, принимал участие в судьбе племянника. Финансовая поддержка исключалась. Но какая же свадьба без генерала или адмирала.

Год 1885-й начинался очень плохо: не стало Нелли. Сразу же после похорон князь сосредоточился на проблемах сына Дмитрия. К осени юноша поступил в Морское училище, так стал называться Морской корпус.

Год 1886-й был отмечен потерей кузена В.Н. Максутова, князя -живописца. Дмитрий Петрович отметил в Памятном листке и день его кончины, и день похорон.

В 1887 г. умерла Аня. В который раз смерть человека, близкого Дмитрию Петровичу, пришлась на его день рождения. Анну Несслер похоронили рядом с Еленой (Нелли). Похороны Ани — последняя читаемая запись в Памятном листке. Наверное, после этого князю писать было некому и незачем. Может быть, он не мог это делать физически.

Казалось, судьба щадила лично князя. Или наказывала его за что-то. Князь терял братьев, старших и младших. Расставаясь с родителями, он надеялся их увидеть вновь. Не получалось. Дмитрий Петрович похоронил двух жен, пережил старших дочерей. Или их смерть ускорила его собственную?

В 1888 г. в далеком от столице Хабаровске был заложен памятник графу Муравьеву-Амурскому — одному из авторов «антиамериканской» идеи. России приходилось выбирать между развитием «ПриАмурского края» и Аляской. Генерал-губернатор Восточной Сибири победил не в придворных интригах, а на гигантских просторах, освоенных им для России. Благодаря прозорливости, страсти и воле этого сравнительно среднеразвитого физически человека Амур стал великой русской рекой. А мог бы остаться Хэй-лун-цзян — рекой Черного Дракона. Постамент памятника очень высок, чтобы было видно с того, китайского берега. При крайне почтительном отношении китайцев к ушедшим предкам и их изваяниям бронзовый граф остается в глазах соседей самым надежным стражем русского берега.

Князь Дмитрий Максутов мог считать себя скорее соратником этого замечательно государственного деятеля, чем противником.

Сам памятник, сооруженный «на пожертвования сограждан, собранных с Высочайшего соизволения», будет всенародно открыт в присутствии наследника престола Николая Александровича в 1891 г. Не дожить до этого Дмитрию Петровичу.

Весна 1889 г. стала для князя последней. По свидетельству церкви Преображения Господня при Петербургской гимназии, 21 марта 1889 г. Дмитрий Петрович умер от кровоизлияния в мозг. Есть основания предполагать, что это было не первым кровоизлиянием у отставного адмирала. Его здоровье ухудшалось с каждым годом. Хот# нельзя полностью исключить версию банальной простуды и гриппа, свирепствовавшего в том году в России. Толчком могли стать воспоминания о похоронах близких, пришедшихся на весну.

Праправнучка контр-адмирала Татьяна Дмитриевна Максутова сохранила вырезку одной из петербургских газет, где в отведенном месте под номером 1 был опубликован некролог, как и принято, шрифтом самым маленьким. Количество сгибов на маленьком листочке подсказывает, что хранили его в укромном месте.

НЕКРОЛОГ

«В субботу 25 марта, на кладбище Новодевичьего монастыря, семья наших моряков хоронит контр-адмирала князя Дмитрия Петровича Максутова, скончавшегося от удара во вторник, 21 марта в 9 часов вечера. Князь Максутов был последним нашим Главным правителем Российско-Американской нашей колонии; среди моряков слыл как знаток восточных вод. По происхождению князь Максутов принадлежит к дворянам Пензенской губернии; воспитание получил в Морском кадетском корпусе, из которого был выпущен гардемарином в балтийский флот в 1847 г., а в 1849 он был произведен в мичмана с зачислением в 28-й флотский экипаж с прикомандированием к Морскому кадетскому корпусу (Морское училище). В 1854 г. в зва-

—

нии лейтенанта князь Максутов отличился при отражении нападения на наги Петропавловский порт англо-французской эскадры; он в это время, с 18-го по 28 августа, состоял командиром батареи № 2 и руководил ее действиями под начальством тогдагинего камчатского военного губернатора и командира порта генерал-майора, ныне адмирала Завойко. Во время этого дела он был сильно ранен и контужен; за свои отличия во время обороны Петропавловского порта князь Максутов был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и св. Георгия 4-й степени. С той поры князь Максутов остается до 1869

г. почти все время на службе в наших восточных портах. В 1859 г. он был назначен помощником главного правителя Российско-Американской колонии; во время своего нового назначения князь Максутов был в Петербурге; для прибытия на место назначения ему пришлось совершить трудное путешествие через Сибирь в порт Аян и оттуда уже в качестве пассажира на частном барке «Нахимов» переправиться в Ново-Архангельск. В 1863 г. в чине капитана 1-го ранга князь Максутов был назначен исправляющим должность Главного правителя Российско-Американской колонии, каковым оставался до самой уступки колонии Северо-Американским Соединенным Штатам. По возвращению в Россию князь Максутов был прикомандирован к 8-му флотскому экипажу, а в 1871 г. уволился на службу на коммерческих судах с зачислением по флоту. В Америке он пользовался сердечным расположением всех колонистов и много содействовал развитию края. Последние годы жизни князь Максутов находился в отставке; при увольнении в отставку он был произведен в контр-адмиралы».

Некролог конечно же не самое последнее слово о человеке. Это всего лишь обобщение достоинств ушедшего, напоминание потомкам о его заслугах. Обратим внимание на два момента. Во-первых, князь Дмитрий ни ранен, ни контужен не был. Получилось, что он наследовал славу братьев: Александра, смертельно раненного при обороне Петропавловского порта, и Павла, раненного и контуженного при обороне Севастополя. Во-вторых, автор некролога практически опустил последние непростые годы жизни контр-адмирала. И не только из-за требования жанра писать «хорошо или ничего». Само судебное дело о несостоятельности князя поросло пылью. Упомянутая «семья моряков» считала честь семьи Максутовых незапятнанной.

Вопрос о месте захоронения не стоял. У Максутовых уже был фамильный участок на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге, купленный в связи со смертью Нелли. Цены на участки сильно разнились. Самыми дорогими были места ближайшие к церквям, и стоили они до 500 рублей. Участок Максутовых был в буквальном смысле третьеразрядным и стоил 100 рублей. Участок, например, морского министра С. Лесовского близ церкви стоил раза в три дороже.

Первые захоронения на территории монастыря относятся к 1845 г. Сам же монастырский ансамбль принялись возводить с 1849 г., когда молодой мичман Д. Максутов только начал свою карьеру. С конца 60-х гг. XIX в. новый некрополь стал престижным местом захоронения, наряду с Александро-Невской лаврой. Здесь стали собираться по печальным поводам родственники и друзья ушедших в последнее плавание

замечательных морских офицеров Г. Невельского, П. Казакевича, Ф. Веселаго, С. Лесовского, К. Посьета. Оказался соседом Главного правителя Русской Америки и литератор Н. Некрасов, так и не создавший первый русский американский роман. Нашлось рядом место и поэту-дипломату Ф. Тютчеву, который почти совсем не интересовался делами Азиатского департамента МИДа. Всех их уравняла вовсе не смерть, а служение России. Поэтому сегодня вопрос о первоначальной стоимости участка князя обозначается только в связи с его сохранностью. Автору, неоднократно исследовавшему Новодевичье кладбище, пришлось признать, что участок утрачен. Схемы есть, архивы доступны, а могил нет. По старым схемам Петербургского некрополя Маскутовы имели «Участок 3—14 правый» рядом с могилами Н. Страхова и Н. Березина. Сегодня могила Н. Березина по новой нарезке находится на участке 24. В издании «Новодевичье кладбище» 2003 г. указано, что участок Максутовых был утрачен еще до 1922 г.

Похоронили князя между дочерьми, родившимися в Русской Америке и не дожившими до тридцати. Сегодня там нет ни креста, ни памятника. Могила первой жены князя Аделаиды осталась в Ситке. Нет причин вторгаться в тайну похорон княгини Марии, второй жены Д. Максутова.

Со смертью князя Дмитрия Петровича не прервался род Максутовых. Князь до сих пор остается самой большой гордостью семьи. Его не исключить из бессмертных героев Отечества! Не имея возможности возложить цветы на могилу князя, войдите в отреставрированный храм в честь Казанской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря в Петербурге. Поставьте свечу, не заупокойную, а благодарственную. Казанская Богоматерь вела князя по житейским морям, она и охранит его память!

ПОТОМКИ: ДОКУМЕНТЫ И ПРЕДАНИЯ

С выходом в отставку в 1882 г. князь Дмитрий Петрович перестал быть Максутовым 1 -м. Этот обязывающий номер в списках императорского флота наследовали его сыновья и племянники. Для дочерей князя фамилия Максутовых была весьма достойной составляющей их приданого. Княгинями становятся, а княжнами рождаются. Автор считает обязательным рассказать о судьбе детей князя и некоторых их потомков. Полнота рассказа во многом определяется возможностью черпать сведения не только из документов, но также из семейных преданий, частью записанных, но не опубликованных. Семейные предания тем хороши, что никогда не осуждают близких. Этим и сплачиваются поколения. Напротив, в семьях, где морализаторство развито чересчур, узы слабеют и разрушаются.

Может быть, одна из тайных заповедей каждого древнего рода состоит в том, чтобы не уступать семью политической конъюнктуре, не давать идти брат на брата.

Князь был дважды женат. Детей у него было по современным меркам много — восемь. Трое от первого брака и пятеро от второго. От первого брака в семье Максутовых родились две дочери и сын, все на Аляске. Старшие дочери князя Анна и Елена (Нелли) умерли рано, в 27 и 24 года соответственно. Обе они были замужем. Князь много времени уделял внуку — сыну Анны Якову Несслеру, ставшему инженером-гидрологом. В целом судьба не была благосклонна к потомкам урожденных княжон Максутовых.

Александр Д митриевич 1862 г. р. в семье был прозван Сашка-Американец, как родившийся в Новом Свете. Он стал морским офицером в 1883 г., получил назначение на корвет «Аскольд». В 1886 г. молодой мичман был включен в команду корвета «Витязь». Этот новый бронепалубный крейсер сохранял еще парусное вооружение. Благодаря своему командиру капитану 1 -го ранга С. Макарову после выхода книги «Витязь» и «Тихий Океан» корабль стал легендой океанографии. Плавание было весьма примечательным. Выйдя из Крон**штадта** в конце лета 1886 г., «Витязь» прошел Портсмут и Лиссабон и через Магелланов пролив вышел в Тихий океан. После Вальпараисо, Маркизских и Гавайских островов корабль прибыл в Иокогаму. В то время на этот порт дружественной Японии базировались корабли русской эскадры. Корвет достиг восточных вод, обследовал залив Петра Великого в Японском море. Затем корвет направился в Индийский океан, прошел Суэцким каналом в Средиземное море и в 1889 г. вернулся в Кронштадт. По старинной морской традиции командир корабля давал имена самых достойных членов команды открываемым географическим объектам. Так, в заливе Пера Великого, точнее, в заливе Посьета в Японском море появился мыс Максутова, названный в честь молодого мичмана. Сам Александр считал это данью уважения к его отцу и погибшему дяде, чье имя он носил. Дмитрий Петрович дождался-таки увековечения родового имени на границах той самой мифической Великой Татарии. Сам Александр после кругосветного плавания уже не застал отца в живых.

На дне Константиновской бухты Императорской гавани экипаж «Витязя» обнаружил затопленный фрегат «Паллада» и обследовал его. Может быть, тогда Александр «заболел» водолазным делом, профессией по тем временам редкой. Таких офицеров-спе-циалистов до Первой мировой войны всего было подготовлено около полусотни.

В 1891 г. Александр был произведен в лейтенанты. Служил на корвете «Рында» и клипере «Стрелок». Дослужится он до капитана 2-го ранга и командира торгового порта Ревель. Подняться выше не позволило, скорее всего, здоровье. По рассказам близких, у него было больное сердце. Некоторое время он состоял при Министерстве путей сообщений по речному пароходству, плавал на судах Доброфлота. Остроумный, всегда подтянутый офицер женился на вдове с ребенком Софье Федоровне Шебекиной чуть ли не перед самой Первой мировой войной. В письме младшему брату он подчеркнул: «...знаю, что отца обвиняют в том, что он якобы стоял за продажу Колоний. Это вымысел и ложь. Некоторые записки отца, говорящие о верности того, что я Тебе пишу, были мною препровождены в «Морской сборник», но помещены не были и не были мне возвращены». Письмо датировано ноябрем 1917 г. Судьба Русской Америки занимала сыновей ее Главного правителя, когда сама Россия потеряла всякую надежду достойно выйти из мировой войны и впала в войну гражданскую. Александр Дмитриевич умер от истощения в октябре 1918 г. в

Петербурге, в том самом Басковом переулке, где прошло его детство. Он так и не успел осознать, что же произошло с Россией.

От второго брака у князя Д.П. Максутова было пятеро детей: три дочери и два сына. Представим сначала дочерей.

Княжна Александра Дмитриевна на ниве народного образования оказалась достойной правнучкой первого директора Казанского университета и теткой советского академика-астронома. В семейных преданиях она первоначально была Саша-девочка. При смене поколения превратилась в тетю Шуру. Третья дочь князя, или первая от второго брака, Александра родилась в Ново-Архангельске в 1865 г. После выпуска в 1884 г. из Смольного института жила у своей двоюродной бабушки Любови Васильевны Раевской. На Татьяне Раевской был женат ее дядя Петр Максутов. По воспоминаниям родственников, Александра была статной девушкой с таким чудным цветом лица, что кому-то он казался искусственным. Стремясь к самостоятельности, княжна стала работать гувернанткой, потом получила место классной дамы в далеком от столицы Оренбургском институте. Решительная и справедливая, она была замечена Императрицей Марией Федоровной. Мария Федоровна как лицо Императорской фамилии была не только шефом Гвардейского экипажа. Главным делом ее жизни стало развитие сиротских учебных заведений. Александра сделала хорошую карьеру, став инспектрисой классов и доверенным лицом матери Николая II. Мир тесен. Возможно, Мария Федоровна еще до встречи с Александрой Дмитриевной слышала о морских и сухопутных князьях Максутовых от их

приятеля А. Боголюбова, дававшего Императрице уроки живописи.

Принято считать, что тетя Шура взяла на себя заботу обо всех оставшихся братьях и сестрах, когда умер отец. Она помогала им материально и участвовала в устройстве их жизни. В семейных легендах сохранились упоминания, что из дворца за Александрой Дмитриевной присылали экипаж. Скорее всего, конный, а не мотор. Она могла быть даже фрейлиной. Есть семейная версия, что после того, как ее брат Дмитрий переехал в Одессу, Александра приняла предложение возглавить сиротский институт в Николаеве Херсонской губернии или в Полтаве. В тот же институт Александра пригласила и младшую сестру Марию. Есть противоречащие этой версии сведения, кажущиеся автору более правдоподобными. Если следовать справочнику «Весь Петроград» за 1917 г., то до самой революции Александра Дмитриевна была начальницей Сиротского института

им. Императора Николая I и проживала при институте на Мойке, 48. На месте, занимавшем почти квартал по набережной между Невским проспектом и Гороховой улицей, традиционно размещался Воспитательный дом, с 1848 г. ставший Николаевским сиротским институтом. Сам князь Дмитрий Петрович и не помнил другого назначения тех зданий. А были там прежде и усадьба первого российского генерал-адмирала Ф. Апраксина, и дворец графа К. Разумовского, последнего украинского гетмана. Как и в Первопрестольной, в Петербурге в то время воспитательные и сиротские дома не прятали подальше от глаз обывателя.

Педагогический профиль здания сохранился и после Октябрьской революции. В системе столичных воспитательных заведений России Николаевский сиротский институт занимал не последнее место. Самым престижным был Смольный институт, рангом пониже Ксенинский институт благородных девиц, названный в честь дочери Александра III. Эти заведения принимали дочерей дворян высокого ранга. На рубеже веков стараниями Марии Федоровны, вдовствующей Императрицы, получили развитие и учебные заведения для самых широких слоев населения. Но во многих из них-ключевые должности занимали смолянки, всегда ориентировавшиеся на порядки своего института.

Как видим, слова «Николаевский сиротский институт» можно прочесть по-разному. К тому же Николаевский институт был еще и в Одессе. Противоречивые версии не пугают автора Больше настораживает синоптическое описание событий и точные даты. Что же касается воспитательного эффекта, то реальные и мнимые

события имеют соизмеримый потенциал воздействия и на человека, и на отдельную семью, и на нацию в целом.

Личная жизнь, как у многих женщин, погрузившихся в педагогику, у Александры Дмитриевны не сложилась. После революций 1917 г. у Александры Дмитриевны хватило сил вернуться в Трофи-мовку под Пензу. Последние годы она жила частными уроками. Некоторые источники отмеряют ей срок до 1921 г. Брат же Дмитрий, ссылаясь на письмо сестры от октября 1925 г., утверждает, что она умерла в 1927. г. Скорее всего, он прав.

Сведения о младших дочерях князя Д. Максутова весьма скудны.

Мария Дмитриевна 1876 г. р., выпускница Смольного института, вышла замуж за горного инженера по фамилии Фитингоф-Шелл. Умерла в эмиграции в 1940 г.

———

Ольга Дмитриевна 1877 г. р. некоторое время работала в Николаевском сиротском институте. Она умерла в 1906 г. от туберкулеза

Из двух сыновей от второго брака у князя остался только один.

Владимир Дмитриевич родился в 1866 г. и умер в младенчестве при возвращении семьи Главного правителя из Америки в Россию.

Дмитрий Дмитриевич (семейное прозвище Уся) 1870 г. р. был первым ребенком князя, рожденным в России. Вслед за отцом и старшим братом Александром он стал морским офицером. После Русскояпонской войны во флотских списках он числился Максутовым 1-м. Морское училище закончил в 1891 г., получив чин мичмана. Затем служил на Черноморском флоте. Самая часто встречающаяся должность Дмитрия Дмитриевича до средины 90-х гг. позапрошлого века, отмеченная в «Послужном списке», — ревизор. Он служил ревизором на канонерской лодке «Уралец», пароходе «Колхида», минном крейсере «Гридень» и броненосце «Ростислав». Был в заграничном плавании в Константинополь на «Колхиде», которое длилось более года. «Колхида» была кораблем при русской военной миссии. Среди нескольких офицеров команды мичман Д Максутов был награжден турецким орденом Меджидие 4-й степени, принятию й ношению которого последовало Высочайшее разрешение. По существовавшим тогда на флоте и в армии правилам носить иностранные ордена, не имея русских, было не принято. А свой первый русский орден князь получил только в 1900 г.

Во время продолжительной миссии в Константинополь он

мог познакомиться с русским морским агентом в Турции Андреем Эбергардом, весьма многообещающим морским офицером. Андрей Августович до этого совершил кругосветное плавание на пароходе Доброфлота «Москва», будучи адъютантом управляющего Морским министерством адмирала И. Шестакова, и пересек Северо-Американские Соединенные Штаты сухим путем.

В 1895 г. Дмитрий Дмитриевич женился на дочери контр-адмирала Павла Абрамовича Ефремова Елене. Познакомились они еще года за два до этого радостного события в Николаеве. Влюбленные готовы были венчаться немедленно. Но свадьбу отсрочили до возвращения князя из длительного заграничного плавания. Женатый и обретший солидность в своих глазах мичман Дмитрий Дмитриевич перешел на коммерческие суда Доброфлота. Служба в торговом флоте становилась семейной традицией. Максутовы не уклонялись от выполнения долга, они умели воевать, побеждать и... погибать. Но редко кто из князей этого рода командовал кораблем в бою. Так получилось, что большинству из них удалось реализовать себя рядом с военным флотом. Очень близко, но все-таки рядом. Это ни хорошо ни плохо. Так сложилось.

В Доброфлоте мог успеть послужить еще сам Дмитрий Петрович. Но он был связан делами в Петербурге. В апреле 1878 г. Александр II своим Указом учредил «Комитет по устройству Добровольного флота на жертвуемые для сей цели суммы с временным действием». Еще не сформировавшееся окончательно общество приняло участие в перевозке русских войск на Балканский театр. Через год был принят Устав общества. Первым председателем общества был избран тайный советник К.П. Победоносцев. В 1883 г. управление Доброфлотом было передано в ведение Морского министерства.

Доброфлот многое перенял у Российско-Американской компании в организации службы и формировании команд. На его судах первоначально развевались почти компанейские флаги. Только орел был поменьше. Флаг был явной цитатой из колониальной истории. В 1898 г. орлы уступили место короне и почтовым рожкам. Судами командовали действующие офицеры флота. Так Дмитрий Дмитриевич получил чин лейтенанта, будучи 3-м помощником колмлерческо-го парохода. Из бывших нижних чинов флота набирались и команды. В любой день транспортные суда общества могли превратиться во вспомогательные крейсеры. Или, выбросив груз китайского чая за борт, принять десант. Императорское общество для содействия русскому торговому мореходству в честь 20-летия Доброфлота

направило ему поздравление, в котором отмечалось, что суда флота установили животворное общение коренной России с ее далекими окраинами и познакомили русских моряков с океанскими плаваниями для мирных целей. Эти слова могли быть отнесены и акционерной компании, державшей в свое время Русскую Америку. Традиционно суда Доброфлота носили имена русских городов. «Тамбов», «Ярославль», «Нижний Новгород» — таковы были корабли, на которых служил князь.

В Доброфлот Дмитрий Дмитриевич поступил 28 сентября 1896 г. в Николаеве. Дата и место фиксируются по подписи на фотографии одного из руководителей общества С.Я. Леонтьева: «Дорогому, милому и хорошему человеку Дмитрию Дмитриевичу Максутову в день поступления в Добровольный флот. Помоги Господи!»

Мичману Д. Максутову Доброфлот мог предложить место 3-го помощника капитана парохода «Тамбов». Когда же к концу

^^

года мичман приказом по Морскому ведомству произведен по линии в лейтенанты, он был назначен «2-м помощником капитана и суперкаргом» того же парохода. Суперкарго — должность офицера коммерческого судна, отвечающего за груз. Поскольку в военном флоте такая должность не предусмотрена, то князю пришлось осваивать обязанности практически с нуля, опираясь на имевшийся ревизорский опыт. Доброфлот использовал не только свои суда, но также фрахтовал иностранные. Так, князю пришлось послужить помощником капитана на французском пароходе «Альпы».

С начала XX в. князь служил уже не на судах, а помощником агента в конторе Доброфлота в Одессе. Он принял участие в так называемом походе в Китай в 1900—1901 гг. и даже пожалован приказом командующего морскими силами в Тихом океане соответствующей светло-бронзовой медалью. Награждать было за что: русские военно-морские силы оборудовали военно-морскую базу Порт-Артур, полученную в аренду у Китая в 1898 г. на 25 лет. Ляодунский полуостров, где находились порты Артур и Дальний, Китай потерял в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. При посредничестве Германии, России и Франции японцы вернули полуостров китайцам.

Кроме того, русские корабли посильно принимали участие в коалиционном подавлении боксерского (Ихэтуаньского) восстания, которое походило под лозунгами «Долой императорскую династию Цин, смерть иностранцам, да здравствует Китай». Боксерским национально-освободительное китайское движение той поры европейцы назвали по культу

кулака. Тайное общество восставших так и называлось «Ихэтуань» — «Кулак во имя справедливости и согласия». Повстанцы «во имя справедливости» уничтожали иностранцев и китайцев, уверовавших во Христа. Впоследствии в апреле 1902 г. Указом Святейшего синода № 2874 будет установлено празднование дня 222 китайских православных новомучеников, зверски убитых в Пекине в 1900 г. во время восстания «ихэтуаней».

Старый знакомый Д.Д Максутова А. Эбергард во время китайских событий командовал канонерской лодкой и даже был временным оккупационным градоначальником порта Инкоу.

В ходе подавления восстания, неслучайно совпавшего со строительством КВЖД, русские войска из Сибирского и Приамурского военных округов заняли Маньчжурию. Часть русских сил вошла в общий экспедиционный корпус, который насчитывал 13 200 русских, 21 000 японцев, 8400 англичан, 8200 немцев, 6800 француза

зов, 5600 американцев, 2500 итальянцев и 500 австрийцев. Летом 1900 г. на Дальний Восток началась отправка войск из Киевского и Одесского округов. Две стрелковые бригады были переброшены судами Доброфлота, отправлявшимися из Одессы. В июле 1900 г. хорошо знакомый князю пароход «Тамбов» был в восточных водах и обеспечивал перевозку русских войск, общая численность которых в Китае было доведена до 100 тысяч человек.

В ходе подавления восстания Россия смогла отстоять свои интересы в Китае перед союзниками и навязать их же самому Китаю. В марте 1902 г. в Пекине был подписан русско-китайский Договор о Маньчжурии. Россия обязалась в течение 18 месяцев поэтапно вывести свои войска из Маньчжурии при гарантии соблюдения определенных российских интересов в этом районе. *Новые* интересы России на Дальнем Востоке противоречили *новым* интересам Японии.

После 1905 г. арендные права на Порт-Артур русские переуступят японцам. Одним дальним портом Доброфлота станет меньше. Возможно, участие князя в китайском походе ограничивалось подготовкой судов в Одессе. Во всяком случае, из документов вовсе не следует, что князь лично отправился в Желтое море. Но в «Послужном списке» указаны две награды подряд: апрель 1900 г. — Святого Станислава III степени и апрель 1901 г. — Святой Анны III степени. Вторым орденом, несомненно, отмечены заслуги помощника агента Доброфлота в переброске войск на Дальний Восток.

В деле Дмитрия Дмитриевича-старшего отмечены редко встречающиеся награды, которые сегодня можно было бы назвать

ведомственными. Например, знак Святой Нины IV класса, полученный в 1903 г. по представлению Главного морского штаба, или светлобронзовая медаль на ленте Белого орла за всеобщую мобилизацию, полученная в 1915 г.

Суда Доброфлота совершали регулярные рейсы из Одессы до портов Тихого океана. Все рейсы князя были заграничными. Дмитрий Дмитриевич побывал в Японии и Китае. Из заморских сувениров в семье сохранился княжеский герб, вышитый японскими мастерами. Цвета не потускнели, позолота сохранилась. В Николаеве в апреле 1896 г. родился сын Дмитрия Дмитриевича Максутова, названный Дмитрием. Через два года семья переехала в Одессу, где и осела практически до Первой мировой войны.

Доброфлот князь оставил в 1908 г. по сокращению штатов. К тому же в это время было принято решение о передаче высшего заведования Добровольным флотом из Морского министерства в Министерство торговли и промышленности. А еще вводились ограничения но сроку службы военно-морских офицеров на коммерческих судах. В списках военного флота эти офицеры могли оставаться не более трех лет. Следующие два года у Дмитрия Дмитриевича были временем мучительного поиска пути.

Сохранилась фотография сыновей и внука последнего Главного правителя Русской Америки, сделанная в Одессе после 1910 г. В партикулярном платье Александр Дмитриевич, в форме Дмитрий Дмитриевич, между офицерами жена Дмитрия Дмитриевича Елена Павловна, сидят юный кадет Дмитрий (Дмитрий Дмитрие-вич-младший), его сестры и няня. Эту фотографию выросший кадет и будущий член-корреспондент советской Академии наук будет тщательно ретушировать, стирая погоны на своих и отцовских плечах.

Морской офицер почти вернулся во флот, во всяком случае, на боевой корабль. После Русско-японской войны военно-морской флот только возрождался. В то время как боевая служба на кораблях Министерства финансов шла полным ходом. С 1873 г. на Балтийском флоте существовала таможенная флотилия. В 1893 г. был создан Отдельный корпус пограничной стражи, подчинявшийся Министерству финансов. Первым шефом корпуса стал граф С. Витте. В 1897 г. таможенную флотилию из военно-морского флота передали так называемым пограничникам. В названии флотилии слово *таможенная* было заменено на *крейсерская.* Редкая птица не послужила именем для судов флотилии: «Орел», «Ястреб», «Кондор», «Ласточка» и другие.

Князь получил назначение на Балтику старшим офицером крейсера Ревельской бригады «Беркут». Этот паровой крейсер

вошел в состав флотилии в 1904 г. и мог считаться последним достижением военного кораблестроения в своем классе. Отсюда следует вывод о престижности должности, доставшейся вернувшемуся из торгового флота офицеру.

Как раз во время пребывания ДД. Максутова в корпусе были приняты важные документы, определявшие его функционирование: «Правила об Отдельном корпусе пограничной стражи» (1910 г.) и «Инструкции службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912 г.). Во многом это определялось решением российского правительства о расширении с 1 января 1910 г. морской таможен-

—

ной полосы с 3 до 12 морских миль. На суда флотилии возлагались обязанности: «...не допускать прихода кораблей и привоза товаров в такие места, где это недозволенно законом или особым распоряжением высшего таможенного начальства; наблюдать за судами, лавирующими или стоящими на якоре, как в таможенной полосе, так и вне оной, а равно не допускать мореходные суда свозить товары и людей на берег, или на другие суда, преимущественно на рыбацкие суда, а также принимать на борт что-либо, кроме лоцманов; задерживать суда, замеченные в пределах морской таможенной полосы в нарушении таможенных постановлений, и доставлять оные в таможенные учреждения и другие».

Плохо было то, что Ревель находился слишком далеко от Одессы, где оставалась семья князя. И капитан-лейтенант Д. Максутов вынужден был уволиться «от службы для определения к статским делам с переименованием в коллежского асессора». И служил он в Киевском округе путей сообщения инспектором судоходства почти до самой мировой войны. Потом все-таки восстановился в пограничниках с военно-морским чином. [1]

В начале 1914 г. князь Дмитрий Дмитриевич был командиром крейсера «Коршун» Одесской пограничной бригады и капитаном 2-го ранга. Должность он принял у лихого капитана 2-го ранга, кавалера Александра Иващенко, имевшего и морскую, и пехотную подготовку, служившего и в Амударьинской флотилии, и в гарнизоне Порт-Артура. Орден Святого Георгия он получил за то, что со своим взводом отбил у японцев пулемет и «действием захваченного у японцев пулемета окончательно уничтожил их, чем в свою очередь воспользовался бывший в боевой линии батальон». Кроме орденов с мечами и бантами, офицер получил золотое Георгиевское оружие. В целом лихие капитаны подбирались в пограничные флотилии. Князю Д. Максутову, не имевшему боевого опыта, приходилось им соответствовать.

Разумеется, отбор офицеров «Коршуна» был самым строгим.

Крейсер привлекался не только для борьбы с контрабандой, но также для охраны с моря царской резиденции «Ливадия». «Коршун» неоднократно сопровождал императорскую яхту «Штандарт». Правда, только в прибрежных плаваниях. Когда яхте нужно было с Черного моря перейти в Средиземное или Балтийское, в сопровождающие приглашали корабли покрупнее, в частности, крейсеры «Аврора» или «Алмаз». Последний раз «Штандарт» с царской

--

семьей оказался в охраняемых князем Д. Максутовым водах весной 1914 г.

В ту предвоенную, утопавшую в цветах Ялту прибыли Государь с наследником, Государыня с Великими княжнами, министр Двора, члены свиты и даже «друг» семьи Г. Распутин.

Сначала в апреле был проведен праздник «Белой Ромашки» с передачей благотворительных взносов в пользу больных туберкулезом. А уже 11 мая на молу Ялты был организован большой благотворительный базар в целях сбора средств для «морской санатории» в Нижней Массандре. В киосках базара можно было увидеть княгиню и княжон Барятинских, княгиню Орлову и мадемуазель фон Крузенштерн. А можно было и не увидеть, особенно с борта патрулировавшего «Коршуна», которым командовал князь Д. Максутов. Это было самое яркое, радостное событие на Черном море предвоенной поры.

Первая мировая война на Черном море началась с Одессы. 29 октября 1914 г. турецкие миноносцы прошли мимо Воронцовского маяка и начали взрывать суда в Одесском порту. В тот же день «Коршун» оказался «под огнем неприятеля во время бомбардировки крейсером-дредноутом «Гебен» Севастополя». Этот немецкий линейный крейсер в августе 1914 г. прорвался через Дарданеллы и был фиктивно продан Турции. Под турецким флагом с немецкой командой он доставил много неприятностей Черноморскому флоту. Конечно же «Коршун» из-за малости калибра своей артиллерии не мог достойно ответить «Гебену», но и не ушел с акватории, которую должен был защищать. С началом войны пограничный крейсер был переведен в состав военного флота с переименованием в посыльное судно. А к концу года его командир получил звание капитана 1-го ранга. С весны 1915 г. «Коршун» имел задачу охранять рейды.

Очередная война с Турцией на Черном море опять собрала представителей морских семей Максутовых, Глазенапов, Римских-Корсаковых, а позднее и Врангелей. Только в новых условиях пример Петропавловской обороны и осады Севастополя тактично

не вспоминали. Первый военный номер «Морского сборника» вышел с историей Петропавловского сражения в деталях. Но редакционная статья «Война объявлена...» ориентировала моряков черпать вдохновение в других исторических эпохах: «Россия должна победить. Урок 1904 г. не прошел для нее даром и теперь более, чем когда-либо, личный состав подготовлен к победе... Вместе с флотами наших союзников — Франции и Англии — выступит и наш флот. Пусть вспомнит он о славной победе своего Основателя у Гангута и в двухсотлетнюю годовщину ее покажет, что потомки достойны своих славных предков».

Князь Д. Максутов служил в различных отрядах Транспортной флотилии Черного моря на знакомых кораблях Доброфлота, которые, как им и предназначалось, стали военными транспортами. По «Положению о перевозке войск в Черном море» 1915 г. флотилия имела более 100 судов «из реквизированных по военно-судовой повинности отечественных пароходов, зафрахтованных иностранных судов и судов флота, назначенных в ее состав командующим Черноморским флотом». Основной базой флотилии была Одесса.

В 1916 г. Транспортная флотилия обеспечивала десантные операции на побережье Лазистана. Безусловный успех высадки и начала боевых действий позволял надеяться, что Кавказский фронт займет всю Армению и продвинется вдоль южных берегов Черного моря до самого Константинополя. Готовился и русский экспедиционный корпус для занятия берегов Босфора. Около 100 судов Транспортной флотилии должны были обеспечить перевозку войск. За участие в военных действиях князь получал знаки отличия к ранее полученным наградам. Так, в марте 1915 г. он был пожалован орденом Святой Анны И степени. А в мае 1916 г. «за отличное мужество и примерную распорядительность, проявленные в операции флота 13— 31 марта, награжден мечами» к этому ордену. К тому времени на Кавказском же фронте воевал и сын Дмитрия Дмитриевича — Дмитрий Дмитриевич-младший.

Капитану 1 -го ранга Д. Максутову довелось служить под командованием своего бывшего «турецкого» знакомого вице-адмирала А. Эбергарда, пока в середине 1916 г. его не сменил вице-адмирал А. Колчак. Именно он должен был организовать флот для действий в черноморских проливах. В то же время князь Д. Максутов был определен в береговой состав флота. Наверное, должность начальника отряда Транспортной флотилии не предусматривала выходов в море.

Февральскую революцию Дмитрий Дмитриевич встретил в должности начальника III отряда, а после революции принял IV

отряд. В это же «время перемен» его назначили членом Георгиевской комиссии.

^----

«Октябрьский переворот» князь встретил в заботах о семье. В распоряжении автора есть копия примечательного документа, составленного на рубеже эпох. Ограниченная документальная база автора начинается и завершается просьбами Максутовых позаботиться о детях.

«Начальник
IV отряда Транспортов
Транспортной Флотилии
Черного моря № 1576/273
7 октября 1917 г.
порт Туапсе
Командующему Транспортной Флотилией

РАПОРТ

Представляю копию послужного списка, копию аттестата на окончание курса наук дочери моей Елены в Одесском институте за № 874, а также удостоверение за № 2480, что моя дочь Елена и сын Константин живы и находятся при мне, и прошу ходатайствовать

0 выдаче мне следующих денег на воспитание их, согласно имеемых положений: дочь Елена, которая окончила курс института, где она воспитывалась на казенный счет, — на один год, т. е. до 18-ти летнего возраста (она теперь записана на высшие женские курсы на физико-математическое отделение в г. Одессу), сыну Константину впредь, т. к. ему исполнится 10 ноября текущего года 9 лет от роду.

Капитан 1 -го ранга князь Д. *Максутов* (подпись личная)».

Отец мог гордиться дочерью. В ее аттестате об окончании семи общих классов Одесского института Императора Николая I указана одна оценка «отлично» (12 баллов) по географии, остальные «очень хорошо» (11 баллов) и «хорошо» (9 баллов). Средний балл 10 и 19/32. Она была признана достойной награждения серебряной медалью и могла без особого испытания получить свидетельство на звание домашней наставницы. Дело имело перспективу.

Рапорт морского офицера в таких случаях должен был дойти до

1 -го отделения Главного морского штаба, ведавшего вопросами назначения пособий. Есть благожелательная реакция на этот документ начальства князя.

«Командующий

Транспортной Флотилией
Черного моря 22 октября 1917 г.
№ 57105
В Главный Морской 1Л?паб

Препровождая при сем рапорт Капитана 1 -го ранга Максутова вместе с копией его послужного списка и копией аттестата на окончание института Елены Максутовой, прошу о назначении пособия на воспитание детей, с выдачей денег из Казначейства города Туапсе.

Капитан 1-го ранга *Степанов* (подпись личная) Флагманский интендант старший лейтенант <..>

(подпись личная)».

Документ дошел до адресата 9 ноября 1917 г., чему свидетельствует печать: Главный Морской Штаб, стол воспитания детей № 1014 — 14 ноября 1917 г. Есть основание считать, что князь испрашиваемого пособия не получил. Да и сам Главный морской штаб к лету 1917 г. превратился в Главное управление по личному составу. С началом зимы в Петербурге стало не до Максутовых.

К месту будет упомянуть и о судьбе бывшего командующего Черноморским флотом А. Эбергарда, который вышел в отставку в те декабрьские дни и был принят на гражданскую службу новой петроградской властью. Большевики не могли не арестовать царского адмирала, но, вспомнив его справедливость в отношении бунтовавших когда-то матросов, нашли возможным отпустить и дать умереть своей смертью. Похоронили «совслужащего» в 1919 г. на том же Новодевичьем кладбище, где лежит Д.П. Максутов.

В 1920 г., может быть, впервые за всю свою службу выпускникам Морского корпуса было недосуг отметить День Павла Исповедника — свой корпоративный праздник. Теперь их вел не Павел, но Петр.

Князь Дмитрий Максутов-старший покинул Россию вместе с бароном Петром Врангелем в ноябре 1920 г. Почти за год до этого Вооруженные силы Юга России оставили ставшую близкой князю Одессу. Дмитрий Дмитриевич-старший и Дмитрий Дмитриевич-младший потеряли родной дом. Им не суждено было больше встретиться.

В приказе Главнокомандующего ВСЮР № 4187 от 8 ноября 1920 г. была выражена благодарность участникам безупречной (практически безупречной. — *В. Р.)* эвакуации почти «полутораста тысяч русских людей-воинов, рядовых граждан, женщин и детей». В конце ноября Черноморский флот был преобразован в Русскую эскадру под командованием вице-адмирала М. Кедрова, состоящую из четырех отрядов. Отдельно учитывались пароходы от Добровольного флота и Дунайского пароходства, подлежащие демобилизации в первую очередь.

Последняя должность капитана 1 -го ранга Д Максутова в Русской эскадре — помощник командира судна «Владимир», одного из самых больших транспортов Доброфлота. В составе эскадры, ушедшей из Крыма, было более 100 транспортов. Барон Врангель отдал приказание русскому военному флоту и коммерческим кораблям при входе в Константинополь поднять на фок-мачтах французский флаг, подтверждавший, что корабли могут быть приняты в обеспечение расходов, которые падут на Францию в связи с заботой об эвакуированных войсках и населении. Русские военные корабли, еще пугавшие врагов и союзников, любезные французы пригласили в Бизерту, поставив караулы из сенегальских стрелков. К гавани в Бизерте русский флот присматривался еще до войны. Союзная Франция, давно забывшая Крымскую войну, не возражала против усиления России в Средиземноморье. Но Бизерте суждено было стать не мощной военно-морской базой, а только «пристанищем беглых флотов». После Русской эскадры в 1939 г. здесь скрывалась испанская армада, уведенная мятежниками каудильо Франко, в 1940 г. — остатки флота побежденной Франции.

В представлении русских моряков их эскадра, поддерживающая дисциплину и порядок вдали от родины, была нужна для возрождения флота. «Морской сборник», издававшийся в Бизерте, отмечал в 1924 г.: «Мечты и радужные перспективы сыграть роль «ботика», из которого вылупится «флотик», кончатся разбитым корытом». Не забыта оказалась эпиграмма, написанная в 1855 г. на гибель Черноморского флота.

Андреевский флаг развевался над кораблями бывшего императорского флота до 29 октября 1924 г. Дата приведена по новому стилю, на который Русская эскадра перешла с момента прибытия в Константинополь. Андреевский флаг, под которым черноморские моряки вступили в войну 10 лет назад, был передан в Общество офицеров

Российского Императорского флота в Нью-Йорке. Князь Дмитрий Дмитриевич-старший мог видеть этот флаг, так как был принят в Общество в 30-х гг. прошлого века. Но сам он в Бизерте

не был. Есть сведения, что в Бизерте служил некий подпоручик Николай Максутов. Возможно, он был бековской линии. Среди морских офицеров, оставивших Россию в 1920 г., упоминается некий князь Ислям А. Максутов, выпускник ораниенбаумской Школы прапорщиков флота (мичманов военного времени). Соотнести его с какой-либо ветвью рода русских князей Максутовых не представляется возможным.

Команды транспортных судов оказались в более выгодном положении; их в Тунис не загоняли. Более того, за них можно было получить деньги в первую очередь. Это не боевые корабли продавать, которые лучше было приберечь на случай следующей войны. Поэтому команды транспортов много раньше команд военных кораблей оказались предоставленными сами себе. Дмитрий Дмитриевич сумел выехать в Сербию. Сам он признался, что оставил «милую, радушную, гостеприимную, братскую, близкую по духу Сербию» только в 1923 г. в поисках куска хлеба. Затем недолгое пребывание в Париже, который стал признанным центром русской эмиграции, смирившейся с исходом. Русскому морскому офицеру повезло устроиться на нефтеналивное судно «в кочегарном звании». С 1933 г. Д. Максутов получил должность на пассажирских линиях США. В это время в США возрождался интерес к русскому наследию на Аляске, многим географическим объектам давались имена деятелей РАК. Заинтересовался семейным прошлым и сын последнего Главного правителя российских колоний. Работая на тихоокеанских линиях компании «Грэйс лайн», он в своих странствиях смог добраться только до Сиэтла и опубликовал некоторые отцовские документы, касающиеся Русской Америки.

Православный священник, живший до 1940 г. на Аляске, отец Андрей (Андрей Петрович Кашеваров) в письмах Дмитрию Дмитриевичу подчеркивал: «Вы наш, Вы Аляскинский». Креольская семья Кашеваровых была хорошо знакома с семьей Максутовых по Русской Америке. Поэтому отец Андрей мог считать прибытие Дмитрия Дмитриевича в Америку возвращением на родину, хотя бы в утешение.

С 1937 г. князь Дмитрий Дмитриевич Максутов жил в Нью-Йорке, состоял в Обществе бывших русских морских офицеров в Америке. Умер он в январе 1952 г. в Вайнленде (штат Нью-Джерси, США).

Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джордан виде (штат Нью-Йорк). Сын последнего Главного правителя Русской Америки не дожил до 1959 г., когда президент США Д. Эйзенхауэр объявил Аляску 49-м штатом.

Наверное, Дмитрия Дмитриевича-старшего можно считать

последним русским морским офицером в роду Максутовых.

В 2005 г. в Санкт-Петербурге вышла книга Н. Рождественской «Морские судьбы за границей». Основываясь на «Бюллетене Общества бывших русских морских офицеров в Америке», выходившем в 30—40-х гг. в Нью-Йорке, Нина Петровна составила биографические статьи о многих морских офицерах-эмигрантах. Есть там страницы, посвященные Дмитрию Дмитриевичу Максутову-старшему.

Родство с царскими офицерами постоянно угрожало ссылкой или какой другой расправой Дмитрию Дмитриевичу-младше-му, внуку последнего Главного правителя. Да и сам он был белым офицером.

В 1906 г. Дмитрий поступил в Одесский Кадетский корпус, прервав морские традиции семьи. В 1913 г. он закончил корпус со средним баллом 11,95 из 12 возможных и получил права 1-го разряда вольноопределяющихся или 1 -й степени поступающих на военную службу по жребию. Кадет выбрал Военно-инженерное училище в Петербурге. Молодой человек успел закончить только ускоренные курсы радиотелефонии и получил назначение на Кавказский фронт. В августе 1914 г. началась «Вторая Отечественная» война, как ее тогда именовала русская пропаганда. Молодой князь был награжден, получил чин поручика и поступил в школу военных летчиков в Тифлисе. Возможно, авиацией молодой человек заболел еще в Одессе, уже имевшей в 10-х гг. XX в. свой аэроклуб. У всех на устах были имена одесских воздухоплавателей и летчиков Александра ван дер Шкруфа и Сергея Уточкина. Уже в это время над Одессой успел полетать на самолете И. Заикина очень внимательный наблюдатель А. Куприн.

Может быть, в душу князя запало Обращение Великого князя Александра Михайловича в первые дни войны.

«Грозный час испытания настал. Германия, вековой враг славянства, объявила России войну и, в союзе с Австрией, желает посягнуть на Могущество Нашей Дорогой Родины. По слову Своего ДЕРЖАВНОГО ВОЖДЯ, Русский Народ, как один человек, встал на защиту Своего Отечества.

Высочайше учрежденный Особый Комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования, давший Флоту и Армии, за десятилетнее свое существование, 23 *боевых судна и подготовивший значительное количество военных летчиков, несущих,* б ня-*стоящее время, боевую службу, направил ныне все свои средства на постройку самолетов и на непрерывную подготовку летчиков и авиационных мотористов, как из чинов Армии и Флота, так и из числа частных лиц, желающих служить,*

на правах охотников, в военно-авиационных отрядах.

Ко всем, кому дорого благо Великой России, обращаюсь с горячим призывом оказать состоявшему под Моим Председа? пельством Особому Комитету посильную помощь пожертвованиями на воздуги-ный флот — могучее оружие войны.

Великий Князь *Александр Михайлович. 2 августа 1914 г. С.-Петербург*

1) Прошения принимаются в канцелярии Высочайше утвержденного Особого Комитета — С.-Петербург, Офиг^ерская улица. Д. № 35.

2) К прогиению должны быть приложены документы, указанные в перечне требований, предъявляемых к желающим обучаться искусству летать на аэропланах или подготовляться к обязанностям авиационных мотористов».

Обращение завершалось адресами, где принимались пожертвования. Юноша готов был пожертвовать своей жизнью. Такая возможность представилась в самом разгаре войны в 1916 г., когда заведующий авиацией действующей армии Великий князь Александр Михайлович убедил Верховного главнокомандующего в необходимости создания истребительной авиации. Для этого потребовалась ускоренная подготовка кадров. Ускоренная — значит рисковая. Даже в старейшей школе авиации Московской в том году был всплеск аварийности. И в Тифлисской школе один из тренировочных полетов оказался неудачным; самолет чуть ли не развалился в воздухе. После падения с почти стометровой высоты поручик Д. Максутов надолго оказался в госпитале. Он мог бы стать первым русским летчиком из инженеров. До этого костяк российских авиаторов составляли бывшие кавалеристы, артиллеристы и моряки. Окончание Гражданской войны Дмитрий Дмитриевич-младший встретил в Харбине.

Автор поинтересовался, к кому в столице мог обратиться за поддержкой прибывший из провинции кадет Максутов. Из всех родственников есть, пожалуй, только один, к которому Дмитрий Дмит-риевич-младший не мог не пойти. В то время в столице служил замечательный офицер армейской пехоты Максутов Владимир Петрович. К началу войны 1914 г., которой русские еще не придумали названия, В. Максутов был сорокапятилетним подполковником. Родственник он был весьма далекий, по бековской ветви княжеского рода. Но человек замечательный. Он писал книги, такие как «История Древнего Востока. Египет и Финикия», «Война в ва-банк», составлял пособия по военной истории для военных академий, рецензировал в «Русском инвалиде» книги по тайной разведке (военному шпионству).

Занимал Владимир Петрович скромную должность журналиста в Особом делопроизводстве Отдела генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального штаба. Но к Генеральном штабу причислен не был, так как академии не кончал. В дореволюционном Справочнике «Весь Петербург» списки офицеров центрального аппарата Военного ведомства публиковались открыто. Что стояло за этим скучным казенным наименованием делопроизводства, публике было не так уж интересно. Так называлось сердце тайной (агентурной) разведки Российской армии. Возглавляли делопроизводство, насчитывающее до дюжины сотрудников, профессионалы высокого класса Николай Монкевиц и Оскар Карлович Энкель. Одно упоминание о близости к этим людям после 1918 г. могло в Советской России стоить жизни.

Генерал-лейтенант Н. Монкевиц в 1916 г. исполнял обязанности генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального штаба Русской армии, т. е. начальника разведки. После войны он эмигрировал во Францию и до 1926 г. состоял в Русском общевоинском союзе (РОВС). Ушел из этой организации и застрелился, а возможно, только имитировал самоубийство, чтобы вернуться в Россию. Судьба русского полковника О. Энкеля была более прямой. Во время войны он был военным агентом в союзной Италии. После войны вслед за К. Маннергеймом он вернулся на свою историческую родину, никогда не бывшую независимой. Начальник финского Генерального штаба — пик его военной карьеры. Фактически он построил «линию Энкеля» еще в 20-х гг. XX в. А в Зимней войне 1939—1940 гг. она получила название «линия Маннергейма». Оскар и его брат Карл участвовали в переговорах с Советским Союзом о перемирии 1944 г. Братья Энкель мягко уговорили президента К. Маннергейма уйти в отставку в 1946 г.

Владимир Петрович Максутов вел учет работы тайных агентов за линией фронта. А своих родственников, разбросанных на этой стороне фронтов, он отслеживал вообще легко. В конце 1916 г. квартир-мейстерский подполковник приехал в командировку в Батум, на который базировались силы флота, участвовавшие в десантной операции на турецком побережье. И здесь он встретился с Дмитрием Дмитриевичем Максутовым-старшим, непосредственным участником десантной операции. Сухопутный офицер подарил морскому книгу «История Древнего Востока, культурно-политическая и военная с отдаленных времен до эпохи македонского завоевания. Асси-ро-Халдея и Персия». Скорее всего, вез он ее специально, так как издана эта книга была еще в 1905 г. Трудно предположить, что во время войны ее возил

с собой кто-то из Максутовых, чтобы почитать на досуге. Владимир Петрович подписал ее так: «Дорогому кузену Дмитрию Дмитриевичу Максутову на сердечную память от любя-» щего Автора. 3 декабря 1916 г. г. Батум». Нельзя исключить, что это посвящение было адресовано Дмитрию Дмитриевичу-младшему. Хотя кузеном уместнее было бы назвать более близкого по возрасту Дмитрия Дмитриевича-старшего. В любом случае трое князей Максутовых, офицеров воюющих армии и флота, могли оказаться в одно и то же время в Батуме.

На этой дате и строчке о сердечной памяти автору очень бы хотелось остановить повествование. Все живы. Война неумолимо клонится к победе. В тот день жизнь Максутовых шла по восходящей. Все, что будет написано ниже, является следствием авторской инерции, мягким выходом из основной темы повествования. Жизнь — не пьеса и не роман с четкой композицией. Но отсутствие композиции компенсируется неразрывностью поколений.

Гражданская война разбросала Максутовых, строго наказала их, но смерти не предала. Отец и сын Максутовы, оба Дмитрия устремились в Америку. Причины подготовки к «судьбе изгнанников печальной» у отца и сына были разные. Отец не мог не уйти с Врангелем, куда бы тот ни уводил Русскую армию. Сын не знал, с кем он, но знал, куда идет. В Соединенных Штатах он хотел попасть в обсерваторию Маунт Вилсон и работать иод руководством Г. Ричи, ведущего американского специалиста по изготовлению астрономи-

ческой оптики. Сам Дмитрий Дмитриевич стал юным астрономом еще кадетом. В возрасте 15 лет он изготовил первое большое зеркало, возглавил астрономическую обсерваторию кадетского корпуса и проводил занятия по космографии. Русское астрономическое общество избрало его своим действительным членом. Оптика была страстью и делом всей жизни будущего член-корреспондента Академии наук СССР.

Дмитрий Дмитриевич не смог выехать из почти русского города Харбина в Америку. Не хвастаясь своим героическим офицерским прошлым, он вернулся в Россию и осел на какое-то время в Томском технологическом институте. Потом жил и работал в родной Одессе и в Ленинграде. Создавал оригинальные оптические системы, пока в 1964 г. смерть не прервала его занятия. В Соединенных Штатах телескоп системы Максутова так и называют «максутов», как кольт или макинтош. С жившими в эмиграции отцом и родным братом Константином советский ученый отношений не поддерживал. В феврале 1930 г. Дмитрий Дмитриевич был арестован среди множества прочих «врагов

народа». По его словам, никаких следственных действий не проводилось, людей расстреливали через одного. Но, не найдя в течение месяца доказательств его антисоветской деятельности, астронома освободили.

Могила знаменитого астронома, скончавшегося в 1964 г., находится в Пулкове. На надгробной плите черного мрамора выбита оптическая схема изобретенного им телескопа. Позднее на плиту добавили крест и полумесяц с княжеского герба.

Дочь советского астронома, уважаемая Татьяна Дмитриевна княжна Максутова живет в Петербурге, на Васильевском острове, и ждет не дождется завершения этого повествования.

Чтобы полнее показать пропасть, возникшую между Максутовыми после 1917 г., позволительно упомянуть о владыке Данииле (Александрове Дмитрии Борисовиче), внуке Дмитрия Дмитриеви-ча-старшего. Его матерью была дочь Дмитрия Дмитриевича Елена. Родился епископ в 1930 г. в Одессе. Отец, как бывший белый офицер, был репрессирован в 1938 г. В 1944 г. Дмитрий Александров эмигрировал из оккупированной румынами советской территории в Германию, затем в США, где и встретился с дедом. Молодой человек поступил в Свято-Троицкую семинарию и стал священником Зарубежной Русской православной церкви. Он окормляет старообрядцев, находящихся в единстве с православной церковью. Совет-

скому астроному американский епископ доводится двоюродным братом.

К приведенным сведениям о прямых потомках Главного правителя Русской Америки уместным будет сделать некоторые добавления касательно других отдаленных родственников князя Д. Максутова

В романе В. Пикуля «Каторга» автор очень давно встретил фамилию Максутов. Этот персонаж, слабовольный князь из сахалинских каторжников, был наделен писателем своей судьбой. Автору первоначально показалось, что романист, не раз вольно обращавшийся с отечественной историей, просто выхватил из большого рода Максутовых «бесхозную» биографию. Но не так все оказалось просто. О каторжнике Павле Максутове упоминает М. Розанов в изданной в США книге «Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922—1939. Факты-Домыслы-«Параши». Автор прочитал следующие факты и домыслы из жизни политических на Сахалине в электронном варианте: *«Утром пришли отбирать из этапа мастеровых: слесарей, сапожников, портных и прочих. Они будут жить по мастерским, там условия гораздо лучше. Гаврилов долго приглядывался к начальнику в тулупе и с книгой и, наконец, воскликнул: — Князь Павел, ты ли это ? Опухшими от*

пьянства глазами князь Павел все же узнал его: — Анатолий!? Какими судьбами? Здравствуй! Оба расцеловались. Оказывается — однокашники по кадетскому корпусу. Гаврилов потом рассказывал, что князь Павел Максутов, прокутив состояние, в минуту безденежья забрался к родственникам с целью грабежа... Максутов получил 10 лет каторги. Как грамотный, сразу взят в канцелярию с жалованьем в три рубля, а теперь получает 25 рублей (в месяц) и уже «начальство». Максутов ушел и взял Гаврилова вспрыснуть встречу».

К этому фрагменту есть примечание, дескать, не этого ли Максутова, только Дмитрия Петровича, могли встречать в 1924 г. в Петрограде, на Шпалерной, а в 1925 г. на Соловках. Или это разные лица, но родственники? «Соловецкий» князь был громадного роста и, гуляя по камере, плакал и говорил сам с собой. Он был морским офицером, потом перешел в Преображенский полк и по возрасту и по чину вполне мог быть этим «Павлом».

Автор считает, что Павел и Дмитрий — разные люди. В роду Максутовых был единственный морской офицер, перешедший в гвардейскую пехоту, — Дмитрий Петрович, племянник последнего Главного

правителя. Рожденный в 1873 г., он был сыном Петра Петровича, младшего брата Дмитрия Петровича, действительного статского советника. Того самого, который обосновался в Трофимовке Пензенской губернии. Он окончил Морское училище в 1893 г., чин мичмана получил в 1893 г., а в 1898 г. был лейтенантом и служил в 18-м флотском экипаже по крайней мере до Русско-японской войны. Согласно послужному списку, лейтенант Максутов Дмитрий Петрович в октябре 1903 г. был утвержден командиром 1-й роты эскадренного броненосца «Бородино», а в феврале 1904 г. назначен «делопроизводителем инспекторского смотра военно-исправительной тюрьмы Морского ведомства и командам, находящимся на Адмиралтейском Ижорском заводе».

Потом морской офицер ушел с флота, счастливо женился на княжне Полине Оболенской и дослужился до чина полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Советский лагерь и ссылка стали сравнительно мягким наказанием этому Д. Максутову за то, что он был царским офицером. Даже не белым. Этот Дмитрий Петрович дожил до 1942 г.[1]

Необходимо при случае «атрибутировать» Павла Максутова — князя-каторжанина, чтобы не бросать тень на весь княжеский род. Но это выходит за рамки авторской задачи.

Находятся Максутовы, которых автор не может отнести к

потомкам последнего Главного правителя Русской Америки. Так, мемуарист В. Гранитов, рассказывая о действиях Русского корпуса во время Второй мировой войны (II Великой Войны) на Балканах против сербских партизан, упоминает некого князя Максутова, воевавшего в юнкерской роте в декабре 1941 г. Русские юнкера убили в честном бою известного сербского партизана Вука (Волка). Воевать на стороне немцев — какая-то черная неблагодарность в отношении сербов, приютивших русских после изгнания из России в 1920 г.

Дальнейшее исследование биографии многочисленных потомков последнего Главного правителя Русской Америки, князя Дмитрия Максутова, живущих в России и в мире под фамилиями Фиттин-гофф, Несслер, Бутурлины, Горбатенко, выходит за рамки настояще-

го повествования. Эту честь следует уступить генеалогическим обществам.

Как видим, длительное время Максутовы по разным берегам океанов вынуждены были не только не общаться, но даже не вспоминать друг о друге. Реалии нынешнего века, казалось бы, позволяют восстановить единство разделенным семьям, ветвям некогда славных российских родов. Но для собирания семей нужно время не меньшее, чем для собирания земель, нужна общность исторической судьбы. Насколько были бы счастливее все Максутовы, если бы рок не разбросал их по свету без права переписки. Насколько была бы сильнее от этого Россия.

ПРОЩАЙ, АМЕРИКА?

На первый взгляд кажется, что Русская Америка — очень далекая земля и очень далекое прошлое. Аляска, пробыв некоторое время землей русского владения, не закрепилась в русском менталитете как Отчизна. Американский Юкон так и не стал великой русской рекой. Он проиграл соревнование с Амуром. Скорбь наших современников по утраченной Аляске контрпродуктивна. Не стоит спешить закрывать американскую страницу русской истории. Россия покинула Америку, оставив хорошее наследство континенту и выне-ся кое-какой опыт для себя. Раз придя на американский континент, русские уже не смогли его оставить.

Прежде всего, в Америке навсегда закрепилось православие. В конце Прошлого века в Кадьякской семинарии вопрос «Когда алеуты приняли православие?» считается уже некорректным. Любой священник на Аляске скажет, что алеуты были православными *всегда.* Глубоко прав Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, заметивший: «Православие не несло само по себе

русификации. Сохраняя свою культуру в Прибалтике, Финляндии, в Сибири и в Америке — народы сохраняли свою самобытность, становясь православными». Православные епархии континентальной части Соединенных Штатов становились центром культурной кристаллизации эмигрантов из Европы: и русских, и украинцев, и греков, и сербов.

Из всех российских институтов только православная церковь, подчиненная Святейшему синоду, выиграла от уступки колоний в Америке. И выиграла именно потому, что приходы православной

церкви не уступили. В сравнении с многовековым опытом выживания церкви, опыт частной компании остался практически обесцененным в новых условиях капиталистической мировой конкуренции.

Церковь, точнее сказать, первая православная миссия в Америке тоже первоначально делала ошибки в новообретенных землях, но сумела скорректировать курс. Опыта первой православной миссии в Америке для церковного управления было достаточно, чтобы не повторять ошибок впредь. Все просто — найди взаимопонимание с компанейскими, не перегибай палку в миссионерстве, как иеромонах Ювеналий. Этот бывший горный офицер был зверски убит своей перспективной паствой. И православная церковь не приравняла его духовный подвиг к подвижничеству легендарного проповедника Кук-ши, крестившего вятичей на заре русского христианства. Напротив, канонизированы были тихие миссионеры Герман и Иннокентий.

К концу пребывания русских на Аляске между церковью и администрацией была достигнута полная гармония. Отчасти потому, что на место барановской вольницы пришли относительно социализированные чиновники и промышленные, не терявшие голову от несусветных барышей. Да и барыши поуменьшились. Отчасти потому, что масштабная миссионерская деятельность была свернута. Лишь одиночки-подвижники в рясе отваживались забираться в глубинные районы Аляски.

В самом начале XIX в. Синод вообще было отказался окормлять американскую паству. Дескать, обойдутся заезжими корабельными священниками. Да и церковные кадры не особенно стремились на Аляску; лучше уж в солдаты. К 1811 г. вообще закрыли Американскую епископальную кафедру и перевели дела миссии в Иркутск.

И кто знает, как сложилась бы судьба православия в Америке, если бы молодой священник Иоанн Вениаминов не прибыл в Уналашкинский отдел. Он был и миссионером, и этнографом, и строителем. Его стараниями в 1840 г. епископальная кафедра в Ново-Архангельске была восстановлена. Иннокентий стал

епископом Камчатским, Курильским и Алеутским.

Вот уж кто не предавался смертному греху унынию. Именно он прозорливо предвидел расцвет православной церкви после уступки Русской Америки. В 1868 г. он стал главой Русской православной церкви — митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием. По предложению Православной Церкви в Америке Синод Рус-

—

ской Православной Церкви в 1978 г. канонизировал святителя Иннокентия. В свое время автор лично прибил на бывшей даче митрополита Иннокентия в Черкизове табличку, дескать, охраняется объект государством. Видать, слишком высоко прибил. Табличку не смогли прочитать, дачу не смогли охранить. Спалить, нельзя реставрировать. Так была поставлена запятая в этом предложении, несмотря на все усилия Московского историко-просветительского общества «Русская Америка» сохранить исторический объект.

В 1870 г. была учреждена епархия РПЦ Алеутская и Аляскинская, в 1872 г. ее центр был перенесен в Сан-Франциско. С конца 80-х гг. XIX в. богослужения в православных храмах стали проводить на английском языке с упоминанием президента США вместо традиционного упоминания лиц российской царской фамилии. Впрочем, до сих пор некоторые службы в Америке проходят на русском языке. Автору довелось прослушать аудиозаписи, сделанные в поселении Николай в глубине Аляски, с исполнением псалмов на церковнославянском языке индейцами, не знающими русского. В 1900 г. епархия стала называться Алеутской и СеверЬ-Американской, а в 1905 г. она была переведена в Нью-Йорк. Православная паства в Северной Америке росла, росли и приходы, объединяющие православных, постоянно и временно проживающих на континенте.

Когда в 1899 г. на верфи Ч. Крампа в Филадельфии спускали на воду крейсер «Варяг», молебен служил приглашенный из Сан-Франциско архиепископ Алеутский и Северо-Американский.

Православные храмы появились в Нью-Йорке и в Чикаго, был основан первый в Новом Свете православный монастырь (штат Пенсильвания), сложились условия для проведения первого Собора Православной Церкви Америки. С 1907 г. православная церковь стала именоваться «Русской Православной Греко-Кафолической Церковью в Северной Америке под юрисдикцией священноначалия от Церкви Российской» и объединять всех православных Америки независимо от национальной принадлежности. К тому времени значительно возросло число иммигрантов из Российской империи и традиционно

православных стран Сербии, Греции, Румынии и Сирии.

В Соединенных Штатах появилось новое поколение священников, не связывающих себя исторически с Россией; они родились в Новом Свете, язык их предков зачастую не был русским. Однако большинство американских православных иерархов служили до этого в России и туда же возвращались. Сложная американская кафедра была и у Тихона Белавина (Беллавина) в 1899—1907 гг., будущего Патриарха Московского и всея Руси. Американские приходы были ступенями роста и проверкой компетентности многих иерархов РПЦ.

С 1920-х гг. начался церковный раскол, вызванный закреплением нового политического режима в России. Сложился так называемый юрисдикционный плюрализм. Руководители американских православных общин не признавали нового церковного руководства из Москвы, пытались сохранить самостоятельность или примкнуть к «Заграничному архиерейскому Синоду» в Карловцах (Югославия). Многие современные иерархи православной церкви осуждают этот отход от Матери-Церкви.

В 1924 г. Детройтский собор принял постановление о временной автономии Православной Церкви Америки. А в 1937 г. Всеамериканский собор в Нью-Йорке закрепил эту автономию. Со времени установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. Русская Православная Церковь сочла возможным утвердить Э(кзархат Московского Патриарха в Северной и Южной Америке, объединивший верные Матери-Церкви приходы. Экзархат был упразднен в 1970 г. в связи с дарованием автокефалии ПЦА. В настоящее время в США, Канаде и Латинской Америке существуют отдельные приходы юрисдикции Московского Патриарха.

Военно-политическое сближение СССР и США во Второй мировой войне вызвало сближение церковное. В 1943 г. был избран Патриарх Московский и всея Руси Сергий. Формой признания Московского Патриарха стало указание американского митрополита (в расколе) Феофила поминать Сергия во всех православных храмах в Америке. В 1946 г. Всеамериканский собор в Кливленде подавляющим большинством голосов принял решение просить Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I принять ПЦА в лоно Матери-Церкви. Однако шаг был только обозначен, но так и не сделан. Митрополит Феофил, возглавлявший американскую церковь в 1935—1950 гг., до самых последних своих дней оставался последовательным «раскольником». Волны церковно-организационного сближения отражают волны сближения политического. В конце 40-х гг.

объединение церквей оказалась все-таки не возможным.

Первая официальная встреча представителей церквей прошла по всем дипломатическим канонам в Женеве и в Токио в 1969 г. С середины позапрошлого века русско-американские дела были

неотделимы от русско-японских. Православная церковь в Японии до 1946 г. подчинялась РПЦ, но американские оккупационные власти вынудили расторгнуть эти отношения и подчинить ее ПЦА. И только в 1970 г. Японская православная церковь получила автономию.

ПЦА после Второй мировой войны стала автокефальной. С 1971 г. она называется Православной Церковью в Америке и считается 15-й Церковью Вселенского Православия. В своем составе имеет 16 епархий, более 500 приходов и около миллиона паствы. Традиционно наиболее влиятельными остаются Берклийская и Калифорнийская, Ситкинская и Аляскинская епархии. Церковь является членом Всемирного Совета Церквей и членом Национального Совета Церквей Христа.

Православной Церкви в Америке принадлежат четыре мужских и два женских монастыря, учебные заведения. Среди них ведущее — Свято-Владимирская Духовная Академия в Крествуде около Нью-Йорка, признанная высшим учебным заведением США. В Аляскинской епархии открыта семинария им. Святого Германа Аляскинского. Церковь имеет несколько периодических изданий, например «The Orthodox Herald», «Russian Orthodox Journal». Есть издания и на русском языке. Существуют различные общественные организации, связанные с церковью, такие как Федерация русских православных клубов, Всеамериканская организация православных женщин. Верховным иерархом ПЦА является Митрополит всея Америки и Канады.

Отношения РПЦ и ПЦА активизировались с 1990-х гг. после интронизации Патриарха всея Руси Алексия II. Блаженнейший Феодосий посетил Москву. Было открыто подворье ПЦА в Москве. РПЦ также держит свои подворья в Новом Свете. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II посетил Северную Америку в 1991 и 1993 гг. Именно в 1993 г. во время посещения Аляски и Калифорнии патриарх узнал об указе президента России Б. Ельцина № 1400 о роспуске Верховного Совета. Патриарх смог прибыть в Москву только 28 сентября. Политический кризис, как помним, произошел 3—4 октября.

Следует учитывать, что ПЦА не является единым центром конфессиональной идентификации русских, проживающих в Америке. В Соединенных Штатах есть приходы Вселенского и Антиохийского патриархов, Русской зарубежной церкви.

В США стабильно существуют и сектантские общины, вытесненные в свое время из России. Так, по данным Энциклопедии американских этнических групп, только в Калифорнии проживает около 20 тысяч русских молокан. Сильная старообрядческая община существует на Аляске. Пришедшие в 70-х гг. XX в. из Орегона русские староверы даже основали «Русскую морскую компанию». В США есть Русская пятидесятническая церковь. Движение пятидесятников возникло в конце XIX в. в США и до начала XX в. в России не проявилось. Поэтому приехавшие из России могли только примкнуть к этой церкви. Определенное влияние пятидесятники сумели оказать на последующие волны иммигрантов.

Поскольку автор рассматривает Русскую Америку как исторический феномен в определенных географических границах, приведем пример так называемого следового влияния русского православия. В штате Аляска сегодня проживает около полумиллиона человек, из которых 80 тысяч — представители коренных национальностей — алеуты, эскимосы, тлинкиты. Те, в свою очередь, на 80% православные. Таким образом, на Аляске православных более 60 тысяч, или 13%. Аляскинская епархия имеет 86 приходов. За последние 25 лет в этом штате освящено почти 40 православных храмов. Подавляющее большинство священников из местного населения. Для ряда эскимосских общин православие является первичной идентификацией.

Выходцы из Российской империи осваивали не только Аляску. Они постепенно оседали в других районах Соединенных Штатов. Со времен экспедиции Беринга—Чирикова 1741 г. многим нашим соотечественникам Америка казалась землей обетованной. Нельзя исключить, что пропавшие с корабля А. Чирикова матросы банально сбежали. К сожалению, эта непатриотическая версия событий хорошо согласуется с фактами. Собственно, что ждало матросов в Сибири? То же полуголодное существование, нужда и муштра. Косвенно на возможность такого исхода указывает инструкция М. Ломоносова полярной экспедиции В. Чичагова, написанная через четверть века после броска В. Беринга в Америку: «В случае бунта солдат — судить их военным судом и казнить виновных; ропщущих держать в железах». Академик, сам в молодости дезертировавший из иностранной армии, хорошо знал душу русского солдата, находящегося равноудаленно от подвига и от плахи. Один знакомый автору американец, постоянно проживающий в Ситке, сказал, что он бы так не поступил, безнадежно. Мол, никакой цивилизации, на тысячи миль вокруг одни индейцы. А нужна ли была русским эта цивилизация. Да и что такое для русских,

прошедших бескрайнюю Сибирь, окружение диких племен. Покоряли, знаем. Тем более с огненным боем. Мы иногда забываем, что с ермаковских времен некоторые племена в Сибири и в Америке назвали русских «людьми с огненным боем».

Разумеется, есть и другие версии пропажи людей Второй Камчатской экспедиции: утонули, захвачены или уничтожены индейцами. Но версия сговора с целью покинуть корабль столь же равноправна. Не могли русские матросы так просто дать себя захватить или убить. Они были профессионалами, опыт которых оттачивался годами и отнюдь не в тепличных условиях. Вряд ли их можно было бы принудить остаться. Они были готовы править индейцами или достичь «европ-ских владений» по завету Петра Великого. Может быть, именно потому, что осторожный В. Беринг не доверял своей команде, он и не задержался в открытой им Америке долее 10 часов. А ведь готовился к этому 10 лет. Зная «эмигрантские» настроения команды, он увел пакетбот от греха подальше домой. Некоторые беринговцы вернулись в Петропавловск после зимовки на Командорах. Некоторые оставшиеся волей или неволей в Америке чириковцы положили начало новому родо-племенному образованию «белых и бородатых». Так они остались в индейских легендах, доходивших до русских в течение последующих полутораста лет.

До 1867 г. в США прибыло не более 8 тысяч выходцев из России. Империя начала отпускать своих подданных в поисках лучшей доли за границу только с 1881 г. С этого времени иммиграция из России в США и Канаду стала превышать 10 тысяч в год. С начала XX в. до Первой мировой войны в Северную Америку въехало почти 2 миллиона бывших подданных Российской империи. Значительные волны иммиграции были после Октябрьской революции и во второй половине прошлого века.

Выходцы из России вписались в экономическую, культурную и политическую жизнь США, внеся весомый вклад в развитие американской нации.

Многие имена наших соотечественников за рубежом бесспорно признаны как абсолютные по вкладу в мировую цивилизацию. Это, прежде всего, В. Зворыкин — «отец телевидения», И. Сикорский — талантливый авиаконструктор, П. Сорокин — выдающийся социолог.

—

Как правило, эти выдающиеся деятели представляют собой только верхушки русских айсбергов. Это можно проиллюстрировать, например, вкладом русских в американскую авиационную промышленность. Так, в частности, в корпорации

«Сикорский», созданной в 1923 г., работали десятки, если не сотни, русских «авиационных» эмигрантов. Среди них мог бы оказаться и военный летчик князь Дмитрий Дмитриевич Максутов. В США успешно работали авиационные фирмы Северского, Струкова, Бенсена и других. Лучшие американские боевые самолеты от истребителя Второй мировой «тендерболт» до современного штурмовика А-10 были разработаны беженцами из России. Иногда фамилии наших соотечественников неразличимы за иностранными масками. Так, Михаил Григорашви-ли, создатель первого канадского боевого самолета, разумно сократил свою фамилию до Грегор. В целом страны Нового Света, созданные иммигрантами, признают вклад русских в создание своей идентичности.

Конгресс русских американцев создал «Палату Славы» для увековечения памяти выходцев из России и их вклада в создание и становление США, их право на уважение в американском обществе, особенно среди «белого ядра» нации. При общем «оцветнении» и латинизации населения США повышается статус выходцев из Европы, в том числе и из России во всех ее конфигурациях прошлого века.

Независимые государства, вышедшие из векового союза с Россией в конце прошлого века, сегодня тоже ищут корни своих национальных диаспор в Америке, и тем активнее, чем глубже у них противоречия с Российской Федерацией. Украинцы, кроме Агапия Гончаренко, претендуют на генерала армии северян Джона Турчина (Ивана Васильевича Турчанинова). Наверное, обретая историческое сознание, Грузия будет претендовать на авиаконструкторов Михаила Григорашвили и Александра Картвелова (Картвели). Да и самого Дмитрия Дмитриевича-младшего могут попытаться «забрать». Ведь он учился летному делу в Тифлисе. Труд напрасный; все они были русскими. Существует несколько приукрашенное свидетельство, что после Первой мировой войны американские финансисты соглашались вкладывать средства в авиационные предприятия, только если половина инженеров на них будет русскими. И не важно, как читались их фамилии — Аккерман, Исламов или Бьювид.

Следует оговориться, что нет тождества между понятиями русский, православный, российский. Православные русские американцы ощущают себя гражданами Соединенных Штатов. Это хорошо иллюстрирует известный художественный фильм 1978 г. о вьетнамской войне «Охотник на оленей», где спор о пацифизме и расизме решается американцами на фоне жизни их православной общины. В свою очередь, национальные корни и православная идентификация не являются ограничениями в

карьере или причиной для политического недоверия к потомкам выходцев из России. Многие потомки русских иммигрантов занимали и занимают высокие административные и военные посты в США. Показателен пример Бориса Пашковского (Паша), сына митрополита Православной церкви в Америке Феофила (Пашковского). Каждый, знакомящийся с историей создания атомной бомбы в США, не может пройти мимо начальника службы безопасности Манхэттенского проекта полковника Паша. Этот контрразведчик организовал борьбу со шпионажем на объектах американской атомной программы, самой секретной за всю историю Соединенных Штатов. Он с недоверием относился, в частности, к Р. Оппенгеймеру, вывозил специалистов по атомной тематике из Германии, Франции и Норвегии. Именно он определял объекты германской атомной программы, отходившие в советскую зону оккупации, которые американцы должны были уничтожить. Судя по послужному списку полковника, идентификация Б. Паша с Соединенными Штатами и американским истеблишментом была полнейшая. В той или иной мере это характерно для большинства потомков иммигрантов из России.

Современное американское общество успешно интегрировало европейцев, африканцев, китайцев, японцев и выходцев из нашего Отечества. Тем более что в эмиграции из России всегда было много противников режима, какой бы он ни был. При всем при этом особо ценна положительная комплиментарность, возникающая у русских, проживающих на разных континентах, при обращении к истории православной Русской Америки.

Покидая Америку в XIX в., Россия вывезла не только своих подданных, но и неоценимый опыт масштабного хозяйствования, пусть не лучший и не всегда востребованный. Опыт этот мог бы пригодиться для работы над ошибками. Одну из таких работ над ошибками Россия проделала в ходе Русско-японской войны, покусившись на лесные богатства Кореи на реке Ялу совсем по русско-американскому сценарию. Политическая группировка вокруг русского трона, получившая название «клики Безобразова», разработала план лесной концессии на Корейском полуострове с последующим поглощением территории соседнего государства. Частнопредпринимательская рубка леса в ближнем для тогдашней России зарубежье поддерживалась армией и флотом, базировавшимся на Владивосток и Порт-Артур. Японцы начали боевые действия с ближайшего к лесным богатствам корейского порта Чемульпо, где застали крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец».

В нашей стране со времен Российско-Американской

компании государственная мощь и частный капитал научились сливаться воедино. Трудно сказать, хорошо это или плохо. В конкретных условиях начала XX в. это было преступным. Потом — по-разному. Но сойти с этого пути Россия уже не может. К сожалению, муза истории Клио может предостерегать от повторения ошибок, но не дает рецептов на будущее.

Обвинений в адрес российского самодержца и его кабинета, отдавших Аляску, может быть выдвинуто очень много. Недоглядели, продались, разорили... Смысла в этом не много. Что толку обвинять руководство РАК в том, что компания не смогла освоить недра континента Золотая лихорадка на Аляске началась почти 30 лет спустя после продажи российских колоний.

Уступка территории не вызвала потока беженцев в Россию, способного подорвать доверие к режиму. Да и людей, лично пострадавших от потери Аляски, в стране было сравнительно мало. Не было нанесено глубокого удара по самосознанию великороссов; отдали фактически территорию свободную от претензий других государств. Американцы в целом уважительно отнеслись к русскому наследию на Аляске. Во время сближения США с Советским Союзом в 30-х гг. прошлого века на карту Аляски нанесено много русских имен, наверное, не без сигналов из Госдепартамента.

Так, один из лидеров защиты русского наследия на Аляске и в Соединенных Штатах Виктор Петров описывал свое морское путешествие из Сиэтла в Ситку в середине 70-х гг. прошлого века по географическим названиям русского происхождения. Автор приводит кроки этого маршрута, составленного по примечательной книге «Русские в истории Америки» вашингтонского издания Русско-Американского исторического общества: порт Врангель, залив Толстого, полуостров Костюшко, остров Этолина, остров Зарембо, пролив и острова Кашеварова, пролив и пик Чичагова, остров Врон-ковского, город Петербург, остров Миткова, острова Соколова и

Сергеева, громадный остров Купреянова, залив Тебенькова, залив Петрова.

Это все до столицы штата Джуно и города золотоискателей Ска-гуэй. Далее до Ситки мимо островов Чичагова и Якоби узким проливом Лисянского.

Весь остров Баранова, на котором находится Ситка, изобилует русскими названиями: озеро Баранова, озера в честь его детей Екатерина и Антипатр, озера Резанова, морехода Бенземана, Туманова, Сашина. На острове высится пик Розенберга.

И это далеко не полный перечень русских названий на

Аляске, сохраненных или данных новыми хозяевами территории.

Российско-американские отношения до 1945 г. не сошли с того магистрального пути сотрудничества, который был определен Аляскинским договором. Во время Второй мировой войны исторически общая территория Аляски и Алеутской гряды стала ареной военного сотрудничества США и Советского Союза. Трасса перегона самолетов, поставляемых США в СССР, проходила через Фэрбенкс и Ном. Более половины всех самолетов, переданных Соединенными Штатами Советскому Союзу за время войны, проделали путь Аляска—Чукотка. Через Тихий океан, порты Владивосток и Петропавловск прошла также большая часть всех поставок в Советский Союз по ленд-лизу. Маршрут судов был проложен от портов тихоокеанского побережья США через Датч-Харбор — военноморскую базу на острове Уналашка. Именно против этой базы были направлены основные усилия японского командования после разгрома Пёрл-Харбора. В июне 1942 г. база Датч-Харбор была подвергнута бомбардировке. Японский десант был высажен на крайних алеутских островах Кыска, Шемуа и Атту. Снабжение десантов японцы осуществляли с Курильских островов. В марте 1943 г. с острова Парамушир вышел японский конвой, собравший почти все силы флота Японии в северной части Тихого океана. 26 марта состоялось известное в истории морское сражение у Командорских островов. Японский конвой не прошел. Американцы всегда искали возможности отомстить японцам за разгром в Жемчужной гавани. Уже в мае 1943 г. они смогли вернуть захваченные территории. На освобожденных Алеутских островах были развернуты авиабазы для действий против японских войск на Курилах. Поврежденные в боях американские бомбардировщики часто шли на вынужденную посадку на Камчатку.

Как видим, распространенное представление, что на землю США никогда не ступала нога захватчика, не совсем точное. В американском менталитете эпизод японской оккупации закреплен в контексте общего противостояния США и Японии на Тихом океане, хотя известен больше специалистам, чем широкой публике. Такие географические названия, как Мидуэй, Корал Си и Окинава, имеют более глубокий ментальный след у американцев, чем Атту и Кыска. Но все-таки повоевали американцы за купленные у России земли.

Безусловно ценен навык российского политического руководства по созданию мягкого политического режима на отдаленных территориях. Российская империя всегда удерживала свои окраины не шаблонно. В этом была ее сила. С

геостратегической точки зрения Аляскинский договор следует отнести к успехам России. Он позволил империи избежать бесперспективных столкновений, оптимизироваться в других границах и продолжить свое развитие. Нельзя не учитывать, что после ухода из Америки Россия продолжала расширяться до самой Первой мировой войны.

Россия уступкой Аляски сделала зону Берингова пролива если не зоной сотрудничества, то, во всяком случае, зоной здоровой конкуренции. Сотрудничество или противостояние США и России в северо-западной части Тихого океана мало зависят от политических режимов двух стран. Регион диктует свою логику развития политической ситуации. Территориальное урегулирование в этой зоне вовсе не завершено, на какие бы договоры ни ссылались дипломаты. Появились новые факторы, влияющие на «окончательное решение» аляскинского вопроса. Аляска обречена оставаться в российскоамериканских отношениях как единица сравнения, своего рода политико-литературный троп — стилистический оборот, в котором произошел семантический сдвиг слова от прямого значения к переносному.

Так, М.С. Горбачев в свое время честно заявлял: «У СССР нет экспансионистских амбиций... У нас нет территориальных претензий к Соединенным Штатам даже в отношении Аляски и Русского Холма в Сан-Франциско». Подводя итоги переговоров по стратегическим вооружениям между СССР и США в Рейкьявике, завершившихся явно в пользу США, американский конгрессмен Э. Марки сказал, что «русские сделали лучшее предложение со времени продажи Аляски».

В нынешнем веке Аляска нужна России, так же как Чукотка Соединенным Штатам. Аляска была одной из самых больших территориальных российских потерь. Но территория имеет не только протяженность, но и размещение. Казалось бы, относительно мелкие территориальные потери Россия может пережить спокойно. Например, отдаленные острова. Это вытекает из весьма распространенного заблуждения, что Россия всегда воевала за территории и ресурсы. Россия воевала и за стратегическое расположение, за торговые пути, базы флота и прочее. Значимость региона Чукотка — Аляска сегодня определяется не только богатствами его недр или биоресурсами, но и рассчитанными траекториями баллистических ракет, которые могут полететь навстречу друг другу. Конечно же в 1867 г. никто не мог предположить, что средства вооруженной борьбы получат такое развитие. Сегодня есть надежда, что эти средства не будут применены.

Нельзя утверждать, что Аляскинский договор избежит пересмотра Дело не в незыблемости международного права Безупречные в правовом отношении земли Суттера в Калифорнии, где когда-то стояла русская колония Росс, были разграблены. Частный корыстный интерес оказался выше закона Когда стало выгодно, некоторые политики пренебрегли Хельсинкскими соглашениями о нерушимости границ в Европе. Вовсе не Россия инициирует возвращение утраченных земель. Напротив, существует мнение, что в позапрошлом веке Россия чего-то недоуступила тихоокеанскому соседу. В конце 90-х гг. прошлого века в американской периодике была предпринята попытка доказать необходимость передачи США российского острова Врангеля в Чукотском море. Дескать, он принадлежит американцам по праву первооткрывателей.

Аляскинский договор определял западную границу уступленных территорий через точку в Беринговом проливе по 65 градусам и 30 минутам северной широты в ее пересечении с меридианом, отделяющим на равном расстоянии острова Крузенштерна от острова Ратманова. Эта граница направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе теряется в Ледовитом океане. Граница не была проведена жестко потому, что никто всерьез не придавал значения обладанию полярными водами. Остров Врангеля, открытый несколько позже уступки, при любом раскладе оказывается к западу от указанной линии, т. е. в российских владениях. Остров действительно несколько раз открывали американские китобои и канадские «естествоиспытатели». С таким же успехом можно открывать многочисленные необитаемые острова в шхерах Балтики, Ладоги и Белого моря. Что автор в своих странствиях проделывал неоднократно.

Мало ли чего бесхозного можно найти в своих и чужих территориальных водах.

В 1916 г. правительство России в связи с вот-вот открывающимся Северным морским путем подчеркнуло, что «считает следующие острова составляющими неделимое целое с Империей: о-в Генриетта, о-в Беннета, о-в Жаннета и о-в Уединения, которые вместе с Ново-Сибирскими островами, островом Врангеля и другими, расположенными близ азиатского берега Империи, образуют продолжение материка Сибири в северном направлении». После Первой мировой войны, пользуясь слабостью новой России, остров Врангеля пыталась было занять Канада. Логика оккупации всегда исторически конкретна. В начале 20-х гг. Канада и США боролись уже не за воду или территорию, а за кратчайшую воздушную линию Европа—

Америка. Заветный остров мог бы стать базой такой линии. В 1921 и 1923 гг. над островом Врангеля поднимался британский флаг. В 1924 г. вопрос об иностранном присутствии на острове был закрыт особой гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана на канонерской лодке «Красный октябрь» (бывший портовый ледокол «Надежный»). Возглавлял экспедицию Борис Владимирович Давыдов, выпускник Морского корпуса и полковник Корпуса гидрографов, разумеется бывший. Не потомок ли того гардемарина В. Давыдова, помогавшего князю Д. Максутову командовать батареей в Петропавловске? На острове был водружен флаг СССР, а группа неудачливых колонизаторов вывезена во Владивосток. Они были отпущены, впрочем, не без мытарств и потерь.

Оказалось, что вопрос острова Врангеля был закрыт только в тех конкретно-исторических условиях. Идея актуализации территориальных претензий к России всегда будет находить сторонников в мире. В 2005 г. появились предложения пересмотреть многосторонний договор о Шпицбергене 1920 г. Продолжается спор и о так называемых северных для Страны восходящего солнца территориях, которые осваивала Российско-Американская компания.

Если немножко потеплеет климат на планете, число желающих предъявить претензии на полярные земли и воды России возрастет многократно. Даже при нарушении тенденции к потеплению сохраняется тенденция к уменьшению массы льда в северных морях. Полярные воды могут освободиться ото льда. Сбудется мечта М. Ломоносова попасть из Архангельска на Камчатку через высокие широты. Поэтому в мире появилась «продуктивная» идея пересмотра статуса арктических проливов как внутренних вод России в рамках Международной программы изучения Севморпути. Лиха беда начало. У России может остаться только один союзник в отстаивании арктического сектора — Аргентина, претендующая на свой сектор в Антарктиде. Идея возвращения Мальвин и обладания далеким югом становится в Аргентине национальной. Российское же общественное мнение пока равнодушно к проблемам Крайнего Севера. Равно как и проблемам людей, его населяющих.

В условиях преодоления спорных территориальных вопросов прецедент уступки Аляски и разграничения владений всегда будет востребован. Есть ли у россиян встречные иски к Америке? Автору об этом неизвестно. Можно с самой большой трибуны сказать, что Россия не поддерживает ни аляскинских сепаратистов, ни техасских, ни калифорнийских. А таковые имеются. Какая из держав может заявить, что не поощряет

сепаратистов внутри России?

Мысль о возвращении исторических владений прежним хозяевам уже робко постучалась в головы американцев. В ноябре 2005 г. в газете «Вашингтон пост» появилось предложение вернуть Аляску России. Цену назначить, разумеется, с учетом много прибавленной стоимости. Возвращение Аляски сможет, дескать, поправить американскую экономику и удовлетворить реформаторские амбиции русских. Но скорее всего, Аляска в данном контексте — фигура какого-то доказательства или демонстрации для внутреннего американского пользования. Бывшую Русскую Америку вспомнили, чтобы привлечь внимание американцев к их же американским проблемам. Как справедливо заметил один дипломат, современник Д. Максутова: «Мысль изреченная есть ложь». Но идея запущена в массы и обретет независимую от контекста судьбу.

Современная борьба русских за Русскую Америку — не борьба за возвращение территорий. Россия в 90-х гг. прошлого века потеряла столько земель и соотечественников, что та далекая уступка кажется мелочью. Страшно, что Россия теряет русских в самом широком смысле этого слова. Не только собранные земли распадаются, распадается самосознание народа. Борьба за Россию европейскую, азиатскую и американскую — это борьба за сохранение идентичности нации, за сохранение Русского Мира.

6 (18) октября 2006 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ДМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА МАКСУТОВА

1832, 10 мая — в семье управляющего Пермской удельной конторой, коллежского асессора князя Петра Ивановича Максутова родился сын Дмитрий.

1843, 20 марта — поступил в Морской корпус.

1847,8 февраля — умерла мать князя Анна Ильинична урожденная Яковкина.

19 апреля — из кадет Морского корпуса переведен в гардемарины, вступил в Балтийский флот, служил на кораблях «Лефорт» и «Андрей».

1849, 1 июня — произведен в мичманы и получил назначение на Черноморский флот.

1849—1850 — служба на Черном море на парусных кораблях «Мидия», «Варна» и пароходе «Боец».

1851,28 апреля — произведен в лейтенанты с назначением в Камчатский 46-й экипаж.

1852, июль—сентябрь — участие в секретной экспедиции на

корвете «Оливуца» по маршруту Аян—Петропавловск.

1853, 31 марта — убыл на корвете «Оливуца», участвовал в плавании посольской эскадры Е. Путятина в Японию.

1854, 21 июня — прибыл в Петропавловский порт, назначен помощником капитана над портом. Приступил к строительству батареи № 2.

1854, 20 августа — первое сражение с англо-французской эскадрой из шести судов.

24 августа — второе сражение, отбит десант, ранен брат Александр.

10 сентября — скончался от ран лейтенант фрегата «Аврора» Александр Дмитриевич Максутов.

14 сентября — на американском бриге «Нобль» отправился в Аян с донесением Государю.

26 ноября — прибыл в Петербург, представлен генерал-адмиралу и Государю. Докладывал об успешном отражении противника от Петропавловского порта.

1 декабря — произведен в капитан-лейтенанты со старшинством от 24 августа, получил орден Владимира IV степени с бантом.

31 декабря — награжден орденом Святого Георгия IV класса.

1855, *19 июня* — назначен исправлять должность капитана над Николаевским портом на реке Амур.

1856, 2 мая — сдал должность капитана над портом, вернулся на корвет «Оливуца», на котором убыл в Японию.

Октябрь—ноябрь — пребывание в Японии во время обмена ратификационными грамотами Симодского трактата

1857, 17 сентября — на «Оливуце» вернулся в Кронштадт.

1857, 28 сентября — переведен в 5-й флотский экипаж с назначением старшим офицером корабля «Орел».

28 октября — награжден орденом Святого Станислава II степени, получил медаль в память войны 1853—1856 гг., которой был награжден 26 августа 1856 г.

1858, ноябрь — завершил службу на корабле «Орел».

12 декабря — получил предложение занять должность помощника Главного правителя в Русской Америке.

1859, 19 января — Высочайшим приказом по флоту назначен помощником Главного правителя Российско-Американских колоний.

4 февраля — венчался с Аделаидой Ивановной урожденной Буш-ман.

Март—июль — вместе с женой находился в пути от Петербурга до Аяна.

1 сентября — прибыл с женой к месту назначения в колонии.

1860, 11 января — родилась дочь Аня.

1861, 6 августа — родилась дочь Елена (Нелли).

19 декабря — убыл на судне «Камчатка» в Калифорнию сам командиром.

1862, 1 января — произведен в капитаны 2-го ранга.

24 февраля — привел «Камчатку» из Сан-Франциско.

^

3—15 *мая* — командовал секретной экспедицией в устье реки Стикин на корабле «Великий князь Константин».

6 сентября — родился сын Александр.

19 декабря — кончина Аделаиды Максутовой, первой жены князя.

1863, 12 мая — убыл из Ситки с дочерьми, оставив сына у Фуру-хельмов.

2 декабря — назначен исполняющим должность Главного правителя Росссийско-Американских колоний.

1864, 22 января — венчался с Марией Владимировной урожденной Александрович.

7 *февраля* — через Европу и США выехал в Русскую Америку.

11 мая — прибыл в Ситку на корвете «Богатырь».

1865, 24 июня — родилась дочь Александра.

1866, 1 января — произведен в капитаны 1-го ранга с утверждением в должности.

25 *мая* — родился сын Владимир.

1867, 6 октября — передача Русской Америки Соединенным Штатам.

11 октября — кончина в Перми отца — Петра Ивановича Максутова.

1868, 31 декабря — российский консул Д. Максутов оставил Ситку.

7 *января* — убытие семьи князя из Америки в Россию.

1869, 16 сентября — прибыл в Петербург из американских колоний.

22 *ноября* — зачислен на действительную военную службу, определен в 8-й флотский экипаж.

1870, 13 августа — родился сын Дмитрий.

1871, 18 сентября — оставил военно-морской флот для «службы на коммерческих судах», занял должность директора в Американской Торговой компании, арендующей Командорские острова.

1871—1873 — состоял представителем Торгового дома «Гутчин-сон, Кооль, Максутов и К°» в Санкт-Петербурге.

1873, 27 марта — пожалован орденом Святой Анны II степени.

1873, 29 сентября — вернулся в военно-морской флот, зачислен в 8-й флотский экипаж. Принял участие в правлении коммерческих компаний, участвовавших в реконструкции Мариинской водной системы.

1876, 18 мая — родилась дочь Мария.

1877у 13 шюня — родилась дочь Ольга.

1879у 15 шюня — назначен временным членом Военно-морского суда при Санкт-Петербургском порте.

3 шюля — объявлена несостоятельность князя Д. Максутова.

1881 у 19 шюня — скончалась Мария Владимировна, вторая жена князя.

1882, 17 мая — произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

2 оюпября — дело о несостоятельности князя завершилось принятием мировой сделки.

1883, 1 октября — старший сын Александр произведен в мичманы.

1884, 31 мая — дочь Александра выпущена из Смольного института.

1885, 28 февраля — скончалась дочь Нелли.

15 сентября — сын Дмитрий поступил в Морское училище.

1886, 31 августа — сын Александр ушел на корвете «Витязь».

1887, 2 мая — кончина дочери Анны.

1889,21 марта — скончался контр-адмирал князь Дмитрий Петрович Максутов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.И., Морозов Б.Н. **Освоение русского Дальнего Востока: Конец XIX века- 1917 г. М., 1989. ’**

Белявский К., **протоирей. Очерк истории церкви Морского Кадетского Корпуса. СПб., 1900.**

Болховитинов $Н_КН$. **Русско-американские отношения и продажа Аляски 1834-1867. М.: Наука, 1990.**

Борщаговский АМ. **Русский флаг. М.: Советский писатель, 1955.**

Волков С. В. **Офицеры флота и Морского ведомства: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004.**

Волков С.В. **Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.**

Гончаров И.А. **Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. М.: Государственное издательство географической литературы,**

1951.

Гранитов В.В. Первый бой // Русский Корпус на Балканах во время II Великой Войны. 1941—1945 гг.: Воспоминания соратников и документы / Под общей редакцией Н.Н. Протопопова и И.Б. Иванова. СПб., 1999.

Гринев А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741—1867). Новосибирск: Наука, 1991.

Давыдов Б.В. В тисках льда: Плавание канлодки «Красный октябрь» на остров Врангеля. Л., 1925.

дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья / Под ред. С.В. Думи-на. М.: Ликоминвест, 1996.

Защитники отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем / Составитель Б.П. Полевой. Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство, 1989.

Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701—1825 гг. М.: Центрполиграф, 2005.

История Русской Америки: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Меж-дунар. отношения, 1999.

Коршунов Ю.А. Когда океан соединяет: Из истории дружественных отношений флотов России и США. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.

.1^

Аобач-Жученко Б. Б. Записки последнею гардемарина. М.: Андреевский флаг, 1993.

Максутов Д.Д. Из прошлого Российско-Американских колоний. Нью-Йорк: Изд-во Общества бывших русских морских офицеров в Америке, 1939.

Митрофанов В.П., Митрофанов П.С. Школы под парусами: Учебный парусный флот XVII—XX вв. Л.: Судостроение, 1989.

Накамура Синтаро. Японцы и русские: из истории контактов / Перевод с японскою с сокращениями. Общая редакция доктора исторических наук Б.Г. Сапожникова. М.: Прогресс, 1983.

Новиков Н.В. Операции флота против берега на Черном море в 1914— 1917 годах. СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2003.

Новодевичье кладбище / Составители Н. Маркина и др. СПб.: Белое и черное, 2003.

Общий Морской список. Часть X. Царствование Николая I. СПб., 1898.

Петров А.Ю. Российско-Американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799—

1867). М.: ИВИ РАН, 2006.

Петров В.П. Русские в истории Америки. Вашингтон: Издание РусскоАмериканского Исторического Общества, 1988. М.: Наука, 1991.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815—1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005.

Саитов С. Г. Петербургский некрополь. СПб., 1912.

Свердлов А.М. Три страницы из истории Русской Америки. М., 1999.

Скурат К.Е. История Поместных православных церквей: В 2 т. М.: Русские огни, 1994.

Ушанов В. В. Работа над картиной, изображающей торжественную передачу Аляски Соединенным Штатам 18 октября 1867 г. в Ситке // Русский Американец. 1982—1985. № 18. С. 155—165.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М.: Наука, 1971.

Черепнин Н. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. 1764—1914. Т. III. Петроград, 1915.

Чичагов П.В. Записки. М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2002.

Pierce Richard A. Builders of Alaska: The Russian Governors 1818—1867. Fairbanks, Alaska; Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1986.

Pierce Richard A. Russian America: A Biographical Dictionary.

Fairbanks, Alaska; Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1990.

РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота. СПб.):

ф. 405. Военно-морской суд С.-Петербургского порта (1802—1882).

ф. 406. Послужные и формулярные списки чинов Морского ведомства.

ф. 410. Канцелярия Морского министерства. Петроград. (1836—1918).

ЦГИА (Центральный государственный исторический архив. СПб.).

Алфавит лиц, погребенных на кладбище Новодевичьего монастыря 1886— 1903 гг.

ф. 639, оп. 1, д. 2.

Научно-просветительное издание

Владимир Рокот
КНЯЗЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Д.П. МАКСУТОВ

Ответственные редакторы *С.А. Сапожников, В.А. Благово* Редактор *И. В. Карлина* Художественный редактор И.А. *Озеров* Технический редактор *И.В. Травкина* Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.08.2007. формат 60х90'/|б- Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского». Печать офсетная. Уел. печ. л. *22,0.*

Уч.-изд. а. 20,57 + 2 альбома = 22,70.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 2887.

ЗАО «Центрполиграф*

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15 E-MAIL CNPOL@DOL.RU

www.centrpoligraf.ru

ОАО «Московская типография №2*

129085, Москва, пр. Мира, Юз. Тел.: 682-24-91

notes
1

К тому времени он развелся с Полиной (Пелагеей) Александровной Оболенской, женился вторично на Вере

Ивановне. Оболенская не искушала судьбу и эмигрировала. Она умерла в 1930 г. в городе Сан-Ремо в возрасте 54 лет. (*Примеч. ред.)*